

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ

13

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2018

УДК 94 «04/14»
С 75

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 18-19-00085)

Редакционная коллегия:

д. и. н. А. А. Горский (отв. редактор)
д. и. н. И. Г. Коновалова (зам. отв. редактора)
член-корр. РАН С. М. Каштанов
д. и. н. В. А. Кучкин
д. и. н. А. В. Назаренко
к. и. н. С. В. Полехов (отв. секретарь)
д. и. н. Л. В. Столярова
д. и. н. А. С. Усачев
член-корр. РАН Б. Н. Флоря

Средневековая Русь. Вып. 13 / Ответственный редактор
А. А. Горский. — М.: «Индрик», 2018. — 296 с.

ISBN 978-5-91674-498-9

ISBN 978-5-91674-498-9

© Текст, Коллектив авторов, 2018
© Оформление, Издательство
«Индрик», 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

В очередной, 13-й выпуск сборника «Средневековая Русь» вошли статьи, посвященные различным аспектам истории Руси X–XVII вв. В них рассматриваются такие проблемы, как царская экономика государства Святослава Игоревича в свете западных и восточных параллелей, история ограничения крестьянских переходов в Северо-Восточной Руси XV в., освещение биографии германского короля Филиппа Швабского русскими источниками, история Тарусского княжества, возникновение и развитие церковного почитания князя Федора Ярославского, история русской церкви в конце XV в., а также особенности имянаречения на Руси. Завершается сборник рецензией на труд о восточных славянах в Венгерском королевстве до XIV в.

СТАТЬИ

Б. Н. Флоря

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПЕРЕХОДЫ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ В СЕРЕДИНЕ — ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV ВЕКА

Вопрос о крестьянских переходах в России в середине — второй половине XV в. привлекал к себе серьезное внимание и в дореволюционной, и в советской историографии. Было собрано и рассмотрено значительное количество фактов, которые стали предметом оживленной дискуссии. Как представляется, некоторые важные итоги были подведены в ряде разделов монографии А. Л. Шапиро о русском крестьянстве XIV–XVI вв.¹ За прошедшее время после выхода книги А. Л. Шапиро круг известных фактов никак существенно не расширился. Новое обращение к теме связано с тем, что, как представляется, некоторые аспекты темы остаются непроясненными. Запреты крестьянских переходов в середине XV в. — несомненный факт, но остается неясным, чем мотивировались при этом действия княжеской власти, каких целей она при этом рассчитывала добиться и какова была судьба этих запретов в последующее время. Другой сюжет касается условий крестьянского перехода, как они обрисованы в «Судебниках» 1497 и 1550 г. Условия эти в настоящее время хорошо известны, и в их понимании нет разногласий. Однако неясно, как они соотносятся с аналогичными установлениями в других странах восточной части Европы, например в Польше. Нормам крестьянского перехода в средневековой Польше уделил внимание в своем труде «Крестьяне на Руси» Б. Д. Греков². Связано это было с тем, что эти нормы в XV в. использовались для регулирования крестьянского перехода на территории Галицкой Руси. Однако развернутого сопоставления древнерусских и польских норм Б. Д. Греков не дал. Между тем, так как условия жизни польского крестьянства в настоящее время достаточно хорошо изучены³, то сопоставление польских и древнерусских норм может дать важный материал для понимания уровня развития и характера древнерусского общества середины — второй половины XV в.

¹ Шапиро А. Л. Русское крестьянство перед закрепощением (XIV–XVI вв.). Л., 1987. С. 13–14.

² Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.; Л., 1946. С. 342 и сл.

³ См. об этом: Разумовская Л. В. Очерки по истории польских крестьян. М.; Л., 1959.

С середины XV в. древнерусских документах, адресованных и духовным, и светским землевладельцам, появляются запреты принимать на территорию тех или иных владений важную часть сельского населения. Часть эта, как убедительно показано исследователями, обозначалась рядом терминов, относившихся к одному социальному слою, — люди «данские», «тяглые», «письменные». Речь идет о сельских жителях, несущих «тягло» и уплачивающих дань, и поэтому внесенных писцами в «данские книги»⁴. В некоторых документах запрет был выражен иначе: запрещалось принимать и «письменных», и «неписьменных» людей⁵, но такой запрет, по-видимому, не имел широкого распространения. Самый ранний документ, в котором зафиксирован такой запрет, — грамота 1448/49 гг. Троице-Сергиеву монастырю на суздальское село Шухобалово⁶. Большинство упоминаний запрета приходится на документы конца правления Василия II и начала правления Ивана III (50–60-е гг. XV в.).

Более внимательное рассмотрение формул запретов в документах позволяет отметить, что запрет касался «людей... великого князя», т. е., очевидно, тех плательщиков «дани», внесенных в «данские книги», которые проживали на великокняжеских — государственных землях. В пользу такого понимания говорят некоторые более конкретные свидетельства. Так, в грамоте великой княгини Софьи Витовтовны Троице-Сергиеву монастырю на владения в Нерехте читается: «не принимати им к собе из моее волости, из моих сел никого»⁷. Особый интерес представляет грамота Ивана III 1464 г. на владимирские села — одно из главных владений митрополичьей кафедры. Здесь читается: «А людей моих писменных из моих сел, великого князя, и матери моее, великое княгини, сел отца моего митрополита приказщиком не принимати»⁸. Все это позволяет сделать вывод, что церковным и светским землевладельцам запрещалось принимать прежде всего «тяглых» крестьян — плательщиков дани с великокняжеских («государственных») земель. В научной литературе обсуждался вопрос о санкциях, которые могли последовать за нарушение запретов, и в этой связи было справедливо обращено внимание на грамоту кн. Андрея Васильевича Меньшого

⁴ Упоминание об этих книгах см. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (далее — АСЭИ). М., 1958. Т. II. № 386.

⁵ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков (далее — АФЗХ). М., 1952. Т. I. № 212; АСЭИ. М., 1964. Т. III. № 179.

⁶ АСЭИ. М., 1952. Т. I. № 221.

⁷ АСЭИ. Т. I. № 237.

⁸ АФЗХ. Т. I. № 210.

Кирилло-Белозерскому монастырю, где читается, что если монастырь примет таких людей, то их «наместники и волостели и их тивуни судят и кормы свои емлют на них»⁹.

Такой характер санкций позволяет понять условия, в которых принимался запрет, и причины его установления.

Такие санкции устанавливались в условиях, когда многие светские и духовные землевладельцы обладали крупными не только судебными, но и податными привилегиями, освобождавшими в целом ряде случаев от уплаты главного государственного налога — «дани». Так, например, в уже упоминавшейся грамоте на село Шухобалово читается: «А писцы мои и данщики тех людей в мою дань не пишут, ни дани на них не емлют»¹⁰. Аналогичные формулы нетрудно обнаружить в целом ряде документов этого времени.

Понятно, что пользовавшиеся такими привилегиями владения могли стать привлекательными для крестьян, проживавших на землях великокняжеского домена, которые в этих условиях становились главным источником поступлений в великокняжескую казну. Между тем, как убедительно показал в свое время Л. В. Черепнин¹¹, в условиях долголетней феодальной войны 30–40-х гг. XV в. волостные земли домена пустели, люди уходили, а их заброшенные наделы захватывали сильные соседи. Проведение писцовых описаний и установление охарактеризованных выше запретов должно было способствовать изменению такого состояния домена.

Важно обратить внимание на еще одну сторону сложившегося положения дел. Великокняжеская власть была заинтересована не только в том, чтобы удержать крестьян на землях великокняжеского домена, но и в привлечении новых рабочих рук для освоения запустевших земель.

В этой связи есть смысл снова обратиться к грамоте Ивана III 1464 г. митрополиту Филиппу. Вслед за запретом принимать на земли митрополичьей кафедры крестьян из великокняжеских сел в документе читается: «Также и моим [...] приказщиком и посельским из отца моего из митрополичьих сел людей его не принимати». Это, однако, уникальный документ, появление которого связано с высоким саном митрополита. Во всех остальных случаях речь идет об одностороннем запрете, не закрывавшем для княжеской администрации возможность «принимать» на княжеские земли крестьян с земель духовных и светских землевладельцев.

⁹ АСЭИ. Т. II. № 199; Шапиро А. Л. Русское крестьянство... С. 190–191.

¹⁰ АСЭИ. Т. I. № 221.

¹¹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М., 1951. Ч. 2. С. 232–235.

Как княжеская администрация это положение использовала, позволяет судить ряд документов. Прежде всего следует назвать уже привлекавшую внимание исследователей¹² грамоту кн. Михаила Андреевича волостелю Волочка Словенского. Из нее видно, что волостной староста получил княжескую грамоту, по которой разрешалось «примати» «серебрянников» (крестьян-должников) из владений Ферапонтова монастыря «межень лета и всегда», т. е. в любые сроки, а свой долг серебрянник будет уплачивать в течение двух лет «без росту»¹³. Это свидетельство особенно ясно показывает стремление княжеской власти, устанавливая охарактеризованные выше запреты, одновременно использовать институт крестьянского перехода, чтобы пополнить свои владения рабочей силой, не считаясь с традиционными сроками.

И это свидетельство не единично. Сохранилась и другая грамота кн. Михаила Андреевича, адресованная «бояром, и детем боярским, и околичником и поселским», которые отказывают «серебрянников» Кириллова монастыря «иных о Рождестве Христове, а иных о Петрове дни»¹⁴. Судя по грамоте вологодского князя Андрея Вас., подобная ситуация существовала и в его владениях¹⁵. В этом ряду может быть названа и грамота Ивана III в Ярославль, где после присоединения Ярославского княжества в 1460-е гг. в. принимались меры для укрепления великокняжеского домена¹⁶. Грамота была адресована ярославскому наместнику «и в волости волостелем и вашим тивуном, и вашим заказником», которые «отказывают» крестьян из владений Троице-Сергиева монастыря «межи Юрьева дни», т. е. не считаясь с традиционными сроками крестьянского выхода¹⁷.

Таким образом, княжеская власть на разных территориях стремилась использовать в своих интересах институт крестьянского перехода. Представители княжеской власти, по-видимому, были готовы принимать даже «серебрянников», не выплативших свои долги.

Описанная система мер, как представляется, отражала реакцию княжеской власти на положение вещей, сложившееся с развитием

¹² Шапиро А. Л. Указ. соч. С. 144.

¹³ АСЭИ. Т. II. № 326.

¹⁴ Там же. № 136.

¹⁵ Там же. № 177.

¹⁶ См. известное свидетельство Ермолинской летописи о ярославском наместнике И. В. Оболенском: «у кого село добро, ин отнял, а у кого деревня добра, ин отнял да отписал на великого князя» (ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 158).

¹⁷ АСЭИ. Т. I. № 338.

крупного привилегированного землевладения, с одной стороны, и запустением княжеского домена после длительной феодальной войны, с другой.

Некоторые аналогии такой политике древнерусской власти могут быть указаны в действиях польских правителей, правда, гораздо более раннего времени, но следует учитывать, что процесс формирования крупного привилегированного землевладения, прежде всего церковного, начался в польских княжествах гораздо раньше, чем в Древней Руси. Так, известно, что в 1267 г. кн. Казимир Куявский предписал всем свободным людям (не «приписанным» к церковному учреждению для его обслуживания, а свободно поселившимся на церковных землях) под угрозой конфискации имущества переселиться из церковных владений на земли князя и его вассалов. Первый правитель объединенной Польши Владислав Локетек около 1326 г. издал эдикт, по которому свободным людям запрещался переход с государственных и дворянских земель на земли церкви¹⁸.

Следует остановиться на судьбе запретов, ограничивавших в России середины XV в. свободу крестьянского перехода.

В 50-х — начале 60-х гг. XV в. круг людей и учреждений, затронутых такими запретами, был достаточно широким. Они фигурируют в великокняжеских грамотах, касавшихся владений митрополичьего дома¹⁹ и таких монастырей, как Троице-Сергиев²⁰, Симонов²¹, Чудов²², Кириллов²³, Спасо-Евфимьев²⁴, и даже такой небольшой обители, как Никольский Шартомский монастырь²⁵. В те же годы аналогичные запреты фигурируют и в ряде жалованных грамот светским феодалам²⁶.

Аналогичные запреты обнаруживаются в грамотах серпуховского кн. Василия Ярославича, а затем в грамотах удельных князей — сыновей Василия II²⁷.

Однако даже по отношению к 50-м — началу 60-х гг. XVI в. далеко не во всех грамотах фиксируются такие запреты. Так, сохранилась це-

¹⁸ *Grodecki R.* Polska piastowska. Warszawa, 1969. S. 283–287, 582–584.

¹⁹ АФЗиХ. Т. I. № 210, 212.

²⁰ АСЭИ. Т. I. № 199, 221, 278; *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 368.

²¹ АСЭИ. Т. II. № 359, 360, 373.

²² АСЭИ. Т. III. № 72.

²³ АСЭИ. Т. II. № 169.

²⁴ Там же. № 473, 475.

²⁵ АСЭИ. Т. III. № 97.

²⁶ Там же. № 79, 101, 179.

²⁷ АФЗиХ. Ч. I. № 86, 96; АСЭИ. Т. I. № 291, 305; Т. II. № 180.

лая серия жалованных грамот, выданных Иваном III Троице-Сергиеву монастырю в начале его княжения. Запреты, ограничивающие переход крестьян на монастырские земли, в них отсутствуют²⁸.

Такие запреты встречаются все же в отдельных документах 70–80-х гг. XV в. Наиболее поздние среди них — грамота великой княгини Марьи Ярославны на костромские села и варницы Троице-Сергиева монастыря²⁹ и грамота Ивана III 1486 г. Вас. Ознобише на села в Суздальском уезде³⁰. Не исключено, что в ряде случаев речь шла о воспроизведении представленных на подтверждение документов. Сложившаяся к 50-м гг. XV в. ситуация уходила в прошлое, и отпадала необходимость во введении разного рода чрезвычайных мер. Не исключено также, что власть нашла другие пути для достижения своих целей. Показательно, что в упомянутых выше грамотах Ивана III начала 60-х гг. XV в. на разные владения Троице-Сергиева монастыря отсутствовало освобождение от главного государственного налога — дани.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что ограничение крестьянского перехода в Северо-Восточной Руси в середине XV в. никакого отношения к процессу закрепощения хотя бы в начальной его фазе не имело и отражало реакцию власти, характерную для феодального общества развитого Средневековья, а не для процессов последующего времени.

Выступления богатых и влиятельных обитателей против мер, принятых властью, дали в распоряжение исследователей ряд сведений о крестьянском переходе в середине XV в. Поскольку оживленно обсуждался, как показано выше, вопрос об уходе от землевладельца должников-«серебряников» (в том числе и без уплаты «серебра»), очевидно, что другие слои сельского населения тем более обладали таким правом. Переход мог осуществляться в разные сроки (например на Рождество), но как главный, общепринятый срок в целом ряде грамот 50–60-х гг. XV в. уже фигурирует, как известно, Юрьев день осенний (26 ноября).

В грамотах, направлявшихся на места по жалобам обитателей, подчеркивалось, что «отказывать» крестьян можно только «о Юрьеве дни о осеннем», «А хто откажет до Юрьева дни или после Юрьева дни, ино тот отказ не в отказ»³¹. Важно, что, не ограничиваясь по-

²⁸ См.: АСЭИ. Т. I. № 304, 309, 310, 312, 319–322.

²⁹ АСЭИ. Т. I. № 502.

³⁰ АСЭИ. Т. III. № 106.

³¹ АСЭИ. Т. II. № 177.

вторением запретов, великий князь предписывал нарушителей «вывести [...] назад»³². Более конкретно вопрос был затронут в грамоте Ивана III в Суздаль и Юрьев, где речь шла о крестьянах, ушедших из суздальского села Шухобалова «сее зимы о Зборе». Великий князь отправил пристава, который должен был найти нарушителей «и посадит их по старым местом, где хто жил, до Юрьева дни до осеннего»³³. Последние слова этого текста говорят о том, что нарушителям в будущем будет предоставлена возможность осуществить отказ в установленный срок.

Особое внимание церковных властей привлекал вопрос о «серебряниках», которые не только уходили не в те сроки, но и не возвращали полученное от монастыря «серебро». В соответствии с этим в грамотах на места подчеркивалось: «А коли серебро заплатить, тогда ему и отказ»³⁴. Более конкретно вопрос затрагивался в грамоте кн. Михаила Андреевича, где говорилось о судьбе ушедших «в твои путь» серебрянников: их следовало отдать на «поруку» «и они б дело доделывали на то серебро»³⁵. Таким образом, должно было быть обеспечено возвращение долга, но сами «серебрянники» могли остаться на новом месте. Если вопрос о сроках переходов в последние десятилетия XV в. в документах, исходивших от власти, перестал фигурировать, то вопрос о возврате «серебра» при отказах продолжал оставаться актуальным. В грамоте Ивана III на Белоозеро, адресованной «сотнику городскому и всем христианом», предписывалось «и вы б их серебро заплатили монастырское, да их христианина вывезите вон»³⁶.

Если «Юрьев день осенний» как главный, бесспорный ориентир в грамотах фигурирует постоянно и без альтернативы, то конкретные сроки перехода в них определялись по-разному. Так, в грамоте Василия II Кириллову монастырю предписывалось осуществить выход «о Юрьеве дни да неделю по Юрьеве дни»³⁷. Иной срок был указан в грамоте кн. Михаила Андреевича, «за две недели до Юрьева дни и неделю по Юрьеве дни»³⁸. Наконец, еще один срок был указан в грамоте Ивана III в Ярославль: «неделя до Юрьева да неделя по Юрьеве дни»³⁹.

³² АСЭИ. Т. I. № 338.

³³ Там же. № 359.

³⁴ АСЭИ. Т. II. № 138.

³⁵ Там же. № 326.

³⁶ Там же. № 276.

³⁷ АСЭИ. Т. II. № 101.

³⁸ Там же. № 326.

³⁹ АСЭИ. Т. I. № 338.

Этот последний срок стал с принятием «Судебника» 1497 г. установленным в масштабе всего государства временем, когда мог законно осуществляться крестьянский переход.

Как известно, помимо точного установления времени крестьянского перехода, «Судебник» 1497 г. установил, что при уходе крестьянин должен уплатить «пожилое»: «в полах за двор рубль, а в лесех полтина». Полностью соответствующую сумму выплачивал человек, проживший в соответствующем владении четыре года⁴⁰.

Для анализа 57 ст. «Судебника» 1497 г. было сделано достаточно много. Представляются правильными заключения А. Л. Шапиро, что статья касалась всех крестьян и что уплата «пожилого» ложилась на владельца двора, а другие его жители могли уходить, не уплачивая «пожилого»⁴¹. Им также убедительно показано, что «пожилое» служило «возмещением ущерба, который нес землевладелец от временного запустения двора». В «лесу» такой двор восстановить было легче, отсюда — более низкий размер «пожилого»⁴². Никаких других условий в «Судебнике» нет.

Эти нормы права есть смысл сопоставить с нормами крестьянского перехода в таком памятнике польского права второй половины XIV в., как «Статуты Казимира Великого». Этот памятник был создан в эпоху, когда имело место развитие внутренней колонизации, сопровождавшейся распространением денежной ренты и держания «на немецком праве», дававшим крестьянину определенные права на свой надел. Формирование барщинно-фольварочного хозяйства и связанное с этим ухудшение положения крестьянства — это явления другой эпохи польской истории.

Исследователи выявили в тексте «Статутов» ряд решений, благоприятных для крестьян: крестьянин-«кмет» не должен был отвечать за долги или поступки господина, а господин — претендовать на наследство бездетного кмета⁴³. Судьям запрещалось брать в заклад, а затем присваивать себе коней и волов⁴⁴.

Условия крестьянского перехода подробно излагались в 34 статье великопольского статута⁴⁵. Они были разными для держателя на «немецком» праве и держателя на праве «польском».

⁴⁰ Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3. С. 355.

⁴¹ Шапиро А. Л. Указ. соч. С. 200–201.

⁴² Там же. С. 205–207.

⁴³ Statuty Kazimierza Wielkiego w opracowaniu O. Balzera. Poznań, 1947. Cz. I. S. 326, 505; Cz. 2. Statuty wielkopolskie / Opr. i wyd. L. Łysiak. Poznań, 1982. S. 55.

⁴⁴ Statuty... Cz. 1. S. 255, 287–288, 326, 338, 359; Cz. 2. S. 53.

⁴⁵ Statuty... Cz. 2. S. 46–48.

Разница заключалась в том, что держатель на «немецком» праве пользовался определенными правами на свой надел, поэтому при уходе он должен был продать свой надел господину или посадить на нем такого же «кмета», как он сам, а также обработать, выкорчевать и засеять свои поля.

Что касается держателя на «польском» праве, то на него возлагалась обязанность передать двор в хорошем состоянии и огороженный. Срок перехода устанавливался на Рождество.

Держания, аналогичного держанию на «немецком» праве, в Северо-Восточной Руси не было (не было и соответствующих норм). Положение же держателя на «польском» праве рисуется во многом близким к положению древнерусского крестьянина по «Судебнику» 1497 г. Уплате «пожилого» соответствует обязательство передать двор в добром порядке и огороженный.

Однако обращение к тексту «Статутов» позволяет выявить ряд дополнительных различий.

Так, в 73-й статье малопольского статута излагается установление, принятое по инициативе «баронов», что, чтобы не допустить запустения их владений, разрешать уходить из соответствующего владения только 1–2 крестьянам одновременно⁴⁶. Важная особенность «Статутов» — установление карательных санкций за нарушение установленных норм. Так, господин имел право присвоить себе оставшееся имущество беглого, а сам беглец в случае поимки должен был выплатить господину три гривны штрафа и годовой оброк. Землевладелец, принявший беглого, должен был уплатить аналогичный штраф господину беглого⁴⁷.

К этому следует добавить установления, касающиеся практики привлечения переселенцев, которым предоставлялось на ряд лет освобождение от оброка. Такой человек должен был либо отработать соответствующее количество лет в обычных условиях, либо выплатить соответствующую сумму за годы освобождения⁴⁸.

Подобных норм нет ни в «Судебнике» 1497 г., ни в «Судебнике» 1550 г. Стоит отметить, что в 88 ст. «Судебника» 1550 г. говорится о том, что крестьянин может пожать «хлеб в земле», но может этого не делать⁴⁹.

Таким образом, судя по нормам права, положение русского держателя XV–XVI вв. было более благоприятным, чем положение польского

⁴⁶ Statuty... Cz. 1. S. 439.

⁴⁷ Statuty... Cz. 2. S. 46.

⁴⁸ Ibid. S. 48.

⁴⁹ Памятники русского права. Вып. 4. М., 1956. С. 258.

держателя XIV в. Нормы эти следует признать характерными для развитого феодального общества в восточной части Европы. Польский пример показывает, что подобные нормы сложились и функционировали в Польше задолго до того, когда в Польше действительно начался процесс закрепощения крестьянства.

Как представляется, именно в рамках проблематики, характерной для этой эпохи, возможно наиболее эффективно анализировать свидетельства древнерусских документов XIV–XV вв.

Вяч. С. Кулешов

**Золото и паволоки, серебро и комони:
царская экономика государства Святослава Игоревича
в сравнительном освещении**

В тексте *Древнего сказания* — повествования об истории Киева и первых Рюриковичей, кодифицированного в первой половине XI в. и ставшего точкой кристаллизации и дальнейшего развития русской летописной традиции¹, — имеется место, в котором с редкой полнотой и отчетливостью и притом «из первых уст» эксплицированы структура княжеского хозяйства и география внешних экономических связей государства Святослава Игоревича. Оправдываясь перед своей умирающей матерью Ольгой и перед киевскими *болярами*², незадолго до этого (по хронологии ПВЛ, в 968 г.) пересидевшими в городе печенежскую осаду, Святослав говорит (не цитирую, но перевожу здесь летописный текст): «Не нравится мне жить в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае, потому что именно он является центром моей земли и потому что именно в него стекается все добро: из Византии — золото, парча, вино и различные фрукты, из Центральной Европы — серебро и кони, из Восточной Европы — меха, воск, мед и рабы»³.

Этот отрывок привлекает внимание во многих отношениях⁴. Опираясь на тот факт, что перед нами фрагмент прямой речи, передававшийся изустно в течение лишь нескольких десятилетий и зафик-

¹ Я исхожу из системы взглядов, восходящей к работам акад. А. А. Шахматова, в настоящее время плодотворно разрабатываемой А. А. Гиппиусом и С. М. Михеевым. См., в частности: *Гиппиус А. А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции* // *Русь в IX–X веках: археологическая панорама* / Отв. ред. акад. Н. А. Макаров. М.: Вологда: ООО НИЦ «Древности Севера», 2012. С. 36–63; *Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? / Отв. ред. Т. М. Николаева. М.: Индрик, 2011 (Славяно-германские исследования / Отв. ред. серии Ф. Б. Успенский. Т. 6).*

² «И ре(че) С(вя)тославъ къ м(а)т(е)ри своєи. и къ боляромъ своимъ».

³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 67; Т. II. Стб. 55; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 120.

⁴ См., в частности: *Демин А. С. «Повесть временных лет» // Древнерусская литература: Восприятие Запада в XI–XIV вв. М.: Наследие, 1996. С. 111–113.*

сированный без каких-либо содержательных искажений не позднее 1037 г., отметим ряд противопоставлений, явным образом значимых для самого Святослава. Прежде всего, это контраст «Переяславец vs. Киев», объясняемый самим правителем в терминах центра (ст.-слав. *среда*, др.-рус. *среда*) vs. периферии. Периферийный статус Киева в рамках (или за рамками) нового государства Святослава подчеркивается тем, что он более удален от Центральной Европы и Византии и проигрывает Подунавью в интенсивности и характере экономических контактов с этими последними.

Напротив, положение Переяславца, каким его хочет видеть Святослав, моделируется в центре широкой трехвекторной системы его новых интересов: Византия (Юго-Восточная Европа) — Чехия и Венгрия (Центральная Европа) — Русь (Восточная Европа), причем последняя выступает здесь как хотя и равноправная по отношению к Византии, Чехии и Венгрии, но как географически, политически, экономически и эмоционально внешняя по отношению к государству Святослава на Дунае. Выражаемая им нелюбовь к Киеву⁵ (и больше того: разрыв с Киевом, маркирующий его, Святослава, нежелание оставаться на восточноевропейской периферии общеевропейской экономики и политики) подчеркивает эту трактовку.

Наконец, список *благ* (употреблено старославянское слово, соответствующее др.-рус. и рус. *добро*, узко-экономическое значение которого неизменно уже больше тысячелетия), «сходящихся» в Переяславце, позволяет говорить о сложившейся системе комплексной царской/имперской экономики и реконструировать несколько функциональных сфер/уровней государственного хозяйства. Этими сферами/уровнями оказываются:

(1) накопление денежных металлов (золота и серебра) и драгоценной парчи (для этого времени, как известно из арабских и персидских источников, исключительно византийской),

(2) торговля наиболее ценными и/или востребованными живыми и сырьевыми товарами общеевропейского спроса (рабы, меха, воск и мед), поступающими с податных территорий Восточной Европы,

(3) обеспечение собственного дружинного хозяйства (внутриэлитное перераспределение золота, серебра и парчи), включающего про-

⁵ Об этом же ранее писал А. С. Демин: Демин А. С. Поэтика древнерусской литературы (XI–XIII вв.) / Отв. ред. В. П. Гребенюк. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. (Studia philologica.) С. 248. См. также: Королев А. С. История междукняжеских отношений на Руси в 40–70-е годы X в. М.: Прометей, 2000. С. 224.

ведение дружинных пиров (с вином, медом/медовухой и фруктами) и формирование конницы, дополнившей ладейный флот⁶.

Подобная организация государственного хозяйства — в структурном и функциональном планах — и описывающий ее текстовый отрезок требуют внимания в свете точных аналогий, зафиксированных синхронными письменными памятниками Востока и Запада в качестве норм царской/имперской экономики раннего Средневековья. Ниже я хотел бы провести ряд сопоставлений «списка Святослава» с материалом двух широко известных литературных произведений — «Книги царей» (*Šāh.nāma*) Абу-л-Касима Фирдауси и старофранцузского песенного эпоса о Роланде (*La chanson de Roland*). Привлечение именно этих двух памятников объясняется их объемом, изученностью, полнотой документации в них реалий царской и, шире, высокостатусной экономики в условиях имперской государственности двух типов — позднеантичной сасанидской и раннефеодальной каролингской. В особенности примечательно то обстоятельство, что упоминания драгоценностей функционируют в этих памятниках как устойчивые повторяющиеся формулы — т. е. в точности так, как это имеет место в рассматриваемом фрагменте древнерусской традиции. Последнее открывает путь для прямого отождествления фрагментов культуры (в нашем случае — описаний царских сокровищниц) через призму текстологии и эпической поэтики.

Завершенная в начале XI в. «Книга царей» Фирдауси — всемирно известный литературный памятник, вобравший в себя огромное количество мифологических, героико-эпических и исторических преданий древнего и раннесредневекового Ирана и признанный своего рода «энциклопедией» доисламской иранской цивилизации и культуры⁷. Упоминания золота, серебра, парчи, жемчуга, драгоценных камней, рабов и коней столь многочисленны, что простое перечисление соответствующих контекстов заняло бы многие десятки страниц. Достаточно сказать лишь, что слова *zarr* 'золото' и *zarrīn* 'золотой' упоминаются в тексте 583 раза, *sīm* 'серебро' и *sīmīn* 'серебряный' — 166 раз, *dēbāh* 'парча' — 218 раз⁸. Наиболее типичные ситуации, в которых употре-

⁶ Об эффективности последнего ср. соответствующие сообщения Ибн Мискавайха о взятии русами в 943 г. города Барда'а в Восточном Закавказье и Льва Дьякона о взятии русами в 969 г. города Доростола в Болгарии.

⁷ Имеется русский перевод: Фирдоуси. Шахнаме / Пер. с перс. Ц. Бану-Лахути. М.: Наука, 1957–1989. Т. I–VII (АН СССР. Литературные памятники).

⁸ Подсчеты выполнены по удобному критическому изданию: Абулқосим Фирдавӣ. Шохнома / Таҳияи матн ва луғату тавзеҳот аз Камол Айӣн ва Зоҳир Ахрорӣ. Ҷ. I–X (Ахтарони адаб. Ҷ. 3–12). Душанбе: Адиб, 2007–2010.

бляются формулы с перечислением сокровищ, относятся к описаниям официальных выездов царей и героев, царских даров, трофеев и караванов, характеристике сокровищниц.

Наиболее распространенными устойчивыми формулами являются следующие: *zarr ū gawhar / zarr ū guhar* 'золото и драгоценные камни' (ср.: *kalīd ī dar ī ganj ī zarr ū guhar* 'ключ от сокровищницы, [полной] золота и драгоценных камней'), *zarr ū pērōza(h)* 'золото и бирюза', *zarr ū sīm* 'золото и серебро', *dēnār ū dēbāh* 'чеканное золото и парча' (с эпитетами: *dēbāh ī čīnī* 'китайская парча' и *dēbāh ī rūmī* 'византийская парча'), а также с меной позиций *dēbāh ū dēnār* 'парча и золото', *dēbāh ū gawhar* 'парча и драгоценные камни', *zarr ū daram* 'золото и серебряные монеты' (*ba dēbāh ū dēnār ū zarr ū daram* 'с парчой, золотыми монетами, золотом и серебряными монетами'), *daram* 'серебряные монеты' (для обозначения оплаты войску; устойчивая ритмическая формула: *səpah rā daram dād* 'он дал войску серебряные монеты', 11 случаев), *zar ū sīm ū aspān* 'золото, серебро и кони' (наиболее обычный эпитет для обозначения самых лучших коней — *aspān ī tāzī* 'арабские скакуны'), *ġulāmān ū aspān* 'рабы и кони'.

Структура устойчивых формул определяется фонологической структурой слов, накладывающей ограничения на их сочетаемость в условиях жестко соблюдаемого одиннадцатисложного стихотворного размера (поэтому, например, нет формулы **dēnār ū daram* 'золотые и серебряные монеты', поскольку три тяжелых или два легких слога подряд метрически запрещены), семантических же ограничений нет. Инвентарь драгоценных категорий в основе тот же, что и в «списке Святослава», но шире: помимо золота, серебра, парчи (др.-рус. *лаво-локи*), коней и рабов (*гуламов*, др.-рус. *челядь*) это драгоценные камни (по другим источникам известно, что это главным образом рубины и сапфиры), жемчуг и бирюза; для драгоценных металлов в культуре сасанидского и постсасанидского Ирана было существенно противопоставление формы: вещей (*zarr/zar ū sīm*) vs. монет (*dēnār ū daram*). Последнее противопоставление несущественно для древнерусской культуры, поскольку в общеславянском языке не было соответствующих категорий. В раннеславянских переводных текстах для обозначения золотых, серебряных и медных монет были введены технические термины *златница*, *сребреница* и *медьница*, игнорируемые аутоде-скриптивными легендами золотых и серебряных монет Владимира Святославича: *се єго злато* и *се єго сребро*⁹.

⁹ О древнейших русских монетах см. обобщающие исследования: *Спас-ский И. Г.* Золото Владимира Святославича // Экономика, политика и

Таким образом, компоненты «списка Святослава» оказываются лексически и формульно тождественны «списку Фирдауси» — реконструируемому по тексту «Книги царей» перечню компонентов царского хозяйства сасанидской эпохи. Государственная культура сасанидского Ирана, как известно, в раннем Средневековье играла центральную и системообразующую роль в мире народов и государств Евразии между Византией, Индией и Китаем и служила высшим образцом и моделью организации для окружающих обществ, оседлых и кочевых. Это позволяет говорить об универсальном значении иранской «имперской модели» царской экономики, без изменений продолжившейся, в частности, в культуре Халифата и в государствах тюрок, и о ее прямом влиянии на формирование царского хозяйства Святослава.

Не менее определенно можно говорить о роли «восточного фактора» на формирование имперских моделей королевской культуры Западной Европы VIII–IX вв. в условиях контактов с исламскими государствами Средиземноморья. Как памятник этой и следующей за ней феодальной эпохи рассматривают позднекаролингский эпос о Роланде¹⁰. В его тексте формулы *or e argent* 'золото и серебро' (*d'or e d'argent quatre cenx muls cargiez* 'четыреста мулов, груженных золотом и серебром', *jo vus durrai or e argent assez | terres et fiefs autant que vous en voudrez* 'я дарю золото и серебро, земли и уделы — столько, сколько пожелаешь', *li frein sunt d'or, les seles d'argent* 'поводья из золота, седла из серебра', *d'or e d'argent* 'из золота и серебра' и т. д. — всего две дюжины контекстов) выступают в тех же ситуациях и в том же качестве, что и в «Книге царей» Фирдауси. Что касается коней (*chevals*), то, несмотря на то что формульный ряд этого концепта выглядит несколько иначе по сравнению с персидским материалом, общее количество упоминаний показывает, что обладание ими воспринималось певцами и слушателями эпоса как ключевой компонент королевского и аристократического статуса.

Итак, сжатое рассмотрение компонентов «списка Святослава» в перспективе синхронных норм имперской/царской/королевской эко-

культура в свете нумизматики: Сборник научных трудов / Науч. ред. В. М. Потин. Л.: Государственный Эрмитаж, 1982. С. 5–47; Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI веков. Л.: Искусство / Ленинградское отделение, 1983.

¹⁰ Имеется русский перевод: Песнь о Роланде: Старофранцузский героический эпос / Изд. подг. И. Н. Голенищев-Кутузов, Ю. В. Корнеев, А. А. Смирнов, Г. А. Стратановский. М.; Л.: Наука, 1964 (АН СССР, Литературные памятники). Публикации оригинального текста многочисленны; я пользовался критическим изданием Вл. Драшковица: *Drašković VI. La chanson de Roland: Text critique, traduction serbocroate, commentaire et glossaire intégral*. Beograd: Naučna knjiga, 1987.

номики Востока и Запада не оставляет сомнений в том, что именно эта модель и легла в основу царского хозяйства государства Святослава и (по крайней мере отчасти) руководила его стремлением закрепиться в Подунавье. Уже в этом смысле можно говорить о попытке «имперского поворота» в его политике — поворота, который самым наглядным образом реализовался в амбициозных военных кампаниях против Хазарии и Византии, имевших колоссальные последствия для последующей русской истории и культуры.

Сказанное выше позволяет согласиться с давней и в настоящее время существенно подкрепленной точкой зрения, согласно которой «эпико-героический образ Святослава, сохраненный в византийской и древнерусской исторических традициях, объясняется фольклорным происхождением сказаний о нем, лежащих в основе этих традиций. Исходя из повествования ПВЛ, можно предполагать существование на Руси целого цикла сказаний о Святославе, а судя по оформлению, вероятно, и дружинных лиро-эпических песен»¹¹. Точные аналогии произнесенному правителем или же вложенному традицией в его уста «списку товаров и сокровищ» в синхронных эпических памятниках находят очевидное фольклорное объяснение, не противоречащее, однако, историко-экономическим и историко-культурным реалиям X–XI вв., известным по совокупности письменных и материальных источников.

¹¹ Козлов С. А. «Святославиада», или Что общего у князя Святослава Игоревича с «героями песнопевца Гомера»? // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. СПб., 2016. № 1 (19). С. 92. См. также: Козлов С. А. «Росские» экскурсы Льва Диакона и традиции воинских сообществ в славянском мире // *Византийский временник*. М.: Наука, 2015. Т. 74 (99). С. 102–126.

А. В. Майоров

ГЕРМАНСКИЙ КОРОЛЬ ФИЛИПП ШВАБСКИЙ В РУССКИХ ИСТОЧНИКАХ

Византия, германские земли и Рим во внешней политике галицко-волыньских князей

Одним из важнейших событий мировой истории эпохи Средневековья стал захват Константинополя крестоносцами в 1204 г., отразившийся в памятниках древнерусской литературы и искусства, в частности в *Повести о взятии Царьграда фрягами*.

Наиболее вероятным автором этого произведения, древнейшая редакция которого дошла до нас в составе *Новгородской Первой летописи старшего извода*¹, можно считать новгородского боярина Добрыню Ядрейковича (впоследствии архиепископ Антоний), совершившего ок. 1200 г. путешествие в Константинополь и описавшего его храмы и святыни в своей *Книге Паломник*. Приближенный галицко-волынского князя Романа Мстиславича, Добрыня по его поручению несколько лет провел в Константинополе и был свидетелем разрушения византийской столицы латинянами в апреле 1204 г.²

Став новгородским архиепископом (1209), Антоний на протяжении многих лет оказывал существенное влияние на местное летописание. Этим, вероятнее всего, объясняется включение в *Новгородскую Первую летопись* не только *Повести о взятии Царьграда фрягами*, но и рассказа о битве на Калке, записанного со слов Антония (или даже им самим) после его нового возвращения в Новгород в 1225 г., на этот раз из Перемышля³.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10137.

- ¹ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей / Под ред. А. Н. Насонова. М., 2000. Т. 3. С. 46–48.
- ² См.: Творогов О. В. Повесть о взятии Царьграда фрягами // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1 / Отв. ред. Д. С. Лихачев. С. 352–354; Клосс Б. М. Повесть о взятии крестоносцами Константинополя в 1204 году // Письменные памятники истории Древней Руси / Под ред. Я. Н. Шапова. СПб., 2003. С. 69–70. См. также: Гордиенко Э. А. Варлаам Хутынский и архиепископ Антоний в житиях и мистериях XII–XVI века. СПб., 2010. С. 36–38, 75.
- ³ Кучкин В. А. Летописные рассказы о битве на р. Калке // Письменные памятники истории Древней Руси. С. 74–75; Гиппиус А. А. К вопросу о

Для Добрыни характерен особый интерес к германскому королю Филиппу Швабскому (1198–1208) и его роли в организации Четвертого Крестового похода. В своем описании завоевания Константинополя древнерусский автор несомненно выражает «ибелинскую» (проштауфенскую) точку зрения, т. е. пытается снять с германского короля и его сторонников, участвовавших в походе, ответственность за разорение Константинополя. Русский книжник был также знаком с эксклюзивными деталями побега царевича Алексея (будущего императора Алексея IV (1203–1204)) из византийской столицы к королю Филиппу и использовал в своем рассказе характерную немецкую лексику (топонимы и антропонимы)⁴. Все это говорит о том, что русский автор пользовался информацией, полученной от хорошо осведомленного немецкого источника. Информатором Добрыни мог быть один из сторонников короля Филиппа, хальберштадтский епископ Конрад фон Крозиг, участвовавший в осаде Константинополя⁵.

Интерес Добрыни к личности и политической роли германского короля и общая проштауфенская направленность в оценках описываемых им событий, на наш взгляд, могут быть объяснены родством князя Романа Мстиславича и короля Филиппа Швабского, женатых на родных сестрах, дочерях свергнутого византийского императора Исаака II Ангела (1185–1195, 1203–1204)⁶.

Наши недавние исследования позволяют сделать вывод, что мать галицко-волынского князя Даниила Романовича, происхождение которой долгое время оставалось невыясненным, с большой вероятностью была представительницей династии Ангелов, правившей в Византийской империи в конце XII — начале XIII в. В связи с утратой начальной части Галицко-Волинской летописи история брака Романа Мстиславича с византийской царевной не нашла отражения в русских

контактах региональных традиций в русском летописании первой трети XIII в. // *Восточная Европа в древности и средневековье. XXI чтения памяти В. Т. Пашуто*. М., 2009. С. 71.

⁴ Бицилли П. М. Новгородское сказание о 4-ом крестовом походе // *Исторические известия*. 1916. Т. 3–4. С. 59; Мещерский Н. А. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фригами в 1204 г. // *Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР*. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 131; Лучицкая С. И. Четвертый Крестовый поход глазами русского современника // *Византийский временник*. 2006. Т. 65 (90). С. 120.

⁵ Freydank D. Die altrussische Erzählung über die Eroberung Konstantinopels 1204 (Chronista Novgorodensis) // *Byzantinoslavica*. 1968. T. 29. S. 334–359.

⁶ См.: Maiorov A. V., Metelkin E. N. Die "deutsche Spur" in der altrussischen Erzählung über die Einnahme Konstantinopels durch die Kreuzritter // *Byzantinische Zeitschrift*. 2016. Bd. 109. No. 2. S. 809–820.

письменных источниках. С другой стороны, все византийские императоры из династии Ангелов (включая Исаака II и Алексея III) были насильственно лишены власти и умерли, уже не будучи правителями. Это означает, что по поводу их кончины не было составлено торжественных речей и официальных некрологов, в которых были бы перечислены все их деяния и все члены их семей. По этой причине, как нам кажется, брак византийской царевны с русским князем не отразился и в византийских источниках.

Тем не менее, на высокое происхождение жены Романа Мстиславича указывают многочисленные косвенные данные. По нашему мнению, второй женой этого князя, вероятнее всего, стала старшая дочь императора Исаака II, рожденная еще до вступления его на престол и отданная в раннем детстве в монастырь. После свержения Исаака новый император Алексей III (1195–1203) вернул свою племянницу к светской жизни и, заинтересованный в военном союзе с галицко-волынским князем, скрепил этот союз династическим браком⁷. Так византийская царевна Евфросиния стала женой русского князя и матерью его сыновей, приняв на Руси новое имя Анна⁸.

О русско-византийском союзе, заключенном ок. 1200 г., свидетельствуют сообщения византийских историков и русских летописей. В это время держава ромеев переживала острый политический кризис, вызванный восстанием сербов и болгар, а также сокрушительными набегами половцев, действовавших на стороне восставших. По свидетельству Никиты Ханиата и других источников, только благодаря помощи галицкого князя Романа удалось прекратить агрессию степняков⁹. О союзническом характере отношений правителей Галицко-Волынской Руси и Византии свидетельствует также история посещения Галиции бежавшим из Константинополя императором Алексеем III (конец 1203 — начало 1204 г.), передаваемая некоторыми западноевропейскими и русскими источниками¹⁰.

Долгая жизнь и активная деятельность Евфросинии-Анны на Руси нашли многочисленные проявления в фактах внутренней и

⁷ См.: *Maierov A. V. The Alliance between Byzantium and Rus' before the Conquest of Constantinople by the Crusaders in 1204 // Russian History. 2015. Vol. 42. No. 3. P. 272–303.*

⁸ См.: *Maierov A. V. The daughter of a Byzantine Emperor — the wife of a Galician-Volhynian Prince // Byzantinoslavica. 2014. Vol. 72. No. 1–2. P. 188–233.*

⁹ См.: *Maierov A. V. Byzantium, Rus' and Cumans in the Early 13th Century // Acta Orientalia. 2018. Vol. 71. No. 1. P. 7–27.*

¹⁰ См.: *Maierov A. V. Angelos in Halych: Did Alexios III Visit Roman Mstislavich? // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 2016. Vol. 56. No. 2. P. 343–376.*

внешней политики галицко-волынских князей, в их нетипичных для Рюриковичей «византийских» именах, семейных культах и вкусах, широкой строительной и учредительной деятельности¹¹. В области внешней политики обращает на себя внимание, прежде всего, участие Даниила Галицкого в борьбе за Австрию и попытка его сына Романа Даниловича овладеть престолом австрийских герцогов в 1252–1253 гг. В число вероятных претендентов на «австрийское наследство» галицко-волынских князей выводило их родство с династией Бабенбергов по женской линии: Евфросиния Галицкая и австрийская герцогиня Феодора происходили из одной семьи (подробнее об этом мы скажем ниже). Союз с венгерским королем Белой IV в 1246 г. привел Даниила Галицкого в стан врагов австрийского герцога Фридриха Бабенберга. Есть все основания полагать, что Даниил на стороне венгерского короля принимал участие в битве на Лейте, закончившейся гибелью герцога Фридриха. Более того, галицко-волынский князь мог быть лично причастен к смерти последнего, павшего в столкновении с неким «королем Руси»¹².

В истории коронации Даниила Романовича и переговоров о церковной унии с Римом также обнаруживается существенное влияние княгини-матери, уговорившей своего сына, согласно летописи, принять предложения папских послов. Указанные события происходили на фоне более широких политических процессов, инициаторами которых стали папа Иннокентий IV (1243–1254) и никейский император Иоанн III Ватац (1221–1254). В обмен на возвращение Константинополя грекам власти Никеи соглашались признать верховенство папы в церковных делах и подчинение ему православного духовенства. Отказ нового никейского императора Феодора II Ласкаря (1254–1258) от уступок папе и принятие курса на возвращение Константинополя с помощью военной силы незамедлительно привели к разрыву отношений с Римом галицко-волынских князей¹³.

С княгиней Евфросинией, «великой княгиней Романовой», как именует ее летописец, по нашему мнению, связано появление в

¹¹ См.: *Maierov A. V. The Cult of St. Daniel the Stylite among the Russian Princes of the Rurik Dynasty // Slavic and East European Journal. 2015. Vol. 59. No. 3. P. 345–366.*

¹² См.: *Майоров А. В. «Cum quodam rege Ruscie singulariter in prelio dimicans...»: Был ли Даниил Галицкий участником битвы на Лейте? // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2016. № 4 (66). С. 35–51.*

¹³ См.: *Maierov A. V. Ecumenical Processes in the mid. 13th century and the Union between Russia and Rome // Zeitschrift für Kirchengeschichte. 2015. Vol. 126. No. 1. P. 11–34.*

Галицко-Волынской Руси высокочтимых христианских реликвий, одновременно выполнявших роль инсигний верховной власти, и прежде всего Креста императора Мануила, ныне хранящегося в Соборе Парижской Богоматери¹⁴; княжеских церемониальных одежд, сшитых из *истинного* (или *царского*) пурпура (*греческого оловира*)¹⁵, а также царского титула и производных от него эпитетов, применяемых в русских источниках к Роману Мстиславичу и его потомкам¹⁶.

Евфросиния Галицкая и германская королева Ирина-Мария

Обе упомянутые нами византийские царевны, дочери императора Исаака II, ставшие германской королевой и русской княгиней, очевидно, поддерживали связь друг с другом. В некрологе (синодике) кафедрального собора Шпайера, которому королева Ирина-Мария пожертвовала свое богатое приданое и где покоятся останки ее самой и ее супруга, среди имен греческих родственников королевы значится имя ее сестры Евфросинии. Тот факт, что память Евфросинии приурочена к условной дате (на третий день после праздника Архистратига Михаила)¹⁷, позволяет думать, что имя ее могло быть переписано в некролог из составленного ранее (вероятно, еще при жизни королевы Ирины-Марии) церковного диптиха, в котором имя Евфросинии помещалось в списке здравствующих родственников германской королевы.

На наш взгляд, личная связь германской королевы и русской княгини нашла проявление также и в древнерусском письменном памятнике. В *Галицко-Волынской летописи* находим уникальные сведения об убийстве супруга Ирины-Марии, германского короля Филиппа Швабского, и связанных с ним обстоятельствах. Подобными сведениями мог располагать только тот, кто был хорошо осведомлен в германских делах и знал тайные причины трагических событий в Бамберге 21 июня 1208 г.

¹⁴ См.: *Maierov A. V. The Emperor Manuel's Cross in Notre Dame: On its Origin and Path // Greek, Roman and Byzantine Studies. 2017. Vol. 57. No. 3. P. 771–791.*

¹⁵ См.: *Майоров А. В. Греческий оловир Даниила Галицкого: Из комментария к Галицко-Волынской летописи // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 2014. Т. 62. С. 225–235.*

¹⁶ См.: *Майоров А. В. Царский титул галицко-волынского князя Романа Мстиславича и его потомков // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. № 1–2. С. 250–262.*

¹⁷ *Kalendarium necrologicum canonicorum spirensium recentius // Fontes rerum Germanicarum / Hrsg. J. F. Böhmer. Stuttgart, 1868. T. 4. P. 323.*

В летописи читаем¹⁸: «В год 6715 (1207). Был убит великий царь Филипп Римский по наущению брата королевы; он просил свою сестру найти ему сообщника. Она ничем не могла помочь своему брату, кроме того, что выдала замуж свою дочь за Лонокрабовича Людовика. Был он могуществен и помогал ее брату. Теперь же эту дочь признают святой, с именем Альжбит, а прежнее имя ее было Кинека. Она много послужила Богу после смерти своего мужа, за это ее и называют святой. Но мы вернемся к прежнему, о чем уже начали рассказ»¹⁹.

В данном сообщении речь идет о причастности к убийству короля Филиппа брата венгерской королевы Гертруды (жены Андрея II) герцога Экберта Андекс-Меранского, епископа Бамбергского (1203–1237). Опасаясь преследований, он бежал в Венгрию. Чтобы помочь брату, Гертруда выдала свою дочь Елизавету замуж за сына тюрингского ландграфа Германа I (1190–1217), будущего ландграфа Людвига IV Святого (1217–1227), в расчете, что Герман станет союзником Экберта.

Появление этого сообщения о столь далеких от Галича событиях, не упомянутых более ни в одном русском источнике, требует объяснения. Некоторые исследователи связывали его с пребыванием в 1211 г. при дворе венгерского короля юного Даниила Романовича, совпавшим по времени с отъездом в Тюрингию венгерской принцессы, которую еще недавно прочили в невесты Даниилу²⁰.

Однако подобное объяснение не может быть нами принято. Действительно, венгерский король Андрей (Андраш, Эндре) II (1205–1235) какое-то время собирался выдать за Даниила Романовича одну из своих дочерей и даже предполагал сделать его своим наследником. Но все это входило в планы короля лишь до тех пор, пока у него не

¹⁸ Здесь и далее все цитаты из источников на древнерусском и латинском языках даются в переводе на современный русский язык; оригинальный текст по критическим изданиям приводится в примечаниях.

¹⁹ «В лѣто 6715. Оубѣнь бысть цесарь великыи Филипъ Римскыи совѣтомъ брата королевоє, молящєся сестрѣ да бы ему нашла помощника. Она же никако могоуши помощи братоу своему си, и да дщерь свою за Лонокрабовича за Лоудовика. Бѣ бо моужь силенъ и помощникъ братоу ее. Юже нынѣ святоу нарѣчаютъ именемъ Альжьбитъ, преднее бо имя еи Кинека. Много бо послужоуи Богови по моужу своему и святоу нарѣчаютъ. Но мы на преднее возвратимся, гакоже преже почали быхомъ» (Ипатьевская летопись / Под ред. А. А. Шахматова // Полное собрание русских летописей. М., 1998. Т. 2. Стб. 723).

²⁰ Грушевський М. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. 1901. Т. 41. С. 11. См. также: Грушевський М. С. Історія України-Руси. Київ, 1993. Т. 3. С. 26–27. Ср.: Галицько-Волинська летопись. Текст. Коментарій. Исследование / Под ред. Н. Ф. Котляра. СПб., 2005. С. 195.

родился собственный сын-наследник. Сказанное хорошо понимал и древнерусский летописец: «Когда Даниил был в Угорской земле, король Андрей, бояре угорские и весь народ хотели отдать королевскую дочь за князя Даниила — они оба были еще детьми, — потому что у короля не было сына»²¹.

Положение изменилось после появления у Андрея II старшего сына и будущего короля Венгрии Белы IV (1235–1270), родившегося незадолго до 29 ноября 1206 г. Следовательно, свое намерение породниться посредством брака с Даниилом Романовичем Андрей мог выражать не позднее этого времени, и в качестве невесты могла выступать венгерская принцесса, родившаяся не позднее указанной даты. Между тем принцесса Елизавета, выданная за будущего тюрингского ландграфа Людвига IV, родилась во второй половине 1207 г., и поэтому на роль невесты Даниила она не подходит.

Единственной из дочерей Андрея II, которую он мог прочить в жены Даниилу до рождения Белы, могла быть его старшая дочь Мария, родившаяся в 1204 г., а в 1221 г. выданная за болгарского царя Ивана II Асеня (1218–1241) и ставшая матерью болгарского царя Калимана I (1241–1246) (в болгарских источниках она фигурирует под именем Анны)²².

Следовательно, предположение о включении в Галицко-Волынскую летопись сообщения об убийстве Филиппа Швабского в связи с матримониальными делами Даниила Романовича нельзя считать основательным.

То же самое приходится сказать и в отношении предположения Дариуша Домбровского, будто галицкий летописец имел в виду помолвку Даниила со старшей дочерью Андрея II, которая могла состояться весной 1207 г., вскоре после прибытия в Венгрию изгнанного из Галича юного русского князя²³. Это предположение опровергается приведенным выше указанием летописи о том, что помолвка была за-

²¹ «Данилови соущо во Оугрѣхъ, король же Андрѣи, и боярѣ Оугорьстѣи, и вся земля хотяше дати дщерь свою за князя Данила, — обѣима дѣтѣскома бывшима, — зане сына оу него не бѣ», — Ипатьевская летопись. Стб. 723.

²² *Божилев И. Фамилия на Асеневици (1186–1460). Генеалогия и просопография.* София, 1985. С. 87; *Николов Г. Н. Венгры в Болгарском царстве в XIII–XIV веках // Byzance et ses voisins. Mélanges à la mémoire de Gy. Moravcsik. Szeged, 1994. С. 78–79.*

²³ *Домбровский Д. Галицко-Волынская летопись о смерти короля Германии Филиппа Швабского и судьбах св. Елизаветы Венгерской. Политические горизонты властной элиты Галицко-Волынской Руси в первой половине XIII в., способы получения информации и механизмы ее обработки летописцами // Средневековая Русь. 2016. Т. 12. С. 110.*

ключена, когда у венгерского короля еще не было сына, т. е. до осени 1206 г.

По мнению Домбровского, сообщение об убийстве Филиппа Швабского было включено в Галицко-Волынскую летопись отнюдь не в связи с каким-либо специальным интересом к этому трагическому происшествию, а лишь потому, что убийство германского короля «было признано причиной» расстройств помолвки Даниила с венгерской королевной. Исследователь тут же оговаривается, что «это была в корне неверная картина», и, нарисовав ее, летописец вольно или невольно вводил в заблуждение своих читателей²⁴.

Нам представляется, что столь парадоксальное суждение в отношении причинно-следственных связей изложенных в летописи событий является исключительно продуктом новейшего переосмысления древнего источника. В летописи просто и ясно говорится о том, что помолвка князя и королевны расстроилась вследствие рождения у венгерского короля сына-наследника, после чего Андрей II более не нуждался в брачном союзе с Даниилом и не рассматривал его в качестве своего возможного преемника. Тем самым убийство германского короля не может быть признано причиной отказа Андрея II от брачного союза с Даниилом, так как это убийство произошло после рождения королевича Белы. Кроме того, убийство короля Филиппа никак не повлияло на судьбу несостоявшейся невесты Даниила, принцессы Марии; оно повлияло на судьбу другой венгерской королевны — Елизаветы, — с которой Даниил, насколько нам известно, никогда не был просватан.

Царский титул короля Филиппа

По мнению Домбровского, имя короля Филиппа сохранилось в русской летописи благодаря тому, что этого короля хорошо знали при венгерском дворе, когда там пребывал юный Даниил. Последний запомнил имя этого персонажа единственно благодаря тому, что его вероломное убийство «активно обсуждалось» при дворе Андрея II, циркулировавшие в Венгрии слухи о гибели Филиппа Даниил впоследствии пересказал своему летописцу²⁵.

Два нижеследующих обстоятельства заставляют нас усомниться в основательности подобной трактовки.

Прежде всего, обращает на себя внимание пышный титул, применяемый русским летописцем к королю Филиппу: «великий царь

²⁴ Там же. С. 112.

²⁵ Там же. С. 114. См. также: *Dąbrowski D. Król Rusi Daniel: Biografia polityczna* (ок. 1201–1264). Kraków, 2012. S. 56.

Филипп Римский». Согласно Домбровскому, использование этого неправильного титула (Филипп не был коронован папой в качестве императора) указывает на плохую осведомленность галицкого книжника в реальной расстановке политических сил в Германии и на то, что сведения об убийстве Филиппа он получил из третьих рук в сильно искаженном виде — по-видимому, из венгерских придворных сплетен²⁶.

Мы располагаем фактами, позволяющими сделать противоположный вывод. Не будучи коронован папой в Риме, Филипп Швабский тем не менее последовательно считал себя римским императором. Как свидетельствуют многочисленные сохранившиеся документы королевской канцелярии и другие письменные источники, начиная с 1198 г. этот правитель неизменно именовал себя Римским Августом Филиппом II (Philippus Secundus), находя своего предшественника в древнем римском императоре Филиппе (244–249)²⁷. «Приняв имя Филиппа II, он (Филипп Швабский. — А. М.), очевидно, считал себя правителем в ряду императоров, а не королей», — справедливо констатирует Андреа Рзигацек²⁸.

По мере успехов в борьбе за императорский трон со своим главным соперником Оттоном Брауншвейгским король Филипп все более настойчиво подчеркивал свой императорский статус. Так, в аренге уставной грамоты бенедиктинскому монастырю Бенедиктбойерн (Benediktbeuern) в Баварии, изданной в десятилетний юбилей избрания германским королем (8 марта 1208 г.), Филипп прямо указывал на свое «императорское достоинство, которое мы получили благодаря божественному освящению и законному избранию князьями»²⁹.

Нет никаких оснований думать, что императорское достоинство за королем Филиппом могли признавать (вопреки воле римского папы) венгерские короли или кто-то из их приближенных; с кем мог общаться юный Даниил Романович. Подобное предположение не согласуется с политикой венгерского двора, приютившего у себя лиц, обвиняемых

²⁶ Домбровский Д. Галицко-Волынская летопись... С. 115.

²⁷ См.: Die Urkunden König Philipps von Schwaben / Hrsg. A. Rzhacek, R. Spreitzer. Wiesbaden, 2014 (= Monumenta Germaniae Historica. Die Urkunden der deutschen Könige und Kaiser, 12). S. LXXVII.

²⁸ «By styling himself Philip II he obviously counted himself as a ruler in a line of emperors, not kings» (Rzhacek A. To Be King of an Empire. The Notion of 'Empire' in the Charters and Letters of the Hohenstaufen King Philip (1198–1208) // Mittelalter. Interdisziplinäre Forschung und Rezeptionsgeschichte (http://mittelalter.hypotheses.org/4559#_edn13. Дата обращения: 28.07.2017)).

²⁹ «Quia ex officio suscepti regiminis, quod habemus ex imperiali dignitate, quam nos cum ex divina ordinatione tum ex legitima principum electione sumus consecuti» (Die Urkunden König Philipps von Schwaben. No. 175).

в причастности к убийству короля Филиппа, и всячески добивавшегося их оправдания, опираясь на поддержку папы.

Зато императорское достоинство Филиппа Швабского могли признавать его ближайшие союзники и — еще вероятнее — его родственники. Таким союзником и родственником короля Филиппа был галицко-волынський князь Роман Мстиславич, женатый, как уже отмечалось, на родной сестре королевы Ирины-Марии, супруги Филиппа. Князь Роман не входил в круг европейских правителей, признававших верховную власть / духовный авторитет римского понтифика. Вместе с тем, на наш взгляд, есть все основания относить Романа к числу военных союзников Филиппа, помогавших ему в борьбе с Оттоном Брауншвейгским: летом 1205 г. русский князь предпринял свой последний поход, намереваясь оказать военную помощь именно королю Филиппу³⁰.

Как бы то ни было, только в русских источниках Филипп Швабский упоминается с применением царского (императорского) титула. Помимо приведенного выше случая из Галицко-Волинской летописи, укажем на еще один такой же случай. «Цесарем» короля Филиппа именует автор древнерусской *Повести о взятии Царьграда фрягами*: в рассказе о побеге из Константинополя царевича Алексея: «И так бежал Исаакович, и прибыл к немецкому цесарю Филиппу, к зятю своему и к сестре своей. А цесарь немецкий послал к папе в Рим...»³¹; или в сообщении о раскаянии крестоносцев в совершенных ими злодеяниях: «Тогда опечалились фряги, что нарушили заповедь: не велели им цесарь немецкий и папа римский столько зла причинять Царьграду»³². Как видим, русский книжник упоминает немецкого «цесаря» в одном контексте с римским папой, не признававшим Филиппа в качестве императора.

Важно подчеркнуть, что авторами Галицко-Волинской летописи (Летописец Даниила Галицкого) и Повести о взятии Царьграда фрягами в равной степени были лица, близкие к галицко-волынскому князю — Роману Мстиславичу и его сыну Даниилу. Отсюда можно заключить, что именование Филиппа Швабского царем (императо-

³⁰ См.: Майоров А. В. Из истории внешней политики Галицко-Волинской Руси времен Романа Мстиславича // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 4 (34). С. 78–96.

³¹ «И тако изиде Исаковичъ, и приде къ нѣмьцьскому цесарю Филипови, къ зяти и къ сѣстрѣ своей. Цесарь нѣмьцьскыи посла къ папѣ въ Римъ...» (Новгородская Первая летопись... С. 46).

³² «Тѣгда же фрязи печальни бывъше за прѣслушание свое: не тако бо бѣ казалъ имъ цесарь нѣмьцьскыи и папа римьскыи, якоже си зло учиниша Цесарюграду» (Там же. С. 47).

ром) в русских источниках едва ли могло быть простой случайностью или недоразумением. Более вероятно, на наш взгляд, другое объяснение: галицко-волынские князья, союзники и родственники Филиппа Швабского, в своей среде сознательно именовали германского короля царем / императором в соответствии с его собственным амбициозным стремлением к императорскому достоинству и титулу.

Таким образом, «неправильное» именование короля Филиппа царем / императором в русских письменных памятниках, скорее всего, следует признать свидетельством аутентичности передаваемых ими известий, почерпнутых из источников, непосредственно связанных с окружением этого короля.

Осуждение Андексов

Второе. Нет никаких оснований думать, как предлагает Домбровский, будто попавшие на Русь сведения о причастности к убийству Филиппа Швабского брата венгерской королевы были «ничем иным, как всего лишь отражением распространившихся по Германии и, по всей видимости, также в венгерской придворной среде сплетен и своеобразной неприязни части венгров по отношению к немцам, а точнее Андексам, возникшей и приведшей в 1213 г. к убийству королевы Гертруды и части ее окружения»³³.

В Галицко-Волинской летописи, — делает вывод Домбровский, — «безосновательно» утверждается, что Филипп был убит «совѣтомъ брата королевое». Несправедливо обвиняя Андексов в соучастии в убийстве, «русский летописец или его информатор совершенно не разбирался в событиях, произошедших в Германии, лишь повторяя, как мы уже заметили, сплетни, циркулировавшие в определенных кругах, которые можно достоверно идентифицировать с венгерским двором, а точнее с теми его членами, которые недоброжелательно относились к немецкому влиянию, то есть к королеве Гертруде Андекс Мераниен и ее семье»³⁴.

В действительности, как хорошо известно, обвинения против брата венгерской королевы, бамбергского епископа Экберта Андекс-Меранского, были выдвинуты отнюдь не при венгерском дворе, где Экберт, наоборот, нашел защиту и приют, а в самой Германии. Убийство короля Филиппа 21 июня 1208 г. произошло во дворце бамбергского епископа, и его сразу же заподозрили в причастности к этому преступлению.

³³ Домбровский Д. Галицко-Волинская летопись... С. 113.

³⁴ Там же. С. 114–115.

Современные немецкие и австрийские хронисты, описывая случившееся в Бамберге, прямо говорят о подозрениях в причастности к убийству местного епископа: «...некоторые именитые мужи также были заподозрены в этом деле, а именно — епископ этого города вместе с многими другими, которых обвиняли в измене королю», — писал Арнольд Любекский (ум. ок. 1212 г.)³⁵. Дополнительные подробности находим в Марбахских анналах (первая половина XIII в.): «По этому делу (убийству короля Филиппа. — А. М.) обвинялся и подозревался епископ Бамберга, из-за чего его вскоре приговорили к ссылке. Он отправился в Венгрию к своей сестре, королеве, и некоторое время оставался там, пока, наконец, не обратился к римскому епископу и тот не отослал его обратно к его епископскому престолу, чтобы канонически очиститься, как было решено римским престолом, и он подчинился церкви»³⁶.

По сведениям Оттона из монастыря Св. Власия в Шварцвальде (начало XIII в.), убийца короля действовал «по наущению маркграфа Андехского», т. е. маркграфа Истрии Генриха, брата епископа Экберта³⁷. Баварский хронист Бурхард из Урсберга (ум. 1226 г.) утверждает, что убийца проник в покои короля, «взяв с собой воинов епископа Экберта и маркграфа Андехского Генриха, брата вышеупомянутого епископа»³⁸. О возмездии, постигшем обоих братьев, сообщает продолжатель Адмонтских анналов (середина XIII в.): «Экберт,

³⁵ «Fuere tamen quidam viri nominati qui de tali facto nimis suspecti sunt habiti, episcopus videlicet ipsius civitatis cum aliis multis, quibus traditio regis inposita est» (Arnoldi abbatis Lubecensis Chronica / Ed. I. M. Lappenberg // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Hannover. 1869. T. 21. P. 244).

³⁶ «Episcopus quoque Babenbergensis super eodem facto infamatus erat et suspectus habebatur, et ob hoc non modico tempore cogitur exulare. Qui commigrans in Pannoniam ad sororem suam reginam moratus est illic aliquantulum temporis, quousque tandem Romano pontifici se presentans et ab eo ad sedem suam remissus ad expurgandum se iuxta decreta canonum, prout sententiatum fuerat a sede Romana, ecclesiae satisfacit» (Annales Marbacenses qui dicuntur / Ed. H. Bloch // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum. Hannover, 1907. T. 9. P. 79).

³⁷ «[...] instigatione marchionis de Anedehse animatus in vindictam exarsit socio-rumque frequencia stipatus» (Ottonis de Sancto Blasio Chronica / Ed. A. Hofmeister // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum. Hannover; Leipzig, 1912. T. 47. P. 82).

³⁸ «Tunc sceleratus Otto assumptis militibus episcopi Eggiberti et marchionis de Andehse Hainrici, fratris prefati episcopi, venit in palatium» (Burchardi praepositi Urspergensis Chronicon / Ed. O. Holder-Egger, B. von Simson // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum. Hannover; Leipzig, 1916. T. 16. S. 90).

епископ Бамбергский, и его брат Генрих, маркграф Истрии, были объявлены имперскими князьями и министериялами вне закона, так как их заподозрили в соучастии в этом преступлении»³⁹.

Сведения немецких хронистов в целом согласуются с содержанием доклада, представленного папе Иннокентию III кардинал-епископом Остии Хуго в начале июля 1208 г. Этот доклад, специально посвященный выяснению обстоятельств бамбергского убийства, был составлен на основании сообщений непосредственного очевидца, получавшего также сведения от других лиц. Несмотря на отдельные неточности и противоречия, этот источник, самый близкий по времени к описываемым событиям, безусловно, заслуживает доверия⁴⁰. В своем докладе епископ Хуго отмечает, что, помимо непосредственного убийцы, пфальцграфа Оттона фон Виттельсбаха, к преступлению были причастны также маркграф Истрии, брат бамбергского епископа, и еще десять других вооруженных людей, которые все вместе проникли в королевские покои⁴¹.

Сообщения этих и других источников дают основания полагать, что епископ Экберт и его брат Генрих по меньшей мере знали о намерениях убийцы, баварского пфальцграфа Оттона VIII фон Виттельсбаха (1189–1209), имевшего с королем Филиппом личные счеты. Во всяком случае, убийца беспрепятственно проник в покои, предоставленные королю епископом, а затем имел возможность свободно покинуть епископский дворец и бежать.

11 ноября 1208 г. во Франкфурте собрался рейхстаг — один из самых представительных для своего времени, — на котором сторонники погибшего короля Филиппа Швабского признали власть Оттона Брауншвейгского. Это важное событие отмечено в Кельнской королевской хронике (Анналах монастыря св. Пантелеймона): «В праздник св. Мартина во Франкенфорте собрался многочисленный имперский сейм, что подтверждается присутствием там пятидесяти пяти князей.

³⁹ «Phylippus rex occiditur apud Babenberch ab Ottone palatino comite; episcopus quoque Babenbergensis Ekebertus, et frater eius Heinrichus marchio Ystrie, quia super hoc facto suspecti habebantur, tam a principibus quam etiam a ministerialibus imperii proscribuntur» (Continuatio Admontensis a. 1140–1250 / Ed. W. Wattenbach // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Hannover, 1851. T. 9. P. 591).

⁴⁰ См.: *Schmale Fr.-J.* Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Vom Tode Kaisers Heinrichs V. bis zum Ende des Interregnum. Darmstadt, 1976. Bd. 1. S. 181.

⁴¹ «[...] palatinus comes, [...] cum duce Bawarie et marchione Istrie fratre eiusdem episcopi et aliis decem uiris armatis palatium [...] ingressus» (Regestum Innocentii III papae super negotio Romani imperii / Ed. F. Kempf, Rom, 1947. (= Miscellanea historiae, 12). No. 152. S. 349).

Король Оттон с их благотворного согласия и в едином порыве всеми был признан в качестве [единственного] короля и счастливо возведен на трон империи. Таким образом, по милости Божьей он один получил власть над всей империей. Здесь он также получил в супруги обрученную с ним дочь короля Филиппа»⁴².

Вся собравшаяся во Франкфурте немецкая знать также единодушно осудила обоих братьев Андексов как непосредственно причастных к убийству Филиппа Швабского. Вместе с пфальцграфом Оттоном оба Андекссы были объявлены вне закона, отныне каждый мог их убить. Приговор князей подтверждает датированная 15 ноября 1208 г. грамота короля Оттона Брауншвейгского в адрес Людвига I, герцога Баварии (1183–1231), двоюродного брата убийцы короля Филиппа, получившего все имущество своего осужденного родственника. Приговор франкфуртского рейхстага был вынесен на основании франкского права, но, так как Андекссы принадлежали к баварской знати, 6 января 1209 г. близ Аугсбурга состоялся новый суд, руководствовавшийся баварским правом, на котором был подтвержден приговор франкфуртского рейхстага⁴³.

Спасаясь от преследований, епископ Экберт бежал к своей сестре в Венгрию, откуда обратился к папе Иннокентию III (1198–1216) с просьбой расследовать выдвинутые против него обвинения. В мае 1209 г. в Вюрцбурге состоялось первое заседание суда, проведенное папским легатом, на котором, однако, не выступил ни один представитель обвинения. Дальнейшее судебное разбирательство было поручено майнцкому архиепископу. Только в третью годовщину убийства, по-

⁴² «In festo sancti Martini apud Frankenvort curia adeo Celebris habita est, ut quinquaginta quinque principes illic convenisse probarentur, a quibus omnibus Otto rex votiva concordia et unanimi inspiratione in regem est declaratus et in regno feliciter sublimatus. Sicque divina sibi favente dementia totius regni monarchiam solus optinuit. Ibi etiam Philippi regis filiam desponsatam sibi accepit uxorem» (Chronica Regia Coloniensis (Annales Maximi Colonienses) / Ed. G. Waitz // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum. Hannover, 1880. T. 18. P. 183–184).

⁴³ См.: Regesta Imperii / Hrsg. J. Fr. Böhrer, J. Ficker. Innsbruck, 1881. Bd. 5/1. Nr. 243, 251a, 258a. См. также: Oefele E. Fr., von. Geschichte der Grafen von Andechs. Innsbruck, 1877. S. 99, Urkunden Nr. 629, 630; Winkelmann E. Philipp von Schwaben und Otto IV. von Braunschweig. Leipzig, 1873. Bd. I. S. 475 f.; Hücker B. U. Der Königsmord von 1208 – Privatrache oder Staatsstreich? // Die Andechs-Meranier in Franken. Europäisches Fürstentum im Mittelalter. Katalog zur Ausstellung in Bamberg vom 19. 6. bis 30. 9. 1998 / Hrsg. L. Henning. Bamberg, 1998. S. 111; Csendes P. Philipp von Schwaben. Ein Staufer im Kampf um die Macht. Darmstadt, 2003 (= Gestalten des Mittelalters und der Renaissance). S. 196.

сле многочисленных проволок, на заседании суда в Бамберге ввиду отсутствия прямых доказательств вины с Экберта были сняты все обвинения⁴⁴.

Как видим, в сообщении Галицко-Волынской летописи об убийстве «римского царя» Филиппа, совершенном по наущению брата венгерской королевы, отражены не какие-то венгерские придворные сплетни (о которых, кстати сказать, мы вообще ничего не знаем), а официальный приговор рейхстага, вынесенный немецкой знатью.

Русский летописец не называет имени непосредственного убийцы Филиппа (Оттона фон Виттельсбаха). Однако из этого факта никак не следует, что на Руси не знали подлинных обстоятельств случившегося. Заметим, что русский книжник не упоминает также имени Экберта Андекс-Меранского: последний для него лишь безымянный «брат королевы» — жены неоднократно упомянутого в летописи венгерского короля Андрея II. Тем не менее убийца Филиппа — хотя и без имени — все же присутствует в рассказе летописца, который отличает его от «брата королевы», направившего своим «советом» руку убийцы.

Именно к такому выводу, как мы видели, пришли участники рейхстагов во Франкфурте и Аугсбурге, расследовавшие убийство короля Филиппа. Можно сомневаться в справедливости этого приговора и даже строить более или менее основательные предположения насчет отношения к нему в венгерской придворной среде. Но нельзя отрицать при этом особого интереса и хорошей осведомленности галицкого летописца в обстоятельствах убийства короля Филиппа Швабского, обусловленной, как мы полагаем, родственными связями германского короля и галицкого князя.

Евфросиния Галицкая и Феодора Австрийская

Нельзя исключать, что именно причастность к убийству Филиппа Швабского венгерской королевы Гертруды (через своего брата Экберта) вызвала весьма прохладное, если не сказать неприязненное, отношение к последней, сквозящее в рассказе русского летописца о ее трагической гибели вместе со своими немецкими приближенными от рук заговорщиков 28 сентября 1213 г.: «Жену его (венгерского короля Андрея II. — А. М.) убили, а шурин его, патриарх Аквилейский, едва убежал; и многие немцы были перебиты»⁴⁵.

⁴⁴ См.: *Oefele E. Fr., von. Geschichte der Grafen von Andechs*. S. 99, Urkunden Nr. 632; *Schütz A. Die Andechs-Meranier in Franken und ihre Rolle in der europäischen Politik des Mittelalters // Die Andechs-Meranier in Franken...* S. 33–36.

⁴⁵ «И оубиша же женоу его, а шуринъ его одва оутече, патрѣархъ Авлѣскый, едва убежал; и мнози Нѣмци избити быша» (Ипатьевская летопись. Стб. 729).

Это известие контрастирует с предшествующим ему сообщением о попытке покушения на самого короля Андрея: «Король отпустил Владислава, собрал много воинов и пошел на Галич. Остановился он в монастыре Лелесове, и здесь неверные бояре пытались его убить»⁴⁶. Летописец определенно сочувствует венгерскому королю, осуждая покушавшихся на его жизнь мятежников. Может быть, это сочувствие, выраженное через осуждение «неверных бояр», было мотивировано срывом по их вине военного похода на Галич, предпринятого королем, вероятно, в интересах Даниила.

В то же время неприязнь к венгерской королеве и ее окружению галицкого летописца представляется малопонятной и даже этически неприемлемой с точки зрения личных отношений князя Даниила с венгерской королевской семьей, в которой он, вынужденный покинуть родину, провел свое детство и получил воспитание. Ведь, по словам летописца, венгерский король принял у себя осиротевшего Даниила «как милого сына своего» и неоднократно помогал ему в борьбе за галицкий стол⁴⁷.

В то же время сообщение о гибели Гертруды находит объяснение как своего рода продолжение истории убийства Филиппа Швабского и его последствий: судьба настигла венгерскую королеву и ее близких, наказав за причастность к гибели короля Филиппа, родственника галицко-волынских князей.

Очевидно, в своих построениях Домбровский исходит из предположения, что существовала только одна возможность получения на Руси сведений об убийстве германского короля Филиппа, причастности к нему брата венгерской королевы, а также убийстве этой последней, — сведения такого рода могли попасть в Галицко-Волинскую летопись только из венгерских источников. Точнее говоря, главным источником для галицкого летописца в подобных случаях был сам князь Даниил, проводивший в Венгрии свое детство и отрочество.

Нам представляется, что у галицко-волынских князей могла быть еще одна возможность получать сведения о происходящих в Германии (а также в самой Венгрии) событиях, затрагивающих интересы дома Романовичей. К тому же этот дополнительный источник выражал альтернативную в отношении венгерского двора точку зрения, что сказалось на характере рассмотренных выше сообщений галицкого летописца.

⁴⁶ «Король же поусту Володислава, и собра много вои и иде на Галичь. Ставше же во манастырь Лелесовъ, невѣрнии же бояръ хотѣша его оубити» (Там же).

⁴⁷ Там же. Стб. 717, 726, 727.

После убийства короля Филиппа и наступившей затем смерти его вдовы, королевы Ирины-Марии, в немецких землях оставалась еще одна близкая родственница галицко-волынкой княгини Евфросинии. Мы имеем ввиду жену австрийского герцога Леопольда VI (1198–1230) герцогиню Феодору (ум. в 1246 г.), происходившую из той же византийской семьи, что и обе вышеназванные правительницы.

В 1203 г. австрийский герцог Леопольд женился на некой знатной византийке по имени Феодора. Ее происхождение, так же как и происхождение галицко-волынкой княгини Евфросинии, долго оставалось не вполне выясненным в виду отсутствия ясных указаний в источниках. По свидетельству Мелькских анналов, Феодора была дочерью греческого короля (*Theodoram filiam regis Grecorum*)⁴⁸. Однако большинство австрийских хронистов называли свою новую герцогиню *neptis* или *nepta* греческого короля⁴⁹. Выражение *neptis*, означавшее в классической латыни ‘внучка’, в средние века могло использоваться также в значении ‘племянница’.

В то же время некоторые источники уточняют, что Феодора была внучкой / племянницей *ex filia* «императора Константинополя»⁵⁰. Это прибавление придает новый смысл выражению *neptis*: выходит, что Феодора приходилась константинопольскому императору внучкой со стороны дочери.

В дошедших до нас источниках нет полной даты бракосочетания Леопольда и Феодоры. Из сообщений австрийских хроник извест-

⁴⁸ *Annales Mellicenses. Continuatio Mellicensis a. 1124–1564* / Ed. W. Wattenbach // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum*. T. 9. P. 506.

⁴⁹ «*Liupoldus dux Austrie et Stirie Theodoram neptem regis Grecorum duxit uxorem*» (*Continuatio Claustroeburgensis II. a. 1141–1224* / Ed. W. Wattenbach // *Ibid.* P. 620); «*Leupoldus dux Austrie et Styrie Theodoram neptam regis Graecorum duxit uxorem*» (*Continuatio Claustroeburgensis III. a. 1142–1233* / Ed. W. Wattenbach // *Ibid.* P. 634); «*Leupoldus gloriosus dux Austrie duxit Theodoram neptem regis Grecie*» (*Continuatio Praedicatorum Vindobonensium a. 1025–1283* / Ed. W. Wattenbach // *Ibid.* P. 726); «*Leupoldus Dux Austriae & Stiriae Theodoram, neptem Regis Graecorum, duxit uxorem*» (*Anonymi Chronicon Leobienensis // Scriptores rerum Austriacarum* / Ed. H. Pez. Leipzig, 1721. T. 1. P. 800); «*Anno Domini 1202 (sic): Leupoldus Dux Austriae & Stiriae nuptias Wienae, multis principibus ibidem convenientibus, pomposissime celebravit, & Theodoram, neptem Regis Graecorum duxit uxorem*» (*Anonymi Coenobitae Zwetlensis Chronicon* // *Ibid.* P. 976).

⁵⁰ «*Liupoldus Austrie Stirieque dux Theodoram duxit Constantinopolitani imperatoris ex filia neptem*» (*Continuatio Admuntensis*. P. 590); «*Liupoldus dux Austriae Styriaeque dux (sic) Theodoram Constantinopolitani imperatoris ex filia neptem duxit coniugem*» (*Continuatio Garstensis a. 1182–1257* / Ed. W. Wattenbach // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum*. T. 9. P. 595).

но лишь о том, что великолепная свадьба была пышно отпразднована в Вене в присутствии многих князей в 1203 г.⁵¹ При таких обстоятельствах на роль деда царевны Феодоры в равной мере подходят два византийских императора, последовательно правивших в Константинополе в 1203 г., — Алексей III и Исаак II.

В литературе можно найти аргументы в пользу обеих представленных здесь возможностей. Большинство исследователей, как кажется, склоняется в пользу признания герцогини Феодоры внучкой (иногда внучатой племянницей) императора Исаака II⁵². Андреас Роби, автор специального исследования о происхождении Феодоры, склонен считать ее внучкой императора Алексея III⁵³. Аргументы этого исследователя заслуживают отдельного рассмотрения.

Известно, что младшая дочь Алексея III Анна от своего первого мужа севастократора Исаака Комнина имела дочь по имени Феодора. Несмотря на юный возраст (Феодора должна была родиться после 1186/87 гг., когда состоялась свадьба ее родителей), по воле деда она успела дважды побывать замужем за болгарскими боярами Иванко (ок. 1196/97 гг.) и Добромиром Хризом (ок. 1200 г.)⁵⁴. Таким способом в период болгарского восстания Алексей III стремился склонить на сторону империи видных представителей местной знати. После того как весной 1202 г. Добромир Хриз должен был подчиниться Византии и потерял почти все свои владения⁵⁵, Феодора навсегда исчезает из ви-

⁵¹ «Liupoldus Austrie Stirieque dux Theodoram duxit Constantinopolitani imperatoris ex filia neptem, et apud Wien magnifice nuptias celebravit» (a. 1203) (Continuatio Admuntensis. P. 590); «Hoc anno Liupoldus dux Austrie nuptias Wienne multis principibus ibidem convenientibus pomposissime celebravit» (a. 1202 sic!) (Continuatio Claustroneoburgensis II. P. 620).

⁵² Juritsch G. Geschichte der Babenberger und ihrer Länder. Innsbruck, 1894. S. 375; Lechner K. Die Babenberger. Markgrafen und Herzöge von Österreich, 976–1246. Wien, 1996. S. 196; Scheibelreiter G. Leopold VI. // Lexikon des Mittelalters. München, etc., 1991. Bd. 5. S. 1900–1901; Die Welt der Babenberger. Schleier, Kreuz und Schwert / Hrsg. B. Vacha, W. Pohl. Graz, etc., 1995. S. 217 f.; Csen-des P. Wien, Byzanz und die islamische Welt. Die internationale Politik der Babenberger // Das Millennium. Essays zu tausend Jahren Österreich / Hrsg. G. Heiss, K. P. Liessmann. Wien, 1996. S. 40.

⁵³ См.: Rhozy A. Wer war die "zweite" Theodora von Österreich? Analyse des Quellenproblems // Wiener Byzantinistik und Neogräzistik: Beiträge zum Symposium Vierzig Jahre Institut für Byzantinistik und Neogräzistik der Universität Wien im Gedenken an Herbert Hunger (Wien, 4.–7. Dezember 2002). Wien, 2004 (= Byzantina et Neograeca Vindobonensia, 24). S. 387–396.

⁵⁴ Brand Ch. M. Byzantium confronts the West. 1180–1204. Cambridge, 1968. P. 119 f., 126; Βάρζος Κ. Ἡ γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν. Θεσσαλονίκη, 1984. Τ. 2. Σ. 728, παρ. 7.

⁵⁵ Nicetae Choniatae Historia / Ed. L. A. van Dieten. Berlin, 1975 (= Corpus fontium

зантийских источников. Высока вероятность, что именно эта Феодора, внучка со стороны дочери византийского императора, в третий раз могла быть выдана замуж за австрийского герцога.

Согласно А. Роби, заключение брака с герцогом Леопольдом внуки императора Алексея III «может быть интерпретировано как сознательный контрпроект по отношению к браку дочери императора Исаака II, брата и соперника Алексея, с будущим германским королем Филиппом Швабским, заключенному в 1197 г.»⁵⁶.

Как бы то ни было, ясно, что австрийская герцогиня Феодора и галицко-волынская княгиня Евфросиния состояли между собой в близком родстве: первая приходилась последней родной или двоюродной племянницей.

Леопольд VI был в числе немецких князей, осудивших Андексов как соучастников убийства Филиппа Швабского. Кроме того, австрийский герцог непосредственно участвовал в разделе имущества осужденных, в том числе владений, принадлежавших епископу Экберту. Об этом можно заключить из посланий папы Иннокентия III, прямо относящихся к делу бамбергского епископа (*De negotio episcopi Bambergensis*) и датированных 13 ноября 1209 г. Адресуясь к новому императору Оттону IV (1209–1218), зальцбургскому архиепископу, другим светским и церковным властителям, а также непосредственно австрийскому герцогу Леопольду, папа под угрозой отлучения и интердикта потребовал от последнего вернуть отнятые у бамбергского епископа владения как принадлежащие церкви⁵⁷. В литературе уже давно высказано мнение, что австрийский герцог вероятнее всего был среди тех князей, кто инициировал и более всего поддерживал обвинения против Андексов, добиваясь при этом корыстных целей⁵⁸.

Заметим также, что Леопольд VI был свидетелем еще одного описанного в Галицко-Волынской летописи эпизода — убийства венгерской королевы Гертруды. Заговорщики напали на королеву во время охоты, устроенной в честь австрийского герцога. Убийцы ворвались в

historiae Byzantinae, 11/1). P. 535. См.: *Hoffmann J.* Rudimente von Territorialstaaten im byzantinischen Reich (1071–1210). München, 1974 (=Miscellanea Byzantina Monacensia, 17). S. 52, 55, 91 f, 94, 115.

⁵⁶ *Rhoby A.* Byzanz und "Österreich" im 12./13. Jahrhundert: Mythos und Realität // Knotenpunkt Byzanz. Wissensformen und kulturelle Wechselbeziehungen / Hrsg. A. Speer, Ph. Steinkrüger. Berlin, 2012 (=Miscellanea Mediaevalia. Veröffentlichungen des Thomas-Instituts der Universität zu Köln, 36). S. 597.

⁵⁷ *Regesta Pontificum Romanorum, 1198–1304* / Ed. A. Pothast. Roma, 1874. Nr. 3840–3843.

⁵⁸ *Winkelmann E.* Philipp von Schwaben und Otto IV. von Braunschweig. Bd. 1. S. 478. См. также: *Schütz A.* Die Andechs-Meranier in Franken... S. 33.

королевский шатер, когда Гертруда отдыхала там вместе со своим братом, калошским архиепископом Бертольдом, и герцогом Леопольдом. Двум последним удалось бежать, а беззащитная королева была жестоко убита⁵⁹. Австрийский хронист отмечает, что его герцог едва не стал жертвой этого заговора: «Леопольд, герцог Австрии и Штирии, тоже присутствовал тогда там, и венгры пытались погубить также и его; но он, поддержанный Божьей милостью, хотя и с трудом, целым и невредимым вернулся в свою землю»⁶⁰.

Приведенные факты показывают, что сведения Галицко-Волынской летописи об убийствах германского короля Филиппа Швабского и венгерской королевы Гертруды могли быть получены из австрийского источника, близкого к герцогу Леопольду, чья супруга, как мы видели, состояла в родстве с галицко-волынской княгиней Евфросинией. Принимая такую возможность, мы сможем объяснить не только происхождение указанных известий, но и заметное в них негативное отношение к Андексам, братьям венгерской королевы — епископам Экберту и Бертольду.

Более того, внимание русского летописца к личности последнего, ставшего патриархом Аквилеи в феврале 1218 г.⁶¹, затруднительно объяснить с точки зрения отношений с Романовичами: в летописи нет никаких сведений о том, чтобы сам Даниил либо кто-то из его близких имел какие-то контакты с Бертольдом Андекс-Меранским. Можно только догадываться, что, воспитываясь при венгерском дворе, Даниил мог что-то знать о братьях королевы Гертруды. Зато нет сомнений, что обоих Андексов — Бертольда и Экберта — хорошо знал австрийский герцог Леопольд. По всей видимости, архиепископ Бертольд был главной целью венгерских заговорщиков⁶² и тем самым поставил под угрозу жизнь австрийского герцога, находясь с ним в одном шатре. Подробности такого рода должна была знать герцогиня Феодора и, как нам представляется, могла сообщить о них своей тетке на Русь.

⁵⁹ Huber A. Studien über die Geschichte Ungarns in der Zeit der Arpaden // Archiv für österreichische Geschichte. 1884. Bd. 65. S. 172; Kosztolnyik Z. J. Hungary in the Thirteenth Century. New York, 1996 (= East European monographs, 439). P. 46; Schüle W. Tod einer Königin: Gertrud von Andechs-Meranien, Königin von Ungarn (1203–1213), Mutter der Hl. Elisabeth. Neckenmarkt; Wien; München, 2009. S. 129.

⁶⁰ «Leupoldus quoque dux Austriae Stirieque dum ibidem adesset, ab Ungaris perendus inquiritur; set divina se protegente gratia, licet laboriose, salvus tarnen et incolomis in terrain suain regressus est» (Continuatio Admuntensis. P. 592).

⁶¹ См.: Schütz A. Die Andechs-Meranien in Franken... S. 39.

⁶² См.: Kosztolnyik Z. J. Hungary in the Thirteenth Century. P. 46.

Структура летописных известий

Обратимся теперь к структуре летописной статьи об убийстве «великого царя» Филиппа.

Как уже не раз отмечалось исследователями, эта статья имеет характер отдельного известия, разрывающего основное повествование летописца, и в свою очередь состоит по меньшей мере из двух частей. Ясно, что в рассматриваемой статье говорится о различных событиях, происходивших в разное время и с разными людьми, но связанных между собой логически: убийство германского короля Филиппа повлияло на судьбу венгерской королевны Елизаветы, выданной замуж в Германию и с течением времени ставшей святой⁶³. При этом запись о праведной жизни Елизаветы в Германии и ее последующем прославлении, по всей видимости, была сделана позднейшим редактором (сводчиком) и имеет черты вставки: «Указав на намерение венгерского короля устроить брак Даниила со своей дочерью (Елизаветой), — писал Л. В. Черепнин, — автор Летописца 1256/57 г. привел данные каких-то западных источников о дальнейшей судьбе Елизаветы. Эта вставка снова нарушила связный рассказ галицкой повести и вызвала переходную фразу: “Но мы на преднее возвратимся, яко же преже почали быхом”»⁶⁴. Согласно В. Т. Пашуто, «фразу “уже ныне святу наречают” можно считать включенной автором свода князя Даниила в текст, говоривший о Елизавете, дочери короля Андрея II»⁶⁵.

Дариуш Домбровский весьма скептически оценил опыт своих предшественников в изучении данного известия, уличая их в применении «губительных навыков» и даже в «познавательной лени»⁶⁶. Претензии новейшего исследователя главным образом сводятся к тому, что в изучении известий Галицко-Волынской летописи историки обычно отдают предпочтение Ипатьевскому списку в ущерб Хлебниковскому и Погодинскому. Сам Домбровский предлагает полностью отбросить хронологическую сетку Ипатьевского списка и — как следствие из этого — пересмотреть композиционную структуру летописных известий, примыкающих к сообщению об убийстве Филиппа Швабского.

⁶³ *Szaraniewicz I.* Die Hypatios-Chronik als Quellen-Beitrag zur österreichischen Geschichte. Lemberg, 1872. S. 43–45, 50–53; *Грушевський М. С.* Історія української літератури. Київ, 1993. Т. 3. С. 137.

⁶⁴ *Черепнин Л. В.* Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. 1941. Т. 12. С. 242.

⁶⁵ *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 71.

⁶⁶ *Домбровский Д.* Галицко-Волынская летопись... С. 105.

Согласно Домбровскому, сообщение об убийстве короля Филиппа логически связано с предшествующим ему известием о пребывании Даниила в Венгрии и намерении короля Андрея выдать за него свою дочь. Убийство Филиппа упомянуто в русской летописи только потому, что оно стало причиной расстройства матримониальных планов венгерской королевской семьи в отношении Даниила: королева Гертруда предпочла отдать дочь в Тюрингию, чтобы найти союзников своему брату Экберту, обвиняемому в убийстве. Отъезд Елизаветы в Тюрингию в свою очередь хронологически связывается с следующим далее сообщением о казни князей Игоревичей в Галиче: оба события произошли в 1211 г.⁶⁷

Нам представляется, что рассказ об убийстве короля Филиппа и судьбе венгерской принцессы Елизаветы, выделенный в Ипатьевском списке в отдельную годовую статью, несомненно, носит характер самостоятельного летописного сообщения. Удивительно, но вопреки своим разоблачительным и многообещающим намерениям Домбровский в итоге приходит к такому же выводу: «О самостоятельности абзаца, начинающегося информацией об убийстве Филиппа, свидетельствует не только его тематическое отличие и хронологически осложненная структура [...] но и выделение киноварью (*“В та ж лѣта”* и *“Съвѣтъ же створиша”*), а также указывающее на это использованное летописцем сразу же по окончании абзаца о судьбах Елизаветы выражение: *“но мы на преднее възвратимся, якоже прежде почалъ быхомъ”*»⁶⁸.

Новейший исследователь сознательно выбирает и специально подчеркивает парадоксальный способ своих построений («Доказательством этого парадокса является, по существу, основа нашего умозаключения»)⁶⁹. Предлагая читателю самостоятельно разгадывать этот сомнительный парадокс, исследователь тем самым освобождает себя от дальнейших поисков логически приемлемого объяснения.

Оставаясь в рамках традиционного подхода, мы будем рассматривать летописную статью об убийстве Филиппа как отдельное известие, логически и структурно обособленную часть большого летописного нарратива, имеющую самостоятельное смысловое значение.

Нам представляется, что в рассматриваемой летописной статье сведены воедино два пласта исторической информации о событиях,

⁶⁷ Там же. С. 112. См. также: *Dąbrowski D. Król Rusi Daniel: Biografia polityczna. S. 56.*

⁶⁸ *Домбровский Д. Галицко-Волынская летопись... С. 107.*

⁶⁹ Там же.

отстоящих друг от друга примерно на четверть столетия. Вначале речь идет об убийстве царя Филиппа по совету брата венгерской королевы, которая в надежде найти ему союзника отдала свою дочь за сына ландграфа Тюрингии.

Второй пласт, как уже отмечалось исследователями, носит характер вставки или позднейшего прибавления и относится ко времени, когда вся статья приобрела законченный вид. Летописец сообщает, что «нынѣ» (т. е. спустя некоторое время после описанных ранее событий) дочь венгерской королевы, выданную в Тюрингию, признают святой за то, что после смерти своего мужа она много послужила Богу (много бо послужи Бгви по mouжи своему). Ясно, что появление этих слов в летописи могло произойти не ранее смерти ландграфа Людвига (т. е. после 11 сентября 1227 г.). Нарочитое подчеркивание святости Елизаветы — в коротком сообщении это сделано дважды («уже нынѣ святоу нарѣчают»; «и святоу нарѣчают») — наводит на мысль, что запись была сделана уже после смерти и официальной канонизации самой Елизаветы (27 мая 1235 г.).

Попробуем определить время, когда могли быть сформированы приведенные летописные сообщения. Имеющиеся у нас данные, как кажется, позволяют решить эту задачу.

Помолвка и отъезд в Тюрингию королевны Елизаветы

По мнению Домбровского, сообщение об убийстве Филиппа Швабского и выдаче замуж (в действительности о помолвке) королевны Елизаветы могло возникнуть в связи с отъездом последней в Тюрингию в 1211 г.⁷⁰ К сожалению, это свое предположение исследователь оставляет без доказательств.

Между тем, согласно *Житию Св. Елизаветы*, составленному эрфуртским доминиканцем Дитрихом из Апольды в конце XIII в., договоренность о браке венгерской королевны с сыном тюрингского ландграфа была достигнута задолго до отъезда Елизаветы в Тюрингию, почти сразу после ее рождения. По словам Дитриха, основным источником которого было *Жизнеописание Людвига* (*Gesta Ludowici*), составленное вскоре после смерти ландграфа его капелланом Бертольдом⁷¹,

⁷⁰ Там же. С. 109.

⁷¹ См.: Werner M. Die Elisabeth-Vita des Dietrich von Apolda als Beispiel spätmittelalterlicher Hagiographie // *Geschichtsschreibung und Geschichtsbewußtsein im Spätmittelalter* / Hrsg. H. Patze. Sigmaringen, 1987 (= *Vorträge und Forschungen*, 31). S. 534 f.; *Tebruck St.* Die Reinhardsbrunner Geschichtsschreibung im Hochmittelalter. Klösterliche Traditionsbildung zwischen Fürstenhof, Kirche und Reich. Frankfurt/M., 2001 (= *Jenaer Beiträge zur Geschichte*, 4). S. 19, 34 f.

Елизавету просватали за Людвига, когда она была еще грудным младенцем: «В Венгрии правил тогда король Андреас [...] Его жена по имени Гертруда, дочь благороднейшего герцога Каринтии [...] родила дочь [...] Та, переродившись во Христе, получила имя Елизавета в 1207 году от воплощения Господня. Немного позже эта избранная святая Елизавета, еще сосавшая грудь, была по воле Божьей сосватана Людвигу, первенцу упомянутого князя Германа»⁷².

По мнению большинства новейших исследователей, упомянутое здесь сватовство или помолвка должно была произойти, когда Елизавета достигла возраста, не превышающего одного года, т. е. в 1208 г.⁷³

На основании этой предварительной договоренности, как повествует далее Дитрих из Апольды и другие источники, к венгерскому двору, находившемуся тогда в Пресбурге (Братиславе), прибыло посольство жениха и увезло уже подростковую Елизавету в Тюрингию: «Итак, в четвертый год от рождения Елизаветы ландграф Герман послал в Венгрию почетных и знатных послов обоого пола, чтобы доставить дочь короля в Тюрингию. Возглавлявшие их граф Мейнхард из Мюльберга, знатный муж Вальтер из Фаргулы и госпожа Берта, вдова Эгелольфа из Бенделебена, шествовали с многочисленными спутниками и прислужой и с богатой роскошью, как того требовало высокое положение таковой знатности [...] Итак, придя к хорошо укрепленному

⁷² «Regnabat tune in Ungaria Andreas rex [...]. Cuius uxor Ghertrudis nomine, nobilissimi ducis Carinthie filia, [...] peperit filiam [...]. Que in Christo regenerata Elyzabeth nomen accepit anno dominice incarnadonis MCCVII. Nec multo post dicti principis Hermanni primogenito Ludowico [...] electa illa Elyzabeth sancta adhuc sugens ubera nutu dei desponsata est» (Die Vita der heiligen Elisabeth des Dietrich von Apolda / Hrsg. M. Renner. Marburg, 1993 (Veröffentlichungen der Historischen Kommission für Hessen, 53). S. 24–25).

⁷³ См.: *Schwind Fr.* Die Landgrafschaft Thüringen und der landgräfliche Hof zur Zeit der Elisabeth // Sankt Elisabeth: Fürstin, Dienerin, Heilige. Aufsätze, Dokumentation, Katalog / Hrsg. C. Graepler, F. Schwind, M. Werner. Sigmaringen, 1981. S. 37; *Ohler N.* Elisabeth von Thüringen. Fürstin im Dienst der Niedrigsten. Zürich, 1984 (= Persönlichkeit und Geschichte, 114/115). S. 15 f., 27; *Werner M.* Die heilige Elisabeth in Thüringen. Freiburg, 1992 (= Schriftenreihe des Vereins zur Rettung und Erhaltung der Neuenburg e. V., 1). S. 8; *Wies E. W.* Elisabeth von Thüringen: die Provokation der Heiligkeit. Esslingen, 1993. S. 248; *Huth V.* Bildliche Darstellungen von Adligen in liturgischen und historiographischen Handschriften des hohen Mittelalters // Nobilitas. Funktion und Repräsentation des Adels in Alteuropa / Hrsg. O. G. Oexle, W. Paravicini (= Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte, 133). Göttingen, 1997. S. 158 f.; *Zimmermann H., Bieger E.* Elisabeth: Heilige der christlichen Nächstenliebe. Kvelaer, 2006. S. 36; *Ambros E.* Die heilige Elisabeth. Fürstin und Heilige. Wien, 2006. S. 130.

королевскому замку, называемому Пресбург, они были приняты благо-склонно и по-королевски»⁷⁴.

Если учитывать, что дата рождения Елизаветы новейшими исследователями определяется между июлем и октябрём 1207 г.⁷⁵, то ее помолвка должна была состояться не позднее осени 1208 г., а отъезд в Тюрингию — не позднее осени 1211 г.

Заметим также, что, в полном согласии с показаниями Галицко-Вольнской летописи, Дитрих из Апольды говорит о решающей роли венгерской королевы Гертруды в устройстве судьбы своей дочери и в делах государственного управления вообще: «Она (Гертруда. — А. М.), сочетая с женским мышлением мужской дух, занималась делами государственной важности и заботилась обо всем необходимом для отправления дочери (в Тюрингию. — А. М.)»⁷⁶. Историками давно уже сделан вывод, что брак Елизаветы с Людвигом усилиями Гертруды был заключен в интересах Андекссов, и прежде всего епископа Экберта, который только с помощью ландграфа Германа смог вернуться на свою кафедру в Бамберге⁷⁷.

Сведения *Жития Св. Елизаветы*, конечно, могут быть поставлены под сомнение в силу специфики агиографического источника. Ортруд Ребер, к примеру, видит в приведенных выше словах Дитриха из Апольды метафорический смысл: выражение *sugens ubera* может подразумевать божью любовь, которой питалась Елизавета с младенчества, и, следовательно, из этих слов невозможно вывести дату помолвки Елизаветы.

⁷⁴ «Anno ergo a nativitate Elyzabeth quarto misit Hermannus lantgravius solempnes ac nobiles utriusque sexus legatos in Ungariam pro regis filia in Thuringiam adducenda. Quorum principales comes Menhardus de Mulberch et nobilis vir Walterus de Varila dominaque Bertha, relieta Egelolphi de Bendeliben, erant procedentes cum comitatu et familia multa et apparatu copioso, prout tante nobilitatis excellence requirebat [...]. Venientes itaque ad castrum regis munitissimum, quod Presburc dicitur, iocunde et regaliter sunt recepti» (Die Vita der heiligen Elisabeth des Dietrich von Apolda. S. 25). См. также: Das Leben des hl. Ludwig, Landgrafen von Thüringen, Gemahls der hl. Elisabeth, nach der lateinischen Ur-schrift übersetzt von Friedrich Ködiz von Saalfeld / Hrsg. H. Rückert. Leipzig, 1851. S. 13.

⁷⁵ См.: Werner M. Elisabeth von Thüringen, Franziskus von Assisi und Konrad von Marburg // Elisabeth von Thüringen — eine europäische Heilige. Katalog. Wartburg — Eisenach, 7. Juli bis 19. November 2007 / Hrsg. D. Blume, M. Werner. Petersberg, 2007. Bd. 2. S. 128. Anm. 36.

⁷⁶ «Que femineae cogitationi virilem animum inserens regni tractabat negocia filieque transmittende procurabat necessaria» (Die Vita der heiligen Elisabeth des Dietrich von Apolda. S. 25).

⁷⁷ Wegele Fr. X. Die heilige Elisabeth von Thüringen // Historische Zeitschrift. 1861. Bd. 5. S. 362.

Исследовательница предполагает, что эта помолвка могла быть заключена непосредственно перед отъездом Елизаветы в Тюрингию⁷⁸.

Мы не будем здесь входить в обсуждение вопроса, в каком смысле — прямом или переносном — описывал Дитрих помолвку Елизаветы. На наш взгляд, этот автор четко различает между собой два события, разделенные во времени: собственно помолвку и последующий отъезд невесты в Тюрингию. И если этот последний состоялся «в четвертый год от рождения» Елизаветы, то сосватана за Людвига она была грудным младенцем («еще сосавшая грудь»), — в обоих случаях речь у Дитриха идет прежде всего о возрасте невесты.

Петер Виганд, автор специального исследования о времени и причинах арпадско-людовингского династического союза, приходит, как кажется, к такому же выводу: «...есть признаки того, что брак Елизаветы с Людвигом был очень рано обговорен. В изложении Дитриха из Апольды поездка и прибытие невесты в Тюрингию занимает центральное место, но отчетливо подчеркивается, что договоренность о браке была достигнута, когда Елизавета была еще грудным младенцем. Наш источник — если понимать его данные дословно — исходит из того, что действие было многоступенчатым, и его первый акт уверенно можно датировать 1208 г.»⁷⁹.

Мы соглашаемся с мнением тех исследователей, кто относит помолвку Елизаветы к 1208 г. Именно после приговора франкфуртского рейхстага возникла необходимость в срочных мерах для защиты опальных братьев венгерской королевы. Под угрозой тогда оказались не только их имущество, честь и достоинство, но и сама жизнь. Об этом красноречиво свидетельствует судьба пфальцграфа Оттона VIII фон Виттельсбаха. Объявленный вне закона за убийство короля Филиппа, Оттон был настигнут отрядом имперского гофмаршала Генриха фон Кальдена в Оберндорфе близ Регенсбурга и убит в начале марта 1209 г., его голова была отрублена и сброшена в Дунай, а тело многие годы оставалось непогребенным. Герцог Людвиг Баварский разрушил замки и крепости Оттона, в том числе сравнял с землей его родовой замок Виттельсбах⁸⁰. Маркграф Истрии Генрих также подвергся гонениям.

⁷⁸ Reber O. Elisabeth von Thüringen. Landgräfin und Heilige: eine Biographie. Regensburg, 2006. S. 52.

⁷⁹ Wiegand P. Eheversprechen und Fürstenkoalition: die Verbindung Elisabeths von Ungarn mit Ludwig von Thüringen als Baustein einer europäischen Allianz (1207/08–1210/11) // Elisabeth von Thüringen — eine europäische Heilige. S. 37.

⁸⁰ Burchardi praepositi Urspergensis Chronicon. P. 91. См.: Winkelmann E. Philipp von Schwaben und Otto IV. von Braunschweig. Bd. 1. S. 477; Hücker B. U. Der Königsmord von 1208... S. 111; Csendes P. Philipp von Schwaben. S. 196.

Хотя он и пытался защищать свои земли, но вскоре потерпел поражение и в марте 1209 г. бежал с несколькими сторонниками в Рим, а затем в Венгрию⁸¹.

Используя свои родственные связи с Вельфами, Штауфенами и тюрингскими Людовингами, королева Гертруда (происходившая по матери из дома ландграфов Мейсена) должна была незамедлительно вмешаться в ход событий и всеми мерами предотвратить их неблагоприятное для Андекссов развитие.

Дипломатия Арпадов и папа Иннокентий III

Результаты этих усилий, как кажется, сказались уже весной 1209 г. В мае специальные папские легаты прибыли в Вюрцбург, где возглавили большую судебную коллегия, состоявшую из имперских прелатов и князей, которая в том числе должна была вынести новый приговор по делу Экберта. Когда же судьи, дав разрешение на брак императора Оттона IV с Беатрисой, дочерью погибшего короля Филиппа (несмотря на близкое родство между ними), приступили к рассмотрению дела Экберта, то, вопреки ожиданиям, никто из присутствовавших князей и министериалов не выступил на стороне обвинения. Поддержать обвинение отказался даже упомянутый выше гофмаршал Генрих фон Кальден, неоднократно лично расправлявшийся с врагами Штауфенов, в том числе с церковными иерархами: помимо расправы с Оттоном фон Виттельсбахом Кальден известен также как участник убийства вюрцбургского епископа и королевского канцлера Конрада Кверфуртского (3 декабря 1202 г.), перешедшего в лагерь Вельфов⁸².

Как ни странно, но в мае 1209 г. немецкие князья и прелаты, совсем недавно единодушно осудившие Андекссов, проявили удивительную нерешительность и сошлись на том, чтобы обратиться непосредственно к суду папы и перенести свое заседание в Рим, куда все они собирались для участия в коронации Оттона IV. Но, несмотря на то, что папа назначил дату нового разбирательства в Риме, никто из обвинителей Экберта на него не явился. Тогда 13 ноября 1209 г. Иннокентий III назначил по делу бамбергского епископа новую судебную коллегия во главе с майнцским архиепископом Зигфридом II. Дело затягивалось и далее, вплоть до июня 1211 г., пока не привело к благоприятному для Экберта исходу⁸³.

⁸¹ Oefele E. Fr., von. Geschichte der Grafen von Andechs. S. 99, Urkunden. Nr. 629, 630.

⁸² См.: Csendes P. Philipp von Schwaben. S. 130.

⁸³ Regesta Pontificum Romanorum. T. I. Nr. 3842; Regesten zur Geschichte der Mainzer Erzbischöfe, 742?–1514 / Hrsg. J. Fr. Böhrer, C. Will. Innsbruck, 1886. Bd. 2. Nr. 130; Chronica Regia Coloniensis. P. 232. См.: Winkelmann E. Philipp

По всей видимости, в конце 1208 — начале 1209 г. венгерским двором были предприняты наиболее энергичные усилия для спасения Андексов. К 1209 г. относится жалованная грамота короля Андрея II в адрес некоего пробста Адольфа, оказавшего значительные услуги королевской семье и ее родственникам, братьям Андексам. Согласно этому документу, сохранившемуся в трех копиях XIII–XIV вв., венгерский король по просьбе королевы, своей супруги и ее братьев через придворного судью Лутвина пожаловал Адольфу, Спишскому пробсту, его сестре и их наследникам землю в Спише, по течению реки Попрад⁸⁴.

В документе, в частности, читаем: «...поскольку пробст Адольф многократно на нашей службе и на службе нашей дражайшей супруги королевы подвергал опасности себя и свое имущество и верно трудился как у господина папы, так и у императоров и различных правителей, то по настоянию той же королевы и ее почтенных братьев, а именно калошского архиепископа Бертольда и бамбергского епископа и маркграфа, которым он неустанно, верно и лучше других их подданных служил и ради которых многократно подвергал себя смертельной опасности, мы передали пробсту Адольфу и его сестре (которая из своей родной земли была отозвана упомянутой королевой в изгнание и странствие, покинув причитающиеся ей владения и своих родственников и детей) в вечное владение некоторую землю в Спише над Попрадом, освобожденную Шебешем и уже переданную упомянутому бамбергскому епископу, с согласия и по просьбе того же епископа, со “свободными деньгами” и всем королевским правом, которое, как известно, принадлежит нам, однако с той свободой, чтобы никто не дерзал судить и тревожить людей, которых они собрали или откуда-либо привели, — никто, за исключением нас и палатина либо того, кому мы по просьбе того же пробста и его наследников это поручим...»⁸⁵

von Schwaben und Otto IV. von Braunschweig. Bd. 1. S. 478; *Schütz A.* Die An-
dechs-Meranier in Franken... S. 34 f.; *Pixton P. B.* The German episcopacy and the
implementation of the decrees of the Fourth Lateran Council, 1216–1245: watch-
men on the tower. Leiden, 1995 (= Studies in the history of Christian thought,
64). P. 159.

⁸⁴ *Regesta regum stirpis Arpadianae critico-diplomatica* / Ed. I. Szentpetery. Budapest, 1923. T. I/1. Nr. 243.

⁸⁵ «...cum Adulphus prepositus multum in servicio nostro et regine karissime coniugis nostre tam ad dominum papam, quam imperatores et diversos principes personam et res periculo exposuerit et fideliter desudaverit, ad instanciam eiusdem regine et venerabilium fratrum suorum, scilicet Cholocensis archiepiscopi Bertoldi et Bamberguensis episcopi et marchionis, quibus incessanter et fideliter et super omnes alios eorum fideles servivit et frequencius personam pericul mortis exposuit, terram quandam, in Chypus sitam supra Poprad, a Sebus eliberatam

Как явствует из документа, пробст Адольф был посланником короля Андрея и королевы Гертруды к папе, императору и другим правителям и действовал при этом в интересах братьев Андексов. Прежде всего, Адольф был близок к епископу Экберту: последний просил короля передать Адольфу в награду за верную службу те земли, которые ранее были пожалованы самому Экберту. С другой стороны, не названная по имени супруга Адольфа входила в ближайшее окружение королевы Гертруды и вместе с ней, очевидно, переехала на жительство в Венгрию. Следовательно, Адольф и его жена принадлежали к числу наиболее доверенных лиц Андексов, служивших им еще на родине.

В грамоте также отмечается, что, выполняя важные дипломатические поручения королевской четы, Адольф неоднократно подвергал себя смертельной опасности. Данное обстоятельство определенно отсылает нас к ситуации, сложившейся в империи после убийства короля Филиппа и осуждения Андексов. Вольфганг Шуле в этой связи справедливо отмечает: «Кто знаком с крайне неустойчивым политическим положением в Германской империи в 1209 г., поймет, насколько тяжело было выступать в качестве посланника какой-либо из противоборствующих сторон. Любой, кто был перехвачен, считался сторонником врага и мог ожидать немедленной смерти»⁸⁶. Вероятнее всего, Адольф выполнял рискованные поручения венгерского короля и королевы в германских землях вскоре после вступления в силу приговора рейхстага в отношении Андексов и вел переговоры с теми правителями, которые первоначально поддерживали этот приговор.

Адольф добился расположения папы Иннокентия III, долгие годы питавшего неприязнь к Филиппу Швабскому и отказывавшегося короновать его в Риме. В ответном письме к Андрею II от 21 января 1209 г. (доставленном, вероятнее всего, тем же Адольфом) папа, в частности, уведомил венгерского короля о назначении по его просьбе специальных легатов для расследования обвинений, выдвинутых против

et iam dicto Bamburguiensia episcopo collatam, per consensum et petitionem eiusdem episcopi Adolpho preposito et sorori sue, que iam per dictam reginam a terra nativitatibus sue in exilium et peregrinationem vocata est, relictis competentibus possessionibus et cognatis liberisque suis, perpetuo contulimus possidendam cum liberis denariis et omni regio iure, quod ad nos dinoscitur pertinere, tali tamen libertate, quod populos, quos collegerint, vel undecunque adduxerint, nullus presumat iudicare, inquietare, excepto nobis et palatino, vel cui ad preces eiusdem prepositi et suorum heredum preceperimus...» (Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae / Ed. R. Marsina. Bratislava, 1971. T. I. Nr. 154. P. 122).

⁸⁶ Schüle W. Tod einer Königin. S. 101.

бамбергского епископа Экберта⁸⁷. При этом понтифик, как кажется, выбрал благоприятную для обвиняемого судебную процедуру. Еще 16 января папа распорядился провести по делу Экберта аккузационный процесс (разбирательство по жалобе частного лица), при котором прокурор должен был доказать вину обвиняемого, вместо обычно применявшегося в начале XIII в. суда инквизиции, когда судья сам доказывал виновность подсудимого. Утвержденные официальным приговором рейхстага обвинения решением папы низводились до уровня частной тяжбы Экберта с его обвинителями⁸⁸. Возможно, такое решение, задевавшее самолюбие светских князей, провоцировало их игнорировать назначенный папой процесс, что в конечном счете было на руку обвиняемому.

Кроме папы пробст Адольф успел также посетить императора, очевидно, Оттона IV⁸⁹, а также других «различных правителей», скорее всего, влиятельных германских князей, среди которых, весьма вероятно, был и тюрингский ландграф Герман.

Отсутствие обвинителей на суде по делу Экберта, возможно, явилось следствием позиции, занятой Оттоном IV. Косвенно об этом свидетельствует послание папы к новому императору от 13 ноября 1209 г., в котором понтифик признавал недействительным приговор Экберту княжеского суда и выражал недовольство затягиванием нового разбирательства по жалобе последнего. Назначая новую коллегия судей, папа предупреждал императора, что если в течение трех месяцев обвинители не представят доказательства виновности Экберта, по его делу будет вынесен оправдательный приговор⁹⁰.

Разумеется, чтобы добиться полного оправдания Андексов, усилий одного дипломата-посредника, каковым выступал пробст Адольф, было недостаточно. Венгерскому королю и королеве нужны были надежные союзники среди влиятельных германских князей. Только Галицко-Волынская летопись сохранила сведения, что таким союзником для королевы Гертруды стал в первую очередь тюрингский ландграф Герман.

Вполне естественно, что условием помощи Германа Экберту была помолвка венгерской королевны с тюрингским наследником, — ди-

⁸⁷ Regesta Pontificum Romanorum. T. 1. Nr. 3617.

⁸⁸ Ibid. Nr. 3613. См.: Schütz A. Die Andechs-Meranier in Franken... S. 35; Reber O. Elisabeth von Thüringen. S. 51.

⁸⁹ Hücker B. U. Otto IV. Der wiederentdeckte Kaiser. Eine Biographie. Frankfurt/M., 2003. S. 341.

⁹⁰ Regesta Pontificum Romanorum. T. I. Nr. 3841. См.: Schütz A. Die Andechs-Meranier in Franken... S. 35 f.

настический брак должен был стать основой политического союза Арпадов с Людовингами. При таких обстоятельствах, как нам представляется, упомянутая помолвка должна была состояться до того, как с Экберта были сняты все обвинения (июнь 1211 г.). Во всяком случае, после своего оправдания бамбергский епископ уже не нуждался в заступничестве со стороны тюрингского ландграфа.

Таким образом, по нашему мнению, помолвка Елизаветы и Людвигу произошла именно тогда, когда ее отмечают Дитрих из Апольды и доверяющие его известиям исследователи (1208), т. е. когда Андекссы более всего нуждались в помощи сильного и влиятельного союзника. Как только ландграфом Германом были с успехом исполнены обязательства, касавшиеся Экберта, венгерская королева покинула родительский дом и была увезена в Тюрингию (1211).

Дополнительной платой ландграфу Герману за помощь в деле Андекссов, возможно, стало необыкновенно богатое приданое, полученное за Елизаветой. В *Житии Св. Елизаветы* Дитриха из Апольды, а также в показаниях четырех служанок Елизаветы, свидетельствовавших о ее святости, сохранились сведения о поразившем жениха и весь тюрингский двор роскошном приданом невесты, состоявшем из множества золотых и серебряных предметов, драгоценных сосудов и тканей, а также около тысячи серебряных марок. Эти сокровища были только первой частью приданого, вторую его часть предполагалось выплатить после бракосочетания Елизаветы, что, однако, не было сделано⁹¹.

Возвращаясь к сообщению Галицко-Волынской летописи об убийстве короля Филиппа и обвинениях в адрес брата венгерской королевы, мы видим, что это сообщение возникло в период, когда с бамбергского епископа еще не были сняты обвинения. Едва ли можно сомневаться в том, что в летопись известие о вине брата венгерской королевы попало до того, как он был полностью оправдан в июне 1211 г. Иначе факт оправдания Экберта, решающую роль в котором сыграли венгерский король и королева, нашел бы какое-то отражение в русской летописи, тем более если летописец черпал свои сведения из венгерского источника, близкого к королевскому двору, где в описываемое время пребывал юный князь Даниил.

⁹¹ См.: Die Vita der heiligen Elisabeth des Dietrich von Apolda. S. 25–26; Der sogenannte *Libellus de dictis quatuor ancillarum S. Elisabeth confectus* / Hrsg. A. Huyskens. Kempten; München, 1911. S. 19, 33, 40–41, 43–44. См. также: Heymann E. Zum Ehegüterrecht der heiligen Elisabeth // Zeitschrift des Vereins für Thüringische Geschichte und Altertumskunde. N. F. 1909. Bd. 19. S. 1–22.

Следовательно, первый пласт известий летописной статьи об убийстве «великого царя» Филиппа должен был сформироваться, так сказать, по горячим следам случившегося. Тем самым получает объяснение непосредственная связь сообщений об убийстве Филиппа и помолвке венгерской королевны с сыном тюрингского ландграфа, помещенных в русской летописи друг за другом. Как мы видели, эти события действительно произошли почти в одно время.

Кроме того, вопреки утверждению Домбровского, указанные сообщения хронологически связываются вовсе не с известием о казни князей Игоревичей в Галиче (1211), а с более ранними событиями. За сообщением о помолвке Елизаветы с Людвигом во всех списках Галицко-Волынской летописи следует пространный рассказ об истреблении князьями Игоревичами пятисот галицких бояр, за которым последовало бегство Владислава Кормильича и других уцелевших бояр в Венгрию и возвращение Даниила при помощи венгерских войск на галицкий стол. В Ипатьевском списке эти события помещены в статье 6716 (1208) г.; исследователи обычно датируют их 1209–1210 гг.⁹²

Ландграф Тюрингии Герман и Людовик «Лонокрабович»

В сообщении о помолвке Елизаветы с Людвигом (Людовиком) русской летописи обращает на себя внимание относящееся к последнему определение — *Лонокрабович*. Этот уникальный термин, не встречающийся ни в одном другом древнерусском памятнике, подразумевает, несомненно, родство с тюрингским ландграфом Германом. Под пером русского книжника титул *ландграф* (нем. *Landgraf*), принадлежавший владетельным имперским князьям, превратился в имя собственное, обозначающее отчество жениха Елизаветы, — *Людовик Лонокрабович*.

Подобное превращение могло произойти только при условии, что отец Людвига был хорошо известен автору сообщения, для которого выражение *Лонокраб* стало эквивалентом личного имени ландграфа Германа. По каким-то причинам летописец особо выделял ландграфа Тюрингии среди прочих имперских князей, носивших такой же титул.

⁹² Волощук М. Угорські військові кампанії у Галичину на початку XIII ст.: Основні цілі та характер перебігу // Християнська спадщина Галицко-Волинської держави: ціннісні орієнтири духовного поступу українського народу / Ред. кол. Б. Остафійчук (голова). Івано-Франківськ; Галич, 2006. С. 103. Ср.: Dimnik M. The Dynasty of Chernigov, 1146–1246. Cambridge, 2003. P. 266–267, n. 96; Nagirnyj W. Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198(1199)–1264. Kraków, 2011 (= Prace Komisji wschodnioeuropejskiej PAU, 12). S. 155–156; Dąbrowski D. Król Rusi Daniel: Biografia polityczna. S. 68–69.

Подобное отличие выдвигает Германа в число тех весьма немногих европейских правителей, которые обозначались летописцем через их титул. Собственно говоря, таковыми были только венгерские короли и их сыновья, время от времени занимавшие княжеский стол в Галиче. Последних летописец именует *королевичами*⁹³, используя тот же механизм словообразования, как и в случае с сыном тюрингского ландграфа.

Можно допустить, что ландграф Герман был не только хорошо известен автору Галицко-Волынской летописи, но и упоминался в не дошедшей до нас ее начальной части, содержавшей, как считается, жизнеописание князя Романа Мстиславича. Во всяком случае, последний, несомненно, был как-то связан с Тюрингией, о чем свидетельствует запись в некрологе (синодике) монастыря Св. Петра в Эрфурте. «Король Руси» Роман, как щедрый жертвователь в пользу обители, ежегодно поминался здесь в день своей кончины: «Тринадцатые кал[енды] июля. Роман, король Руси, он дал нам тридцать марок»⁹⁴.

Впрочем, приведенная запись читается только в сравнительно поздней рукописи 1485 г.; в более раннем списке, составленном в 1266 г. по инициативе монаха Хельвига, имеется лишь упоминание имени короля Романа (*Romanus rex*), без указания даты памяти и иных подробностей, что как будто исключает возможность его идентификации⁹⁵. Однако четкое хронологическое указание памяти короля Руси Романа в рукописи 1485 г. может подразумевать прежде всего галицко-волынского князя Романа Мстиславича, поскольку 13-е календы июля соответствуют 19 июня, и именно в этот день в 1205 г., согласно польским хроникам, русский князь погиб в битве с польскими князьями Лешком и Конрадом под Завихостом⁹⁶.

По свидетельству Хроники Альбрика из монастыря Трех Источников (первая половина XIII в.), поход короля Романа в Польшу в 1205 г., закончившийся его гибелью, в действительности был направлен в Саксонию: «Король Руси по имени Роман, который, выйдя из

⁹³ Ипатьевская летопись. Стб. 748, 750, 753, 758, 766, 767 и др.

⁹⁴ «XIII Kal. Julii. Romanus rex Ruthenorum, hic dedit nobis XXX marcas» (*Traditiones veteres coenobii S. Petri Erfordiae. II: Excerpta ex Necrologio ejusdem coenobii* // *Vindemiae literariae* / Ed. Fr. J. Schannat. Leipzig, 1724. T. 2. P. 19).

⁹⁵ См.: *Holder-Egger O.* Aus Handschriften des Erfurter St. Petersklosters // *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde zur Beförderung einer Gesamtausgabe der Quellschriften Deutscher Geschichten des Mittelalters*. 1897. Bd. 22. S. 517.

⁹⁶ *Rocznik Traski* / Ed. A. Bielowski // *Monumenta Poloniae Historica*. Lwów, 1872. T. 2. P. 836; *Kalendarz krakowski* / Ed. A. Bielowski // *Ibid.* P. 923; *Rocznik malopolski* / Ed. A. Bielowski // *Ibid.* Lwów, 1878. T. 3. P. 162.

своих земель, намеревался через Польшу достичь Саксонии, чтобы как мнимый христианин разрушить церкви, был разбит и убит по Божьему промыслу на реке Висле двумя братьями польскими князьями Лешком и Конрадом, а все его [войско] было или рассеяно, или уничтожено»⁹⁷.

В этом сообщении отразилась неудачная попытка галицко-волинского князя совершить военный поход в Саксонию, чтобы нанести удар в тыл главным противникам Филиппа Швабского⁹⁸.

Оба приведенные здесь свидетельства являются далекими отголосками стремления Романа Мстиславича участвовать в противостоянии Вельфов со Штауфенами, сведения о котором полностью утрачены в русских летописях.

В описываемое время монастырь Св. Петра и весь город Эрфурт находились под властью майнцкого архиепископа и не входили во владения тюрингского ландграфа. С конца 1200 г. и до самого убийства короля Филиппа власть над Эрфуртом фактически удерживал контр-архиепископ Леопольд II фон Шёнфельд (ум. в 1217 г.), решительный сторонник Штауфенов, ведший борьбу с избранным Вельфами Зигфридом II фон Эппштайном (1200–1230), признанным папой в качестве законного майнцкого архиепископа⁹⁹.

Исследователи единодушны в том, что в 1203 г. именно Тюрингия становится центром вельфско-штауфенского противостояния, начавшегося после того, как ландграф Герман примкнул к лагерю Вельфов¹⁰⁰. В ответ на это в мае 1203 г. король Филипп напал на тюрингские владения ландграфа, используя Эрфурт как свою опорную базу. Майнцкий контр-архиепископ обеспечил Штауфену доступ в город и оказывал

⁹⁷ «Rex Russie, Romanus nomine, a finibus suis egressus et per Poloniam transire volens Saxoniam, et ecclesias destruere volens sicut falsus christianus, a duobus fratribus Poloniae ducibus Listec et Conrardo super Wisselam fluvium Dei iudicio percutitur et occiditur, et omnes quos secum aggregaverat aut disperguntur aut interficiuntur» (Albrici monachi Triumfontium Chronikon / Ed. P. Scheffer-Boichorst // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Hannover, 1874. T. 23. P. 885).

⁹⁸ См.: Майоров А. В. Русь, Византия и Западная Европа. Из истории внешне-политических и культурных связей XII–XIII вв. СПб., 2011. С. 141–159.

⁹⁹ Wolf St. Erfurt im 13. Jahrhundert. Städtische Gesellschaft zwischen Mainzer Erzbischof, Adel und Reich. Köln, etc., 2005 (= Städteforschung, 67). S. 21 f.

¹⁰⁰ Kirmse E. Die Reichspolitik Hermann I., Landgrafen von Thüringen und Pfalzgrafen von Sachsen (1190–1217). T. 2 // Zeitschrift des Vereins für Thüringische Geschichte und Altertumskunde. N. F. 1910–1911. Bd. 20. S. 1–42; Patze H. Die Entstehung der Landesherrschaft in Thüringen. Marburg, 1961. T. 1 (= Mitteldeutsche Forschungen, 22). S. 256–260; Krieb St. Vermitteln und Versöhnen. Konfliktregelung im deutschen Thronstreit, 1198–1208. Köln; Weimar; Wien, 2000 (= Norm und Struktur, 13). S. 40, 116, 118, и др.

ему всестороннюю помощь. В минуты опасности Филипп неоднократно получал защиту городских стен Эрфурта¹⁰¹.

В виду сказанного, пожертвование русского князя эрфуртскому монастырю предполагает не столько его связь с тюрингским ландграфом, сколько символический жест, обозначающий приверженность Штауфенам. Титулование Романа королем Руси в монастырском синодике намекает, что свой дар он совершил в период наибольшего могущества, т. е. будучи правителем не только Волыни, но и Галичины, а также установив фактический контроль над Киевом. Период могущества Романа примерно совпадает со временем вооруженного противостояния Филиппа с Германом.

Тюрингский ландграф мог быть известен союзникам и родственникам короля Филиппа в Галицко-Волынской Руси только благодаря той исключительной роли, которую он играл в период борьбы за власть в Германии.

Несомненно, именно к ландграфу Герману относятся слова русской летописи: «бѣ бо моужь силенъ». Отличие русским книжником этого правителя как наиболее могущественного среди германских князей находит подтверждения в независимых источниках.

Постоянно лавируя между Вельфами и Штауфенами, Герман снижал расположение папы Иннокентия III, который 11 апреля 1203 г. издал специальный акт о принятии тюрингского ландграфа под особое покровительство и защиту курии¹⁰². В результате Герман стал главной опорой папской политики в Германии и одним из самых влиятельных князей своего времени, организатором политических союзов, определявших судьбу империи¹⁰³.

¹⁰¹ Cronica Reinhardsbrunnensis / Ed. O. Holder-Egger // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Hannover, 1896. T. 30/1. P. 564; Cronica S. Petri Erfordensis Moderna / Ed. O. Holder-Egger // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum. Hannover; Leipzig, 1899. T. 42. P. 202; Regesten zur Geschichte der Mainzer Erzbischöfe. Bd. 2. Nr. 32a. См.: Tebruck St. Reinhardsbrunner Geschichtsschreibung im Hochmittelalter. S. 316–346. Cp.: Schütte B. König Philipp von Schwaben. Itinerar — Urkundenvergabe — Hof. Hannover, 2002 (= Schriften der Mjnumenta Germaniae Historica, 51). S. 65–76, 289–293.

¹⁰² Die Register Innocenz' III. / Hrsg. O. Hageneder. Wien, 1995. Bd. 6 (= Publikationen des historischen Instituts beim österreichischen Kulturinstitut in Rom, III/6). Nr. 42. См.: Wiegand P. Der *milte lantgräve* als "Windfahne"? Zum politischen Standort Hermanns I. von Thüringen (1190–1217) zwischen Erbreichsplan und welfisch-staufischem Thronstreit // Hessisches Jahrbuch für Landesgeschichte. 1998. Bd. 48. S. 17.

¹⁰³ См.: Schwind Fr. 1) Die Landgrafschaft Thüringen... S. 37; 2) Thüringen und Hessen um 1200 // Der Landgrafenpsalter. Vollständige Faksimile-Ausgabe im Originalfor-

По всей видимости, в Галиче должны были знать о попытках тюрингского ландграфа втянуть в противостояние со Штауфенами венгерского короля. Известно, что в июле 1203 г. по просьбе папы и при посредничестве чешского короля Пржемысла Оттокара I (1198–1230) Герман убедил будущего венгерского короля Андрея II предоставить войска для кампании против Филиппа. Именно в таком ключе, на наш взгляд, следует понимать послание папы от 15 сентября 1204 г., обещающего, что король Оттон Брауншвейгский возместит Андрею тот ущерб, который он понес, выполняя вместе с чешским королем некую важную просьбу Рима¹⁰⁴.

В 1204 г. сторону Филиппа Швабского приняли несколько влиятельных немецких князей, в том числе магдебургский архиепископ Людольф фон Кроппенштедт (1192–1205), саксонский герцог Бернхард III (1180–1212), ландграф Мейсена Дитрих I Угнетенный (1198–1221) и др.¹⁰⁵ Усилившиеся войска Филиппа перешли в наступление, осадили и взяли несколько городов ландграфа Германа. Несмотря на чешскую и венгерскую военную помощь, последний должен был капитулировать 17 сентября в монастыре Ихтерсхаузен¹⁰⁶.

В качестве наказания за измену Герман был лишен полученных ранее имперских владений и в обеспечение верности Филиппу должен был предоставить новых заложников, в том числе собственного сына¹⁰⁷. Капитуляция тюрингского ландграфа вызвала массовый переход в лагерь Штауфенов их бывших противников: сторону короля Филиппа приняли чешский король, рейнский пфальцграф Генрих V (1195–1212), кельнский архиепископ Адольф фон Альтена (1193–1205, 1212–1215) и герцог Брабанта, — Штауфены торжествовали победу на всех фронтах¹⁰⁸.

mat der Handschrift HB 1124 der Württembergischen Landesbibliothek Stuttgart. Kommentarband / Hrsg. F. Heinzer. Graz; Bielefeld, 1992 (= Codices selecti phototypice Impressi. Commentarium, 93). S. 205 f.; Werner M. Die heilige Elisabeth in Thüringen. S. 7 f.; Wiegand P. Eheversprechen und Fürstenkoalition. S. 36.

¹⁰⁴ Die Register Innocenz' III. / Hrsg. O. Hageneder. Wien, 1997. Bd. 7 (= Publikationen des historischen Instituts beim österreichischen Kulturinstitut in Rom, III/5). Nr. 127. S. 204. Ср.: Hücker B. U. Der Königsmord von 1208... S. 121, 126; Reber O. Elisabeth von Thüringen. S. 189, Anm. 9.

¹⁰⁵ Regesta Imperii. T. 5/1. Nr. 84b, 84c, 85; Regesta diplomatica necnon epistolaria historiae Thuringiae / Ed. O. Dobenecker. Jena, 1900. T. 2. Nr. 1216, 1278, 1280.

¹⁰⁶ Cronica Reinhardsbrunnensis. P. 568; Annales Stadenses auctore Alberto / Ed. J. M. Lappenberg // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Hannover, 1859. T. 16. P. 354.

¹⁰⁷ Regesta diplomatica necnon epistolaria historiae Thuringiae. T. 2. Nr. 1264a.

¹⁰⁸ См.: Kirmse E. Die Reichspolitik Hermann I. T. 1. S. 20 f.; Patze H. Die Entstehung der Landesherrschaft in Thüringen. T. 1. S. 258; Csendes P. Philipp von Schwaben. S. 148.

Если галицко-волинский князь Роман Мстиславич действительно готовил в начале лета 1205 г. военный поход в Саксонию, собираясь атаковать там противников Штауфенов, то, очевидно, он должен был знать об описанных выше переменах в Германии, вызванных переходом короля Филиппа в победоносное контрнаступление. Видимо, не случайно военная демонстрация русского князя согласуется с явными успехами его германского союзника.

Приведенные факты показывают, что галицкие князья и их летописец могли обладать достаточными сведениями о ландграфе Германе, прежде всего в контексте его отношений с королем Филиппом, чтобы обойтись без каких бы то ни было пояснений при упоминании сына ландграфа в сообщении, посвященном убийству Филиппа и его последствиям.

Елизавета Тюрингская или Кунигунда Венгерская?

Второй информационный пласт летописной статьи об убийстве «великого царя» Филиппа, повествующий о святой жизни Елизаветы в Германии, должен был сформироваться, как уже говорилось, после ее церковного прославления в мае 1235 г. Как известно, во второй половине этого же года Даниил Романович находился при венгерском дворе и принимал участие в коронации Белы IV (14 октября). По мнению Домбровского, здесь князь мог узнать о причислении к лику святых сестры нового венгерского правителя и рассказать об этом своему летописцу¹⁰⁹.

Однако против включения в Галицко-Волинскую летопись сообщения о святости Елизаветы уже в 1235 г. свидетельствует отсутствие сколько-нибудь заметных следов редакторской обработки первоначального летописного текста, производившейся около этого времени. Более основательными, на наш взгляд, представляются выводы Черепнина и Пашуто, согласно которым интересующее нас сообщение попало в летопись в период создания Свода или Летописца Даниила Галицкого, т. е. в конце 1250-х или, более вероятно, в первой половине 1260-х гг. Согласно выводам А. Н. Ужанкова, прерванное вследствие отъезда митрополита Кирилла в середине 1246 г., летописание в Галицко-Волинской Руси возобновилось только после смерти Даниила в 1264 г.¹¹⁰ Думать так позволяет, в частности, использование авторами Летописца Даниила Галицкого текстовых за-

¹⁰⁹ Домбровский Д. Галицко-Волинская летопись... С. 110, 115.

¹¹⁰ Ужанков А. Н. Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII веков. М., 2009. С. 318, 324, 335, 337, 356–357, 360–364.

имствований из Хронографа 1262 г., на что обратил внимание еще А. С. Орлов¹¹¹.

Позднее включение в летопись сообщения о святости Елизаветы объясняет его более общий (без конкретных деталей) характер и, главное, наличие в нем явной фактической ошибки, которую едва ли мог допустить современник событий, хорошо знавший Елизавету. Мы имеем в виду свидетельство русского летописца о том, что «прежнее имя» Елизаветы было «Кинека». Ни один из сравнительно многочисленных западноевропейских средневековых источников, повествующих о жизни этой святой, не подтверждает подобных сведений.

По всей видимости, русский книжник, дополнявший текст статьи об убийстве царя Филиппа и помолвке королевны Елизаветы спустя более полувека после описанных в ней событий (и после смерти самого Даниила), перепутал двух известных ему понаслышке венгерских принцесс, близких родственниц короля Белы IV, — его сестру Елизавету, выданную замуж в Тюрингию, с его дочерью Кунигундой (Кингой / Кинекой), выданной за малопольского князя Болеслава V Стыдливого. Следуя примеру своей тетки Елизаветы, Кунигунда также вела святую жизнь, посветив себя преимущественно уходу за больными, и с согласия супруга прожила в браке девицей¹¹².

Людвиг или Герман?

Согласно Галицко-Волынской летописи, королева Гертруда отдала свою дочь Елизавету сыну тюрингского ландграфа Людвигу («да дочь свою за Лонокрабовича за Лоудовика»). Какое событие ни имел бы здесь в виду летописец — отъезд Елизаветы в Тюрингию в 1211 г. или брачный договор 1208 г., — в любом случае ясно, что выбор венгерской стороны пал на будущего ландграфа Людвига IV, воспринимавшегося в качестве наследника тюрингского престола еще при жизни Гертруды.

Между тем, в литературе бытует мнение, что Елизавета первоначально была обручена не с Людвигом, а с его старшим братом Германом, и только после смерти последнего (конец 1216 г.) стала невестой, а с 1221 г. супругой Людвига¹¹³. На этом основании Дариуш Домбровский ставит под сомнение известие русской лето-

¹¹¹ Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи // Известия Отдела русского языка и словесности Академии наук. 1926. Т. 31. С. 93–95.

¹¹² Новейшую биографию Кунигунды (Кинги) см.: Kowalska B. Święta Kinga: Rzeczywistość i Legenda. Kraków, 2008.

¹¹³ См.: Schütz A. Das Geschlecht der Andechs-Meranier. S. 131; Reber O. Elisabeth von Thüringen. S. 54.

писи, полагая, что галицкий книжник мог перепутать Людвига с Германом или сместить во времени события, разделенные целым десятилетием¹¹⁴.

На наш взгляд, предположение о Германе как о первом женихе Елизаветы строится на слишком шатких основаниях. Чтобы принять его, придется опровергнуть многочисленные свидетельства, относящиеся к жизнеописанию Елизаветы Тюрингской, начиная с самых ранних, возникших в период подготовки ее канонизации (первая половина 1230-х гг.). Все они однозначно указывают, что с самого начала Елизавета была помолвлена именно со своим будущим мужем Людвигом, их свадьба была отложена только по причине юного возраста невесты и ввиду необходимости дать ей воспитание при тюрингском дворе.

Кроме того, в ряде сохранившихся средневековых документов Людвиг упоминается первым среди сыновей тюрингского ландграфа, а значит, нет достаточных оснований считать его младшим братом Германа и видеть в последнем более вероятного жениха Елизаветы¹¹⁵. В сущности, предположение о старшинстве Германа строится на основании лишь одного документа — жалованной грамоты ландграфа Германа I монастырю Аулисбург в Гессене (Kloster Aulisburg in Hessen) от 29 мая 1214 г., — данные которого поддаются различной интерпретации.

В документе упоминаются трое сыновей ландграфа Германа I в следующем порядке: Герман, Людвиг и Генрих (*fili mei Herimannus, Ludewicus, Heinricus puerili*)¹¹⁶. Однако, как установил еще Рихард Вагнер, перестановка Германа на первое место в этом документе, весьма вероятно, объясняется тем, что этому Герману, как второму сыну, были определены гессенские владения, которые обычно доставались второму по старшинству сыну тюрингского ландграфа¹¹⁷. Важность

¹¹⁴ Домбровский Д. Галицко-Волынская летопись... С. 109. См. также: *Dąbrowski D. Król Rusi Daniel: Biografia polityczna*. S. 54, 56; *Idem. Król Rusi Daniel: O ruskiej rodzinie książęcej, społeczeństwie i kulturze w XIII w.* Kraków, 2016. S. 110.

¹¹⁵ См.: *Wiegand P. Der milte lantgräve als "Windfahne"? S. 52 f.; Tebruck St. Die Reinhardsbrunner Geschichtsschreibung im Hochmittelalter*. S. 276, Anm. 89.

¹¹⁶ *Regesta diplomatica necnon epistolaria historiae Thuringiae*. T. 2. Nr. 1585; Kloster Haina. Regesten und Urkunden / Hrsg. E. G. Franz. Marburg, 1962. Bd. 1 (= Veröffentlichungen der Historischen Kommission für Hessen und Waldeck, 9/5). Nr. 12 und S. 437..

¹¹⁷ *Wagner R. Die äußere Politik Ludwigs IV., Landgrafen von Thüringen // Zeitschrift des Vereins für Thüringische Geschichte und Altertumskunde*. N. F. 1909. Bd. 19. S. 24. Anm. 2.

этого аргумента признается новейшими исследователями и в частности Ортруд Ребер, которая рассматривает Германа в качестве первоначального жениха Елизаветы лишь как гипотезу¹¹⁸.

В силу сказанного сведения Галицко-Волынской летописи можно считать еще одним сравнительно ранним свидетельством, подтверждающим факт помолвки Елизаветы именно с Людвигом. Значение этого свидетельства повышается в виду его полной независимости от показаний немецких источников, представляющих Людвига как изначального и единственного жениха Елизаветы. С учетом данных русской летописи вопрос о женихе Елизаветы, на наш взгляд, должен быть решен в пользу Людвига.

Это обстоятельство в свою очередь повышает доверие к оригинальным известиям Галицко-Волынской летописи, содержащимся в первой части статьи об убийстве «великого царя» Филиппа и помолвке Елизаветы, составленной вскоре после описанных в ней событий хорошо информированным автором.

Источник сведений о гибели короля Филиппа

В заключение остановимся еще на одном аспекте, существенном для нашего исследования. Как уже отмечалось выше, в целом известия Галицко-Волынской летописи, относящиеся к убийству короля Филиппа и последовавшему затем убийству королевы Гертруды, имеют негативный по отношению к венгерской королевской семье оттенок. Во всяком случае, русский летописец уверен, что в смерти Филиппа был повинен брат королевы Гертруды, епископ Экберт, направлявший своим «советом» руку убийцы. Следовательно, к преступлению была причастна и сама венгерская королева, предоставившая Экберту приют и защиту.

Разумеется, подобная оценка не могла возникнуть при венгерском королевском дворе, где во время описываемых событий находился на воспитании княжич Даниил. Также не приходится думать, что осуждение Андексов, сквозящее в словах летописца, может быть как-то связано с настроениями патриотически ориентированного венгерского дворянства, недовольного немецким засилием и устроившего заговор против королевы Гертруды. В противном случае нам придется признать, что, несмотря на юный возраст и свое положение при королевском дворе, Даниил был как-то связан с этой оппозицией. Для подобного допущения, однако, нет никаких оснований.

¹¹⁸ Reber O. Elisabeth von Thüringen. S. 58, 187, Anm. 14 ("Vielleicht war er zunächst Elisabeths Bräutigam gewesen").

Нам представляется, что осуждение Андексов и королевы Гертруды летописцем князя Даниила невозможно объяснить причинами, непосредственно вытекающими из русско-венгерских отношений. Эти причины следует искать в более широком контексте европейской политики того времени.

По всей видимости, убийство короля Филиппа в Бамберге было результатом широкого антиштауфенского заговора с участием нескольких влиятельных европейских правителей. Новейшие исследователи отмечают, что следы этого заговора ведут к французскому королю Филиппу II Августу (1180–1223) и Генриху I Смелому, герцогу Бранбургскому (1183–1235). Более активную (чем считалось ранее) роль в этом заговоре сыграли тюрингский ландграф Герман I и братья Андекс¹¹⁹.

Ввиду отсутствия (по понятным причинам) прямых свидетельств в источниках подобные выводы строятся на косвенных данных и общем анализе политического положения в империи. Поэтому они неизбежно носят гипотетический характер и уязвимы для критики¹²⁰.

Тем не менее, ясно, что бамбергское убийство не может сводиться только к личной мести Оттона фон Виттельсбаха. Его, несомненно, следует рассматривать в контексте борьбы за императорский трон Штауфенов с Вельфами, в которую так или иначе были втянуты наиболее влиятельные политические силы всей Европы. О причастности к убийству Андексов говорит их единодушное осуждение большинством немецкой знати — сторонниками Штауфенов. С другой стороны, причастность к бамбергскому убийству тюрингского ландграфа объясняет династический союз между Арпадами и Людовингами, заключенный в 1208 г., несомненно, в интересах опальных Андексов.

Как бы то ни было, смерть настигла короля Филиппа, когда он, уже достигший существенного перевеса в борьбе с Вельфами, намеревался нанести решающий удар по своим противникам. В частности, Филипп планировал совершить новый военный поход в Тюрингию, а также выступление против союзников Вельфов в Голштинии и

¹¹⁹ Hücker B. U. 1) Der Königsmord von 1208... S. 120 f.; *Idem.* Der Bamberger Königsmord // Lewandowski R. Der Königsmord zu Bamberg. Bamberg, 1998, S. 16 f.; *Idem.* Otto IV. S. 158, Anm. 448; Csendes P. Philipp von Schwaben. S. 191 ff.

¹²⁰ См.: Bihrer A. Philipp von Schwaben (1208) // Politische Morde. Vom Altertum bis zur Gegenwart / Hrsg. M. Sommer. Darmstadt, 2005. S. 117–126; Keupp J. Der Bamberger Mord 1208 — ein Königsdrama? // Philipp von Schwaben — Ein Staufer im Kampf um die Königsherrschaft / Hrsg. Gesellschaft für staufische Geschichte e.V. Göppingen, 2008 (= Schriften zur staufischen Geschichte und Kunst, 27). S. 122–142.

Дании¹²¹. По мнению Петера Виганда, именно тогда ландграф Герман должен был вступить в сговор с обоими Андексами, братьями венгерской королевы. Убив короля Филиппа, заговорщики при поддержке французского короля, женатого первым браком на Агнессе Андекс-Меранской, стремились посадить на германский престол герцога Генриха Брабантского¹²².

Несмотря на то что Андекссы, осужденные рейхстагом, благодаря усилиям своих родственников впоследствии были оправданы папским судом, русский летописец не снимает с них вины. Сообщение о причастности брата венгерской королевы к смерти Филиппа не было изменено или отредактировано летописцем после официального оправдания Андекссов. В летописи не было даже сделано никакого дополнения на этот счет, подобного тому, что сделал позднейший редактор по поводу святости Елизаветы или патриаршества Бертольда.

Вместе с тем невозможно допустить, чтобы в Галиче не знали об оправдании Андекссов. Это произошло еще когда Даниил пребывал в Венгрии, и для венгерского двора реабилитация братьев королевы, несомненно, была событием большой важности.

Все это ведет нас к выводу о том, что в семье галицко-волинских князей епископа Экберта неуклонно считали виновным в убийстве Филиппа. В своей оценке случившегося русские князья разделяли позицию, противоположную венгерскому двору и, наоборот, соответствовавшую позиции тех сторонников Штауфенов в империи, которые решительно осуждали Андекссов, твердо уверенные в их виновности.

По нашему мнению, лишено оснований предлагаемое Дариушем Домбровским объяснение неприязни к Андекссам галицкого летописца, якобы пользовавшегося одними лишь «сплетнями» и по сути приписавшего им убийство Филиппа в силу желания «перенести» на королеву Гертруду и ее братьев «ответственность за расторжение помолвки русского князя»¹²³. Приписывать летописцу подобные стремления, которые, согласно цитируемому автору, были всего лишь искусственной «повествовательной конструкцией», составленной из «неправдивых намеков», можно, на наш взгляд, лишь вследствие слишком произвольного обращения с источником. Как мы видели, выданная в Тюрингию королева Елизавета никогда не была просватана за Даниила, а более вероятная помолвка русского князя с принцессой Марией распалась

¹²¹ См.: Wiegand P. Der milte lantgräve als "Windfahne"? S. 19.

¹²² См.: Wiegand P. Eheversprechen und Fürstenkoalition. S. 37.

¹²³ Домбровский Д. Галицко-Волинская летопись... С. 116.

без прямого участия Гертруды или ее братьев, по совершенно другой причине и в другое время.

Маловероятно, чтобы юный Даниил, воспитывавшийся при венгерском дворе в 1207–1211 годах, мог стать (хотя бы и впоследствии) информатором галицкого летописца в отношении происходивших тогда событий. В момент убийства короля Филиппа Даниилу было лишь около семи лет. Он был еще настолько мал и недееспособен, что, по словам летописца, не узнал даже свою мать, когда тремя годами позднее с помощью венгерских войск вернулся в Галич¹²⁴. Малолетство и полная зависимость Даниила от венгерского двора, на наш взгляд, исключают возможность предполагать у него наличие самостоятельной точки зрения по поводу происходивших в Европе политических событий, и в частности убийства Филиппа, а также причастности к нему Андексов и королевы Гертруды.

Гораздо больше оснований думать, что информатором галицкого летописца в отношении интересующих нас событий могла стать мать Даниила, княгиня Евфросиния. Она жила тогда отдельно от старшего сына и была, разумеется, более самостоятельной в своих политических оценках. В рассматриваемое время Евфросиния с младшим сыном Васильком находилась при дворе малопольского князя Лешека Белого, а затем на Волыни и, следовательно, имела возможность получать сведения о европейских делах не только из венгерских источников.

Вероятнее всего, как нам представляется, главным источником сведений об убийстве короля Филиппа, осуждении Андексов и попытках венгерской королевы спасти своего брата с помощью ландграфа Тюрингии была для княгини Евфросинии (а через нее и для галицкого летописца) австрийская герцогиня Феодора, чей супруг, герцог Леопольд VI, активно участвовал в процессах против Андексов в Германии, решительно осуждал их и даже получил, как мы видели, часть имущества, принадлежавшего епископу Экберту.

Убийство Филиппа, вызвавшее преждевременную смерть его вдовы, королевы Ирины-Марии, не могло не затронуть ее родственников как в Европе, так и на Руси. Помимо Галицко-Волынской летописи эта смерть нашла сочувственный отклик в австрийских хрониках. В так называемом втором продолжении Клостернойбургских анналов, доведенном до 1224 г.¹²⁵, читаем: «1208. Филипп, римский король, когда готовил поход

¹²⁴ «Данилоу же княжашю в Галичи тако младоу соущоу, яко и материи своени не позна» (Ипатьевская летопись. Стб. 727).

¹²⁵ См.: *Knapp Fr. P.* Die Literatur des frühen und hohen Mittelalters in den Bistümern Passau, Salzburg, Brixen und Trient von den Anfängen bis zum Jahre 1273 // *Geschichte der Literatur in Österreich* / Hrsg. H. Zeman, Fr. P. Knapp. Graz, 1994. Bd. 1. S. 84–85.

против Брауншвейга, по незаконному совету некоторых князей был приглашен в Бамберг епископом этого места и коварно убит пфальцграфом Отто; королева, узнав о его смерти, скончалась от горя»¹²⁶.

Нетрудно заметить, что в вопросе оценки роли епископа Экберта в бамбергском убийстве позиции авторов австрийской хроники и Галицко-Волынской летописи совпадают. Кроме того, оба источника одинаково титулуют Филиппа как *Римского* правителя, обозначая тем самым свое отношение к нему как к императору.

Сличение показаний приведенных источников исключает возможность подозревать русского летописца в какой-либо фальсификации сведений о причастности брата венгерской королевы к гибели Филиппа. Эти сведения пришли на Русь, несомненно, из современного событиям европейского источника, независимого от политических настроений венгерского двора.

Сравнение данных австрийских анналов и русской летописи важно для нас также ввиду близости этих источников ко двору русского и австрийского правителей соответственно.

Основанный в Кlostернойбурге, неподалеку от Вены, августинский монастырь пользовался особым покровительством Бабенбергов, стремившихся превратить его в центр новой епархии. Герцог Леопольд VI на два десятилетия вернул в Кlostернойбург свою резиденцию (ранее перенесенную в Вену) и построил на территории монастыря дворец-часовню (*Capella Speciosa*), считающуюся одним из первых готических сооружений в Австрии¹²⁷.

Составленные в первой четверти XIII в. монастырские анналы стали по сути придворной летописью герцога Леопольда, посвящая ему значительную часть своих известий. Сам герцог много времени проводил в Кlostернойбурге и принимал здесь важнейшие для себя решения. Непосредственно за сообщением об убийстве Филиппа мы читаем: «Леопольд, герцог Австрии и Штирии, восплавав рвением веры, вместе с многими благородными мужами своей страны осенил себя знаком святого креста в Кlostернойбурге»¹²⁸. Ясно, что при таких обстоятельствах

¹²⁶ «1208. Philippus Romanorum rex dum expeditionem contra Prunswich parat, iniquo quorundam consilio principum Babenberch ab episcopo eiusdem loci invitatur, et ab Ottone palatino comite dolo occiditur, et regina morte eius cognita pre dolore moritur» (Continuatio Claustreoburgensis II. P. 621).

¹²⁷ См.: Seeger U. Zisterzienser und Gotikrezeption : die Bautätigkeit des Babenbergers Leopold VI. in Lilienfeld und Klosterneuburg. Berlin, 1997 (=Kunstwissenschaftliche Studien, 69). S. 118, 130, 213, и др.

¹²⁸ «Liupoldus dux Austrie et Styrie zelo fidei accensus, cum pluribus nobilibus terre sue in Niwenburch signo sancte crucis insignitur» (Continuatio Claustreoburgensis II. P. 621).

сообщение об убийстве короля Филиппа могло быть сделано со слов герцога и, несомненно, отражало его взгляд на случившееся.

Отсутствие в Галицко-Волынской летописи упоминания о смерти королевы Ирины-Марии также коррелирует с известиями Клостернойбургских анналов. В одном из наиболее ранних сохранившихся списков анналов — кодексе XIII в. из шотландского бенедиктинского монастыря в Вене (Wien, Österr. Nationalbibl., 926)¹²⁹ — подобных сведений нет. Здесь под 1208 г. мы находим более краткую, но не менее обличительную в отношении Андексов запись: «Филипп, римский король, стараниями некоторых беззаконных князей был коварно убит в Бамберге пфальцграфом Отто и маркграфом Андекса»¹³⁰. Можно думать, что сведения о кончине королевы Ирины-Марии, произошедшей 27 августа 1208 г., достигли австрийского двора после известия об убийстве ее супруга (произошедшем двумя месяцами ранее) и были записаны позднее.

Подведем некоторые итоги нашим наблюдениям.

Рассказ Галицко-Волынской летописи об убийстве «великого царя Филиппа Римского» и его последствиях, выделенный в Ипатьевском списке в отдельную годовую статью, повествует о событиях, имевших место в 1208 г. В это время состоялась помолвка венгерской принцессы Елизаветы с сыном тюрингского ландграфа Германа I и будущим ландграфом Людвигом IV. Династический союз Арпадов с Людовингами был заключен в интересах Андексов, братьев венгерской королевы, осужденных приговором рейхстага за участие в заговоре против короля Филиппа. Более чем через полвека редактором Летописца Даниила Галицкого сведения о Елизавете были дополнены сообщением о ее святой жизни в Германии и церковном прославлении. В отношении братьев венгерской королевы русский летописец разделял точку зрения сторонников Штауфенов в империи, не сомневаясь в виновности епископа Экберта в смерти короля Филиппа, несмотря на оправдание его папским судом. «Неправильное» титулование Филиппа в русских источниках, близких к галицко-волынским князьям, как римского императора, несомненно, отражает его собственные политические ам-

¹²⁹ Об этой рукописи см.: Klebel E. Die Fassungen und Handschriften der österreichischen Annalistik // Jahrbuch für Landeskunde von Niederösterreich. N. F. 1928. Bd. 21. S. 48 ff.; Schmale Fr.-J. Die österreichische Annalistik im 12. Jahrhundert // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1975. Bd. 31. S. 169. Anm. 82.

¹³⁰ «Philippus rex Romanorum quorundam iniquorum principum studio Bavenberg ab Ottone palatino comite et margravio de Andes in dolo occiditur» (Ibid).

биции, стремление к императорскому достоинству и титулу. Особый интерес и детальная осведомленность галицкого книжника в обстоятельствах смерти германского короля объясняется родственными связями с ним местных князей: княгиня Евфросиния (жена Романа Мстиславича и мать Даниила Галицкого) приходилась родной сестрой германской королеве Ирине-Марии. Контакты Романа Мстиславича со сторонниками Штауфенов в Германии и стоившая ему жизни попытка вооруженного выступления на стороне короля Филиппа отразились в западноевропейских источниках. Утратой начальной части Галицко-Волынской летописи можно объяснить отсутствие подобных сведений в русских летописях. Тем не менее, галицкому летописцу был хорошо известен один из главных участников вельфско-штауфенского противостояния, тюрингский ландграф Герман, помогавший убийце Филиппа избежать наказания. Сведения об убийстве германского короля и виновности брата венгерской королевы должны были прийти на Русь из независимого от венгерского двора источника. Таким источником, скорее всего, могла стать австрийская герцогиня Феодора, происходившая из той же семьи, что и Евфросиния Галицкая.

ТАРУССКОЕ КНЯЖЕСТВО И ЕГО УДЕЛЫ

Вводные замечания

Тарусское княжество (столица — г. Таруса, современный район Калужской области) было самым северным из княжеств, на которые распалась древняя Черниговская земля. В историографии XVIII–XX вв. этому государственному образованию, как и другим так наз. «верховским» (верхнеоцким) княжествам, «повезло» не особо. До революции 1917 г. о Тарусском княжестве больше всего писали, в контексте генеалогии его князей и их потомков, любители-непрофессионалы — составители историко-генеалогических работ (всего можно насчитать до десятка авторов). Профессиональные же историки затрагивали отдельные эпизоды темы лишь «вскользь», ограничиваясь их краткой констатацией¹. Несколько большее значение имеет монография Р. В. Зотова, в которой автор поставил главной целью исследование такого важнейшего источника о князьях Черниговской земли, как их церковный помянник в составе Любецкого синодика². Однако в книге Зотова нет даже специального раздела, посвященного Тарусскому княжеству; кроме того, она безнадежно устарела и тоже не отличается высоким научным уровнем. Последнее относится и к монографии польского историка С.-М. Кучиньского «Земли черниговско-северские под властью Литвы». Хотя собственно Тарусское княжество в состав Великого княжества Литовского никогда не входило, в указанной книге содержится специальная глава «Князья Карачевские и Мезецко-Торусские до середины XV в.»³. В советской историографии следует отметить работы С. Б. Веселовского, А. А. Зимина, М. Е. Бычковой и В. Б. Кобрина. Однако по нашей теме они «захватывают» лишь период середины — 2-й половины XV в., когда потомки кн. Тарусских фактически утратили всякое политиче-

¹ Подробный историографический обзор не входит в задачи настоящей статьи, поскольку он занял бы слишком много места. Далее мы указываем ссылки лишь на самые важные работы, имеющие непосредственное отношение к теме.

² *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892.

³ *Kuczyński S. M.* Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936. S. 137–148, 255–258.

ское значение, хотя формально еще сохраняли статус мелких служилых (владетельных) князей, находившихся на службе в Московском и Литовско-Русском государствах.

Коренной перелом в изучении нашей темы произошел на рубеже XX–XXI вв. В 1993 г. выходит монография А. В. Шекова, посвященная истории «верховских» княжеств, доработанная и переизданная в 2012 г.⁴ Особенную ценность в этой книге представляют историко-географические сюжеты, в частности представляющие автором реконструкция территории Волконского удела. В 2004 г. публикуется большая статья А. А. Горского, отдельный параграф которой озаглавлен «Тарусско-Оболенское княжество»⁵. В нем автор исследует процесс инкорпорации территории Тарусского княжества в состав Московского государства, а также изменение политического статуса кн. Тарусских после 1392 г. О. И. Хоруженко убедительно доказал факт фальсификации кн. Волконскими ранней части своей родословной в конце XVII в.⁶; предложил новую интерпретацию упоминания о кн. Тарусских в московско-рязанском договоре 1381 г.⁷; подтвердил фальсифицирование «удлиненной» версии родословной кн. Оболенских за середину XIII — середину XIV в.⁸ Р. А. Беспалов обосновывает бездоказательность утверждения поздних родословных о том, что кн. Тарусские были потомками Михаила Всеволодовича Черниговского⁹. Этот же автор впервые в историографии подробно исследовал историю Устийско-

⁴ *Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. М., 2012.*

⁵ *Горский А. А. Московские «примыслы» конца XIII — XV в. вне Северо-Восточной Руси // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 5. С. 153–160. Этот же материал см. в книге: Горский А. А. От земель к великим княжениям: «примыслы» русских князей второй половины XIII — XV в. М., 2010. С. 117–123.*

⁶ *Хоруженко О. И. Родословие как конструкция родовой памяти. Текстология родословных росписей князей Волконских XVI–XVII вв. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2012. Вып. 41. С. 203–234.*

⁷ *Хоруженко О. И. Уезд Мстиславль в Московско-рязанском докончании 1381 г. и князь Мстислав // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археологии. Материалы XXIV Международной научной конференции. Москва, 2–3 февраля 2012 г. М., 2012. С. 106–113.*

⁸ *Хоруженко О. И. Печати князей Оболенских XIII–XVII вв. в публикации Ф. А. Бюлера // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014. № 3 (130). С. 201–211.*

⁹ *Беспалов Р. А. «Новое потомство» князя Михаила Черниговского по источникам XVI–XVII веков (к постановке проблемы) // Проблемы славяноведения. Брянск, 2011. Вып. 13. С. 63–97.*

Огдыревского удела — южного анклава Тарусского княжества в бассейне р. Нугри¹⁰.

Тем не менее, обобщающей работы по истории Тарусского княжества и его уделов до настоящего времени не существует. Таковая и выносится на суд читателя. Ее задача — собрать, проанализировать и систематизировать сохранившиеся сведения источников по теме, учитывая реальные достижения предшествующей историографии. Целый ряд вопросов всё еще требуют более тщательного критического анализа. В последнее время серьезно пополнилась и источниковая база исследования: в 2007 г. был опубликован помянник князей Черниговских, представляющий собой раздел в составе помянника Введенской церкви Киево-Печерской лавры. Его текст (список 1654 г.) на целое столетие старше известного Любецкого синодика (1751 г.), а главное, он значительно полнее и не содержит многочисленных дефектов, свойственных любецкой рукописи. Судя по всему, упомянутый раздел Введенско-Печерского помянника, содержащий имена князей Черниговской земли XI–XV вв., является копией из помянника Черниговского Елецко-Успенского монастыря¹¹.

Происхождение князей Тарусских

К сожалению, предельно краткие сведения об образовании Тарусского княжества, а также огромном периоде его ранней истории — примерно целом столетии, — содержатся лишь в таких поздних источниках, как родословные росписи потомков князей Тарусских. Поэтому традиционная дата образования княжества, 1246 г., и даже сам факт его существования ранее 1-й половины XIV в., вообще могут быть поставлены под сомнение. Древнейшая из родословных князей Тарусской линии сохранилась в составе блока генеалогических статей, приписанного к Типографской летописи, где большинство родов доведены только до конца XV в. (но не ранее 1490 г.)¹². Это относится, в частности, и к представителям рода кн. Оболенских. Их очень краткая генеалогия имеет в «Типографском родослов-

¹⁰ Беспалов Р. А. Исконная вотчина князей Огдыревских и Мезецких (по опубликованным источникам) // Город Средневековья и раннего Нового времени. II (V). Археология. История. Материалы V Всероссийского семинара. Тула. Ноябрь 2013. Тула, 2016. С. 139–161.

¹¹ Источниковедческий анализ Любецкого и Введенско-Печерского помянников см.: Келембет С. Пом'яники (синодики) князів Чернігівської землі як історичне джерело // Сіверянський літопис. 2016. № 6. С. 19–37.

¹² Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 12.

це» такой вид: «А се родъ князя великаго Михаила Черниговскаго: сынъ его князь Юрьи, внукъ его князь Костянтинъ, правнукъ его князь Иванъ, прашюръ его князь Василей Оболенской, князь Иванъ Стрига, да князь Александръ, да князь Ярославъ, да князь Петръ Нагой, князь Васильеви дѣти Оболенскаго»¹³. Указанные здесь последними лица — сыновья кн. Василия Ивановича Оболенского от первого брака — упоминаются на протяжении 1446–1509 гг.¹⁴; причем характерно, что сыновья кн. Василия от второго брака — Василий и Федор Телепни, упоминающиеся в 1492–1508 гг., — в родословной вообще не записаны.

В «Типографском родословце» кн. Юрий Михайлович, как мы видим, указан без своего удельного прозвания. Таковое появляется в следующей по времени родословной — генеалогическом экскурсе, вставленном после сообщения об убийстве Михаила Черниговского в так наз. Уваровской летописи, рукопись которой (по филигране бумаги) датируется временем около 1530 г. Здесь у Михаила Черниговского указан «четвертой сын Юрии Брянской (так! — С. К.) и Тороуской. Оу Юриа сын болшой Костянтин, а оу Костянтина сын болшой Иван, оу Ивана первой Никита, дроугои Василей»¹⁵. В сборнике Дионисия Звенигородского 1-й половины 1530-х гг. (филигране 1527–1536 гг.)¹⁶ встречаем сначала фантастическое чтение «Рюрик Туровский». Но затем здесь же, в так наз. «Объединенном родословце черниговских князей», появляется классический «раздел владений» Михаила Черниговского, согласно которому младший из его сыновей получил в удел Тарусу («а Юрьи в Торусе»); несколько ниже Юрий Михайлович фигурирует еще как «Тарусский и Оболенский»¹⁷. Эта версия вскоре перешла и в официальную родословную книгу, так наз. «Государев родословец» 1555 г., вошедший затем в состав «Бархатной книги» 1680-х гг.¹⁸, а также во все частные родословные книги.

Не позже 1532 г. версия о Юрии Тарусском как сыне Михаила Черниговского, фиксируется и в Великом княжестве Литовском. 6 октября 1520 г. там была завершена переписка известного Супрасльского сборника, предпринятая по заказу кн. Семена Ивановича

¹³ ПСРЛ. М., 2000. Т. XXIV. С. 234.

¹⁴ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России в XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 48–50.

¹⁵ ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. XXVIII. С. 214–215. О дате филиграны — с. 4.

¹⁶ Клосс Б. М. Избранные труды. М., 2001. Т. II. С. 334–335.

¹⁷ Бычкова М. Е. Состав класса феодалов в России в XVI в. М., 1986. С. 74, 75, 76.

¹⁸ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... М., 1787. Ч. 1. С. 180, 201.

Одинцевича¹⁹. На двух первых листах этой рукописи почерком, отличающимся от основного, — вероятно, рукой самого кн. Семена Одинцевича — была вписана родословная Одинцевичей²⁰. С. Темчин предполагал, что она была приписана к основной рукописи около 1530 г., но до 1532 г., когда сборник уже находился в Супрасльском монастыре²¹. По нашему же мнению, ничуть не менее вероятно, что заказчик, кн. Одинцевич, мог собственноручно вписать свою родословную на самом «престижном» месте — специально оставленных для этого двух первых листах сборника — сразу же после переписки его основного текста в 1520 г.²²

¹⁹ «Исписан сии летописецъ в лето 7028, луна 17, индикта 9, октября 6, в память святого апостола Фомы замышлениемъ благоверного и христолюбивого князя Симиона Ивановича Одинцевича...» (ПСРЛ. М., 1980. Т. XXXV. С. 5). В литературе преобладает дата 1519 г., однако 9-й индикт приходился на период с 1 сентября 1520 г. по 31 августа 1521 г. Противоречие устраняется, если признать, что год указан не по сентябрьскому, а по европейскому январскому стилю, официально принятому в ВКЛ.

²⁰ ПСРЛ. Т. XXXV. С. 282–283. Автором родословной самого кн. Одинцевича считал еще первый издатель рукописи, И. Данилович. Действительно, об этом свидетельствуют слова в конце статьи: «То ест род *наш*».

²¹ «Видимо, практически одновременно с родословием князей мазовецких (т. е. около 1530 г. — С. К.) к рукописи было приписано и родословие князей Одинцевичей, для представителя которого десятилетием ранее был написан весь сборник» (Темчин С. О времени появления Супрасльской летописи (списка 1519 г.) в Супрасльском монастыре // *Ruthenica*. Київ, 2006. Т. V. С. 158–159).

²² Правда, А. К. Червякова предполагает: «Вполне может быть, что эти листы, написанные иным, чем основной текст, почерком (по предположению Даниловича — князем Семеном Одинцевичем), вклеены позднее» (Червякова А. К. Родословная роспись князей Мезецких в составе Супрасльского сборника // Проблемы дипломатики, кодикологии и актов археографии. Материалы XXIV Международной научной конференции. Москва, 2–3 февраля 2012 г. М., 2012. С. 534). Никаких доказательств в пользу своих слов исследовательница не приводит; впрочем, даже если листы действительно были «вклеены позднее», это никак не исключает их вклейку, например, в конце того же 1520 г.

Следует отметить, что Супрасльский сборник написан на бумаге с филигранью «Тиара», причем «несколько схожих филиграней имеется у Н. П. Лихачева, все они относятся к 1532, 1534 гг.» (ПСРЛ. Т. XXXV. С. 5). Однако вряд ли это можно рассматривать как прямое свидетельство против датировки рукописи 1520 г. — особенно учитывая то, что сборник попал в Супрасльский монастырь еще до 1532 г. (Темчин С. О времени... С. 157–158; кстати, этот исследователь о филигрнах 1530-х гг. предпочитает вообще не упоминать). Тиара была весьма распространенной филигранью, и ее расплывчатая «схожесть» с какими-то подобными знаками — аргумент для датировки рукописи весьма условный.

Начинается родословная Одинцевичей (ветви кн. Друцких) — на первый взгляд, очень странно — с Михаила Черниговского, убитого Батыем (1246). Его сын Юрий якобы «оставил отчину свою пусто, и пришел в Тарус, и в Тарусе господарыл». Затем приводятся уникальные сведения о пяти сыновьях Юрия, причем с указанием удела каждого. Далее излагается линия потомков, якобы, старшего из братьев — Всеволода-Орефы. Из других источников хорошо известно, что речь здесь идет о ветви кн. Мезецких и Барятинских (последним в этой части записан кн. Иван Львович Барятинский, упоминающийся в 1509–1533 гг.²³). Наконец, выясняется смысл «чернигово-тарусского» сюжета: одна из дочерей Андрея Всеволодовича Шутихи (который поступил на литовскую службу — см. ниже, последний подраздел статьи) вышла замуж за кн. Федора Одинцевича, и от этой пары произошли все последующие Одинцевичи.

Никаких следов, указывающих на связь родословной Одинцевичей с московскими росписями потомков кн. Тарусских конца XV — 1-й трети XVI в., которые относятся *исключительно* к ветви Оболенских, мы не видим (если не считать таковой упоминание кн. Константина Юрьевича Оболенского, причем в качестве самого младшего из *пяти* братьев). Более того, смысл сообщений о Юрии Тарусском в московской версии 1530-х гг. и родословной Одинцевичей заметно различается. В первой говорится о разделе владений Михаила Черниговского между четырьмя сыновьями, причем старшему из них, Роману, якобы достался Чернигов; во второй — что Юрий (его братья вовсе не упомянуты) оставил запустевший Чернигов и перебрался в Тарусу. Сведения родословной Одинцевичей о потомках Юрия содержат ряд уникальных данных, которые никоим образом не могут быть возведены ни к одной из московских родословных. Поэтому наиболее логично предположить, что «тарусско-мезецкий» пласт информации попал в род Одинцевичей через упомянутый брак княжны Оксиньи Андреевны Мезецкой — прабабки кн. Семена Ивановича Одинцевича, автора родословной.

Итак, вряд ли можно сомневаться в том, что уже в XV в. и московские Оболенские, и литовские Мезецкие считали своим предком Юрия Тарусского, сына Михаила Черниговского. Однако в реальности Юрий не мог быть сыном Михаила (ум. 1246), как это хорошо видно из хронологии жизни его потомков. Так, его сын, Константин Оболенский, погиб в 1368 г. А младшие внуки, Андрей и Дмитрий Всеволодовичи, упоминаются еще в 1424 г. (см. ниже). Отсюда совершенно очевидно, что княжение самого Юрия следует датировать лишь

²³ Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od konca czternastego wieku. Warszawa, 1895. S. 8.

1-й половиной — серединой XIV в.²⁴ Этот вывод полностью согласуется с местом записи «Кн(з): Юрія Таруского» в помяннике князей Черниговских, который сохранился в составе помянника Введенской церкви Киево-Печерской лавры 1654 г.²⁵, а также в сокращенном и дефектном виде — в Любецком синодике 1751 г. (где явно ошибочное чтение «Туровского»)²⁶. В указанных рукописях сразу после Юрия поминался кн. Константин Оболенский, убитый «от литвы» (т. е. его сын, погибший в 1368 г. — см. ниже), и вообще они записаны «в окружении» князей XIV, а не XIII в.

Отмеченная хронологическая нестыковка была замечена, применительно к ветви Оболенских, довольно рано и вызвала соответствующую реакцию: уже в «Объединенном родословце» Дионисия Звенигородского между Юрием Тарусским, якобы сыном Михаила Всеволодовича, и его сыном Константином Оболенским (ум. 1368) было искусственно вставлено два поколения. Этим же путем пошли историки XVIII и даже XIX в. применительно к другим ветвям потомства Юрия (см. ниже). В итоге в историографии обычно принималась именно такая, «скорректированная» вставкой дополнительных поколений, генеалогия кн. Тарусских, хотя есть и исследователи, которые с ней не согласны. Так, Д. Н. Александров считал Юрия Тарусского и его братьев (по родословным) сыновьями не Михаила Всеволодовича, а его внука Михаила Романовича (который будто бы княжил в Брянске между 1274 и 1285 гг.)²⁷. А Н. А. фон Баумгартен и Р. А. Беспалов вообще поставили под сомнение то, что кн. Тарусские, как и другие «верховские» князья XIV–XV вв., были потомками Михаила Всеволодовича²⁸.

²⁴ В историографии встречается утверждение, что на дочери кн. Юрия Михайловича Тарусского в 1265 г. женился вел. кн. Владимирский и Тверской Ярослав Ярославич (Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 123, и т. д.). Действительно, Ярослав вскоре после вокняжения в Новгороде, зимой 1264/65 г., женился там на дочери какого-то Юрия Михайловича (ПСРЛ. М., 2007. Т. XVIII. С. 72 и т. д.). Однако в летописях Юрий Михайлович князем не назван, наверняка он был просто знатным новгородцем (Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Материалы для составления родословий. СПб., 1906. Т. I. Князья Черниговские. Ч. 1. С. 33).

²⁵ Поменник Введенської церкви в Ближніх печерах Києво-Печерської лаври // Лаврський альманах. Спецвип. 7. Київ, 2007. С. 18.

²⁶ Синодик Любецкого Антониевского монастыря. Чернигов, 1902. Л. 20 (факсимильная копия); Зотов Р. В. О Черниговских князьях... С. 122–123.

²⁷ Александров Д. Н. Феодалная раздробленность Руси. М., 2001. С. 205–206, 231.

²⁸ Baumgarten N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du X-e au XIII-e siècle // Orientalia Christiana. Roma; Maio, 1927. Vol. IX-I. № 35.

Тем не менее, вряд ли можно полностью игнорировать тот факт, что традиция о происхождении московских Оболенских от Михаила Черниговского зафиксирована уже в 1490-х гг. А аналогичная традиция в роду литовских Мезецких, очевидно, существовала еще на полвека раньше. Конечно, можно предположить, что оба рода «приписались» к потомкам Михаила Всеволодовича, самого знаменитого из князей Черниговских, в середине XV в. — при правнуках Юрия Тарусского (ранее такая фальсификация без труда бы разоблачалась). Однако в равной степени вероятен и вариант, что кн. Тарусские действительно являлись потомками Михаила Всеволодовича, хотя, конечно, Юрий Тарусский никак не мог быть его сыном (для этого пришлось бы признать, что как у Юрия, так и у его сыновей дети рождались в возрасте где-то 60–65 лет). В таком случае восстановить пропущенные в родословных поколения возможным не представляется. Можно лишь предположить, *чисто условно*, что дедом Юрия Тарусского мог быть тоже Юрий, действительно сын Михаила Черниговского, а в памяти потомков эти два князя слились в одно лицо. Похоже, аналогичное явление мы наблюдаем в родословной кн. Глуховско-Новосильских, где их родоначальник, Семен Михайлович, был «объединен» с его внуком и полным тезкой²⁹.

Интересные результаты показали новейшие генетические исследования, проведенные с рядом потомков династии Рюриковичей, в том числе и князей Черниговских. Они основаны на анализе мужской Y-хромосомы: «Так как Y-хромосома передается только от отца к сыну и на отдельных ее участках с определенной периодичностью происходят изменения (мутации), это позволяет выяснить, в какой приблизительно степени родства находятся два человека»³⁰. Так вот, исследование одной из гаплогрупп лиц, считаю-

Р. 54–56, 86–94 (для нас недоступно); *Беспалов Р. А.* «Новое потомство» князя Михаила Черниговского по источникам XVI–XVII веков (к постановке проблемы) // Проблемы славяноведения. Брянск, 2011. Вып. 13. С. 78–79.

²⁹ *Зотов Р. В.* О черниговских князьях... С. 107–111. Эта генеалогическая схема, кажется, находит подтверждение в известном по поздним выпискам синодике Рязанского Духовского монастыря (составленном, по-видимому, не позже середины XV в.), где после «Ивана Ивановича убиенного» (Рязанского Коротопола, ум. в 1343) были записаны «Андреян, Александр Семеновичи Новосильские» (*Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. М., 1965. С. 208, 217). Александр Новосильский (ум. 1326) — скорее всего, брат Михаила Глуховского (отца Семена), поскольку в черниговских помянниках они записаны рядом друг с другом.

³⁰ *Волков В. Г.* Все ли Рюриковичи происходят от одного предка? Происхож-

щихся потомками Рюрика, показало, что «генетическими родственниками между собой являются только Волконский, Оболенский и Барятинский. Гаплотипы всех троих имеют общее значение маркера DYS448 = 21, которое не встречается у других представителей субклада R-L260, что является дополнительным указанием на родство между ними». Однако общий вывод оказался для упомянутых князей разочаровывающим: «Таким образом, генетические данные показывают, что предком Волконских, Оболенских, Барятинских с большой долей вероятности мог быть именно Юрий Тарусский, но маловероятно, что Юрий Тарусский являлся потомком Ярослава Мудрого и Рюрика по мужской линии». Это при том, что происхождение от Рюрика представителей другой ветви князей Черниговских — Пузын («из Козельска») и Масальских — вполне подтвердилось³¹. Впрочем, как бы ни относиться к указанным выводам, ясно одно: на социально-политическом положении Юрия Тарусского и его потомков, которое представляет интерес для истории, их реальное генетическое происхождение никак не отразилось³².

дение Рюрика и Гедимины в свете последних генетических исследований // Генеалогия допетровского времени: источниковедение, методология, исследования. СПб., 2012. С. 11.

³¹ Там же. С. 25, 27, о Пузынах и Масальских — с. 24. В комментарии В. Г. Волкова на критические замечания Е. Пчелова 2016 г. также говорится: «Изначально было сомнительно происхождение потомков Юрия Тарусского. Но после появления результатов стало ясно, что сомнения обоснованны. Но это необходимо было проверить, поэтому выбор для тестирования этой ветви вполне обоснован». «Пузыны и Масальские — с той или иной вероятностью родословцами и исследователями относились в Черниговскому Дому. Как бы там ни было, последний анализ гаплотипов и SNP-маркеров показывает разделение Рюриковичей N1c1 на две ветви — к одной принадлежат все исследованные Мономашичи N1c1, к другой Пузыны и Масальские, что позволяет предполагать принадлежность последних к Черниговской линии». В. Г. Волков также анонсирует большую статью о последних результатах генетических исследований потомков Рюриковичей (http://xn--class6aafalc.xn--plai/?page_id=7053).

³² Кстати говоря, генетические ДНК-исследования для генеалогии потомков кн. Черниговских имеют особо широкие перспективы. Дело в том, что Михаил Всеволодович является единственным из кн. Черниговских, чьи материальные останки-мощи сохранились до нашего времени (находятся в Архангельском соборе Московского Кремля). Так что специальный научный проект, организованный, конечно, на самом высоком уровне, мог бы дать окончательный ответ на «мучительный» для многих историков вопрос: являлись ли реальными потомками Михаила Черниговского многие княжеские роды, считающиеся таковыми в родословных XV–XVII вв.?

Территория Тарусского княжества

Основная территория Тарусского княжества XIV–XV вв. включала в себя земли по обеим сторонам Оки: на левой — по ее притокам Мышеге, Тарусе (кроме верхнего течения) и средней Протве (начиная несколько выше устья и до впадения в нее р. Лужи); на правой — по Выпрейке, Вошане, Крушме и среднему течению Упы. На востоке оно граничило с Рязанским великим княжеством; на юго-востоке — с владениями Орды, во 2-й половине XIV в. отошедшими к Москве и Рязани; на юге и, очевидно, западе — с княжеством Новосильско-Одоевским³³. Стоит отметить, что в центре указанной территории располагалось «место» Алексин (на правом берегу Оки), который еще в начале XIV в. был куплен митрополитом Петром (1308–1326), а между 1390 и 1392 гг. выменян у митрополита Киприана вел. кн. Василием Дмитриевичем³⁴.

В 1370 г. вел. кн. Ольгерд Литовский жаловался патриарху Филофею, что москвичи, в числе других городов, захватили у него Калугу, а чуть раньше «напали на зятя моего, новосильского князя Ивана, и на его княжество»³⁵. Отсюда, с высокой степенью вероятности, можно заключить, что Калуга принадлежала кн. Ивану Новосильскому, владения которого Ольгерд включал в сферу своего политического влияния. В духовной грамоте Дмитрия Донского 1389 г. вместе с Калугой московским владением названа также Роща³⁶. Действительно, в 1620-х гг. «стан Рошинский (Рошинской в переп. кн.) занимал крайнее место на северо-востоке Калужского уезда по истокам Суходрови: Сухой Песочне, Кропивне и Корытне (тогда как дальнейшее течение Суходрови, в ее северной излучине, относилось уже к Оболенскому уделу — см. ниже. — С. К.); к югу он спускался по левым притокам Тарусы: Жениховке, Сметенке, Рекмышу, Горожанке и Тросенке до Роши включительно, составлявшей предел на восто-

³³ См., например, добротные карты В. Н. Темушева, где, впрочем, в составе Тарусского княжества почему-то показаны Калуга и Роща. Хотя в самом тексте книги автор пишет, что письмо Ольгерда Литовского патриарху Филофею 1371 г. «дает некоторое основание причислить Калугу к Новосильскому княжеству. Однако по своему расположению она больше тяготела к соседней Тарусе» (*Темушев В. Н. Первая московско-литовская пограничная война (1486–1494)*. М., 2013. Карты 12, 13. С. 183–184).

³⁴ АФЗХ. Ч. 1. М., 1951. С. 23. № 1; *Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII — XV вв... С. 175–176.

³⁵ Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. VI. Приложение. Стб. 135–138. № 24. Уточнение датировки письма см.: *Беспалов Р. А.* О письме Ольгерда патриарху Филофею // ДРВМ. 2015. № 2. С. 49–58.

³⁶ ДДГ. М.; Л., 1950. № 12. С. 34.

ке, и переходил к югу от Тарусы, обнимая течение речки Медведки с Востоком». От устья Роши калужско-тарусская граница «шла к югу через верховье Мышеги (по-нынешнему Мышиги) к левому берегу Оки, именно к речке Ковше ниже Питани»³⁷.

Возможно, в состав Новосильского княжества изначально входил также и Любутск на правом берегу Оки, во 2-й половине XIV — XV в. представлявший собой литовский анклав (а затем — Любуцкий стан Алексинского уезда³⁸). Об этом может свидетельствовать то, что в «Списке русских городов дальних и ближних» Любутск записан между Одоевом и Новосилем³⁹. Он также мог быть владением литовского вассала, кн. Ивана Новосильского, который и передал город правителю Литвы — своему тестю или шурину. По крайней мере, весьма трудно допустить, что Калуга и Любутск, не имевшие тогда общей границы непосредственно с Великим княжеством Литовским, были силой отняты Ольгердом у Тарусского княжества, да и вряд ли он стал бы тогда жаловаться патриарху на захват Калуги москвичами. О продаже кн. Тарусскими своих земель Литве нам также ничего не известно.

Спорной является изначальная принадлежность двух московских «примыслов» 1390-х гг. — «купли Пересвѣтовой» и Лисина⁴⁰, которые обычно относятся к территории Тарусского княжества⁴¹. Однако в том случае, если Любутск и Роца первоначально были владениями княжества Новосильского, логичнее признать таковыми же и упомянутые волости, исходя из их географического расположения. Лисинский стан Калужского уезда, по данным 1620-х гг., располагался юго-западнее Рошинского (отделяя его от Калуги) и включая в себя «местность по Тарусе, по левому ее притоку Жале [...], затем по другому левому притоку Тарусы — Лисенке, от коей, вероятно, и получил стан свое название, вплоть до третьего левого притока Тарусы вниз

³⁷ Симсон П. Калужский уезд во времена Михаила Федоровича // Известия Калужской ученой архивной комиссии. Калуга, 1894. № 3. С. 33–34, 30–31.

³⁸ Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века. М., 1977. С. 234, 258.

³⁹ Горский А. А. Московские «примыслы» конца XIII — XV в. вне Северо-Восточной Руси // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 5. С. 150–151. На картах В. Н. Темушева Любутск показан анклавом Брянского княжества, присоединенным к Литве вместе с ним, хотя в тексте книги признается, что «связь Любутска с Брянском является лишь гипотезой, следствием наблюдений за совместными действиями брянских и любутских бояр» (Темушев В. Н. Первая московско-литовская пограничная война. С. 185).

⁴⁰ ДДГ. С. 43. № 16.

⁴¹ Горский А. А. Московские «примыслы» конца XIII — XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 156.

по ее течению — Жениховки. На юг от Тарусы в состав Лисинского стана входили земли по правым ее притокам: Крапивенке, Омутенке, Горне с Полянкою и далее вниз по Тарусе до ручья Воста, текущего в Медведку». «Пересветова купля» же обычно отождествляется с Куплинским станом Калужского уезда — к северо-западу от Любутска, на противоположном берегу Оки. Правда, первоначально он назывался «Куплинской Окинфиева», или «Купля Окинфова», или просто «Куплинской». В связи с этими названиями была пустошь, «что была деревня Окинфова, Агаевская тож» недалеко от Мышеги, равно как речка Купля в сем стану где-то у Оки, верно ее приток»⁴². Но можно согласиться с тождеством этого стана с «куплей Пересветовой», если признать, что речка Купля получила свое название от «Пересветовой купли».

На севере к Тарусскому княжеству примыкали земли по левым притокам Оки Лопасне, Наре и верхнему течению Протвы (кроме самого верховья). К началу XIV в. вся эта территория принадлежала уже Рязанскому великому княжеству, но в XII в., согласно некоторым указаниям, входила в состав Черниговской земли. В домонгольский период князья Черниговские, безусловно, были значительно сильнее и влиятельнее Рязанских и вряд ли стали бы уступать последним северо-восточную окраину своих владений. Отсюда остается заключить, что это произошло в течение 2-й половины XIII в. — времени упадка и окончательного раздробления Черниговской земли. А если Тарусское княжество действительно возникло в середине XIII в., то земли по рр. Лопасне, Наре и устье Протвы, судя по географическим соображениям, изначально должны были относиться именно к нему (на средней Протве стоял тарусский город Оболенск). Верхнее же течение Протвы, по крайней мере ее правобережье (позднейшие волости Лужа, Боровск и Верея), имеются некоторые основания отнести к княжеству Новосильскому⁴³.

Наконец, следует отметить, что, помимо основной территории, Тарусскому княжеству во 2-й половине XIV — начале XV в. принадлежал еще обширный анклав на юге, в бассейне р. Нугри — волости Огдырев и Устье, а также Жабынь к северо-востоку от новосильского г. Белева (см. последний подраздел статьи).

⁴² Симсон П. Калужский уезд во времена Михаила Федоровича. С. 32, 31–32; Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века. С. 238, 258.

⁴³ См. об этом: Келембет С. Н. Происхождение князей Пермско-Вымских, Великопермских и Косицких // ДРВМ. 2017. № 4. С. 54–56.

Образование тарусских уделов

В середине XIV в., после смерти кн. Юрия (известного только по родословным и помянникам), Тарусское княжество было разделено на уделы между его пятью сыновьями. Уникальные сведения об этом содержатся в родословной Одинцевичей: «[...] и родил сынов пять: старшаго звали Орехва, а прозвище ему было Всеволод, а другой был сын Семен, а третий Михайло, четвертый Иван, а пятый Костянтин. И розделил им после своего живота отчину. Старшему, Всеволоду, Тарусу, Семену Канинь, Михайлу Мышагу, а Ивану Волкона, а Костянтину Оболенскъ»⁴⁴. Таруса и Оболенск являются хорошо известными городами. В остальных же топонимах легко узнаются волости Волкона, Конин и Мышега, упомянутые, уже как московские владения, в завещании вел. кн. Ивана Васильевича 1504 г.; последняя из них тогда по-старому «тянула» к Тарусе, а первые две — к соседнему Алексину⁴⁵.

В древнейших московских родословных у Юрия Михайловича Тарусского значится всего один сын, Константин Оболенский⁴⁶. В Румянцевской редакции 1540-х гг., а также официальном «Государеве родословце» 1555 г. и соответственно «Бархатной книге», у него появляются два старших брата: «1. Князь Семенъ Торуской. 2. Князь Всеволодъ, отъ него пошли Мезецкие. 3. Князь Константинъ Оболенской; а убилъ его Олгердъ въ Хольнѣ. У Князя Семена Торуского сынъ Князь Дмитрей Торуской, и въ dokonчанье его Князь Великий Василей пожаловалъ принялъ; не стало его бездетна»⁴⁷. При этом в частных родословных книгах у Юрия показаны только два сына, Всеволод и Константин⁴⁸. Данное обстоятельство наводит на мысль, что источником сведений Румянцевской редакции и «Государева родословца» о кн. Семене Юрьевиче Тарусском мог быть *только* упомянутый там договор кн. Дмитрия Семеновича Тарусского с вел. кн. Василием Дмитриевичем, который еще в 1626 г. хранился в архиве Посольского приказа⁴⁹. Впрочем, если это действительно было так, то составитель родословной ошибся разве что в порядке старшинства Юрьевичей.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. XXXV. С. 282.

⁴⁵ ДДГ. С. 354, 360. № 89.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. XXIV. С. 234; Т. XXIII. С. 81; Бычкова М. Е. Состав класса феодалов в России в XVI в. С. 76.

⁴⁷ РИИР. М., 1977. Вып. 2. С. 113; Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... Ч. 1. С. 201.

⁴⁸ Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских (далее — ВОИДР). М., 1851. Кн. X. С. 46, 72, 240.

⁴⁹ ДДГ. С. 461.

По поводу этого старшинства мы не можем согласиться ни с родословной Одинцевичей, ни с «Бархатной книгой». Что касается Всеволода, то если признать его старшим сыном Юрия и князем Тарусским, то возникает вопрос: почему в 1375 и 1390-х гг. князьями Тарусскими называются сыновья Константина и, возможно, Семена Юрьевичей, тогда как сыновья Всеволода до того, как «выслужили» в Литве Мезческ, владели лишь тарусскими волостями Огдыревым, Устьем и Жабынью? А в источниках они вообще выступают на целых полвека позже своих двоюродных братьев, только в 1424 г. (см. последний подраздел статьи). Наконец, в синодике московской церкви св. Михаила Черниговского, по свидетельству кн. М. Щербатова, представители Тарусской линии поминались в таком порядке: кн. Юрий (Тарусский), кн. Константин (Оболенский), кн. Иван (Волконский), кн. Всеволод⁵⁰. Все это приводит нас к заключению, что в реальности Всеволод был младшим сыном Юрия Тарусского. В родословной же Одинцевичей его «первородный» статус вполне объясним чисто субъективным мотивом: напомним, потомками Всеволода, по женской линии, были сами кн. Одинцевичи.

Не был старшим сыном Юрия и Семен, хотя он записан с титулом князя Тарусского не только в «Бархатной книге», но и в помянниках князей Черниговских (см. ниже). «Личный» удел Семена, волость Конино, вряд ли мог быть сопоставим с г. Оболенском, уделом Константина. В 1375 г. летописи упоминают кн. Семена Константиновича Оболенского и его брата, очевидно младшего, кн. Ивана Тарусского⁵¹. Отсюда следует, что к тому времени Оболенск по своему реальному значению превзошел даже стольную Тарусу. При вел. кн. Василии Дмитриевиче, т. е. не ранее 1390-х гг., старшим князем Тарусским был заключивший с ним договор Дмитрий Семенович. Если признать его сыном Семена Юрьевича (как в «Бархатной книге»), то он, по хронологическим соображениям, приходился бы младшим двоюродным братом Константиновичей. А если Дмитрий был сыном Семена Константиновича Оболенского — очевидно, придется заключить, что тарусский стол окончательно закрепился в линии Оболенских, двое из которых упоминаются как кн. Тарусские и в XV в. (см. ниже).

Итак, мы принимаем следующее старшинство сыновей Юрия Тарусского: 1) Константин Оболенский; 2) Семен Конинский, позже Тарусский; 3) Михаил Мышецкий; 4) Иван Волконский; 5) Всеволод

⁵⁰ Волконская Е. Г. Род князей Волконских. СПб., 1900. С. 784–785.

⁵¹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 111, и т. д.

Огдыревско-Устийский. Но если с вопросом об уделах Юрьевичей особых проблем не возникает, то вряд ли это можно сказать о принадлежности стольного города княжества, Тарусы. Легче всего было бы допустить, что Юрий разделил Тарусу на части между всеми своими сыновьями. Такая практика, применительно к столицам княжеств, существовала не только в Северо-Восточной Руси (московские «трети» и «жеребьи»), но и среди «верховских» князей. Правда, источниками она фиксируется только в конце XV в. (когда Одоев принадлежал по частям всем кн. Одоевским и одному Воротынскому⁵², а Мезческ — всем кн. Мезецким⁵³). Однако нам кажется более вероятным, что Таруса на «жеребьи» не делилась, а вся была отдана, как старшему в роде, Константину Юрьевичу, личным уделом которого был Оболенск. После его гибели Тарусу унаследовал, по праву родового старшинства, Семен Конинский, а после смерти Семена — по тому же праву сыновья Константина Оболенского. Из них старший, Семен, остался в Оболенске, а Тарусу уступил младшему, Ивану. Именно князьями этих городов летописи называют Константиновичей в 1375 г. Вряд ли Иван стал бы титуловаться князем Тарусским, если бы ему принадлежал в Тарусе, причем совместно с двумя братьями, всего один из пяти «жеребьев», т. е. 1/3 от 1/5 части города!

Переходим к рассмотрению уделов Тарусского княжества, в соответствии с принятым нами старшинством сыновей кн. Юрия, за поtomками которых они закрепились.

Князья Оболенские и Тарусские

Г. Оболенск располагался на правом берегу Протвы, в 20 км от ее впадения в Оку (совр. с. Оболенское Жуковского р-на Калужской области; поселок Оболенск, основанный только в 1975 г., никакого отношения к древнему городу не имеет). Территория Оболенского удела, по-видимому, в целом соответствовала позднему Оболенскому уезду. Приблизительные границы последнего, на основании локализации 136 поселений из переписи 1678 г., были установлены Я. Е. Водарским. Основная масса этих поселений располагалась на правом берегу средней Протвы (одно из них — в значительном отрыве вниз по течению от остальных). На севере они достигали устья Лужи, причем три распо-

⁵² СИРИО. СПб., 1882. Т. 35. С. 57; Назаров В. Д. Тайна челобитной Ивана Воротынского // Вопросы истории. 1969. № 1. С. 211–213 (документ 1525 г., но раздел Одоева на «жеребьи» относится еще к концу XV в.).

⁵³ СИРИО. Т. 35. С. 147, 217, 246–247.

лагались даже севернее этой реки. На западе территория Оболенского уезда включала среднее течение Суходрови, в районе ее излучины, в вершине которой немного заходила и на левый берег реки. На юге граница уезда, очевидно, шла севернее р. Тарусы, поскольку оболенских поселений на ней не было, как и на Оке ниже г. Тарусы. Наконец, на левой стороне Протвы поселения Оболенского уезда шли узкой полосой, окруженной лесами, вдоль р. Аложи, и далее примыкали к правому берегу Нары; кроме того, несколько селений заходили на левобережье Протвы и севернее устья Аложи⁵⁴.

Кн. Константин Юрьевич Оболенский, первым из линии Тарусских, упоминается не только в родословных и помянниках, но и в летописях. Будучи союзником вел. кн. Владимиро-Московского Дмитрия Ивановича, он был убит в своем Оболенске в ноябре 1368 г., во время похода Ольгерда Литовского на Москву⁵⁵. Подчеркнем, что во всех летописях он назван именно Юрьевичем. В древнейшей родословной Оболенских, составленной в 1490-х гг., а также родословной Одинцевичей 1520 г. Константин показан сыном Юрия Тарусского, внуком Михаила Черниговского⁵⁶. Эта же генеалогическая схема была принята и в официальном «Государеве родословце» 1555 г.⁵⁷

Но в ряде других редакций происхождение Константина Оболенского показано иначе: у Юрия Тарусского (сына Михаила Черниговского) был сын Константин Юрьевич, внук Иван Константинович и правнук Константин Иванович, убитый Ольгердом в Оболенске в 6876 (1368) г.⁵⁸ Причина появления такой схемы совершенно очевидна. Редакторы родословных понимали, что погибший в 1368 г. Константин Юрьевич Оболенский не мог быть сыном Юрия Тарусского, если тот являлся сыном погибшего в 1246 г. Михаила Черниговского. Поэтому между Юрием и Константином искусственно было вставлено два поколения — Константин Юрьевич и Иван Константинович; таким образом, убитый Ольгердом Константин Оболенский стал не Юрьевичем, а Ивановичем. Эта версия, всё по той

⁵⁴ Водарский Я. Е. Опыт составления исторических карт землевладения Серпуховского и Оболенского уездов по переписи 1678 г. // Славяне и Русь. М., 1968. С. 278 (карта). Состав и границы Оболенского уезда могут быть значительно уточнены по недавнему изданию: Писцовые книги Оболенского уезда первой трети XVII века / Подг. к публ. М. С. Валова, О. И. Хоруженко. М., 2014.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 89, и другие своды.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. XXIV. С. 234; Т. XXXV. С. 282.

⁵⁷ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... Ч. I. С. 212.

⁵⁸ Бычкова М. Е. Состав класса феодалов в России в XVI в. С. 76; ВОИДР. Кн. X. С. 46, 240.

же причине, принималась и в позднейшей историографии⁵⁹. Но ее не-реальность совершенно очевидна из данных, которые содержатся во вполне достоверных источниках.

Повторяем, что во всех без исключения летописях погибший в 1368 г. Константин Оболенский определенно назван Юрьевичем, а не Ивановичем. Далее, в церковных помянниках кн. Константин Оболенский, убитый «от литвы», записан сразу после Юрия Тарусского⁶⁰; это вполне логично для отца и сына, но совершенно невероятно для прадеда и правнука. Наконец, вставка двух поколений в родословную кн. Оболенских хорошо видна из сравнения с хронологией жизни их ближайших родственников, кн. Мезецких, которые происходили от другого сына Юрия Тарусского, Всеволода. Сыновья последнего, Андрей и Дмитрий Всеволодовичи Мезецкие, являлись (по документам Литовской метрики) современниками Витовта и даже Казимира Ягеллона, а в летописях упоминаются в 1424 г. (см. ниже). Иными словами, если мы признаем достоверность «длинной» родословной Оболенских, то хронология жизни потомков Юрия Тарусского будет выглядеть следующим образом: правнук Юрия Константин Иванович погиб в 1368 г., праправнуки Семен и Иван Константиновичи действовали в 1375 г., тогда как внуки, Андрей и Дмитрий Всеволодовичи, умерли не ранее 1424 г., а второй из них — после 1440 г.! Понятно, что в реальности это совершенно невероятно. Между тем, если правильно

⁵⁹ Долгоруков П. Российская родословная книга. Ч. 1. СПб., 1854. С. 48–50; Зотов Р. В. О черниговских князьях... С. 124; Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 1. С. 18, 20, 22, 36, 42, и т. д.

Указанная генеалогическая схема была использована и при фальсификации «атрибуций» нескольких перстней-печатей, якобы принадлежавших древним кн. Оболенским, которые хранились в Московском Государственном Древлехранилище (Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц. М., 1882. Вып. 1. С. 107, 109, 111–113, 81). Как доказал О. И. Хоруженко, эта «атрибуция» является результатом деятельности кн. М. А. Оболенского (ум. в 1873) — директора Московского Главного Архива, подготовившего указанное издание. Перстни-печати вообще появляются только в XV в., а «перстни Оболенских» реально были изготовлены в XVI–XVIII вв. «На печатях отсутствуют надписи либо иные признаки, позволяющие связать их с этим княжеским родом. Это заставляет предположить, что М. А. Оболенский руководствовался иными, нежели научные, мотивами» (Хоруженко О. И. Печати князей Оболенских XIII–XVII вв. в публикации Ф. А. Бюлера // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014. № 3 (130). С. 201–211, цитата на с. 208).

⁶⁰ Поменник Введенской церкви... С. 18; Синодик Любецкого Антониевского монастыря. Л. 20.

считать погибшего в 1368 г. Константина Оболенского Юрьевичем (как в летописях), сыном Юрия Тарусского и братом Всеволода Юрьевича, то хронология жизни последующих кн. Оболенских будет практически соответствовать хронологии жизни их двоюродных, троюродных и т. д. братьев — кн. Мезецких, вплоть до XVI в.⁶¹

Сыновья кн. Константина Юрьевича Оболенского сохранили политическую ориентацию своего отца. В летописях они также упоминаются всего один раз: в августе 1375 г. среди князей — союзников вел. кн. Дмитрия Ивановича Московского, участвовавших в его походе на Тверь, названы Семен Константинович Оболенский и его брат Иван Торусский⁶². По данным родословных, у них был еще младший брат, Андрей⁶³. В помяннике Введенской церкви Киево-Печерской лавры записаны кн. Иван Константинович и кн. Андрей Оболенский, последний — также и в Любецком синодике⁶⁴. Мы считаем наиболее ве-

⁶¹ Составители родословных росписей не располагали данными о времени жизни Андрея и Дмитрия Всеволодовичей, как о Константине Оболенском, иначе они, вероятно, «прибавили» бы пару поколений и к родословию Мезецких. Так позже и поступил кн. М. М. Щербатов, вставивший между Всеволодом Юрьевичем и Андреем Всеволодовичем несуществующего Всеволода Всеволодовича (см. ниже).

⁶² ПСРЛ. Т. XXV. С. 190, и т. д. В Новгородской летописи Дубровского, которая иногда рассматривается как отдельная редакция Новгородской IV летописи, помещен разряд полков и воевод Куликовской битвы 1380 г., где воеводами сторожевого полка, после боярина Михаила Иванова Окинфиевича, названы все те же кн. Семен Константинович Оболенский и его брат Иван «Поружский» (ПСРЛ. М., 2004. Т. XLIII. С. 134). Во всех других летописях этот разряд отсутствует. М. А. Салмина, в результате детального анализа, достаточно убедительно доказала, что «повесть в списке Дубровского — это позднейший вариант "Летописной повести", усложненный влиянием на ее текст новых источников. [...] Как оказалось, повесть списка Дубровского буквально насыщена чтениями вторичного происхождения»; реально она была составлена только в 1540-х гг. (Салмина М. А. Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 8–24, особенно 8, 20–21). Того же мнения придерживался Р. Г. Скрынников, который указал конкретно, что имена 12 воевод в списке Дубровского полностью повторяют имена князей — участников похода на Тверь 1375 г., а 4 — заимствованы из синодика (Скрынников Р. Г. Куликовская битва: проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 63–65). Такое совпадение практически нереально, а потому «разряд воевод» в списке Дубровского вряд ли может рассматриваться как достоверный источник.

⁶³ Бычкова М. Е. Состав класса феодалов... С. 76; Родословная книга... Ч. I. С. 212; ВОИДР. Кн. X. С. 46, 240.

⁶⁴ Помянник Введенської церкви... С. 19; Синодик Любецького Антонієвського монастиря. Л. 200б.

роятным вариант, что после гибели кн. Константина Оболенского и Тарусского, в 1368 г., его сыновья разделили между собой Оболенский удел, тогда как стольный город княжества, Тарусу, по праву родового старшинства унаследовал брат Константина — Семен Конинский (см. ниже). После смерти Семена Юрьевича Таруса, по тому же праву, перешла к сыновьям Константина; из них старший, Семен, предпочел остаться в Оболенске, который фактически был уже значимее Тарусы, а последнюю уступил брату Ивану. После смерти же Семена Константиновича Иван перешел в Оболенск, поскольку все его потомки назывались Оболенскими, а Тарусу уступил старшему племяннику (или младшему двоюродному брату) Дмитрию Семеновичу.

Осенью 1382 г. кн. Тарусские (поименно не названные) присоединились к московским войскам, опустошившим Рязанскую землю. Захваченный во время этого похода полон, в том числе и кн. Тарусскими, московская сторона обязалась освободить, очевидно, уже в мирном договоре от ноября 1385 г. Там же, судя по всему, присутствовала статья о том, что вел. кн. Олег Рязанский должен был взять мир и с кн. Тарусскими, поскольку они с московским правителем «один человекъ» (далее описывался порядок решения порубежных споров). Сам акт 1385 г. не сохранился, однако указанные статьи содержатся в договоре 1402 г., куда они, судя по всему, попали из документа 1385 г.: вел. кн. Федор Ольгович должен был с кн. Тарусскими «взяти ти любов(ь) по давнымъ грамотамъ», тогда как в договоре 1381 г. указанные князья вообще не упоминаются⁶⁵.

В 1392 г. произошло переломное, но вполне логичное событие в истории Тарусского княжества: 24 октября вел. кн. Василий Дмитриевич вернулся из Орды, где хан Токтамыш передал в состав Владимиро-Московского великого княжества несколько новых владений, среди них и Тарусу⁶⁶. Причем это был уже итог усилий Василия, который предполагал овладеть Муромом и Тарусой еще в самом начале

⁶⁵ ДДГ. С. 53–54. № 19; ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. С. 146, 151; Беспалов Р. А. Реконструкция московско-тарусского фрагмента из докончания великих князей Дмитрия Московского и Олега Рязанского 1385 г. // Битва на Воже и Средневековая Русь. Рязань, 2009. С. 164–173.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. XXV. С. 219. В Новгородской IV и Софийской I летописях говорится, что это произошло во время второй поездки Василия в Орду, в 6901 (1393) г. (ПСРЛ. М., 2000. Т. IV. Ч. 1. С. 373; М., 2000. Т. VI. Вып. 1. Стб. 509). Однако большего доверия заслуживает Московский свод, еще и потому, что там приведены точные даты отъезда Василия в Орду и возвращения оттуда. В Новгородско-Софийских же летописях за этот период наблюдаются и другие «сбои» в хронологии.

своего княжения, в январе 1390 г.⁶⁷ Однако московский правитель, включив большинство полученных владений непосредственно в состав своего государства, Тарусу решил сохранить за местными князьями. Ни в трех духовных грамотах самого Василия Дмитриевича, ни в завещании Василия Темного этот город не фигурирует. А в московско-рязанских договорах 1402, 1435 и 1447 гг. кн. Тарусские определенно упоминаются как владетельные, «один человекъ» с великим князем Владимиром-Московским, имеющие право заключать особые договора с великим князем Рязанским⁶⁸. Напомним, такого права не имели даже удельные князья Московского дома, не говоря о князьях служилых.

Однако правовой статус кн. Тарусских всё же кардинально изменился: теперь они, потеряв самостоятельность в сношениях с Ордой, могли владеть своим княжеством только по воле московского правителя. Этот новый статус, несомненно, должен был быть закреплён в специальном договоре. И такой договор действительно существовал, о чем упомянуто в описи архива Посольского приказа 1626 г.: «Тетратка, а в ней список з докончалные грамоты князя Дмитрея Семеновича торуского, на одном листу, с великим князем Васильем Дмитриевичем, году не написано»⁶⁹. О данном документе знал и составитель Румянцевской редакции 1540-х гг., а также «Государева родословца» 1555 г. и «Бархатной книги», где Дмитрий Тарусский показан сыном Семена, якобы старшего сына Юрия Тарусского: «У Князя Семена Торуского сынъ Князь Дмитрий Торуской, и въ докончанье его Князь Великий Василей пожаловалъ принялъ; не стало его бездетна»⁷⁰. Действительно, в таком случае Дмитрий Семенович, двоюродный брат Семена Константиновича Оболенского и Ивана Тарусского (1375), имел бы полное право на тарусский стол. Однако вполне вероятно, что *единственным* источником составителя родословной, на основании которого он «вычислил» Семена Тарусского, приняв его за старшего сына Юрия, было именно отчество Дмитрия Семеновича в упомянутом договоре (см. выше). А в таком случае Дмитрий мог быть также сыном Семена Константиновича Оболенского, который в названных родословных пропущен. Именно такого мнения придерживались

⁶⁷ ДДГ. С. 38. № 13.

⁶⁸ ДДГ. С. 53, 85, 144. № 19, 33, 47. См. об этом: *Фетищев С. А.* К вопросу о присоединении Муром, Мещеры, Тарусы и Козельска к Московскому княжеству в 90-е гг. XIV в. // *Российское государство в XIV–XVII вв.* СПб., 2002. С. 35–36; *Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII – XV в. в.н. Северо-Восточной Руси. С. 155–157.

⁶⁹ Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1. С. 37.

⁷⁰ РИИР. Вып. 2. С. 113; Родословная книга... Ч. 1. С. 201.

Р. В. Зотов⁷¹, Г. А. Власьев⁷² и А. А. Горский⁷³. В его пользу можно привести еще тот аргумент, что и до, и после Дмитрия с титулом князей Тарусских упоминаются представители ветви Оболенских (1375 и 1437 гг.).

Но мог ли кн. Дмитрий Семенович Тарусский заключить договор с вел. кн. Василием Дмитриевичем в 1392/1393 гг., в связи с передачей последнему ярлыка на Тарусу? В свете традиционной генеалогии Оболенских по этому поводу возникают вопросы: «Вряд ли это было в 1392 г., так как тогда еще, вероятно, старшим среди тарусских князей был либо отец Дмитрия Семен, либо дядя Иван Константинович (поскольку второй из пяти сыновей последнего — Василий — действовал до 70-х гг. XV в., в конце XIV в. Иван, скорее всего, еще был в живых). По-видимому, договор с Дмитрием Семеновичем был заключен после того, как он остался старшим в тарусской династии и необходимо было обновить dokonчание, имевшее место с его предшественником в 1392 г.»⁷⁴. Однако главный аргумент такого вывода отпадает, если мы признаем кн. Василия Ивановича Оболенского с братьями не сыновьями, а внуками Ивана Константиновича. А для этого имеются весьма серьезные основания.

Во-первых, это хронология жизни многочисленных внуков, согласно родословным, Ивана Константиновича. Из них только Иван Васильевич Стрига впервые упоминается в 1446 г. (ум. 1478), а его брат Петр Нагой — в 1468 г.; все остальные их родные и двоюродные братья, общим числом 16, фигурируют в источниках на протяжении только 1470–1510-х гг.⁷⁵ Исходя из этого, само собой напрашивается предположение о том, что указанное поколение Оболенских на самом деле являлось правнуками, а не внуками Ивана Константиновича — современника Дмитрия Донского (1375 г.). Например, мог ли быть внуком Ивана Константиновича (по родословным) Иван Михайлович Репня — участник Смоленского похода 1513 г.? Но главное, версия о пропуске в родословной Оболенских одного поколения, действовавшего в конце XIV — 1-й половине XV в., находит и реальное подтверждение в источниках.

В помяннике Введенской церкви Киево-Печерской лавры содержится следующая запись: «Кн(з): Ивана Конста(н)тиновича. Кн(з):

⁷¹ Зотов Р. В. О Черниговских князьях... С. 312.

⁷² Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Т. I. Ч. 1. С. 23, 35, 43–44.

⁷³ Горский А. А. Московские «примыслы» конца XIII — XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 156.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии... С. 44, 48–50, 52–54.

Ивана Ивановича). Кн(з): Конста(н)тинова внука Оболенского»⁷⁶. В родословной Оболенских Иван Иванович среди сыновей Ивана Константиновича не значится, что можно было бы объяснить его бездетностью (хотя там присутствует бездетный Глеб Иванович). Но почему же в помяннике не записан *ни один из шести* других сыновей Ивана Константиновича, указанных в родословных? По нашему убеждению, это можно объяснить лишь тем, что в реальности они приходились ему не сыновьями, а внуками, сыновьями Ивана Ивановича. Иначе говоря, составитель родословной объединил в одно лицо двух Иванов, отца и сына, Константиновича и Ивановича, поскольку сыновья последнего тоже носили отчество Иванович.

Этот вывод подтверждается и еще одним наблюдением. В синодике московского Успенского собора среди лиц, погибших в Белевской битве с ханом Улуг-Мухаммедом («Махметом») 5 декабря 1437 г., записан кн. Федор Андреевич Оболенский⁷⁷. Он мог быть только сыном Андрея Константиновича Оболенского, хотя таковой в родословных и пропущен. В летописях же этот Федор, погибший под Белевом, назван князем Тарусским⁷⁸ (примечательно, что другой убитый тогда князь, по летописям — Андрей Стародубский Лобан, — в синодике тоже записан со своим «параллельным» прозвищем — как Андрей Иванович Ряполовский). А в московско-литовском договоре 1449 г. князем Тарусским называется Василий Иванович (Оболенский)⁷⁹ — по родословным, сын Ивана Константиновича. Т. е. получается, что в Тарусе княжил сначала младший двоюродный брат, а затем — старший. Если же мы примем Василия Ивановича за внука Ивана Константиновича, то он окажется на поколение младше Федора Андреевича, наследником Тарусы после его гибели в 1437 г.

Очевидно, Федор Андреевич был тем «тарусским князем» (именно так, в единственном числе), который в московско-рязанском договоре 1434 г. упомянут как «один человекъ» с вел. кн. Московским Юрием Дмитриевичем⁸⁰. Его женой, скорее всего, следует признать княгиню Евдокию (Овдотью) Тарусскую, наместник которой в 1496/1505 г. упоминается как свидетель на размежевании

⁷⁶ Поменник Введенської церкви... С. 19. В Любецком синодике этот фрагмент пропущен.

⁷⁷ Синодик // Древняя российская вивлиофика. М., 1788. Ч. VI. С. 456.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. XXV. С. 260. В историографии этот Федор Тарусский обычно относится к ветви кн. Волконских, в родословной которых действительно упоминается Федор Юрьевич, внук Ивана Юрьевича (см. ниже).

⁷⁹ ДДГ. № 53. С. 161.

⁸⁰ Там же. № 33. С. 85.

земель Троице-Сергиева монастыря с кн. Долгорукими — племянником Федора Андреевича и его сыновьями⁸¹. В 1504 г. вел. кн. Иван Васильевич завещал своему наследнику Тарусу с волостями, среди них — «со княгининской вотчиною Овдотьиною»⁸². По крайней мере, обе жены последнего князя Тарусского, Василия Ивановича Оболенского, носили другие имена (см. ниже). Согласно родословным, сыновьями Андрея Константиновича Оболенского, т. е. братьями Федора (в них пропущенного), были Иван Долгорукий, Василий Шербатый и Александр Тростенский, основатели одноименных княжеских родов⁸³. Из них Александр Андреевич получил прозвание от с. Тростье на р. Аложе, левом притоке Протвы. Имел он владения и под самым Оболенском, на правом берегу Поротвы, — с. Колышево (по которому младший сын Александра, Иван, прозывался Колышевским)⁸⁴.

Переходим к сыновьям кн. Ивана Ивановича, а по традиционной родословной — Ивана Константиновича Оболенского. Всего их было шесть: Никита, Василий, Михаил, Семен, Владимир и бездетный Глеб⁸⁵. «Очевидно, во время тарусского княжения Дмитрия Семеновича (и Федора Андреевича. — С. К.) сыновья Ивана Константиновича правили в “Оболенской части” княжества, и определение “Оболенские” осталось за ними и тогда, когда Василий получил права на тарусский стол»⁸⁶. О Никите, Михаиле и Владимире никаких сведений в источниках не сохранилось. Из них старший, Никита, умер не позже 1449 г., когда главой Тарусского дома был кн. Василий Иванович, упомянутый вместе «з братьєю и з братаничы» (см. ниже). Отсюда же с высокой степенью вероятности следует, что, кроме Семена (упоминается в 1450-х гг.), тогда были живы Михаил и Владимир. Можно также указать, что кн. Владимиру Ивановичу должно было принадлежать, «как единственному общему предку Лыковых и Кашиных разделенная между ними в 20-х гг. XVII в. “старинная прародительская вотчина” с. Спасское Загорье в

⁸¹ АСЭИ. М., 1952. Т. I. № 610. С. 520.

⁸² ДДГ. № 89. С. 354.

⁸³ Бычкова М. Е. Состав класса феодалов в России в XVI в. С. 77; Родословная книга... Ч. I. С. 228.

⁸⁴ Водарский Я. Е. Опыт составления исторических карт землевладения... С. 278, 280–281 (№ 2, 68).

⁸⁵ Бычкова М. Е. Состав класса феодалов в России в XVI в. С. 76; Родословная книга... Ч. I. С. 212.

⁸⁶ Горский А. А. Московские «примыслы» конца XIII — XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 158.

Оболенске»⁸⁷, находившееся на берегу Протвы, чуть ниже впадения в нее Лужи⁸⁸.

Раньше всех из братьев в источниках упоминается кн. Глеб Оболенский: будучи московским воеводой на Устюге в г. Гледене, он в январе / начале марта 1436 г. успешно оборонял его от кн. Василия Косого, который, однако, взял город «на целованье. А князя Глеба Ивановича взял душою на праве и его убил, и положен бысть в соборной церкви на Устюге»⁸⁹. «Государев родословец» также упоминает о его убийстве Василием Косым; поэтому, возможно, Глеб был внесен туда лишь на основании летописного сообщения. А в таком случае он вполне мог быть младшим братом Ивана Ивановича, т. е. в реальности дядей Оболенских, записанных в родословной как его братья.

Наибольших успехов на московской службе достиг кн. Василий Иванович Оболенский. В начале 1443 г. он, вместе с Андреем Голтыевым, во главе двора вел. кн. Василия Васильевича был послан против царевича Мустафы, воевавшего рязанские волости и стоявшего под рязанской столицей; в ходе жестокого боя воеводы разгромили татар, убив самого Мустафу и многих татарских князей. В октябре 1445 г. кн. В. И. Оболенский в Муроме, где он, очевидно, был наместником, арестовал и «окова» ордынского посла Бигича, отправленного Дмитрием Шемякой из Москвы к хану Улуг-Мухаммеду. А в 1450 г. возглавил полки Василия Темного, посланные против Шемяки к Галичу; подойдя к городу 27 января, московские войска разбили неприятеля, после чего Галич сдался великому князю, а Шемяка бежал в Новгород⁹⁰. В конце правления Василия Темного кн. Василий Иванович получил чин боярина: как таковой, в 1456/62 г. он засвидетельствовал меновую грамоту вел. кн. Василия Васильевича с Троице-Сергиевым монастырем⁹¹. В 1462/64 г. на судебном разбирательстве вел. кн. Ивана Васильевича присутствовали его бояре, кн. Василий Иванович и кн. Иван Васильевич (Стрига, его сын)⁹². В начале же правления вел. кн. Ивана его боярин, кн. Василий Иванович, участвовал в рассмотрении местнической жалобы Василия Сабурова на Григория

⁸⁷ Кобрин В. Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995. С. 96.

⁸⁸ Водарский Я. Е. Опыт составления исторических карт землевладения... С. 278, 281 (№ 50).

⁸⁹ ПСРЛ. Л., 1982. Т. XXXVII. С. 42, 86.

⁹⁰ ПСРЛ. СПб., 1859. Т. VIII. С. 111, 114, 122–123.

⁹¹ АСЭИ. Т. I. № 277. С. 198. Некий кн. Василий Иванович, возможно Оболенский, но без боярского титула, выступил послухом на меновой грамоте 25 августа 1458 г. (АФЗХ. М., 1951. Ч. 1. № 126. С. 117–118).

⁹² АФЗХ. Ч. 1. № 103. С. 97–99.

Заболоцкого⁹³. Умер он, очевидно, не позже 1460-х гг., постригшись в монашество с именем Варсонофeya⁹⁴.

Первой женой кн. Василия Оболенского была Мария, дочь Федора Дмитриевича Турика Всеволожа, от которой родились четыре его старших сына — Иван Стрига, Александр, Ярослав и Петр Нагой⁹⁵. Княгиня Мария была пленена татарами на Похре в 1449 г.⁹⁶, и домой уже вряд ли вернулась. Вторично кн. Василий Иванович женился на Евпраксии, сестре таких же, как он, служилых князей Федора и Василия Михайловичей Белевских, которая родила двух младших сыновей — Телепней (Василия и Федора)⁹⁷.

Будучи московским воеводой и боярином, Василий Иванович продолжал сохранять и статус владетельного, хотя уже только служилого князя. Кроме своей части Оболенска, после гибели Федора Андреевича в 1437 г., или же после смерти его братьев, он унаследовал еще тарусский стол и старшинство в роде. В московско-литовском договоре от 31 августа 1449 г. говорится: «А князь Василей Иванович торуский, и з братьею, и з братаничы служить мне, великому князю Василью. А тебе, королю і великому князю Казимиру, в них не вступатисе»⁹⁸. В духовной грамоте вел. кн. Василия Темного 1461/62 г. Таруса среди его владений не упомянута. Очевидно, кн. Василий Иванович владел ею до своей смерти, и только после этого вел. кн. Иван Васильевич наконец-то принял решение включить Тарусу непосредственно в состав своих владений, однако сохранил за кн. Оболенскими г. Оболенск с его уездом. А в 1473 г. московский государь отдал Тарусу своему младшему брату, кн. Андрею Васильевичу Меньшому, как компенсацию за «выморочную» часть удела другого брата, кн. Юрия Дмитровского⁹⁹.

Кн. Семен Иванович Оболенский в феврале 1446 г., после ослепления вел. кн. Василия Васильевича Дмитрием Шемякой, вместе с кн. Василием Ярославичем Боровским бежал в Литву. Последний получил там несколько городов, из которых Брянск отдал кн. Семену и Федору Басёнку. В конце года, находясь в Брянске, они получили там весть об освобождении Василия Темного и выступили на соединение

⁹³ РК-1605. Т. 1. С. 85–86.

⁹⁴ Синодик // Древняя российская вивлиофика. М., 1788. Ч. VI. С. 449. Здесь поминаются также его братья, кн. Михаил и Симеон.

⁹⁵ ВОИДР. Кн. X. С. 164; Родословная книга... Ч. II. С. 44.

⁹⁶ ПСРЛ. Т. VIII. С. 122.

⁹⁷ ВОИДР. Кн. X. С. 157. В «Государеве родословце» муж княжны Белевской ошибочно назван Василием Ивановичем Косым (Родословная книга... Ч. II. С. 180).

⁹⁸ ДДГ. С. 161. № 53.

⁹⁹ ПСРЛ. М., 2000. Т. XXIV. С. 194.

с кн. Василием Ярославичем в Пацын. В январе 1447 г. все они под Угличем соединились с вел. кн. Василием, только что вернувшим себе Москву. В январе 1452 г. кн. С. И. Оболенский, названный уже боярином Василия Темного, был послан последним, вместе с кн. Василием Ярославичем, против Дмитрия Шемяки на Устюг, но последний предпочел бежать оттуда¹⁰⁰. В акте 1455/56 г. вел. кн. Василий Васильевич упоминает, что ранее продал своему боярину, кн. С. И. Оболенскому, с. Толстиково с деревнями в Бежецком Верху¹⁰¹.

Остается спорным вопрос о том, сохранили ли Оболенские, после потери Тарусы, свои суверенные права в Оболенской части княжества. Указания на это можно усмотреть в правой грамоте 1496/1498 г. по тяжбе Троице-Сергиева монастыря с кн. И. К. Оболенским. Ее рассматривал уже великокняжеский чиновник, но троицкий монах свидетельствовал, что ранее «пристав, господине, к ним в Оболенскъ государя великого князя не въѣзжал. А государю, господине, великому князю игумени и старцы бивали челом не одинова. И князь великий, господине, молвит: Пождите, управлю вас. А то, господине, селище Зеленево пашет у нас князь Иван силно через извъѣт десять лѣтъ [...]». На этом основании С. Б. Веселовский заключил, что до последней четверти XV в. Оболенские обладали удельными правами, поскольку были неподсудны великому князю¹⁰². А. А. Горский также считает, что незадолго до 1494 г. «Оболенск сохранял права центра формально самостоятельного княжества»¹⁰³.

Однако В. Б. Кобрин высказал другое мнение: «Если бы Оболенск не был подсуден великому князю, то почему бы тогда троицкие власти столь наивно обращались к нему за разрешением спора, а сам великий князь обещал со временем “управить” и советовал лишь “пождать”? Речь, по всей вероятности, идет о распространенной в то время иммунитетной привилегии: феодал подсуден непосредственно великому князю, а его наместники, волостели, приставы и т. п. “не въезжают” к нему “ни по что”»¹⁰⁴. Как бы то ни было, в московско-литовском договоре от 5 февраля 1494 г. Таруса и Оболенск упомянуты как непосредственные владения вел. кн. Ивана Васильевича, а Оболенские среди его служилых князей не названы, в отличие

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. XXV. С. 266, 268–269, 272.

¹⁰¹ ДДГ. № 58. С. 180 (дата в заглавии акта указана с опечаткой — 1451 г. вместо 1454-го).

¹⁰² АСЭИ. Т. I. С. 510–513. № 607а. С. 632–633.

¹⁰³ Горский А. А. Московские «примыслы» конца XIII — XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 160. Прим. 247.

¹⁰⁴ Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 59.

от Одоевских, Воротынских, Перемышльского и Белевских с их «отчинами»¹⁰⁵.

Уже с конца XV в. многочисленный род кн. Оболенских начал разделяться на отдельные ветви, усвоившие в качестве фамилий прозвания своих родоначальников. От кн. Никиты Ивановича произошли Курлятевы и Ногтевы; от кн. Василия Ивановича — Стригины, Ярославовы, Нагие, Телепневы и Овчинины; от кн. Михаила Ивановича — Туренины, Репнины и Пенинские; от кн. Семена Ивановича — Горенские, собственно Оболенские, Тюфякины, Золотые, Серебряные и Щепины; от кн. Владимира Ивановича — Кашины и Лыковы; от кн. Ивана Долгорукого, Василия Щербатого и Александра Тростенского Андреевичей — соответственно Долгорукие, Щербатые и Тростенские¹⁰⁶. Почти все они на протяжении XVI–XVII вв. продолжали владеть родовыми вотчинами в Оболенском уезде¹⁰⁷. В настоящее же время существует лишь род собственно кн. Оболенских и, кажется, Долгоруковых и Щербатовых (одна из ветвей которого в советское время изменила фамилию на Щербаковы, понятно, без княжеского титула¹⁰⁸).

Князья Конинские и Спашские

Об этой ветви кн. Тарусских в «Бархатной книге», а следовательно и «Государеве родословце» 1555 г., сообщалось предельно кратко: «А Конинские князи и Спашские пошли отъ Торускихъ, а захудѣли и извелись отъ войны татарские»¹⁰⁹. Их происхождение устанавливается на основании родословной Одинцевичей 1520 г., где сказано, что второй

¹⁰⁵ ДДГ. № 83. С. 330.

¹⁰⁶ Родословная книга... Ч. I. С. 212; *Власьев Г. А.* Потомство Рюрика. СПб., 1906. Т. I. Ч. 2.

¹⁰⁷ Напр.: Писцовые книги Оболенского уезда первой трети XVII века. М., 2014. См. по указателям вотчины кн. Долгоруких, Щербатых, Тростенских, Кашиных, Лыковых, Турениных и Тюфякиных. В 1678 г. крупнейшими землевладельцами Оболенского уезда были кн. Репнин, Лыков, Долгорукие, Щербатые и Тюфякин (*Водарский Я. Е.* Опыт составления исторических карт землевладения... С. 279); Тростенские, Туренины и Кашины к тому времени уже пресеклись. Как видим, в XVII в. вотчинами в Оболенском уезде владели все существовавшие на то время ветви кн. Оболенских (остальные пресеклись еще в XVI в.), по иронии судьбы, кроме собственно Оболенских, которые еще в конце XV в. были испомещены в Новгороде.

¹⁰⁸ Кн. Дмитрий Сергеевич Щербатов (1903–1981) после революции «стал» крестьянским сыном Василием Кузьмичом Щербаковым, доктором технических наук и профессором.

¹⁰⁹ Родословная книга... Ч. I. С. 211.

сын кн. Юрия Тарусского, Семен, получил в удел «Канинь» (см. выше). Правда, в 1686 г. о своем происхождении от кн. Конинских заявили кн. Волконские — потомки Ивана Юрьевича; однако, как будет показано ниже, сделали они это исключительно в своекорыстных целях, для чего пошли даже на фальсификацию старого документа.

Волость Конин локализуется по течению р. Крушмы, правого притока Оки, и р. Упки, правого притока Упы. В наше время на Упке находится деревня Конино (городской округ Тула), а северо-западнее нее, на Крушме, — с. Спас-Конино (городской округ Алексин). Очевидно, это и были центры уделов кн. Конинских и Спашских. А. В. Шеков считает столицей Конинского удела городище, расположенное недалеко от с. Спас-Конино, на мысу правого берега р. Большая Крушма¹¹⁰ (хотя В. М. Кашкаров, на которого он ссылается, прямо этого и не утверждал¹¹¹). Судя же по названию, Спас-Конино скорее следует признать центром удела Спашского (Спасского)¹¹². Последний, очевидно, выделился из Конинского в XV в., когда Спас-Конинское городище функционировать уже перестало (по крайней мере, Шеков упоминает там находки только XI и XIII–XIV вв.), а потому особого значения и не имело. Впрочем, это не исключает, что первоначальной столицей Конинского удела в XIV в., до выделения из него удела Спашского (Спасского), действительно было Спас-Конинское городище.

Как мы видели, в Румянцевской редакции 1540-х гг. и «Государеве родословце» 1555 г. Семен назван старшим сыном Юрия Тарусского, тоже князем Тарусским. Очень вероятно, что это является лишь умозаключением, сделанным на основании факта существования кн. Дмитрия Семеновича Тарусского, заключившего договор с вел. кн. Василием Дмитриевичем. Однако и в таком случае составитель родословной, что называется, «угадал», за исключением только старшинства Семена. Дело в том, что в Любецком синодике, «в окружении» князей, несомненно, 2-й половины XIV в., мы встречаем «Кн(я)зя Симеона туровского Юрьевича»¹¹³ (в помяннике Введенской церкви Киево-Печерской лавры

¹¹⁰ Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. М., 2012. С. 244–245.

¹¹¹ Кашкаров В. М. Конинский удел Тарусского княжества // Калужская старина. Калуга, 1902. Т. II. Кн. 1. С. 11–14.

¹¹² А. В. Шеков, похоже, соглашается с версией И. И. Троицкого, отождествлявшего центр Спашского удела с городищем в с. Старое Павшино, примерно в 8 км от Волконского городища (Шеков А. В. Верховские княжества. М., 2012. С. 155). Однако такое отождествление основывается лишь на фальсифицированной родословной кн. Волконских 1686 г. (см. ниже).

¹¹³ Синодик Любецкого Антониевского монастыря. Л. 20об.; Зотов Р. В. О черниговских князьях... С. 148.

эта запись явно искажена — «Кн(з): Симеона Дрієвича турского»¹¹⁴). В титуле Семена здесь допущена несомненная ошибка, правильно следует читать «торусского»; как мы отмечали в начале статьи, точно такая же ошибка в Любецком синодике (но не Введенско-Печерском) допущена и в отношении кн. Юрия Тарусского. Однако возникает вопрос: не был ли Семен Юрьевич, реально лишь кн. Конинский, назван Тарусским в общем смысле его принадлежности к роду кн. Тарусских? Действительно, такие случаи можно встретить в летописях, особенно в отношении удельных князей Московских, а также и некоторых других. Но в помянниках кн. Черниговских подобная практика не зафиксирована; более того, ниже в них записан кн. Дмитрий Волконский, представитель другой линии того же Тарусского дома.

Действительно, в 1368 г., после гибели кн. Константина Юрьевича Оболенского и, очевидно, Тарусского, его наследником в столице княжества, по доминировавшему в XIV в. праву родового старшинства, должен был стать именно следующий брат, кн. Семен Конинский. Однако в Тарусе он княжил весьма недолго и умер, скорее всего, не позже 1375 г., когда князем Тарусским летописи называют Ивана Константиновича. А Дмитрий Семенович Тарусский, княживший в 1390-х гг., мог быть как сыном Семена Юрьевича (если верить «Государеву родословцу»), так и, не менее вероятно, сыном его старшего племянника, Семена Константиновича Оболенского (см. выше).

Сохранились данные, что в период наибольшего территориального расширения Великого княжества Литовского при Витовте, в 1420 — начале 1430-х гг., в его состав какое-то время входили Спашский и, вероятно, Конинский уделы. А именно, в ярлыке хана Крымского Менгли-Гирея 1507 г., который повторял аналогичный документ времен Витовта, среди русских владений литовских государей, сразу после Козельска и Пронска, названы «Олконско и Спашъ»¹¹⁵. Однако после начала в Литовско-Русском государстве гражданской войны указанная территория, очевидно, перешла (вернулась) в зависимость от Москвы. К этому времени кн. Конинские, как и сказано в «Государеве родословце», сильно «захудѣли». За целое столетие сохранилось единственное упоминание о представителе этого рода: в январе 1445 г. кн. Иван Конинский, будучи рядовым «сыном боярским» московского

¹¹⁴ Помянник Введенської церкви... С. 19.

¹¹⁵ Lietuvos metrika. Knyga Nr. 8. P. 83 («Олконско, Испашъ»); Lietuvos metrika. Knyga Nr. 15. P. 192 (в аналогичном ярлыке Магмет-Гирея — правильнее «Волкона, Спашъ»); *Петрунь Ф. Е.* Ханські ярлики на українські землі // Східний світ. 1929. № 2. С. 173–175.

удельного князя Михаила Андреевича Верейского (I), в неравной битве на р. Суходрови попал в плен к литовцам¹¹⁶.

В 1480 г. Конин упоминается в составе Московского государства: хан Ахмат, отступив от Угры, «милостью Божьею Московские земли нимало не заял, развѣе, прочь идучи, приходилъ царевъ сынъ Амуртоза на Конин да на Ньюхово [...]»¹¹⁷. В 1504 г. вел. кн. Иван Васильевич завещал волость Конин, приписанную к соседнему Алексину, младшему сыну Андрею¹¹⁸. Однако кн. Конинские, вопреки указанию «Государева родословца», к середине XVI в. окончательно еще не «извелись»: в конце этого столетия упоминается мелкая помещица Тверского уезда, княгиня Мария кн. Андреева Конинского¹¹⁹. Что касается кн. Спашских, то все достоверные сведения о них, похоже, ограничиваются записью в синодике московского Успенского собора, да и то без каких-либо датирующих указаний: «Князю Володимиру Спашскому, убиенному отъ своихъ братаничъ, вѣчная память»¹²⁰.

Князья Мышецкие

Волость Мышега располагалась по течению одноименной реки (кроме самого ее верховья — см. выше), левого притока Оки. На левом берегу Мышеги, верстах в 8 от Алексина, в с. погост Городище, находилось крупное городище, которое В. М. Кашкаров и считал центром Мышецкого удела. «На берегах этой реки и поблизости от нее мы находим только одно вышеописанное мною городище, ясно отсюда, что именно это городище и определяет местонахождение стольного города Мышецкого удела — резиденцию Мышецких князей»¹²¹. Интересно, что по площади — около 3 га — Мышецкое городище превосходило не только Тарусское, Оболенское, Спас-Конинское и Волконское, но и большинство городищ всех «верховских» княжеств (за исключением Козельска и Карачева)¹²².

Согласно родословной Одинцевичей 1520 г., «Мышагу» получил в удел Михаил, третий сын кн. Юрия Тарусского. Вряд ли подлежит

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. VIII. С. 112. Здесь, а также и в других сводах, Конинский определенно назван среди детей боярских кн. Михаила Андреевича, а не его брата, кн. Ивана Можайского, как считает А. В. Шеков (*Шеков А. В. Верховские княжества*. М., 2012. С. 155).

¹¹⁷ ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. XXVI. С. 273–274.

¹¹⁸ ДДГ. № 89. С. 360.

¹¹⁹ Писцовые книги XVI века. СПб., 1877. Отд. II. С. 164.

¹²⁰ Синодик // Древняя российская вивлиофика. М., 1788. Ч. VI. С. 450.

¹²¹ Кашкаров В. М. Село Городище Тарусского уезда // Известия Калужской ученой архивной комиссии. 1898 год. Калуга, 1898. Вып. 7–8. С. 18–20.

¹²² Шеков А. В. Верховские княжества. М., 2012. С. 245, 275.

сомнению, что он и был родоначальником ветви кн. Мышецких. В 1504 г. Мышега упоминается уже в составе владений вел. кн. Ивана Васильевича, по-прежнему числясь тарусской волостью¹²³.

Кн. Мышецкие являлись, пожалуй, самым «неродословным» из всех княжеских родов Московского государства. Ни в «Государеве родословце», ни в «Бархатной книге» о них даже не упомянуто; не значится родословная Мышецких и среди многочисленных росписей, поданных в Палату родословных дел в 1680-х гг. Лишь в 1751 г. «недоросль» кн. Прохор Мышецкий, при определении в Инженерный корпус, предоставил родословную своей фамилии, начало которой, впрочем, совершенно фантастично. «Предки ево были между Прусской и Цесарской земли уделные Маркграфы, о чем в Полском кронике 1700 году на листе 283 и 187 написано имянно. И в 6917 (1409) году из оных уделных Маркграфов Мышецких (реально — Мейсенских) выехал к Москве к великому князю Василью Димитриевичу Немецкой веры Андрей Мышецкой, а во крещении именован князь Федор и пожалован был вотчиною близка Торусы и доныне та вотчина зоветца по их званию Мышегда. А у князь Федора был сын Александр, а у князь Александра сын Иван. У князь Ивана дети — первой князь Семен бездетен, второй князь Иван, третей князь Феодор бездетен, четвертой князь Андрей бездетен. И жили в той вотчине Мышецкия, и при державе великого князя Иоанна Васильевича означенный князь Иван (Александрович) сослан в Новгород 6996 году, а вотчину их великий государь приказал взять на себя великого государя. И написан он князь Иван служить по Новугороду в Воцкой пятине и испомещен и з детми в Ореховском уезде в Лопском Егорьевском погосте и дано ему з детми дватцать восемь деревень и дача их написана в писцовой книге 7008 году и с той писцовой книги список был в Посолском приказе, и как в Новгород сосланы и которые иные роды при ево государеве державе в Новгород ведены — кто откуда взят, написано в переведенной верстальной книге наместника князь Григорья Ивановича Оболенского с товарищи да дьяка Тимофея Агинина в 6996 году. И для того на Москве роду Мышецких никого не осталось и в родословную книгу Мышецких роду не написано, а бить челом в то время, как родословная книга писана, было некому, ибо та родословная книга писана после ссылки князь Ивана Мышецкого [...]»¹²⁴.

Если показание о происхождении кн. Мышецких от маркграфов Мейсенских, полагаем, ни в каких комментариях не нуждается, то

¹²³ ДДГ. № 89. С. 354.

¹²⁴ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 410–412.

свидетельство родословной о кн. Иване Александровиче следует признать вполне достоверным. Действительно, зимой 1488/89 г. вел. кн. Иван послал в Новгород «московскихъ много лучшихъ людей [...] и изъ иныхъ городовъ изъ Московскіа отчины многихъ дѣтей боарскихъ и гостей, и жаловаль ихъ въ Новѣгородѣ Великомѣ»¹²⁵. А в писцовой книге Вотской пятины 7008 (1500) г. упомянуты землевладельцы Ореховского уезда, Егорьевского, Лопского и других погостов, князя Ивановы дети Мышецкого Семен, Иван, Федор и Алексей¹²⁶. Таким образом, первым достоверным лицом из рода кн. Мышецких следует признать Александра, жившего где-то в 1-й половине — середине XV в. Судя же по такой хронологии, скорее всего, он был внуком кн. Михаила Юрьевича Мышецкого.

Князя Волконские

Состав удела кн. Волконских, на основании анализа упоминаний об их родовых вотчинах в актах и писцовых книгах XVI — 1-й половины XVII в., а также о поселениях волости Волкона (Алексинского уезда), определил А. В. Шеков¹²⁷. «Судя по археологическим исследованиям, остатками удельного города Волкона является городище у д. Тимофеевка Дубенского района Тульской области, расположенное также на левом берегу р. Волкона (недалеко от ее впадения в Оку. — С. К.) в 800 м к востоку от Березовского городища». «Оборонительная стена XV в. была построена в 7–8 м от склона городища. После ее разрушения здесь была возведена постройка 1 (не позже первой половины XVI в.). Таким образом, именно Тимофеевское городище является остатками городского центра Волконского княжества»¹²⁸.

Территория Волконского удела в XVI в. входила в состав волости Волкона Алексинского уезда, а также Колоденского стана Тульского уезда, где старые вотчины кн. Волконских располагались «относительно компактным массивом вдоль правобережья р. Упы от р. Опочкинки до с. Супруты севернее г. Крапивны»¹²⁹. В итоге проведенного анализа

¹²⁵ ПСРЛ. Т. VIII. С. 218.

¹²⁶ ВОИДР. М., 1851. Кн. XI. С. 257. О тех же братьях Мышецких как землевладельцах других погостов Ореховского, а также Ладожского уездов — с. 55, 86, 142–145, 207–209, 236, 237.

¹²⁷ Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. М., 2012. С. 245–267, 273–274.

¹²⁸ Там же. С. 248, 250. Исследователь отметил также, что «современные жители произносят название реки Волкона с ударением на последнем слог» (прим. 156).

¹²⁹ Там же. С. 253–254.

А. В. Шеков приходит к следующим выводам: «Таким образом, в XIV–XV вв. удельная волость Волкона располагалась не только по правому берегу р. Упы в бассейне ее притоков — р. Волконы, нижнем течении р. Опочинки, но и охватывала левый берег Упы в районе сельских поселений Борисоглебское (Поречье), Бобошино, Городенки, Сласникова на р. Песочне. К Волконе, скорее всего, относилась и д. Седелникова в 5,5 км к северу от с. Павшино. Удельная волость Колодна находилась в верхнем течении р. Опочинки, по р. Большой Колодне, р. Громовой, р. Иловой. Грамота 1544 г. “в волости в Колодне” называет деревню на р. Вейна (Веевка) в среднем течении р. Дубны, деревню “на Дубенских колодезах” (вероятно, среднее течение р. Дубенка — притока Дубны)»¹³⁰. Картографирование выводов А. В. Шекова, с которыми в целом нельзя не согласиться, осуществил в прекрасном качестве В. Н. Темушев¹³¹.

По родословной Одинцевичей 1520 г. Волкона досталась Ивану, четвертому сыну кн. Юрия Тарусского. С этим согласны и московские родословные, производящие кн. Волконских от Ивана Юрьевича.

В XVI в. Волконские являлись сильно «захудалым» родом и, как таковые, несмотря на свой княжеский титул, не были даже упомянуты в официальном «Государеве родословце» 1555 г. Однако уже в 1519/37 г. была составлена первая, частная редакция родословной Волконских, где об их происхождении говорилось следующее: «Кнезь Юрьє Михайлович торусской і черниговской держал у себе в Торусе дѣвку Агапку, проскурницовы дочь, и жил с нею бѣз молитвы. І прижил с нею сына Ивашка Толстую Голову. І свѣдала про то мать князь Юрьєва і отецъ ево духовной, смолѣнской митрополит Фотеи. І писали к нему с вѣликим запрещением, чтоб он дѣвку Агапку отставил. І кнезь Юрьє Михайлович по заповѣди отца духовнаго і матери своеи по прошению дѣвку Агапку отставил. І помнечи кнезь Юрьє Михайлович грех свой і жалючи сына своего Івашка Толстую Голову, что прижил бѣз молитвы, дал ему із своих вотчин в Олексинском уѣзде деревню Сапрыкину на речке на Волконке. І по речке по Волконке почели слыть Волконские князи».

Как отметил О. И. Хоруженко, «несомненно, древнейшая роспись Волконских была призвана скомпрометировать Потула Волконского и его братьев. Можно предположить, что ее происхождение было связано со старицким боярством. После включения Алексина и Волконы в удел Андрея Ивановича Старицкого Волконские стали конкурировать

¹³⁰ Там же. С. 273–274.

¹³¹ Темушев В. Н. Первая московско-литовская пограничная война. Карта 13.

с представителями других княжеских родов, служивших при его дворе (Оболенских-Пенинских, Лыковых-Оболенских [...]), что и вызвало появление такого родословного пасквиля. Эти соображения позволяют датировать древнейшую роспись Волконских временем существования удела Андрея Ивановича, т. е. 1519–1537 гг.». «Есть косвенные данные о том, что легенда о рождении первого князя Волконского “без молитвы” была достаточно распространена в первой половине XVI в. Разряды (1515, 1519, 1521, 1533 гг.) отказывают Волконским — Вериге, Мите и Потулу — в княжеском титуле, что особенно заметно в тех случаях, когда они упоминаются в ряду с иными представителями княжеских родов. В духовной Г. М. Валуева 1543–1544 гг. Волконские титулуются князьями непоследовательно»¹³².

В течение XVII в. Волконские значительно возвысились по службе, достигнув даже думных чинов, и поэтому при составлении новой официальной родословной книги, так наз. «Бархатной», изъявили желание быть туда внесенными. Главная проблема состояла в том, что в прежнем родословце о них даже не упоминалось; но там имелась краткая заметка о других потомках кн. Тарусских — Конинских и Спашских, причем она не содержала никаких конкретных имен. Вот и было решено внести Конинских и Спашских в новую версию родословной. В росписи 1686 г., поданной в Палату родословных дел, «первые поколения рода были изменены в угоду идее о происхождении князей Волконских от героя Куликовской битвы, известного по летописям князя Федора Тарусского. Князь Федор Тарусский, ставший сыном Ивашки Толстой Головы (теперь — “князя Ивана Юрьевича Тарусского”), заменил в родословной Юрия Ивановича, представленного во всех предыдущих вариантах. Ивашке Толстой Голове кроме Федора был дан второй сын Мстислав, также, судя по летописям, павший в 1380 г. Обстоятельства, приведшие к утрате сыновьями Толстой Головы Тарусы, не объясняются. Между тем сыновья Федора, лица третьего поколения росписи, титулованы князьями Конинскими [...], а их кузены Мстиславичи — князьями Спашскими. Автор родословной объяснил этимологию этой фамилии владением селом Павшино, что, конечно, неприемлемо. Павшино — посессиное название, образованное из личного имени Павел в его уменьшительной форме Павша.

Внимание Волконских к князьям Спашским и Конинским понятно — включение их в родословную роспись делало этот род “родослов-

¹³² Хоруженко О. И. Родословие как конструкция родовой памяти. Текстология родословных росписей князей Волконских XVI–XVII вв. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2012. Вып. 41. С. 204–206.

ным», поскольку оба княжеских рода были упомянуты в Государеве родословце [...]. По версии родословной 1686 г. уже лица третьего поколения утратили родовое прозвание Конинские и стали именоваться Волконскими. Это утверждение опровергается известными источниками [...] князья Волконские и князья Конинские — два разных рода, сосуществовавшие одновременно, по крайней мере, до конца XVI в.»¹³³.

Для доказательства своего происхождения от кн. Конинских Волконские в 1687 г. представили указную грамоту вел. кн. Ивана Васильевича 1541 г., касающуюся судебной тяжбы одного из своих предков. Данная грамота «имела первостепенную важность для этого рода. Она связывала Волконских с князьями Конинскими и Спажскими, упомянутыми, в отличие от самих Волконских, в Государеве родословце». Однако в подлинном акте столь важная для подтверждения родословной фраза оказалась утраченной; она содержалась лишь в списке, поданном вместе с оригиналом. В Палате родословных дел отметили, что в подлиннике после названия деревни «строки с полторы письма рассмотреть за ветхостию не можно, потому что было передрано и склеено, а письма не знать». Далее в докладной выписке указывалось: «А в списке с той грамоты они (*т. е. князья Волконские*) за своими руками написали в том месте, где в подлинной грамоте склеено и письма рассмотреть немочно — у деревни Сементина, что дано деду отца ево князю Костянтину Конинскому после братьей ево и Спажских князей (*см. там же*); вероятно, в подлиннике изначально было: да у деревни Сементина, перелетчи деи за межу»¹³⁴.

Таким образом, факт фальсификации Волконскими в 1686 г. начала своей родословной, а также «подтверждающей» ее грамоты, практически несомненен. В конце концов, какой был смысл в 1541 г. вспоминать далекого предка — прадеда истца? И вообще, о росписи 1686 г., по сравнению с другими, можно уверенно говорить, «что это — наиболее поздняя и наиболее искусственная конструкция». Кстати, чиновников Палаты родословных дел аргументы Волконских тоже не убедили, и в «Бархатную книгу» роспись 1686 г. так и не попала. Официально ее версия происхождения Волконских, благодаря высоким карьерным достижениям рода, была утверждена лишь в конце XVIII в.¹³⁵

¹³³ Там же. С. 216–217.

¹³⁴ Там же. С. 221; Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. М., 1997. Т. I. № 43. С. 40.

¹³⁵ Хоруженко О. И. Родословие как конструкция родовой памяти. С. 216, 222, 225. Тем не менее, А. В. Шеков во втором издании своей монографии 2012 г. пишет: «Но в целом источники свидетельствуют о существовании в первой половине — середине XV в. тарусских уделов — Конинско-Волконского и

В росписи Волконских 1519/1537 г. первые поколения рода показаны так: Иван Юрьевич Толстая Голова — Юрий Иванович — Константин, Федор и Иван Юрьевичи — Василий Константинович и Дмитрий Иванович — Петр Верига, Ипатий Потул Константиновичи и т. д.¹³⁶ Из них в разрядах упомянуты, без княжеского титула, Митя (1519), Верига и Потул Волконские (1515–1537)¹³⁷. Достоверность же первых двух поколений, не подтвержденная никакими другими данными, вполне может быть поставлена под сомнение. И действительно, в источниках XIV–XV вв. фигурируют кн. Волконские с совсем другими именами.

В помяннике Введенской церкви Киево-Печерской лавры содержится следующий фрагмент: «Ино(к): Кн(з): Димитрія Волконьского, и Княгиню его Настасію, и Сына ихъ Кн(з): Василя. Кн(з) Феодора Димитріевича. Кн(з): Иванны Мстислава свя(ц)слава. Кн(я)гину Софію»¹³⁸. В Любецком синодике тот же фрагмент читается с явным дефектом и пропуском: «Кн(я)зя Димитрія болковскаго: Кн(я)г(ину) его Анастасію. и С(ы)на и(х) Кн(з): Василя. Кн(я)зя Іоанна мстислава Кн(я)гину Его Софію»¹³⁹. Сразу после цитированных фрагментов в обоих помянниках записан кн. Андрей Всеволодович — Шутиха Мезецкий, представитель младшей линии все того же Тарусского дома. Дмитрия Волконского вполне можно признать сыном Ивана Юрьевича Толстой Головы. Федор Дмитриевич, очевидно, был братом Василия, еще одним сыном Дмитрия Волконского. Слово «свя(ц)слава», которое во Введенско-Печерском помяннике указано при имени Ивана-Мстислава, очевидно, в его протографе читалось как «Святославича», поскольку одно и то же лицо никак не могло носить сразу два княжеских имени.

Обращаясь к летописям, мы находим там удивительное совпадение с Введенско-Печерским помянником, которое вряд ли можно объяснить простой случайностью. А именно, в Воскресенской летописи среди лиц, погибших в Куликовской битве 8 сентября 1380 г., названы «князь Феодоръ Торусскій, братъ его князь Иванъ Мъстиславъ»¹⁴⁰.

Спажского» (Шеков А. И. Верховские княжества. М., 2012. С. 155, см. также с. 171–172). Правда, нам неизвестно, изменил ли автор свое мнение после публикации статьи О. И. Хоруженко в том же 2012 г.

¹³⁶ Хоруженко О. И. Родословие как конструкция родовой памяти. С. 226.

¹³⁷ РК-1598. С. 58, 62, 64, 67, 91.

¹³⁸ Поменник Введенської церкви... С. 19.

¹³⁹ Синодик Любецкого Антониевского монастыря. Л. 200б.

¹⁴⁰ ПСРЛ. Т. VIII. С. 39. Предположение С. Н. Азбелева, будто имя кн. Федора Тарусского появилось в летописях вследствие дефекта первоначального текста — утраты окончания в слове «Федорович», отчестве кн. Ивана Бе-

Мы практически уверены, что речь здесь идет о тех же лицах, которые записаны в помяннике, т. е. сыновьях кн. Дмитрия Волконского (конечно же, из них Федора не стоит путать с его более поздним тезкой — сыном Андрея Константиновича из Оболенской линии, погибшим в 1437 г.). Титул Федора — князя Тарусского — такому выводу несколько не противоречит: в летописях было обычной практикой, когда мелкие удельные князья, не занимавшие главный стол своего княжества, назывались по таковому¹⁴¹. Что касается хронологии, то при условии, что Федор и Мстислав погибли в молодом возрасте, они тоже вполне могли быть правнуками Юрия Тарусского. Условно приняв их гибель в 25 лет и ту же цифру — средним возрастом воспроизведения потомства, производим чисто теоретический расчет: сами они родились около 1355 г., Дмитрий (Святослав) Волконский — около 1330 г., Иван Толстая Голова — около 1305 г. Кроме того, если верить рассказу родословной Волконских, Иван Толстая Голова мог быть самым старшим, хотя и незаконным, сыном Юрия Тарусского, родившимся еще до его вступления в официальный брак.

Вероятно, именно князья Федор и Мстислав Святославичи по-смертно упоминаются и в еще одном источнике — московско-рязанском договоре от 2 августа 1381 г. В одной из его статей говорится: «А что на рязанской сторонѣ за Окою, что доселе потягло къ Москвѣ, почен Лопастна, уѣздъ Мьстиславль, Жадѣне городище, Жадемль,

лозерского (Азбелев С. Н. Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 172), явно несостоятельно (Салмина М. А. Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 23–24). Впрочем, сама М. А. Салмина считала, что Федор Тарусский в Куликовской битве не участвовал, а в Летописную повесть, при ее составлении в конце 1440-х гг., было «искусственно» внесено имя реального Федора Тарусского, погибшего в Белевской битве 1437 г. (см. выше). С этим мнением мы согласиться не можем, хотя бы потому, что как в таком случае объяснить наличие в летописях имени брата Федора, Ивана-Мстислава?

¹⁴¹ Один такой случай мы уже упоминали: Андрей Иванович Ряполовский, представитель одной из удельных линий кн. Стародубских, в летописях под 1437 г. назван князем Стародубским. Приведем еще несколько примеров из Рогожского летописца. В 1368 г. упоминаются кн. Семен Дмитриевич Крапива Стародубский (племянник старшего кн. Стародубского, Андрея Федоровича) и кн. Владимир Андреевич Московский (удельный кн. Серпуховский, двоюродный брат вел. кн. Дмитрия Ивановича) (ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 89, 90). В 1369 — кн. Борис Константинович Суздальский, реальным уделом которого был Городец (стб. 91). В 1375 г. — Иван Васильевич Смоленский (племянник вел. кн. Святослава Ивановича Смоленского), Роман Васильевич Ярославский (младший брат упомянутого тут же Василия Васильевича Ярославского) (стб. 110–111).

Дубокъ, Броднич с мѣсты, как ся отступили князи Торускіе Федору Святославичю, та мѣста к Рязани»¹⁴². В. А. Кучкин¹⁴³ и А. А. Горский¹⁴⁴ полагают, что речь здесь идет о кн. Федоре Святославиче Вяземско-Дорогобужском — представителе Смоленской династии, на дочери которого в 1345 г. женился вел. кн. Владимиро-Московский Семен Иванович, но уже в 1346 г. отослал ее к отцу на Волок Ламский¹⁴⁵.

Однако О. И. Хоруженко указал, что в тексте договора 1381 г. (известном лишь по копии 1503 г.) интересующий нас фрагмент первоначально читался несколько иначе: «как ся отступил кн(я)зь торускіи Федоръ Святославичъ»; и лишь затем он был исправлен на «как ся отступил(и) кн(я)зи торускіе Федору Святославич(ю)» (курсивом выделены выносные буквы, в скобках — восстановленные по смыслу)¹⁴⁶. Причем эти исправления внес не основной переписчик документа (как полагал В. А. Кучкин), а другой редактор. Именно первоначальное чтение О. И. Хоруженко и считает правильным. «Строка, содержащая рассматриваемый текст, 12-я из 36-ти. Можно предположить, что копировавшийся писцом документ (рязанский противень договора 1382 г., хранившийся в московском великокняжеском архиве) был сложен втрое, причем буквы на сгибе повредились. Вероятно, дефектный текст оригинала повлиял и на текст последующих московско-рязанских докончаний. Особенно это заметно в договоре 1402 г. (дошел в списке XV в.), где в интересующем нас фрагменте читается неприемлемая с точки зрения грамматики фраза “как ся отступили кн(я)зи торусские Федоръ Славич” (ДДГ. С. 53)»¹⁴⁷.

Что касается упомянутого чуть выше термина «уездъ Мстиславль», то О. И. Хоруженко считает его не топонимом, а притяжательным от имени конкретного владельца — Мстислава (аналогично, напр., выражению «княгининъ оуездъ Оулянинъ» докончания Василия I с Владимиром Андреевичем Серпуховским ок. 1390 г.).

¹⁴² Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 344 (копия 1503 г.); ДДГ. № 10. С. 29.

¹⁴³ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 256.

¹⁴⁴ Горский А. А. Московские «примыслы» конца XIII — XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 153–154.

¹⁴⁵ ПСРЛ. М., 2000. Т. XV. Вып. 1. Стб. 56–57; Родословная книга... Ч. II. М., 1787. С. 207–208.

¹⁴⁶ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 226, 344–345.

¹⁴⁷ Хоруженко О. И. Уезд Мстиславль в Московско-рязанском докончании 1381 г. и князь Мстислав // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии. Материалы XXIV Международной научной конференции. Москва, 2–3 февраля 2012 г. М., 2012. С. 106–109.

«Такое прочтение позволяет вернуться к сопоставлению dokonчания 1382 г. с памятниками Куликовского цикла. Можно предположить, что Федор Святославич и Мстислав dokonчания 1381 г. — это те самые князья, которые, согласно Пространной повести о Куликовской битве, пали на Мамаевом побоище в 1380 г. [...]. Тогда переход прав на уезд Мстиславль выглядит вполне логичным; его объяснение не требует столь тяжеловесных и шатких построений, как традиционное чтение. Тарусский князь Федор Святославич “отступился” от восточной части своего княжества в пользу брата Мстислава. После гибели обоих братьев на Куликове поле “уезд” Мстислава оказался выморочным и его судьбой смог распоряжаться московский великий князь»¹⁴⁸.

Не все в рассуждениях О. И. Хоруженко нам представляется правдоподобным. Ведь по его гипотезе получается, что Дмитрий Московский «смог распоряжаться» выморочным «уездом» Мстислава Тарусского (на каких основаниях?) осенью 1380 г., а уже ко 2 августа 1381 г. уступил его Рязани. Однако основная идея О. И. Хоруженко выглядит вполне убедительно. Главным ее подтверждением является запись во Введенско-Печерском помяннике «Кн(з): Иванны Мстислава свя(ц)слава», т. е. явно Святославича. Отсюда следует, что его старший брат Федор (по летописной повести) тоже был Святославичем; если же он записан в помяннике как Федор Дмитриевич, то это — отчество по крестильному имени его отца. Кроме того, представляется довольно необычной комбинация, при которой кн. Тарусские уступили часть своих владений Федору Святославичу Вяземско-Дорогобужскому — выходяцу из Смоленской земли, получившему на московской службе Волк Ламский.

Упомянутые в интересующей нас статье договора 1381 г. волости явно относятся к категории, обозначенной как «что доселе потягло къ Москвѣ». Первой из таковых названа Лопастна, захваченная рязанцами еще в 1353 г. Далее же, по нашему мнению, перечислены волости, уступленные Москве ее союзниками — тарусско-волконскими князьями Федором и (возможно, несколько раньше) Мстиславом Святославичами. «Уездъ Мьстиславль» явно отождествляется с позднейшим станом Мстиславль Каширского уезда, расположенным у верховьев рр. Безпуты и Вошаны¹⁴⁹. Эта местность отделялась от основной территории Волконского удела землями Конинского удела, а поэтому ее уступка (продажа?) союзной Москве была для кн. Волконских вполне допустимой.

¹⁴⁸ Там же. С. 109–110.

¹⁴⁹ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 254.

В конце XIV — 1-й трети XV в. кн. Волконские, вместе со своим уделом, приняли решение перейти на службу к вел. кн. Витовту Литовскому (1392–1430), в конце правления которого Литовско-Русское государство вообще достигло наибольшего территориального расширения. Об этом нам известно из ярлыка хана Крымского Менгли-Гирея 1508 г., который, как в нем же и указано, повторял документ времен Витовта. Здесь среди русских владений литовских государей, сразу после Козельска и Пронска, названы «Олконско и Спашъ»¹⁵⁰ (в аналогичном ярлыке хана Магмет-Гирея — правильнее «Волкона, Спашъ»¹⁵¹). Вероятно, политический выбор Волконских не в последнюю очередь был обусловлен географическим положением их удела. Так, на северо-западе Волкона граничила с литовским Любутском, на юго-западе — с Новосильско-Одоевским княжеством, правители которого в 1427 г. признали себя вассалами Витовта, а на востоке — с Тулой, в упомянутом ярлыке также названной литовским владением.

20 августа 1482 г. король Казимир подтвердил кн. Роману Волконскому свое прежнее пожалование — селища Гончар и Столпату в Путивле. А в декабре 1486 г. кн. Михаил Волконский получил от Казимира 6 коп (грошей) из путивльского мыта¹⁵². Наконец, в декабре 1488 г. Федор Волконский, упомянутый даже без княжеского титула, фигурирует среди людей литовских же вассалов, кн. Дмитрия и Семена Воротынских, посланных разорять московские Медынские волости¹⁵³. Через год после этого, в декабре 1489 г., кн. Дмитрий Воротынский отъехал на московскую службу, захватив еще и удел брата Семена; сам кн. Семен перешел на московскую службу в конце 1492 г.¹⁵⁴ А. В. Шеков пишет: «Поэтому логично предположить, что во время заключения московско-литовского договора 1494 г. князья Волконские были вассалами князей Д. Ф. и С. Ф. Воротынских (либо одного из них), а Волконское княжество — территорией, бывшей под верховной властью кн. Воротынских. По этой причине Волконское княжество не упоминается в московско-литовских дипломатических материалах 1487–1494 гг. Бездетные князья Д. Ф. и С. Ф. Воротынские упоминаются последний раз в разрядной росписи осени 1496 г. [...] После их смерти в конце XV в. князья Волконские вместе со своими владениями, очевидно, перешли на службу вел. кн. Ивану III»¹⁵⁵.

¹⁵⁰ Lietuvos metrika. Knyga Nr. 8. P. 83 («Испашъ»).

¹⁵¹ Lietuvos metrika. Knyga Nr. 15. P. 192.

¹⁵² Lietuvos metrika. Knyga Nr. 4 (1479–1491). Vilnius, 2004. P. 115, 48.

¹⁵³ СИРИО. Т. 35. С. 21.

¹⁵⁴ Там же. С. 40, 47, 81, 84.

¹⁵⁵ Шеков А. В. Верховские княжества. М., 2012. С. 169–171. Автор предполагает также, что кн. Волконские перешли на службу к Воротынским еще в

Как бы то ни было, в 1491 г. Волкона уже находилась в составе Московского государства. В ноябре «приехали къ великому князю отъ царя отъ Менли-Гирея послы его [...] и князь велики ихъ сослалъ съ Москвы въ Волкону, и они тамо зимовали»¹⁵⁶. А в 1504 г. вел. кн. Иван завещал Волкону, уже приписанную к Алексину, своему младшему сыну Андрею¹⁵⁷. При этом другую волость Волконских, Колодну, московский государь завещал старшему сыну Василию, вместе с Тарусой и Мышегой¹⁵⁸. Находясь в уделе кн. Андрея Ивановича, кн. Волконские, согласно его грамоте 1520/1537 г., сохраняли в Волконе часть своих владений, и даже остатки суверенных прав — право суда, за исключением душегубства и разбоя с поличным. Причем спорные дела с горожанами Алексина должны были рассматриваться, как в случае настоящих удельных князей, в порядке «сместного» суда — совместно алексинскими наместниками кн. Андрея и кн. Волконскими или их приказчиками¹⁵⁹.

Князья Устийские и Огдыревские-Мезецкие

Выше мы уже приводили аргументы в пользу того, что Всеволод, в крещении Орефа (Арефа)¹⁶⁰, был самым младшим сыном Юрия Тарусского. Очевидно, именно он записан в помяннике кн. Черниговских из Введенской церкви Киево-Печерской лавры как кн. Всеволод Устийский (см. ниже). Никаких других сведений о нем в источниках не сохранилось.

Сыновьями Всеволода Юрьевича были Андрей Шутиха Мезецкий и Дмитрий¹⁶¹. В справочнике кн. П. Долгорукова, без всякой ссылки на источник, говорится о смерти Андрея Всеволодовича Мезецкого

1445 г., но основывается при этом на ошибочных предположениях, включая отождествление кн. Волконских и Конинских (см. выше, прим. 116, 135).

¹⁵⁶ СИРИО. Т. 41. С. 120.

¹⁵⁷ ДДГ. № 89. С. 360.

¹⁵⁸ Там же. С. 354.

¹⁵⁹ Волконская Е. Г. Род князей Волконских. СПб., 1900. С. 17.

¹⁶⁰ В родословной Одинцевичей: «старшаго звали Орехва, а прозвище ему было Всеволод» (ПСРЛ. Т. XXXV. С. 232). Действительно, в древнейшем помяннике Киево-Печерского монастыря, в статье «Род князя Димитрія Одинцевича» — потомка Всеволода Юрьевича по женской линии, — последним из мужчин записан кн. Орефа (Древнейший помянник Киево-Печерской лавры (конца XV и начала XVI столетия) / Сообщил С. Т. Голубев // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. К., 1892. Кн. 6. Приложение. С. 10).

¹⁶¹ Родословная книга... Ч. I. С. 201.

в 1361 г.¹⁶² Но это — явно лишь произвольная «корректировка» из 1261 г., который по недоразумению указан в родословной таблице Н. М. Карамзина; под указанным годом в Ипатьевской летописи упоминается совершенно другой Андрей Всеволодович — княжич Черниговский¹⁶³. Даже Р. В. Зотов признал дату Долгорукова ошибочной, поскольку она явно противоречит другим, несомненно достоверным свидетельствам¹⁶⁴. Сам Зотов, понимая, что по времени жизни Андрей Всеволодович не мог быть правнуком св. Михаила Черниговского (как следовало из родословных), считал его сыном мифического Всеволода Всеволодовича, который показан в росписях кн. М. М. Щербатова и Спиридова¹⁶⁵. По этому поводу Г. А. Власьев писал: «В росписи кн. Мезецких очевидно тоже существует пропуск одного, а еще вероятнее — двух поколений между Всеволодом Юрьевичем и Андреем Всеволодовичем, так как дети последнего жили в половине XV столетия [...]. Для надлежащего восполнения росписи и введен этот Всеволод Всеволодович, — совершенно произвольно. Хотя он имеется у кн. Щербатова в родословной таблице, но можно думать, что и он взял этого князя не из родословцев, нам неизвестных, а также произвольно, для заполнения пустого места. Может быть было бы вернее вставить два колена, но что же останется тогда с достоверностью таких родословий?»¹⁶⁶ Напомним, все указанные нестыковки основаны на признании того факта, что Юрий Тарусский был сыном св. Михаила Черниговского (реально же он действовал в середине XIV в.).

В конце XIV — начале XV в. Андрей и Дмитрий Всеволодовичи приняли решение о переходе на службу к вел. кн. Витовту Литовскому¹⁶⁷.

¹⁶² Долгоруков П. Российская родословная книга. Ч. I. СПб., 1854. С. 49.

¹⁶³ Ключь или алфавитный указатель к Истории государства Российского Н. М. Карамзина... СПб., 1844. Родословные владетельных князей российских, составленные Карамзиным. С. 5. Ср.: Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. I. Примечания к IV тому. СПб., 1842. Стб. 16. Прим. 44.

¹⁶⁴ Зотов Р. В. О черниговских князьях... С. 303.

¹⁶⁵ Там же. С. 166.

¹⁶⁶ Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Т. I. Ч. 1. С. 38–39.

¹⁶⁷ В 1493 г. вел. кн. Иван Московский заявлял литовским послам: «Мезоцкие князи изъ старины наши слуги, одны съ торусскими князми, и въ старыхъ докончаньехъ предковъ нашихъ писаны» (СИРИО. Т. 35. С. 106). Отсюда Р. А. Беспалов заключает: «В этих словах видится указание на эпоху Витовта и Василия I. Таруса перешла под верховную власть Василия I в 1392 г. [...] Следовательно, князь Всеволод Устийский или его дети могли быть упомянуты в качестве московских слуг после этого времени, а именно — в московско-литовском договоре 1408 г., заключенном на р. Угре» (Беспалов Р. А. Исконная вотчина князей Огдыревских и Мезецких (по опубликованным источникам) // Город Средневековья и раннего Нового времени.

Возможно, причиной этого был их конфликт с кн. Оболенскими — верными слугами Москвы, которые закрепили за своей линией Тарусу, явно в обход родового старшинства Всеволодовичей (по счету поколений). В 1494 г. литовские послы в Москве требовали, чтобы те из Мезецких, которые незадолго до того перешли на московскую службу, сохраняли только те «волости Торускіе, съ чѣмъ приѣхали къ нашимъ государемъ: Говдыревъ, да Устье, да Жебынь»; остальные же их владения, среди них и сам г. Мезческ, послы называли «даньем» литовских государей¹⁶⁸. Действительно, Мезческ с близлежащими волостями, судя по его местоположению (между Мосальском и Козельском), ранее входил в состав Карачевского княжества, присоединенного к Литве в начале XV в.

В Литовской метрике сохранилась запись о грамоте короля Казимира, выданной около 1450 г. сыновьям кн. Андрея Всеволодовича — князьям Федору, Роману и Ивашку Мезецким. В этом документе за Мезецкими подтверждалась «отчина ихъ, што отец ихъ держаль, князь Анѣдрей, а князь Дмитрией, што они выслужили у Витовта — Мезочоскъ, Орен, Сулъковичи, Сухиничи, Дубровна а Когабринъ (такой волости не существовало; вероятно, здесь следует читать два слова: «Акога» — возможно, искаженное название Уруги, и «Бринъ», т. е. волость Брынь¹⁶⁹), Огдырев, Олешна, Устье, Лабодин, Жабын, Рука, Немерзка, Котер»¹⁷⁰. Аналогичную грамоту Мезецким — очевидно, еще самим кн. Андрею и Дмитрию Всеволодовичам — выдал ранее вел. кн. Жигимонт Кейстутович (1432–1440). В этом документе, представленном литовскими послами в Москве в 1494 г., кроме перечисленных волостей, значились еще Новое село, Уруга (если она не тождественна загадочной «Акоге»), Барятин, Усты (если это не дублирование Устья) и Сокулин. Причем Силковичи и Новое Село фигурировали отдельно от «выслуги» (Витовта), как «приданое» самого Жигимонта¹⁷¹. Мы вполне согласны с Р. А. Беспаловым, который объ-

II (V). Археология. История. Материалы V Всероссийского семинара. Тула. Ноябрь 2013. Тула, 2016. С. 147). Не отрицая такой возможности, более вероятной (учитывая характерную «дипломатическую изворотливость» московской стороны) мы считаем другую: в 1493 г. Иван III ссылался на упоминание в прежних договорах вообще кн. Тарусских, а не конкретно сыновей Всеволода Юрьевича.

¹⁶⁸ СИРИО. Т. 35. С. 120, 137.

¹⁶⁹ Беспалов Р. А. Исконная вотчина князей Огдыревских и Мезецких. С. 140, прим. 2.

¹⁷⁰ Lietuvos metrika. Knyga Nr. 3 (1440–1498). Vilnius, 1998. P. 44.

¹⁷¹ СИРИО. Т. 35. С. 137. Перечень волостей в грамоте Жигимонта устанавливается на основании отличий, зафиксированных в ней по сравнению со

ясняет «усеченный» перечень волостей в грамоте Казимира, по сравнению с грамотой Жигимонта, следующим образом: «По всей видимости, старший сын князя Андрея Всеволодовича — князь Александр Андреевич умер раньше своего отца, а его дети унаследовали волость Барятин, может быть еще какие-то волости, но в дальнейшем больше не смогли претендовать на Мезецк. От них произошла ветвь князей Барятинских»¹⁷².

Родовыми, тарусскими волостями братьев Всеволодовичей, с которыми они «приѣхали» на службу к Витовту, литовские послы в 1494 г. называли Говдырев, Устье и Жабынь. Первый из перечисленных пунктов во 2-й половине XV в. имел даже статус города¹⁷³. Написание его названия в источниках сильно варьируется. Р. А. Беспалов по этому поводу отмечает: «В источниках, произошедших из Великого княжества Литовского, встречаются написания: “Кгдырев”, “Огдырев”, “Окдырев”, “Агдырев”, “Акдырев”. Соответственно, князья назывались “окдыревскими”, “о(г)дыревскими” и т. д. [...] В московской же традиции город стал называться “Говдырев”, а его вотчинники — “говдыревскими” или даже “гоздыревскими” (последний вариант, вероятно, является простой опiskой. — С. К.) [...] Примечательно, что разночтение “о(г)дыревские” — “говдыревские” сохранилось в московском и литовском списках литовско-московского договора 1494 г., что наглядно иллюстрирует выявленное нами диалектное различие. [...] Судя по родовым росписям самих мезецких князей, они называли своих родичей «огдыревскими». Отмеченное различие «Огдырев» — «Говдырев» Р. А. Беспалов объясняет особенностями произношения, вероятно, первоначальной формы «Гдырев», которые были свойственны западному и северо-восточному диалектам древнерусского языка¹⁷⁴.

Местоположение волости Огдырев (Говдырев) устанавливается на основании писцовых материалов XVII в. Согласно наиболее ранним из опубликованных данных — переписной книге Болховского уезда 1646 г., — большая часть его территории входила в «станъ Годыревской»¹⁷⁵. Селения этого стана локализируются в бассейнах рек

списком волостей городов Мезческа и Агдырева, поданным литовскими послами в 1494 г.

¹⁷² Беспалов Р. А. Исконная вотчина князей Огдыревских и Мезецких. С. 140.

¹⁷³ СИРИО. Т. 35. С. 137.

¹⁷⁴ Беспалов Р. А. Исконная вотчина князей Огдыревских и Мезецких. С. 140–141.

¹⁷⁵ Пясецкий Г. Город Болхов и его уезд по Переписной Книге 7154 (1647) года // Труды Орловской ученой архивной комиссии. Орел, 1891. Вып. 2. С. 33–34.

Мошок (кроме ее верховья и низовья) и Орс, левых притоков Нугри, а также среднего течения Витебети. Переходил Годыревский стан и на правый берег Нугри, включая в свой состав территорию по рекам Кутьма и Синец¹⁷⁶. Что касается самого города Огдырева (Говдырева), то он прекратил существование уже в 1-й половине XVI в., «оставив» свое имя одноименному стану, позже приписанному к Болховскому уезду. В пределах этого стана известно четыре городища, из которых на роль Огдырева лучше всего подходит самое крупное, на левом берегу Нугри возле деревни Рожково Болховского района, датируемое XI–XIII и XIV–XVII вв.¹⁷⁷

Среди поселений Годыревского стана в 1646 г. и позже упоминается «сельцо Олешня»¹⁷⁸. С. Алешня располагается на р. Мошок, левом притоке Нугри, причем возле него выявлено древнее селище¹⁷⁹. Мы полагаем, что оно и было центром мезецкой волости Олешня. Правда, Р. А. Беспалов отождествляет волость Олешню с Алешней, расположен-

¹⁷⁶ Беспалов Р. А. Исконная вотчина князей Огдыревских и Мезецких. С. 144–145 и карта на с. 141. Автор произвел локализацию селений Годыревского стана на основании списка таковых, составленного Я. Е. Водарским. В Годыревский стан тут включены также несколько селений в бассейне верхней Неполоди — Парамоново, Густоварь, Погорелое, Щербачево. Впрочем, по поводу этой территории автор делает оговорку: «Не исключено, что какая-то ее часть была прирезана к Годыревскому стану в позднее время» (с. 145). И действительно, в Переписной книге 1646 г. упомянутые селения в Годыревском стане еще не значатся.

¹⁷⁷ Археологическая карта России. Орловская область. М., 1992. С. 24, 28 (№ 57(34)). Другим «претендентом» на роль Говдырева является соседнее городище в дер. Борилово, тоже на левом берегу Нугри, датируемое XI–XIII и XIV–XV вв., но значительно меньшее по размерам (там же. С. 24, 25, № 28 (31)). Еще два городища находятся на берегу р. Орса, левого притока Нугри. Но одно из них, возле дер. Жуевка, датируется XIII–XIV вв. (тогда как Говдырев называется городом еще в 1498 г. — см. ниже), а другое, возле дер. Луново, — вообще XI–XIII вв. (там же. С. 24, 26, 27, № 34 (25) и 49 (28)).

Р. А. Беспалов пишет: «Примечательно, что в Нугорском стане (Болховского уезда. — С. К.) имелось сельцо Старое Городище (не локализовано). Его название указывает на существование неподалеку нового города (видимо, Болхова). Не на Старом ли Городище располагался город Гдырев, запустевший в первой половине XVI в.?» (Беспалов Р. А. Исконная вотчина князей Огдыревских и Мезецких. С. 154). Но если так, то почему же Гдырев — Старое Городище входил в состав не Годыревского, а Нугорского стана? Логичнее предположить, что Старое Городище и было древним Болховом — предшественником современного города, основанного в 1555/1556 г. (о существовании Болхова еще в XIV в. см. ниже).

¹⁷⁸ Пясецкий Г. Город Волхов и его уезд по Переписной Книге 7154 (1647) года. С. 34.

¹⁷⁹ Археологическая карта России. Орловская область. М., 1992. С. 24–25.

ной немного севернее р. Жиздры. Однако, во-первых, сам исследователь, комментируя грамоту короля Казимира около 1450 г., пишет: «В ней сначала описывается Мезецк и его округа. Затем читается фрагмент: “Огдырев, Олешна, Устье, Лабодин, Жабын, Рука”. [...] Здесь только Олешна выпадает из огдыревской округи, но она была связующим звеном на пути из Гдырева в Мезецк»¹⁸⁰. Но более логично предположить, что Олешна записана между Огдыревым и Устьем просто потому, что находилась именно между указанными волостями, на р. Мошок. Во-вторых, еще в 1498 г. Олешна фигурирует как владение Мезецких, главным образом княгини Окдыревской Алены, но отчасти и других Мезецких, служивших Литве, которым полагалась «[...] дѣлница во всемъ во Окдыревѣ, и ув Олешнѣ, и въ Руцѣ, и у Бакини, и ув Устьи, и въ Жобыни, и въ Лабодинѣ, и въ Хожци [...]»¹⁸¹. Как и в грамоте Казимира, здесь Олешна упомянута сразу после Окдырева. А уже в сентябре 1499 г. летописи сообщают: «Приходиша Татарове [...] подъ Козелескъ, взяша селцо *Козелское* Олешню»; причем среди преследовавших татар московских воевод кн. Мезецкие не упоминаются¹⁸². Нам представляется маловероятным, чтобы всего за полтора года Олешна превратилась из мезецкой волости в козельское «селцо». Правда, соседние Хостци на Жиздре в 1498 г. тоже названы владением кн. Мезецких, тогда как еще в 1494 г. московские бояре заявляли, что «Хостци тянуть къ Козельску»¹⁸³. Однако об Олешне ничего подобного бояре не говорили, безоговорочно признавая ее мезецкой волостью. Да и в сообщении 1498 г. Хостци названы в самом конце списка, через пять пунктов после Олешни, что вряд ли было бы возможно, если бы речь шла о соседних селах на Жиздре. Все указанные противоречия устраняются, если мы отождествим мезецкую волость Олешну с Алешней Годыревского стана на р. Мошок, отличной от Алешни на Жиздре.

К востоку (северо-востоку от отдельных участков) к Годыревскому стану примыкали два других стана Волховского уезда XVII в. — Нугорский, по обоим берегам Нугри в ее нижнем течении вплоть до впадения в Оку, и южнее Однолуцкий. Мы вполне согласны с выводом Р. А. Беспалова, который пишет: «Вероятно, в XV в. территория Нугорского и Однолуцкого станов составляла единое целое. По всей видимости, это была волость тарусских Всеволодовичей Устье с центром в Усть-Нугри (Никольском). И лишь после 1494 г. она разделилась

¹⁸⁰ Беспалов Р. А. Исконная вотчина князей Огдыревских и Мезецких. С. 148.

¹⁸¹ СИРИО. Т. 35. С. 246.

¹⁸² ПСРЛ. Т. VIII. С. 237.

¹⁸³ СИРИО. Т. 35. С. 246.

на две части. По своей территории волость Устье была гораздо больше волости Жабыни, но существенно уступала в размерах Годыревскому стану Болховского уезда XVII в.»¹⁸⁴.

На севере к Огдыревскому и Нугорскому станам Болховского уезда примыкал обширный Руцкой стан Белевского уезда, основная территория которого располагалась по верхнему и среднему течению р. Руки и в бассейне р. Бобрик, левых притоков Оки. На западе эта часть доходила до р. Уколки, правого притока Вытебети. Обособленный анклав Руцкого стана — Домагощская волость — примыкала с востока к Однолуцкому стану Болховского уезда. К северу от основной территории Руцкого стана, между ним и г. Белевом, располагались три других южных стана Белевского уезда: Лабодинский, Бакинский — по обеим сторонам нижнего течения р. Руки, и Мокрищевский — к северу от среднего течения Руки. Первые два — это, несомненно, одноименные старые волости кн. Мезецких. Мокрищевский же стан, название которого не находит соответствия среди волостей Мезецких, должно быть, «выделился из Руцкого или Бакинского стана в XVI в., то есть ранее его территория тоже принадлежала огдыревским князьям»¹⁸⁵.

Наконец, в состав Огдыревского удела входил еще небольшой анклав — волость Жабынь, располагавшаяся в 7 км северо-восточнее новосильского Белева. Здесь на правой стороне Оки, при речушке Жабынке, и в наше время существует деревня Жабынь, известная по соседней Введенско-Макариевской пустыни, основанной на месте древнего городища¹⁸⁶. Территория Жабыньской волости захватывала также небольшой участок и на левобережье Оки. Локализация волости позволила Р. А. Беспалову заключить: «Итак, в XV в. волость тарусских Всеволодичей Жабынь располагалась внутри Новосильско-Одоевского княжества, между владений белевских и одоевских князей»¹⁸⁷.

¹⁸⁴ Беспалов Р. А. Исконная вотчина князей Огдыревских и Мезецких. С. 144 и карта на с. 141.

¹⁸⁵ Там же. С. 143 и карта на с. 141. Описание упомянутых станов Белевского уезда по писцовой книге 1628–1630 гг. см.: Белевская вивлиофика / Изд. Н. Елагиным. М., 1858. Т. I. С. 396 (стан Руцкой); М., 1858. Т. II. С. 31, 34 (стан Бакинский и с. Бакино), 59, 70 (стан Лабодинский и с. Лабодин).

¹⁸⁶ А[рхимандрит] Л[еоид]. Историко-статистическое описание Белевской Жабыньской Введенской мужской общежительной пустыни. Тула, 1865. С. 5. Здесь приведена выпись из жалованной грамоты царя Федора Ивановича 1585 г., по которой его писцы «дали старцу Анофрію Жабыньское городище под монастырь».

¹⁸⁷ Беспалов Р. А. Исконная вотчина князей Огдыревских и Мезецких. С. 142–143 и карта на с. 141.

Во всех указанных топонимах, зафиксированных в источниках XVI–XVII вв., легко усматриваются мезецкие и огдыревские, а точнее огдыревские волости, перечисленные в списке литовских послов 1494 г.: «городъ Мезчоскъ, а другой городъ Акдыревъ, а волости тыхъ городовъ [...] Олешна, Рука, Лабодинъ, Устье, Жабынь, Бакино»¹⁸⁸. Из них только Бакино не упомянуто в грамоте короля Казимира около 1450 г.; следовательно, эта волость выделилась из состава Руки или Лабодина уже во 2-й половине XV в.

Вместе с тем, как мы видели, литовская сторона в 1494 г. признавала изначальными тарусскими волостями только Говдырев, Устье и Жабынь, а остальные — считала «даньем» литовских государей. По этому поводу, относительно Руки, Лабодина и Бакина, Р. А. Беспалов пишет: «В этой связи можно предположить, что эти волости до 1435–1440 гг. могли выделиться, например, из состава Жабыни или появиться у них (Всеволодичей. — С. К.) во время их литовской службы каким-то иным способом. Затем Рука, Лабодин (из которых затем выделилось Бакино) заодно были вписаны в Сигизмундову грамоту. Примечательно, что 1430-е гг. — это период малолетства белевских князей Василия и Федора Михайловичей [...], наследники которых впоследствии стали претендовать на волости Руку, Лабодин и Бакино. На волость Жабынь претендовали и другие князья новосильского дома (одоевские и воротынские). По всей видимости, в XV в. данная территория составляла предмет спора между мезецкими и новосильскими князьями»¹⁸⁹.

Происхождение Огдыревско-Жабыньского анклава Тарусского княжества, расположенного так далеко от его основной территории, остается неизвестным. Возможно, этот анклав был изначальной частью княжества, появившейся «вследствие давней чересполосицы черниговских уделов, как, например, Новосильская земля вдали от Глухова, или Елецкая земля, отдаленная от Козельска»¹⁹⁰. Но нам кажется более вероятным, что кн. Тарусские получили Понугорье — путем покупки, в качестве приданого или как-то иначе — от кн. Карачевских. Дело в том, что по крайней мере часть Понугорья в XIV в. должна была принадлежать потомкам кн. Карачевских — Болховским и Хотетовским¹⁹¹.

¹⁸⁸ СИРИО. Т. 35. С. 118, 137.

¹⁸⁹ Беспалов Р. А. Исконная вотчина князей Огдыревских и Мезецких. С. 48.

¹⁹⁰ Там же. С. 145.

¹⁹¹ По данным родословных книг, кн. Болховские и Хотетовские происходили от Карачевских (ВОИДР. Кн. X. С. 244; Родословная книга... Ч. I. С. 185–186).

Согласно одной из редакций родословных книг конца XVI в., родоначальником Болховских был кн. Иван Болх, тут же названный и Болховским — младший сын кн. Андрея (правильней Андриана) Мстиславича Звенигородского¹⁹². Андриан Звенигородский, младший сын Мстислава Карачевского, жил где-то в середине XIV в.¹⁹³ Иван Андрианович упомянут и в более ранних родословных, но здесь о происхождении от него кн. Болховских ничего не говорится¹⁹⁴. Этимология фамилии Болховские от прозвания Болх, конечно же, невозможна: в таком случае было бы Болховы, может быть Болхины. Не подлежит сомнению, что указанный род получил название от своего бывшего удельного центра — Болхова.

Правда, современный г. Болхов был основан, в качестве крепости на южной окраине Московского государства, только в 1555/56 г. Однако первый документально известный князь Болховской упоминается еще в 1521 г.¹⁹⁵ А следовательно, у московской крепости Болхов существовал «предшественник», видимо, запустевший в XV в. Вполне вероятно, остатками древнего Болхова было село Старое Городище Нугорского стана, известное по писцовым материалам XVII в., но так и не локализованное¹⁹⁶. Наконец, сохранились данные о том, что находящиеся даже южнее Болхова города-крепости, также основанные в XVI в., — Орел и Кромы — существовали, в качестве удельных центров, еще в XIV–XV вв.¹⁹⁷ Болхов расположен в неполных 40 км севернее

¹⁹² ВОИДР. Кн. X. С. 244.

¹⁹³ Его старший брат, кн. Тит Козельский (и Карачевский), упоминается в 1365 г. (ПСРЛ. Т. XVIII. М., 2007. С. 104). Обычно Андриан Звенигородский отождествляется с Андреем Мстиславичем Козельским, убитым в 1339 г., по нашему мнению — ошибочно (рассматривать данный вопрос здесь, конечно, не место).

¹⁹⁴ Бычкова М. Е. Состав класса феодалов в России в XVI в. М., 1986. С. 75; Родословная книга... Ч. I. С. 195 (показан бездетным); ВОИДР. Кн. X. С. 69, 156 (здесь также имеет прозвище Болх).

¹⁹⁵ АФЭХ. М., 1951. Ч. I. № 196. С. 177.

¹⁹⁶ См. выше прим. 177.

¹⁹⁷ Кн. Дмитрий Орлский записан в помянниках кн. Черниговских, причем «в окружении» других «верховских» князей 1-й половины XV в. (Поменник Введенской церкви... С. 19; Синодик Любецкого Антониевского монастыря. Л. 21). В 1445/46 г. вел. кн. Казимир Ягеллон дал некому Роману Александровичу «во Мъценску Вышегород а половина Орлее» (Lietuvos metrika. Knuga Nr. 3. P. 44; запись не датирована, однако предыдущая и последующая за ней помечены 9-м индиктом, «Самъ великий князь»; в период, когда Казимир был только великим князем, а не королем, 9-й индикт приходился на 1445/46 г.). Мы полагаем, что это был современный Орел, к середине XV в. уже запустевший и «приписанный» к расположенному в 45 км юго-западнее Мценску. На территории Орла обнаружены археоло-

древнего Звенигорода на р. Неполоди, и поэтому свидетельство родословной о том, что первый князь Болховской был младшим сыном князя Звенигородского, представляется достаточно достоверным.

Кн. Михаил Хотетовский упоминается в 1408 г., когда он, вместе с кн. Свидригайлом Ольгердовичем Брянским, выехал на службу в Москву¹⁹⁸. Центром его удела, очевидно, было с. Хотетово позднейшего Болховского уезда¹⁹⁹, располагавшееся всего в 3-х верстах от Волхова²⁰⁰. Именно это село местные краеведы считали центром «Княжества Хотетовского», отмечая, что здесь находился «старинный синодик (от 1767 г.) с именами скончавшихся князей Хотетовских»²⁰¹. В писцовых книгах 1628 г. упомянуто, что Болховский Оптин Рождественский монастырь еще до «литовского разоренья» владел землей, пашенной и под лесом, в размере 60 десятин, подаренной ему кн. Иваном Васильевичем Хотетовским. По описи 1764 г. монастырю принадлежало два имения: 1) Подмонастырская слободка, в которой по дозорным и писцовым книгам 128 и 136 (1620 и 1628) гг. считалось земли 13 четверти. 2) Деревня Кокорека (так!) — 73 четверти с осминою²⁰². Подмонастырская слобода находилась всего в 1 версте от Болхова; деревня Кокорево — в 15 верстах, другое сельцо Кокорево — в 30,5 верстах²⁰³. Даже в 1622 г. кн. Гаврило Дмитриевич Хотетовский имел «вотчины в Болхове *старинной родстаенной* 107 ч[етей] а в ней крестьян 8 человек да 16 бобылей да вотчины жъ в Воротынску 130 ч. пуста»²⁰⁴.

гические находки XI–XIV вв., а сам Орел, вероятно, был основан в 1566 г. прямо на месте старого городища (*Неделин В.* Орел изначальный. Орел, 2001). Г. Кромь, в 40 км южнее Орла, также существовал еще в XII–XIII вв. (*Неделин В.* Древние города земли Орловской. XII–XVIII века. Орел, 2012. С. 310). Кн. Иван Кромский в 1450 г. получил от короля Казимира земли в Брянске (*Lietuvos metrika. Knyga Nr. 3. P. 38*).

¹⁹⁸ ПСРЛ. Т. XXV. С. 237, и другие своды.

¹⁹⁹ *Пясецкий Г.* Город Болхов и его уезд по Переписной Книге 7154 (1647) года. С. 34.

²⁰⁰ Список населенных мест Российской империи. XXIX. Орловская губерния. Список населенных мест по сведениям 1866 года. СПб., 1871. С. 27. Другое Хотетово Болховского уезда XIX в. располагалось в 25 верстах к юго-западу от Болхова (там же. с. 35), сейчас это — деревня Знаменского района. Но в Переписной книге 1646 г. упомянуто только одно, первое Хотетово.

²⁰¹ Историческое описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии. Орел, 1905. Т. I. С. 46–47.

²⁰² *Пясецкий Г. М.* История Орловской епархии и описание церквей, приходов и монастырей. Орел, 1899. С. 354–355, 362 (Приложение к Орловским епархиальным ведомостям, № 44).

²⁰³ Список населенных мест... С. 24, 29, 32.

²⁰⁴ *Алехтин В. Р.* Болховская старина. Болхов, 1913. С. 15.

Итак, мы должны констатировать существование в бассейне р. Нугри чересполосицы владений, принадлежавших потомкам кн. Тарусских (волости Огдырев, Устье) и Карачевских (Волхов, Хотетово). К сожалению, источники не дают ни малейшего намека на то, каким образом и когда именовано возникла эта чересполосица. Однако, основываясь на ретроспективных данных, можно смело утверждать, что она существовала уже в XIV в.

При разделе Тарусского княжества, произведенном в середине XIV в. (до 1368 г.) между пятью сыновьями Юрия Тарусского, Поугорский анклав достался младшему из них, Всеволоду-Арефе. Р. А. Беспалов очень удачно отождествил его с загадочным Всеволодом Устийским, который записан в помяннике князей Черниговских, включенном в состав помянника Введенской церкви Киево-Печерской лавры. Здесь поминали «Кн(з): Данила Романовича, Новосельского и Сестру его Софію. Кн(з): Всеволода, устийского приѣмшаго Ангелскій обра(з)»²⁰⁵. Р. А. Беспалов отмечает: «Записанные рядом князья жили в приблизительно одно и то же время. Князь Даниил Новосильский [...] — это сын князя Романа Семеновича Новосильского. По другим источникам он не известен, но, определенно, жил в конце XIV в. — возможно, еще и в начале XV в. Следовательно, князь Всеволод Устийский жил приблизительно в то же время, что и князь Даниил. В таком случае, напрашивается аналогия титула князя Всеволода с названием волости Устье, которой позже владели тарусские Всеволодовичи на вотчинном праве»²⁰⁶. С этим выводом нельзя не согласиться, учитывая не только титул Всеволода, но и его редкое для XIV в. княжеское имя.

Далее Р. А. Беспалов пишет: «Не ясно, как князь Всеволод Устийский получил волость Устье, но если он был отцом князей Андрея и Дмитрия Всеволодичей, то, очевидно, передал им ее по наследству [...]. Административный и военный потенциал этой ветви тарусских князей развивался и реализовывался именно в низовьях р. Нугри и их окрестностях. Там же был заложен город Гдырев.

²⁰⁵ Поменник Введенської церкви... С. 18. В Любецком синодике Всеволод Устийский пропущен. По данным Филарета (Гумилевского), Всеволод «Устивский» поминался в утраченном Елецком синодике, но архиепископ не указал, в каком именно месте (Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Чернигов, 1874. Кн. V. С. 43, прим. 59). Сейчас это особого значения не имеет, поскольку Елецкий синодик, по ряду признаков, был идентичен не так давно опубликованному Введенско-Печерскому (*Келлембет* С. Помянники (синодики) князів Чернігівської землі як історичне джерело // *Сіверянський літопис*. 2016. № 6. С. 26–29).

²⁰⁶ *Беспалов Р. А.* Исконная вотчина князей Огдыревских и Мезецких. С. 146.

Вероятно, князь Всеволод был связан с Новосильским княжеством, возможно, был женат на княгине Софии Романовне, урожденной Новосильской (которая поминается непосредственно перед ним. — С. К.). Может быть, с этим соседством как-то связано и приобретение князем Всеволодом волости Жабыни внутри Новосильского княжества?»²⁰⁷ Мы полагаем, что Жабынь вполне могла быть получена Всеволодом Юрьевичем, в качестве приданого, от его вероятного тестя — кн. Романа Семеновича Новосильского. Такие случаи среди северорусских князей известны, хотя и были редкостью. Например, в 1-й половине XV в. кн. Семен Дмитриевич Заозерский, из рода кн. Ярославских, «женился [...] у Князя Ивана у Дея и взялъ Кубену въ приданые»; по этой волости, полученной от тестя, потомки кн. Семена даже усвоили прозвание Кубенских²⁰⁸.

В летописях кн. Андрей и «Митко» (Дмитрий) Всеволодовичи упоминаются осенью 1424 г., когда Витовт, вместе с другими своими князьями, послал их против хана Кудайдата, который совершил нападение на Одоев, а затем — на литовскую Тулу и Рязанскую землю. Соединившись с кн. Юрием Романовичем Одоевским, литовские войска настигли татар в рязанских пределах и наголову разбили их, обратив в бегство самого хана и пленив двух его жен²⁰⁹. Кн. Андрей Всеволодович, вместе с женой Евпраксией, записан также в черниговских помянниках²¹⁰. Помимо пяти сыновей, усвоивших прозвание Мезецких, у него было три дочери: Мария, Оксинья, жена кн. Федора Одинцевича, и Евдокия, жена кн. Ивана Семеновича Бабы Друцкого²¹¹.

Кн. Дмитрий Всеволодович, носивший общее с братом прозвание Шутиха, по поручению Витовта сопровождал до Воротынска Марию Корибутовну — его двоюродную племянницу, выданную замуж за кн. Федора Воротынского²¹². Кн. Дмитрий дожид до начала правления Казимира Ягеллона, от которого в 1440-х гг. получил несколько пожалований, зарегистрированных в древнейшей книге Литовской метрики: 1) «Князю Митьку Всеволодичю Онтоново Косого селцо, да

²⁰⁷ Там же. С. 146–147.

²⁰⁸ ВОИДР. Кн. X. С. 57–58, 149, 254.

²⁰⁹ ПСРЛ. Т. VIII. С. 92, и т. д.; Беспалов Р. А. Битва коалиции феодалов Верхнего Поочья с ханом Кудайдатом осенью 1424 года // Верхнее Подонье: Археология. История. Тула, 2009. Вып. 4. С. 205–208 (разбор хронологической путаницы в летописях).

²¹⁰ Поменник Введенской церкви... С. 19; Синодик Любецкого Антониевского монастыря. Л. 200б.

²¹¹ ПСРЛ. Т. XXXV. С. 232; Wolff J. *Kniaziowie litewsko-ruscy od konca czternastego wieku*. Warszawa, 1895. S. 8, 60, 61.

²¹² *Lietuvos metrika*. Vilnius, 2007. Knyga Nr. 6 (1494–1506). P. 312.

Кулибакино селцо, да Минцево село; до воли. Панъ Довкгирдь (воевода Виленский до 1443 г. — С. К.)». 2) «Князю Дмитрею Всеволодичю Шюе а Демены у хлебокормленье». 3) «Князю же Дмитрею на отчину его потверженъ, на Мещескъ и Колковичи» (должно быть: Силковичи). 4) «Князю Митъку Всеволодичу против Горки да Снопоток. Панъ Петраш, панъ Кгастовтъ (в 1440–1443 гг. воевода Троицкий, затем Виленский. — С. К.). Сопега (писарь)»²¹³. Сыновей кн. Дмитрий Всеволодович не оставил, а его дочь, Фетиния, была выдана замуж за кн. Федора Александровича Звенигородского — представителя Карачевской линии кн. Черниговских²¹⁴.

История рода кн. Мезецких во 2-й половине XV — начале XVI в. подробно рассмотрена Р. А. Беспаловым²¹⁵. Учитывая это, а также то, что основные владения Мезецких никакого отношения к Тарусскому княжеству не имели, мы остановимся лишь на той их ветви, которая по центру старого тарусского анклава усвоила прозвание кн. Огдыревских (Говдыревских).

Из троих сыновей кн. Андрея Шутихи, которым король Казимир около 1450 г. подтвердил права на Мезческ с волостями, Огдырев унаследовал старший, кн. Федор Андреевич. Затем большая часть Огдырева с округой перешла ко второму из пяти его сыновей — кн. Ивану Федоровичу, носившему «специальное» прозвание Говдыревского (Огдыревского). Правда, особенностью землевладения кн. Мезецких было то, что каждый член их рода владел собственной «долницей» не только в г. Мезческе, но и, похоже, в каждой из его волостей. Поэтому на рубеже XV–XVI вв. права на «долницы» в г. Огдыреве, а также во всех волостях его округи, имели и другие сыновья кн. Федора Андреевича; в то же время сыновьям кн. Ивана Огдыревского принадлежали доли в собственнo мезецких волостях, в частности, Брыни (см. ниже). В августе 1487 г., согласно жалобе вел. кн. Ивана Васильевича, кн. Мезецкие Михаил Романович, Иван «Говдыревской», Федор Сухой, Петр и Василий Федоровичи напали на людей московских слуг, кн. Одоевских (пришедших к Мезческу с требованием возврата захваченного ранее мезчанами полона и имущества), перебив и пленив многих одоевцев. По версии же Мезецких, напротив, они сами подверглись нападению со стороны людей Одоевских, погнались за ними, но были побиты²¹⁶.

²¹³ Lietuvos metrika. Knyga Nr. 3. P. 34, 46.

²¹⁴ Поменник Введенской церкви... С. 19. В Любечком синодике и Фетинья, и ее отец пропущены.

²¹⁵ Беспалов Р. А. Исконная вотчина князей Огдыревских и Мезецких. С. 149–153.

²¹⁶ СИРИО. Т. 35. С. 4–5, 7–8, 3 (дата набега одоевцев на Мезческ — в понедельник перед Успением Пречистой), 16–17. В «Государеве родословце»

Кн. Иван Федорович Огдыревский умер не позже 1493 г., после чего Огдырев унаследовали его сыновья, Василий и Федор²¹⁷. Вслед за своим двоюродным дядей, кн. Михаилом Романовичем, они приняли решение перейти с литовской службы на московскую²¹⁸. В феврале 1494 г. было официально признано, что кн. Василий и Федор Ивановичи Говдыревские с их «отчиной» служат вел. кн. Ивану Васильевичу. В том же году они жаловались на захват своих людей их дядей, литовским слугой кн. Федором Сухим²¹⁹. В 1495 г., наоборот, литовские Мезецкие жаловались, что московские слуги князя Семена, Михаил Романовичи и Василий Говдыревский согнали их с города, захватив их «долницы», а также челядь и другое имущество. На это вел. кн. Иван отвечал (в марте 1497 г.), что уже приказал своим Мезецким не вступаться во владения их литовских родственников²²⁰.

Наконец, в феврале 1498 г. вел. кн. Александр Литовский передавал в Москву жалобу своих слуг, князей Петра и Федора Федоровичей Мезецких. Те сообщали, что им «въ городѣ и у волостехъ дѣлница во всемъ во Окдыревѣ, и ув Олешнѣ, и въ Руцѣ, и у Бакини, и ув Устьи, и въ Жобыни, и въ Лабодинѣ, и въ Хожци, во всемъ томъ дѣлница была, и въ дятковщини (наследстве кн. Ивана Андреевича Мезецкого. — С. К.)»²²¹. Однако московские слуги, «княгини Окдыревская Алена (очевидно, вдова кн. Ивана Федоровича. — С. К.) и иные князи, братья ихъ, наславши своихъ слугъ на их отчину», захватили 36 человек их слуг, «а у во отчинѣ ихъ и въ дятковщине не хочють имъ дѣлници дати въ городѣ и у волостехъ сполна»²²². Все перечисленные воло-

и «Бархатной книге» кн. Иван «Одыревской» ошибочно назван самым младшим, пятым сыном Федора Андреевича (Родословная книга... Т. I. С. 209–210). Однако существует и вариант родословной, в котором Иван «Гоздыревской» правильно указан на 2-м месте (ВОИДР. Кн. X. С. 243). Этот вариант отразился в двух редакциях родословных книг — Редакции начала XVII в. и Патриаршей (см.: Червякова А. К. Родословные росписи князей Мезецких в составе родословных книг XVI–XVII вв.: текстологический анализ // Электронный научно-образовательный журнал История. 2013. № 5 (28). С. 10).

²¹⁷ В августе 1494 г. московские послы должны были заявить: «А Говдыревъ вотчина государя нашего слугъ, княжа Васильева и княжа Феодорова княжыхъ Ивановыхъ дѣтей Говдыревского» (СИРИО. Т. 35. С. 153).

²¹⁸ Кн. Михаил Романович отъехал в Москву в декабре 1492 г. (СИРИО. Т. 35. С. 81).

²¹⁹ СИРИО. Т. 35. С. 127, 130, 154.

²²⁰ Там же. С. 217, 230. Верительная грамота этому посольству была выдана еще 31 ноября 1495 г.

²²¹ СИРИО. Т. 35. С. 246.

²²² Там же. С. 246–247, 248–249.

сти входили в округу г. Огдырева, а Хостци, по московским данным, были козельской волостью (см. выше). Все они, в качестве волостей кн. Мезецких, упоминаются здесь в последний раз.

Далее мы ограничимся несколькими цитатами — выводами из работы Р. А. Беспалова, сделанными на основании косвенных данных XVI в. «По всей видимости, исконная вотчина огдыревских князей была разорена в конце XV — первой половине XVI в., в период частых набегов крымских татар. Более того, можно думать, что она утратила свою обособленность уже на рубеже XV–XVI вв. и вошла в подчинение соседей». «В частности, из источников известно, что часть огдыревской округи отошла к Белеву». «На примере Жабыни мы видим, что в разделе вотчин мезецких и огдыревских князей участвовали не только белевские князья, но и их одоевские родичи. Может быть, они сообща претендовали на перечисленные выше владения мезецких и огдыревских князей, как на часть некогда утраченной новосильской родовой вотчины? В любом случае, подобные притязания не могли быть реализованы минуя московского государя, который должен был узаконить эту аннексию своей грамотой. Не исключено, что именно на рубеже XV–XVI вв. Иван III закрепил часть огдыревской округи за новосильскими князьями. В это же время здесь могли происходить обмены земель». «Итак, начиная с конца XV в., сразу или поэтапно, белевские князья при участии своих родичей и с одобрения московской великокняжеской власти сумели овладеть новыми территориями, расположенными на левобережье р. Оки, а также обзавестись новыми слугами. Огдыревские же князья, видимо, совсем захудали и не могли оспорить свое право на прежние владения»²²³.

В последний раз кн. Говдыревские как владельцы своих родовых земель упоминаются в октябре 1502 г.: тогда им, вместе с кн. Семеном и Михаилом Мезецкими, было приказано в мезецкой волости Брыни дать корм московским послам в Крым²²⁴. А уже в 1504 г. вел. кн. Иван Васильевич завещал г. Мезецк своему сыну Дмитрию, «со всѣмъ, что к нему потягло, как был за Мѣзетцкими князми»²²⁵. Небольшая ветвь кн. Огдыревских-Мезецких пресеклась, где-то в середине XVI в., на внуках ее основателя — сыновьях кн. Василия Ивановича, которые никакого отношения к Верхнему Поочью уже не имели²²⁶.

²²³ Беспалов Р. А. Исконная вотчина князей Огдыревских и Мезецких. С. 153–154, 155, 157, 158.

²²⁴ СИРИО. СПб., 1884. Т. 41. С. 442, 444.

²²⁵ ДДГ. № 89. С. 360.

²²⁶ Беспалов Р. А. Исконная вотчина князей Огдыревских и Мезецких. С. 153.

Очень краткие выводы настоящей работы сводятся к следующему. Традиционная дата образования Тарусского княжества, 1246 г., является весьма условной. Происхождение кн. Тарусских от Михаила Всеволодовича Черниговского никакими надежными источниками не доказывается, хотя такой вариант в принципе исключать нельзя. Первым достоверным князем Тарусским был Юрий, живший в 1-й половине — середине XIV в. После его смерти Тарусское княжество разделилось на пять уделов: Тарусско-Оболенский, Конинский (из него затем выделился Спашский), Мышецкий, Волконский и Устийско-Огдыревский. Во 2-й половине XIV в. кн. Тарусские были надежными союзниками Московского государства. А в 1392 г. вел. кн. Василий Дмитриевич получил ханский ярлык и на саму Тарусу, однако сохранил княжество за местными князьями, перешедшими в статус служилых. Собственно тарусский стол закрепили за собой представители старшей линии кн. Тарусских — Оболенские. Возможно, именно поэтому владельцы южных тарусских уделов, Волконского и Устийско-Огдыревского, на рубеже XIV–XV вв. перешли на службу в Великое княжество Литовское. Оболенские же, в середине XV в. носившие уже придворные чины московских бояр, потеряли Тарусу между 1462 и 1473 гг. Однако и после этого они, похоже, сохранили суверенные права (неподсудность великому князю) в Оболенской части княжества, которые окончательно потеряли незадолго до 1494 г. Потомки кн. Устийских, Огдыревские-Мезецкие, вернулись на московскую службу в 1494 г., но в 1503/1504 г. утратили остатки своих родовых владений, в значительной степени запустевших.

С. В. Городилин

**КУЛЬТ СВ. ФЕДОРА ЯРОСЛАВСКОГО: СОЦИАЛЬНЫЙ
И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ**

Из множества культов святых русского Средневековья культ Федора Ярославского выделяется рядом значимых особенностей. Во-первых, князь Федор Смоленский и Ярославский и почитаемые с ним его сыновья Давид и Константин входят в так наз. чин святых князей — особую группу святых правителей, наличие которой отличает феномен святости в Древней Руси от Византии, сближая с западнохристианской традицией (в ее центральноевропейском и германском вариантах). Во-вторых, данный культ зарождается, формируется и документируется относительно рано, что позволяет рассматривать этот процесс с опорой на источники, не испытывавшие влияния унифицирующих норм и практик Московской Руси раннего Нового времени. В-третьих, материалы, которые фиксируют возникновение и развитие почитания св. Федора, отличает не только хронологическая близость к моменту появления культа, но и редкие для рассматриваемого периода широта и разнообразие. Помимо летописей и актов, отражающих факты реальной биографии Федора Ростиславича, имеются летописные известия об открытии мощей этого князя и его сыновей, развитая агиографическая традиция, уже за первое столетие существования культа породившая ряд серьезно отличающихся друг от друга редакций Жития Федора, ранние богослужебные тексты, посвященные этим святым, а также выданные как до обретения их мощей, так и после него грамоты, подтверждающие пожалования монастырю, где были похоронены эти князья. Сохранились и иконографические источники — икона и покров на гробнице Федора, Давида и Константина, созданные в пределах полувека после обретения мощей¹. Наконец, к особенностям культа св. Федора можно отнести то,

¹ Икона «Святые князья Ярославские Феодор, Давид и Константин» проих. неизв., ныне в собр. Музея русской иконы (№ ЧМ-462), куда пост. из колл. В.М. Момота, опубл. с датировкой кон. XV в.: Шедевры русской иконописи XIV–XVI веков из частных собраний: Каталог / Под ред. И. А. Шалиной. М., 2009. № 40. С. 218–222; Музей Русской иконы. Восточнохристианское искусство от истоков до наших дней. Т. I. Памятники византийского и древнерусского искусства III–XVII веков. Науч. ред. и сост. каталога, авт. описаний И.А. Шалина. М., 2010. № 4. С. 58–61; по-

что он возникает как региональный², связанный с главным монастырем столицы княжества, не входившего в число крупнейших, и его дальнейшее развитие идет на фоне интеграции социальных структур этого княжества в состав Московского государства. Любопытны и обстоятельства, предопределившие весьма быстрое обретение этим культом уже к середине XVI в. общерусского характера.

Относительная общирность и разнообразие источников, связанных с почитанием Федора Ярославского, предоставляют основу для попытки исследования не только зафиксированных в агиографических текстах ценностей и норм, которые формируют идеальный образ святого, отражая в нем особенности религиозного сознания тогдашнего социума, но и места этого культа в системе социальных коммуникаций, его роли в практиках, определяющих функционирование политической власти, и в процессах социальной интеграции, в конституировании, самоидентификации и во взаимодействии различных социальных общностей конца русского Средневековья.

В историографии темы, так или иначе касающиеся культа ярославского князя, затрагивались либо в контексте реконструкций восприятия древнерусским обществом факта пресловутой «*seigniorial submission*»³, «рабской покорности» татарам своих князей — ханских «служебников» — в связи со сведениями ряда редакций Жития Федора о его тесных политических и семейных контактах с Ордой, либо в рамках национально-государственной парадигмы объединения русских земель вокруг Москвы и создания Русского централизованного государства — в связи с событиями прекращения независимости Ярославского княжества, случившегося в течение года после обретения и прославления мощей святого. Особый исто-

кров с раки св. князей Федора, Давида и Константина Ярославских 1501 г. хранится в ГИМ (РБ № 136/57779). См.: Срезневский И. И. Покров с гробницы князей Ярославских 1501 года // Сб. ИОРЯС. СПб., 1867. Т. 1. № 8. С. 82–88; Грабарь И. Э. История русского искусства. М., 1914. С. 9; Якунина Л. И. Памятник портретного шитья конца XV века // Древнерусское искусство XV — начала XVI веков. М., 1963. С. 264–277.

² Следует учитывать, однако, явную условность предложенного Е. Е. Голубинским (Голубинский Е. История канонизации святых в Русской церкви. М., 1903. С. 41 и далее) четкого разделения почитания святых на «местный в теснейшем смысле слова», «местный в обширнейшем смысле слова» и «общий или общецерковный» (т. е. локальный, региональный и общерусский) уровни, как, собственно, и самого понятия «канонизация» применительно к средневековой Руси.

³ Marx K. Secret diplomatic History of Eighteen Century. London, 1899. P. 78.

риографический сюжет, рассматривавшийся изолированно, — упоминания о св. Федоре в полемике князя Андрея Курбского и царя Ивана Васильевича.

Как самостоятельный феномен культ Федора, Давида и Константина фигурирует в исследованиях рукописной традиции Жития Федора, важнейшего источника по рассматриваемой теме. Результатом длящегося уже более ста лет изучения корпуса текстов, посвященных этим святым, стал ряд чрезвычайно ценных наблюдений и выводов. Вместе с тем следует отметить, что в работах такого рода текстологические и филологические аспекты (последовательность создания и связи редакций, вопросы авторства, стилистические особенности, влияния и источники заимствований) неизбежно оказываются в центре внимания их авторов, в то время как проблематика социального и политического контекста, внутри которого возникают и существуют формы объективации культа — посвященные святому агиографические и богослужебные тексты, пожалования его «дому» различных даров-вкладов, храмы, надгробные сооружения, изображения на иконах, фресках, покровых и произведениях мелкой пластики, — играет, скорее, подчиненную роль. Растущее количество исследований, посвященных частным аспектам культа Федора, Давида и Константина Ярославских или связям с ним иных культов, добавляя ряд важных для изучаемой нами темы фактов, одновременно усиливает несколько мозаичный характер общей картины. Недавние попытки целостного рассмотрения почитания св. Федора в социокультурном или культурологическом аспектах сложно признать удачными из-за внеисторического подхода их авторов, свободно использующих разновременные и разноплановые источники вне источниковедческого анализа⁴.

В настоящее время, когда рукописная традиция Жития Федора благодаря усилиям Г. Ленхофф и Б. М. Клосса в значительной мере изучена и опубликована⁵, а ряд спорных вопросов последнего периода истории Ярославского княжества прояснен в результате исследований

⁴ См.: *Ермолин Е. А.* Святой великий князь Федор Ростиславич Черный, ярославский и смоленский. Взгляд с порога III тысячелетия. Ярославль, 1999; *Юрьева Т. В.* Федор Черный — человек и икона (канонизация ярославских святых в культурно-типологическом аспекте). Ярославль, 2014.

⁵ *Lenhoff G.* Early Russian Hagiography: The Lives of Prince Fedor the Black. Wiesbaden, 1997; *Клосс Б. М.* Житие Федора Ярославского // *Он же.* Избранные труды. М., 2001. Т. II. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI вв. С. 247–330.

В. А. Кучкина и В. Д. Назарова⁶ и публикации новых источников⁷, видится возможным вновь коснуться связанных с культом этого святого вопросов, остающихся спорными. В их число входит проблема основы, на которой возникает культ Федора, — до настоящего времени то, что ему предшествовало или могло предшествовать, описывается гипотетически и несколько расплывчато: упоминаются некие возможные «предания», «традиция», «почитание» и т. д., при этом ни их характер, ни социокультурное пространство их зарождения и бытования не уточняются. Другим важным вопросом видится контекст появления культа: собственно, самого случившегося в 1463 г. в Ярославле открытия мощей, сопровождаемого чудотворением, и возникшего в результате этого почитания святых князей Федора, Давида и Константина, вскоре санкционированного архиереем. Третий комплекс проблем, по которым также нет единого мнения, связан с формированием и развитием культа в первые десятилетия существования, с динамикой этих процессов, а также с территориальными и социальными рамками почитания св. Федора и его сыновей в последней трети XV — первой трети XVI в.

Попыткой наметить пути поиска ответов на эти вопросы в доступной источниками мере является настоящая статья. Толчком к ее появлению стали изыскания, касающиеся происхождения сведений Жития Федора и достоверности содержащейся в некоторых его редакциях уникальной биографической информации о князе. Эта работа также подготовлена к публикации, а ее результаты используются тут в объеме, необходимом для целей данной статьи.

Младший сын смоленского князя Ростислава Мстиславича Федор известен раннему летописанию с 1276 г. Отмечено его присутствие

⁶ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 288–301; Он же. К вопросу о статусе ярославских князей после присоединения Ярославля к Москве // Феодализм в России. М., 1987. С. 219–229; Назаров В. Д. О включении Ярославского княжества в состав Российского централизованного государства // Россия в IX–XX веках: проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С. 293–297; Он же. Рюриковичи Северо-Восточной Руси в XV в. (о типологии и динамике княжеских статусов) // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время). М., 2010. С. 386–387, 420–423, 425; Он же. О включении Ярославского княжества в состав Российского государства // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2015. Вып. 4. С. 51–79 (к сожалению, при подготовке настоящей статьи эта работа была мне недоступна).

⁷ АСЗ. Т. 1. № 312. С. 302–303, 340–341; Зайцев В. В. Монеты Александра Федоровича Ярославского // Московское нумизматическое общество. Нумизматический сборник. М., 2008. № 15. С. 94–103.

в это время на северо-востоке Руси, две поездки в Орду с князьями Ростовского дома и с городецким князем Андреем Александровичем для участия в походах Менгугемира, а также женитьба в 1278 г. в Ярославле сына ростовского князя Глеба Васильковича Михаила на дочери Федора. В 1280 г. Федор Ростиславич после старших братьев наследует отчинный стол в Смоленске. В дальнейшем он как непосредственно, так и через своих представителей управляет Смоленским княжеством (известны выданные там и им лично, и от его имени акты, а также подтвержденный им торговый договор с Ригой и Готландом)⁸. При этом дважды (в 1282 и в 1293/94 гг.) Федор упомянут северо-восточным летописанием в известиях о самых острых эпизодах борьбы за великое княжение между Дмитрием и Андреем Александровичами, где он сыграл важную роль, участвуя в походах Андрея с татарскими ратями на брата.

По версии более поздних источников Федор Ростиславич уже изначально выступает как владетельный князь Ярославля, получив его еще где-то в 50-х — начале 60-х гг. XIII в. благодаря женитьбе на дочери последнего представителя ярославской ветви потомков ростовского князя Константина Всеволодича, Василия, который умер в 1249 г., не имея наследников мужского пола. Этот брак (первый из двух браков Федора), судя по всему, действительно имел место, но характер отношения смоленского князя к столу Ярославского княжения, как видится, представляет некоторую проблему⁹. Во всяком случае, ранние летописи о его вокняжении в Ярославле прямо сообщают лишь после того, как Андрей Александрович и Федор при помощи Дюдены изгнали великого князя Дмитрия, — под 1294 г., тем же, когда умирает сын Федора Александр, внук Василия Ярославского¹⁰. В дальнейшем Федор Ростиславич по-прежнему близок к утвердившемуся на великокняжеском столе Андрею и, вероятнее всего, уже постоянно пребывает на Северо-Востоке. В 1297 г. племянник Федора Александр «некой лостью» захватывает у дяди власть в Смоленске. Военный поход того к городу оказывается безуспешным, а 19 сентября 1299 г. Федор, при-

⁸ Смоленские грамоты XIII–XIV веков. М., 1963. С. 20–25, 62–67.

⁹ Значимые наблюдения Г. Ленхофф и Дж. Мартин по поводу получения Федором Ярославля, которое еще А. Е. Пресняков оценил как «совсем не обычное», см.: *Lehnhoff G., Martin J. Smolensk after the Mongol Invasions: A Reconstruction // Die Welt der Slawen. LIX (2014). Heft 1. P. 124–127*. Сердечно благодарю проф. Г. Ленхофф за предоставленную возможность ознакомиться с текстом статьи в момент ее публикации, а также за ряд ценных замечаний по поводу настоящей работы.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Стб. 483, 527.

няв перед смертью постриг и схиму, скончался в Ярославле. Власть там переходит к его сыну Давыду, затем — к внуку Василию. Их потомки владеют этим княжеством до конца его существования, уже не претендуя на утраченную ставшим родоначальником новой ярославской династии Федором Ростиславичем Смоленскую землю. В целом образ Федора, как он вырисовывается по ранним известиям, — это князь весьма политически активный, даже агрессивный (что, видимо, предопределял и его невысокий семейный статус младшего сына), но далеко не всегда удачливый.

Под 1463 г. московские летописцы сообщают о происшедшем в монастыре Спаса в Ярославле обретении мощей Федора и его детей (Давыда и до того неизвестного источникам Константина), сопровождаемом чудотворениями¹¹. Событие относится ко времени правления последнего ярославского князя Александра Федоровича (1436–1463), праправнука Давыда Федоровича. Памятники, отразившие великокняжеское летописание 1470-х гг. (Московский свод конца XV в., Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи), и дошедший в составе Софийской II и Львовской летописей свод 1480-х гг. содержат две более пространные версии рассказа о случившемся (далее МС и СП-Льв), различающиеся рядом деталей¹². В Ермолинской летописи (далее Ерм) краткое известие о событии сопровождается уникальным комментарием: чудотворцы явились не на добро «всѣмъ княземъ Ярославскимъ», ибо тем пришлось навек проститься со своими вотчинами, передав их великому князю Ивану Васильевичу и получив взамен «волоости и села». После этого представитель Ивана, иронически названный явившимся в том же граде Ярославле «новым чудотворцем», отнимает у местных бояр и детей боярских лучшие села и деревни, отписывая их вотчины и даже их самих «на великого князя»¹³.

Ярославское княжество действительно, как ныне установлено, не позднее марта следующего, 1464 г. уже перешло во владение великого князя Московского. Однако за членами утратившей власть над столичным центром корпорации князей Ярославских и весьма долгое время спустя сохранялись значительные отчинные земли в пределах их бывшего княжения¹⁴. В границах этих родовых вотчин

¹¹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 456; Т. 23. С. 157.

¹² ПСРЛ. Т. 25. С. 278; Т. 26. С. 221; Т. 27. С. 123; Т. 6. Ч. 2. Стб. 159–162; Т. 20. С. 276–278.

¹³ ПСРЛ. Т. 23. С. 157–158.

¹⁴ *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве в XVI веке М., 1897. С. 162–171; *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в Древней Руси (XV–XVI вв.) М., 1985. С. 53–56; *Кучкин В. А.* К вопросу о статусе

они по-прежнему обладали княжескими правами в объеме, порой позволяющем даже, пользуясь выражением В.Д. Назарова, говорить об элементах суверенитета в его «внутреннем измерении». Одновременно представители клана быстро обретают вес при дворе великого князя: начиная с конца 1460-х гг., а в 1480–90-х гг. уже практически постоянно, отмечаются все более статусные военные и административные назначения князей из различных линий и ветвей рода. В 1487 г. сын последнего владетельного князя Ярославля Александра Федоровича Данила Александрович Ярославский (Данила Пенко) упомянут как владелец весьма престижного объекта — двора в московском Кремле, а в перечне высшей знати Руси, сопровождавшей государя в поездке 1495 г. в Новгород, названы целых 15 потомков св. Федора, в их числе боярин князь Семен Романович и дворецкий князь Петр Васильевич Великий¹⁵. В первые десятилетия XVI в. эта тенденция сохраняется, ее венцом стало свойство князей Ярославских с великим князем: в 1527 г. за сына князя Данилы Александровича Ивана Пенкова была выдана великокняжеская свояченица Марья¹⁶, чрезвычайно серьезную роль сыграло потомство Федора (тот же И. Д. Пенков, М. И. и И. И. Кубенские, М. М. Курбский и др.) и в 1530–1540-х гг.¹⁷

Возникший в результате событий 1463 г. в монастыре Спаса култ князей Федора, Давида и Константина получает признание со стороны ростовского архиепископа, в епархию которого входил Ярославль (в рассказе СII-Льв «О проявлении мощемъ чудотворцев ярославских» описаны сопутствовавшие этому коллизии). В появившихся не позже конца 1470-х гг. известиях московского летописания о прославлении мощей весной 1463 г. добавлено, что их почитание продолжается в

ярославских князей после присоединения Ярославля к Москве. С. 223–226; Назаров В. Д. Рюриковичи Северо-Восточной Руси в XV в. ... С. 425; Он же. О включении Ярославского княжения в состав Российского государства. С. 51–79.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 323; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 24, 25; Назаров В. Д. О титулованной знати России в конце XV в. (Рюриковичи и Гедиминовичи по списку Двора 1495 г.) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000. С. 202–203; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 84–97.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 8. С. 272.

¹⁷ Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957. С. 292–305; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России... С. 90–97. См. также: Кром М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010.

Ярославле «и до сего дне»¹⁸. В 1468/69 г. уже существует служба св. Федору, пишется и его Житие¹⁹. Чрезвычайно лаконичная первоначальная редакция (Проложная краткого вида, далее ПКр) в скором времени расширяется и дополняется, создаются новые тексты. Ко времени известных мероприятий середины XVI в., связываемых с именем митрополита Макария, культ Федора и его сыновей уже обретает общерусское признание, посвященные им агиографические и гимнографические произведения входят в сборники, посвященные «новым чудотворцам», и в Великие Минеи Четии (далее ВМЧ), в число «новоявленных святых» они включены и в Царском помяннике 1557 г., наконец, особая редакция Жития создается для Степенной книги (далее СК)²⁰. Но уже от первой половины столетия дошли известия о поклонении мощам этих святых великих князей во время посещений города, а в целом ряде рукописей того времени, в том числе и в возникших и бытовавших за пределами Ярославля, названы дни празднования памяти Федора, Давида и Константина и встречаются списки Жития Федора²¹.

Факты, таким образом, позволяют составить убедительную картину формирования культа ярославских святых, с течением времени обретающего общерусский характер. Но эта картина, будучи весьма

¹⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 278; Т. 26. С. 221; Т. 27. С. 123. В Ерм и в Московском своде конца XV в. несколько отличная вставка о совершающихся «и нынѣ» чудесах и исцелениях от мощей князя прибавляется к известию 1299 г. о кончине Федора: ПСРЛ. Т. 23. С. 95; ПСРЛ. Т. 28. С. 64.

¹⁹ *Lenhoff G. Early Russian Hagiography... P. 125–126; Клосс Б. М. Житие Федора Ярославского. С. 252–257.*

²⁰ Россия и греческий мир в XVI веке. М., 2004. Т. 1. № 91. С. 215; СКЦР. Т. 1. С. 550–559.

²¹ Напр.: Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ / Сост. Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина, И. В. Поздеева // Книжные центры Древней Руси: Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. № 2, 52, 85, 94, 102, 114, 132, 147, 148, 154, 160, 165, 255, 276, 295, 298, 309, 410; РГБ. Ф. 113. № 490, 640 (Клосс Б. М. Житие Федора Ярославского. С. 301, 305). При этом среди русских святых, добавленных в «Канунникъ Иосифовъ», Федора нет, точно датированный вклад рукописи с памятью ярославских чудотворцев относится лишь к 1518/19 г., а наличие в обители их иконы зафиксировано Описью 1545 г. На этом основании относит установление в монастыре почитания Федора, Давида и Константина лишь ко второй пол. XVI в. А. Г. Мельник. См.: Мельник А. Г. Русские святые, почитавшиеся в Иосифо-Волоколамском монастыре в конце XV – XVI в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (58). Ч. III. С. 138, 139. См. также: *Lenhoff G. Early Russian Hagiography... P. 131–146.*

обобщенной, оставляет открытыми ряд важных вопросов, связанных с почитанием Федора и его сыновей: что способствовало возникновению культа, какими были его предпосылки и как он соотносится с другими культами святых князей, связано ли каким-то образом его рождение с происходящим сразу после этого прекращением независимости Ярославля и власти в нем потомства Федора Ростиславича, как происходило и чем было обусловлено развитие и распространение культа в географическом и социальном пространстве Московской Руси, отразил ли сам култ какие-то связанные с этим обстоятельства.

К настоящему времени сформулировано несколько концепций, описывающих предполагаемый механизм зарождения и становления культа первых ярославских чудотворцев. Российская дореволюционная историография не касалась этой проблемы напрямую, по тем или иным причинам останавливаясь перед *sacrum* и лишь осторожно предполагая некое предшествующее чудесному прославлению мощей почитание князя уже как святого. Об этом свидетельствует и мнение об очень раннем создании краткого проложного жития Федора (т. е. ПКр) — в XIV в., сразу после его кончины, задолго до открытия мощей: очевидно, что появление житийной статьи в Прологе вряд ли было бы возможно без разделяемого сообществом верующих устойчивого представления о святости ее героя²². Впрочем, каких-то свидетельств существования такого почитания и его религиозного характера так и не было предложено.

В советский период, напротив, появляется гипотеза об «исходящей из среды сепаратистски настроенных кругов (светских и духовных)» «циничной фальсификации» чудотворений в политических целях, опирающаяся на хронологическую близость появления культа — обретения в 1463 г. мощей родоначальника князей Ярославских — с последовавшей тогда же утратой власти его потомками. Такая интерпретация, разумеется, не предполагала наличия религиозного почитания Федора в предшествующее время, напротив, случившееся оценивалось как «искусственное культивирование памяти старых ярославских князей», которые при жизни «ничем не были замечательны и не дали ни малейшего повода для своей канонизации»²³.

²² Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 171; Серебрянский Н. М. Древнерусские княжеские жития (обзор редакций и тексты). М., 1915. С. 222–225, 234; Голубинский Е. История Русской церкви. Период второй, Московский. М., 1917. Т. 2. Ч. 2. Вып. 1. С. 591.

²³ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 827; Алексеев Ю. Г. Под знаменами Москвы. Борьба за единство Руси. М., 1992. С. 60.

Впрочем, основой гипотезы о политической подоплеке обретения мощей видятся не столько источники, которые не содержат каких-либо ее подтверждений²⁴, сколько господствовавший тогда в восприятии взаимосвязи религиозного, социального и политического контекстов в эпоху Средневековья дискурс, нашедший выражение в фильме Я. А. Протазанова «Праздник святого Йоргена» (1930). Сейчас эту точку зрения принять сложно: даже в самых ранних редакциях Жития и в летописных сообщениях не обнаруживается никаких политико-идеологических («сепаратистских», анти- или, напротив, промосковских) коннотаций, позволяющих рассматривать «пропаганду политического возвышения Ярославского княжества» как возможный мотив возникновения культа²⁵. При этом московские власти, и церковные, и светские, никогда не выражали сомнений в правомерности почитания св. Федора и не видели в нем помехи интересам Москвы. Иначе нельзя объяснить быстрое появление известий московских летописцев о новых чудотворцах, причем только в позитивном контексте. Источников, позволяющих судить о том, как утрату княжения переживали сами ярославские князья, не имеется, но в любом случае о военно-политических или хотя бы пропагандистских актах сопротивления с их стороны ничего не известно. Напротив, имеющиеся данные свидетельствуют, что передача власти была в той или иной мере возмездной и прошла без эксцессов и без применения силы. Иначе стала бы невозможна и столь быстрая и блестящая карьера этих князей при московском дворе.

В начале 1990-х гг. была предложена несколько иная концепция, предполагающая проявление политического подтекста, во всяком случае, в смене отношения к культу св. Федора со стороны Москвы²⁶. Ее базой стала гипотеза о двух этапах в восприятии культа московскими

²⁴ В летописном рассказе «О проявлении мощем...» упомянуты сомнения церковных властей в истинности культа, но предполагаемый инициатор открытия мощей — настоятель монастыря — подозревался в «волшестве» и в корыстных, но никак не политических мотивах: ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 159, 162; Т. 20. С. 277. Даже предположений об этом не содержит и комментарий в известии Ерм: ПСРЛ. Т. 23. С. 157–158.

²⁵ По поводу концепции Л. В. Черепнина см. также: *Lenhoff G. The Ermolin Chronicle Account of Prince Fedor the Black's Relics and Annexation of Jaroslavl' in 1463 // Russian History. Vol. 19. № 1–4. P. 155–168.*

²⁶ *Назаров В. Д.* Рассказы об открытии мощей ярославских князей в летописи XV в. // ИКРЗ. 1991. Ростов, 1991. С. 11–14; *Он же.* Ликвидация самостоятельности Ярославского княжества и первые годы правления Ивана III // Чтения памяти В. Б. Кобрин. Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. М., 1992. С. 131–134.

властями: первого, между 1463 и 1467 гг., когда архиепископ Трифон подвергает сомнению действительность чудес и не одобряет почитания мощей Федора, Давида и Константина, а Москва не вмешивается в происходящее²⁷, и второго, начиная с 1467 г., когда Ярославль вошел в состав великого княжения, в результате чего святость чудотворцев обрела признание и поддержку Москвы, а для ранее усомнившегося в них Трифона это стало «одним из мотивов» оставления им кафедры²⁸. Соответственно, предполагалось, что в статье Ерм о прославлении мощей ярославских святых и об утрате ярославскими князьями отчинного княжения под 1463 г. объединены разновременные факты. Само же решение о признании чудотворений будто бы было именно в 1467 г. принято московскими духовными и светскими властями, в общественно-политическом плане став частью «программы укрепления самостоятельности московской метрополии» и «необходимого процесса создания пантеона русских святых»²⁹.

Основой этого построения было, однако, мнение о подчинении Ярославля Москвою не в 1463 г., а позже, лишь около 1466–1467 гг.³⁰ Но после публикации великокняжеской грамоты марта 1464 г., где город уже именуется «нашей вотчиной», эта гипотеза была вполне обоснованно отвергнута³¹. Следует указать, что в результате исчезла не только опора для идеи о двух этапах в отношении Москвы к этим чудотворцам: именно на не подтвердившейся гипотезе главным образом была основана и оценка дошедшего в Лъв и СИ рассказа «О проявлении мощемъ...» как наиболее достоверного из имеющихся. То, что он разделен на две части, помещенные в статьи 1463 и 1467 гг., соответствовало предлагавшейся в гипотезе о позднем присоединении Ярославля хронологии. Теперь же мнение о том, что именно этот рассказ, восходя-

²⁷ Предполагалось даже, что за «рационалистически мыслящими противниками» культа напрямую стояла Москва и «сам великий князь». См.: *Алексеев Ю. Г.* Под знаменами Москвы... С. 62.

²⁸ *Назаров В. Д.* Ликвидация самостоятельности Ярославского княжества и первые годы правления Ивана III. С. 134. См. также: *Алексеев Ю. Г.* Под знаменами Москвы... С. 68.

²⁹ *Назаров В. Д.* Ликвидация самостоятельности Ярославского княжества и первые годы правления Ивана III. С. 134.

³⁰ Первым это предположил В. С. Шульгин: *Шульгин В. С.* Ярославское княжество в системе Русского централизованного государства в конце XV — первой половине XVI в. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1958. № 4. С. 6; затем это мнение было поддержано Л. В. Черепным: *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. С. 828.

³¹ *Назаров В. Д.* О включении Ярославского княжества в состав Российского централизованного государства. С. 293–297.

щий к не связанному с великокняжеским летописанием московскому своду 1480-х гг.³², наиболее «точно отражает последовательность и логику событий», а также реальную дату подчинения Ярославля и «изменение политического фона», предопределившее перемены в отношении к культу Федора и его сыновей³³, также приходится пересмотреть.

Это, в свою очередь, вынуждает затронуть вопрос о степени достоверности имеющихся летописных сообщений об обретении мощей первых ярославских святых. Б. М. Клосс, специально рассмотрев рассказ СII-Льв «О проявлении мощем...», обосновал его первичность по отношению к Антониевской редакции Жития (далее Ант), где он был использован³⁴. Нерешенной, однако, осталась проблема сопоставления двух существующих версий повествования об обстоятельствах открытия мощей: этого пространного рассказа и второго, более краткого известия о том же событии московских великокняжеских сводов 1470-х гг. (МС), хотя на серьезные расхождения между ними указал еще Е. Е. Голубинский³⁵.

Ряд фактов свидетельствует о том, что сам автор рассказа СII-Льв, скорее всего, не был непосредственно знаком с реальными обстоятельствами прославления мощей³⁶. Неоднократно отмечено, что он считает св. Константина не сыном, а внуком Федора³⁷. Ни один из прочих источников, в том числе связанных с Ярославлем и хронологически близких к событию, такой версии происхождения князя не содержит. При включении рассказа «О проявлении мощем...» в последующие редакции Жития эта ошибка была исправлена³⁸. Согласно рассказу, останки Федора и его сыновей уже изначально покоятся в помещении самой церкви «на верхъ земли» и при этом лежат «въ од-

³² Об этом памятнике см.: *Шахматов А. А.* Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси Северо-Восточной». СПб., 1899. С. 21, 41–48; *Насонов А. Н.* Летописные памятники Тверского княжества // *Известия АН СССР. Сер. VII. Л.*, 1930. № 9. С. 714–721; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 229–239; *Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Летописные источники XV века о строительстве московского Успенского собора // *История и реставрация памятников Московского Кремля. М.*, 1989. Вып. VI. С. 30–38.

³³ *Назаров В. Д.* Ликвидация самостоятельности Ярославского княжества и первые годы правления Ивана III. С. 134.

³⁴ *Клосс Б. М.* Житие Федора Ярославского. С. 285–288.

³⁵ *Голубинский Е.* История канонизации святых в русской церкви. С. 77. Прим. 2.

³⁶ Альтернативное мнение см.: *Lenhoff G.* Early Russian Hagiography... P. 75–82.

³⁷ *Назаров В. Д.* Рассказы об открытии мощей ярославских князей в летописи XV в. С. 13; *Клосс Б. М.* Житие Федора Ярославского. С. 286.

³⁸ *Клосс Б. М.* Житие Федора Ярославского. С. 286.

номъ гробѣ» (Льв) или «в новом гробе» (СII) открыто, на виду у молящихся³⁹. Игумен монастыря без явных причин почему-то решает положить их «с честью» в землю «на том же месте», при подготовке к чему и начались чудотворения. Все это очень необычно и не дает понять, в чем, собственно, состояли обстоятельства самого обретения мощей. Предлагалось даже весьма искусственно выглядящее объяснение, что те были извлечены еще «когда-то», за какое-то время до 1463 г., лишь «в чаянии их прославления чудотворениями», а затем эти чаяния, вероятно, игумен счел напрасными⁴⁰. Впрочем, при обращении к более краткому, но не менее (а скорее, даже чуть более) раннему сообщению о том же событии МС недоумения легко проясняются: мощи обретенны «цѣлы вси и ничимъ же врежены» в церковном подклете, и уже «оттоля с великой честью» по указанию архимандрита Христофора принесены «в храмъ великого Спаса», а только затем положены в один гроб, после чего и начинают происходить чудеса⁴¹. Именно версия МС, на что указали А. В. Яганов и Е. И. Рузаева, сочетается и с архитектурной историей храма, недавно уточненной: извлечение останков князей, покоившихся в подклете, возможно связать с ремонтом после случившегося пожара, который по упоминанию в акте может датироваться началом настоятельства Христофора, т. е. временем незадолго до апреля 1463 г.⁴² Интересно также, что согласно рассказу «О проявлении мощемъ...» ростовский епископ (на самом деле — архиепископ) Трифон, узнав о чудесах и сомневаясь в их истинности, посылает «дозрѣти» мощи своего протопопа Константина. За сомнения архиерей наказан болезнью и покидает кафедру, уходя в Спасский монастырь каяться чудотворцам, болезнью наказан и не проявивший почтения к мощам Константин. По версии СII-Льв все это происходит в 1467 г. При этом чудеса, о которых узнал Трифон, датируются в тексте апрелем, маем и июнем

³⁹ Прецедент помещения в 1508 г. останков великого князя Юрия Дмитриевича и его сыновей Василия Косого и Дмитрия Красного в один гроб не может служить параллелью: произошло обычное перезахоронение при перестройке здания, и летопись объясняет это решение именно тем, что кости не сохранились в анатомическом порядке, а перемешались.

⁴⁰ *Голубинский Е.* История канонизации святых в русской церкви. С. 76.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 278; Т. 28. С. 117, 285.

⁴² *Яганов А. В., Рузаева Е. И.* К вопросу об истории Спасского собора Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле // Археология: история и перспективы. Вторая межрегиональная конференция. Ярославль, 2006. С. 376–377. Именно с перестройкой храма связывала обретение мощей и Е. М. Караваева. См.: *Караваева Е. М.* Собор Спасского монастыря в Ярославле (исследование и реставрация) // Архитектурное наследство. М., 1963. № 15. С. 40.

без указания года, и, в соответствии с годовой статьей, где они помещены, речь явно идет о 1463 г., в марте которого мощи и были извлечены, после чего начались чудотворения. Однако с учетом расстояния между Ярославлем и Ростовом (менее дня пути) странно думать, что архиерей четыре года сомневался в случившихся в соседнем городе епархии чудесах, все это время лишь собираясь разрешить вопрос о них. Более вероятно, что автор рассказа произвольно включил его вторую часть в уже имевшуюся у него летописную статью 1467 г., где прежде читалось лишь присутствующее в других московских сводах краткое известие об оставлении Трифоном кафедры⁴³. Характерно и то, что в рассказе «О проявлении мощемъ...» вместо известного всем источникам спасского архимандрита Христофора действует безымянный «игумен», а по поводу отношения к Ярославлю Трифона уточняется — «иже в его еп(и)с(ко)пѣи тои град». Еще одна деталь: согласно рассказу, в совещании с игуменом о том, как поступить с останками князей, участвуют «всѣ с(вя)щ(ен)ницы соборных ц(е)рквей въ Ярославли». Однако данных о наличии в Ярославле подобной Пскову или Новгороду соборной организации⁴⁴, или нескольких соборов, как в Москве (где, по мнению исследователей, и создавался отраженный в СII-Льв свод 1480-х гг.), не имеется: в городе в то время лишь одна соборная церковь, Успения (именно ее священник упомянут в известии о первом чуде от мощей).

Все это заставляет думать, что автор версии сообщения о проявлении мощей СII-Льв не связан с Ярославлем и не был очевидцем событий, лишь ознакомившись с рассказом о происшедшем. Он явно располагал текстами — вероятно, кратким известием об этом московского летописания, уже существовавшим во время его работы над летописцем⁴⁵, например, записью случившихся в первые месяцы после обретения мощей чудес у гроба святых, полностью внесенной им в ста-

⁴³ ПСРЛ. Т. 25. С. 279; Т. 27. С. 123; Т. 28. С. 117, 286. То, что единое повествование было разбито по годам лишь при включении в летописные статьи, предположил еще В. О. Ключевский. См.: *Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник*. С. 171. Прим. 2.

⁴⁴ О соборных структурах в городах средневековой Руси см.: *Мусин А. Е. Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование*. СПб., 2010. С. 111–203.

⁴⁵ О дате создания памятника см.: *Насонов А. Н. Летописные памятники Тверского княжества*. С. 714–721; *Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв.* С. 237; *Клосс Б. М., Назаров В. Д. Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. // Древнерусское искусство XIV–XV вв. М., 1984. С. 302–306; Они же. Летописные источники XV века о строительстве московского Успенского собора. С. 30.*

тью 1463 г. и, вероятно, кратким известием об этом московского летописания, уже существовавшим во время его работы над летописцем⁴⁶. Кроме того, как заметил Б. М. Клосс, при создании отрицательного образа протопопы Константина в рассказе «О проявлении мощемъ...» привлечено описание Митяя-Михаила из Повести о Митяе⁴⁷. В отношении автора того летописца второй половины — конца 80-х гг. XV в., где впервые появился этот дошедший в составе СП-Льв рассказ, видится убедительным мнение о его близости к московскому кремлевскому клиру⁴⁸. Возможны разные гипотезы о причинах неприязни автора рассказа «О проявлении мощемъ...» или его информантов к архиепископу Трифону, чья карьера связывалась с грехом клятвопреступления, взятому им на себя в Кириллове монастыре, когда Василий Васильевич решил вернуться к борьбе за власть. Значимым тут может оказаться и то, что отрицательные герои рассказа Трифон и Константин были близки к великому князю Василию и так же, как и его предполагаемый автор, имели отношение к кремлевскому церковному сообществу: Трифон перед поставлением в Ростов занимал (как и когда-то Митяй-Михаил) пост архимандрита у Спаса на Бору, а Константин часто приглашался великим князем в Москву для участия в праздничных службах в Успенском соборе⁴⁹. В любом случае, негативно настроенный к ним автор рассказа СП-Льв хронологически и пространственно отдален от описываемых им ярославских событий, а возникающие у него расхождения с более точной передачей отдельных деталей обретения мощей в лаконичном известии МС заставляют предположить наличие в богатом интересными подробностями рассказе ощутимых элементов ретроспективной реконструкции.

Добавим также, что архиерей, разумеется, мог (и был должен) выяснить обстоятельства, связанные с происходящими в его епар-

⁴⁶ Об использовании автором этого летописца различных документальных источников см.: *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII в. Очерки и исследования. М., 1969. С. 374–376; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. С. 235, 237; *Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига в летописании конца XV в. С. 309, 311; *Они же.* Летописные источники XV века о строительстве московского Успенского собора. С. 37–38.

⁴⁷ *Клосс Б. М.* Житие Федора Ярославского. С. 287.

⁴⁸ *Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Летописные источники XV века о строительстве московского Успенского собора. С. 30–38. См. также: *Кистев С. Н.* К реконструкции протографов Софийской второй и Львовской летописей // ВИД. Т. XXIX. СПб., 2005. С. 406–407; *Он же.* Эпизод истории частного московского летописания XV в. // Летописи и хроники. Новые исследования. 2008. СПб., 2008. С. 152–171.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 161; Т. 20. С. 277; Т. 23. С. 185.

хии чудесами от мощей и началом их почитания, но предполагаемая с опорой только на этот рассказ его долгая и стойкая непримиримость к новому культу вызывает сомнения. С учетом того, что вскоре после оставления кафедры Трифон ушел на покой именно в монастырь Спаса в Ярославле⁵⁰, а подтверждений тому, что он сохранял настороженное отношение к почитанию Федора и после миссии Константина, нет даже в рассказе СП-Льв, сложно поддержать датировки, базирующиеся лишь на этом предположении⁵¹.

Подводя итог, отметим, что последовательность и хронологию событий в летописном рассказе «О проявлении мощемъ...», предполагающие два этапа возникновения культа Федора, Давида и Константина, в 1463 и 1467 гг., трудно признать достоверными, что вынуждает отвергнуть и основанную на гипотезе об этих этапах модель взаимосвязи становления культа с событиями политической истории Ярославля и ярославско-московских отношений, и идею о деятельном участии в признании возникающего культа московских светских и духовных властей (мнение о «канонизации» Федора с сыновьями митрополичьей кафедрой, звучавшее еще в XIX в., основано на отсутствующем в ранних редакциях и появляющемся только в Ант заголовке о создании Жития по благословению митрополита — в ранних списках его имя опущено, в более поздние иногда вносилось имя Филиппа или Ионы — и по воле великого князя и его наследника, почти дословно заимствованном из широко использовавшегося агиографом Жития митрополита Алексия, оттуда же, как указал Б. М. Клосс, происходит и известие, что слава о чудесах Федора дошла и до великого князя⁵²).

Таким образом, к настоящему времени обе концепции, увязывающие рождение культа ярославских святых князей с теми или иными обстоятельствами финала истории Ярославского княжения, выглядят утратившими свои основания. Однако взамен неизбежно возвращается мнение о некоем предшествовавшем обретению мощей почитании Федора с сыновьями — очевидно, уже как святых. Впервые в развернутом виде его сформулировал в 1931 г. Г. П. Федотов, а не так давно оно было поддержано Г. Ленхофф.

Г. П. Федотов с опорой на уже опубликованные тексты житий русских святых и на имевшиеся текстологические и церковно-исто-

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 23. С. 186, 188.

⁵¹ См., например: Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 150–151; Он же. Житие Федора Ярославского. С. 256–257; Lenhoff G. Early Russian Hagiography... P. 74–75.

⁵² Серебрянский Н. М. Древнерусские княжеские жития... С. 230; Клосс Б. М. Житие Федора Ярославского. С. 290.

рические труды предпринял попытку рассмотрения русской святости «в ее истории и ее религиозной феноменологии» и выявления ее специфичных свойств по отношению ко всему христианскому миру⁵³. Для исследуемой нами темы важны сделанные в этой работе, чрезвычайно масштабной по поставленным ее автором задачам и определенной как «черновой набросок, скорее, программа будущих исследований»⁵⁴, общие наблюдения по поводу русского «чина» святых князей. Ценнейшими из них видятся указания на то, что святые князья Руси типологически не тождественны святым царям и царицам Византийской империи, но при этом находят близкие параллели в структуре пантеона Сербской церкви, и на аналогии с «романо-германским Западом» и с его культом «святых королей и феодальных рыцарей»⁵⁵. Чрезвычайно интересна, хотя и почти не раскрыта в тексте исследования мысль о роли городских общин в формировании княжеских культов: их «греческой почвой [...] опорой в традиции была идея малой родины, города — polis», именно такую роль играет Солунь в Чудесах Дмитрия Солунского, готового погибнуть или спастись только вместе со своим городом⁵⁶. Указано также на близость святых князей к «сонму блаженноусопших»: «усопшие молятся за живых, им близких; усопшие князья за свою вотчину [...] Молитва святых лишь более действенна»⁵⁷. Отмечено, что святых князей, пользовавшихся общерусским почитанием до эпохи митрополита Макария, было весьма немного: в их числе, помимо Владимира и Ольги, а также Михаила Черниговского, названы лишь Федор, Давид и Константин Ярославские⁵⁸. С учетом того, что, по мнению Г. П. Федотова, почитание на Руси святых князей, начавшееся с Бориса и Глеба, к концу XV в. уже прекращается⁵⁹, быстрое обретение столь высокого статуса

⁵³ Федотов Г. П. Святые Древней Руси. Париж, 1989. 4-е изд. С. 5–7.

⁵⁴ Там же. С. 7.

⁵⁵ Там же. С. 73–74. На отсутствие подобной группы в византийской агиографии и на ее наличие в «югославянской письменности», не оказавшее, однако, влияния на развитие русской традиции княжеских житий, указывал и Н. М. Серебрянский. См.: *Серебрянский Н. М.* Древнерусские княжеские жития... С. 286.

⁵⁶ Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 89.

⁵⁷ Там же. С. 93.

⁵⁸ Там же. С. 88. Судя по тому, что не упомянуты Борис и Глеб, Г. П. Федотов тут не вполне точно следует за Е. Е. Голубинским. Ср.: *Голубинский Е.* История канонизации святых в Русской церкви. С. 90.

⁵⁹ Федотов Г. П. Святые древней Руси. С. 72. Очевидно, имелось в виду прекращение появления новых княжеских культов, хотя, как сейчас очевидно, они интенсивно возникают и в XVI в.

ярославскими чудотворцами выглядит особенно любопытным, но эта проблема не привлекла внимания ученого.

Кроме того, в работе была предложена типология княжеской святости: выделены группы князей равноапостольных, князей-инок, князей-страстотерпцев и князей, прославленных своим общественным служением (далее именуемых также «князьями — воителями за русскую землю»)⁶⁰. Впрочем, первую группу составили лишь Владимир и Ольга, князей-инок предложено рассматривать в числе прочих преподобных, а вдобавок к двум оставшимся группам выделено еще и «большинство святых князей», не имеющих ни житий, ни биографий и, несмотря на это, видимо, также включаемых в число прославленных служением обществу. Место Федора Ярославского в этой классификации, однако, представляет явную проблему: его никак нельзя отнести к страстотерпцам, к воителям за русскую землю или к святым князьям, сведений о жизни которых не дошло. При этом и тему служения обществу, и тему иночества также сложно считать центральными для его Жития, первые версии которого ограничиваются лишь рассказом о пострижении князя и его кончине на следующий день⁶¹.

⁶⁰ Там же. С. 74 и далее. Это классификация опирается на деление Н. М. Серебрянским княжеских житий на литературные группы: жития мученические, жития в стиле воинских повестей и героических сказаний, жития равноапостольных князей, преподобнические и преподобническо-княжеские жития. См.: *Серебрянский Н. М. Древнерусские княжеские жития...* С. 288–290.

⁶¹ Столь же проблематично в случае с Федором и, к примеру, применение типологии святых правителей Ф. Грауса (*Graus F. Volk, Herrscher und Heiliger im Reich der Merowinger. Studien zur Hagiographie der Merowingerzeit. Praha, 1965. S. 428–432*): князь не пал в битве и не стал жертвой предательства близких, не был мучеником или страстотерпцем, маловероятно и восприятие князя, чье иночество, согласно Житию, длилось сутки и о чьем аскетизме ничего не известно, как осознанно отвергшего мирскую власть аскета, вариант, при котором он запомнился бы благодаря особенностям своего княжения как идеальный правитель, тоже приходится отклонить, поскольку эти особенности никак не отражены в памяти о Федоре на момент обретения мощей.

Опора при классификации на образцы, которым следуют герои житий (*imitatio Christi, imitatio apostoli, imitatio angeli* etc.), также не вполне удобна в нашем случае: тема апостольства и подобию Константину Великому в Житии не звучит, но специально отмечаемое (см.: *Lenhoff G. Early Russian Hagiography... P. 58, 63 и др.*) уподобление пути Христа (более традиционное для житий князей-страстотерпцев) уравновешено уподоблением ставшего схимником князя ангелам.

Следует согласиться с Т. Р. Руди, отмечающей, что топика житий русских благоверных князей, несмотря на обширность посвященной этому агиоло-

В качестве решения этой проблемы Г. П. Федотовым следует, видимо, принять его общую концепцию формирования культов святых князей: основой для нее главным образом стали как раз сведения о зарождении почитания ярославских чудотворцев, позволяющие «наблюдать этот процесс со всеми подробностями»⁶². По предложенной схеме культы святых князей выделяются в Древней Руси «из общего почитания княжеских гробниц, из национального культа предков»⁶³. Согласно ученому, «повсюду в старых стольных городах, в склепах или притворах соборов народ благоговейно чтит гробницы древних князей, в которых видел защитников родного города, к которым обращался в годину военной грозы. Имена небесных заступников сохранила гробница, но о деяниях их иногда ни память стариков, ни летописи не могли открыть ничего»⁶⁴. Могила часто была и единственной основой возникновения культа святого: «не из живой памяти о личности, а из немой гробницы» вырастало почитание почти ничем или совсем ничем не известного князя, и только «совершавшиеся над нею чудеса указывали на святость почившего»⁶⁵. По мнению Г. П. Федотова, «на земле древняя Русь видела в святых князьях по преимуществу общих предков, общих заступников, избранных представителей мирянской святости»⁶⁶.

Сложность для применения этой концепции состоит в ее весьма обобщенном и вневременном характере. И повсеместность почитания княжеских гробниц, и его всенародность, и само существование

гическому типу литературы, требует дополнительного изучения: Руди Т. Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография. Исследования, публикация, полемика. СПб., 2005. С. 63 и далее, см. также прим. 21. Кроме того, отмеченное В. И. Охотниковой (Охотникова В. И. Псковская агиография XIV–XVII вв. (исследования и тексты). СПб, 2007. Т. 1. С. 525–526) применительно к княжеским житиям «периода становления и первых опытов в жанре княжеских жизнеописаний» (XI–XIV вв.) отсутствие «стилевого единства» и «строгой композиционной схемы» актуально и в отношении Жития Федора, авторы которого тоже не имели образцов ни в смысле типа агиографического повествования, ни в смысле фигур святых-предшественников и вынуждены были создавать новую концепцию святости. При этом очевидно влияние Жития Федора на дальнейшее развитие этого агиографического направления (см.: Серебрянский Н. М. Древнерусские княжеские жития... С. 291, 294) и на следующий за его прославлением рост числа святых князей.

⁶² Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 91.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. С. 90.

⁶⁵ Там же. С. 90–91.

⁶⁶ Там же. С. 94.

предшествовавшего этому общего «национального культа предков», и восприятие чтимых таким образом «народом» князей именно как защитников от военных угроз не обосновываются и даже почти не иллюстрируются автором гипотезы, которому она важна уже в контексте дальнейших построений о том, что именно в русских княжеских житиях видно «нередко яркое и художественное выражение христианской национальной идеи», а церковь чтит в подвиге княжеской святости именно «национальных деятелей, народных вождей», «национальное служение»⁶⁷. Нет пояснений (помимо факта чудотворений) тому, почему лишь некоторые из всех ничем не примечательных, но почитавшихся гробниц вдруг становятся объектами религиозного культа. Также не объясняется и молчание источников о презюмируемом наличии *повсюду* всеобщего почитания княжеских захоронений⁶⁸ и о восприятии *народом* почивших князей в качестве «общих предков». Все это, очевидно, предопределено не столько недоступностью для находившегося в эмиграции автора рукописных собраний (вне изучения которых вряд ли было возможно проследить становление конкретных культов), сколько самим характером данной работы. Ее фокус осознанно направлен на выявление специфики феномена русской святости в контексте национально-религиозного сознания на основе анализа самих агиографических текстов, т. е. в качестве некоего замкнутого на себя и на свои внутренние взаимосвязи явления. Не случайно важнейшим выводом стало то, что именно «в древнерусской святости евангельский образ Христа сияет ярче, чем где бы то ни было в истории»⁶⁹. В любом случае, верификация предложенной Г. П. Федотовым на основе известий о зарождении культа ярославских чудотворцев общей концепции возникновения культов святых князей в средневековой Руси затруднительна из-за недостатка подкрепляющих ее фактических данных. Наиболее значимой для темы настоящей статьи видится констатация ученым того факта, что, несмотря на гипотетическое «народное по-

⁶⁷ Там же. С. 89.

⁶⁸ Специально касавшийся вопроса о почитании княжеских погребений А. В. Сиренов отмечает широкое развитие почитания княжеских некрополей в центрах прежних княжеств только в XVII в., поскольку для России эпохи Романовых факт отсутствия прямого генеалогического преемства был уже не столь важен в сравнении с стремлением продемонстрировать «мистическую связь» со всем сонмом древнерусских князей, но до сер. XVI в. фиксируется лишь почитание правящей линией памяти своих непосредственных предков. См.: Сиренов А. В. Описание древнекняжеского некрополя и канонизационная политика в России XVII в. // Круги времен. В память Е. К. Ромодановской. М., 2015. Т. 2. С. 315–319.

⁶⁹ Федотов Г. П. Святые древней Руси. С. 233.

читание» гробницы Федора с сыновьями, до 1463 г. «церковного почитания князьям не воздавалось»⁷⁰.

Г. Ленхофф в своей посвященной Житию Федора монографии весьма аргументированно отвергла историографическую позицию о политически инспирированном установлении культа⁷¹. Во взглядах исследовательницы на его формирование присутствует выраженная преемственность по отношению к наследию русской дореволюционной исторической науки, достижения которой в изучении посвященной Федору агиографической традиции развиваются в труде Г. Ленхофф на базе тщательного исследования корпуса рукописей. По предложенной ею версии (опирающейся на предположения Е. Е. Голубинского и Н. М. Серебрянского⁷²), предсмертный постриг князя мог произвести сильное впечатление на современников, и в том числе — на очевидцев этого, братию монастыря, будучи осмыслен как акт добровольного отказа от власти во имя следования Христу. Под действием этого один из монахов создал краткий рассказ-протокол кончины и погребения князя («deathbed protocol»), предполагающий потенциальную святость его героя⁷³. В итоге выдвинута гипотеза, что этот некрологический рассказ (основа ПКр), читавшийся на ежегодных поминальных службах, а также нетление тел Федора и его сыновей, которое могло быть замечено во время этих служб, стали причиной тому, что верующие начали воспринимать эти службы не просто как поминовение усопших, но как первый шаг к прославлению в качестве святых, и все это постепенно привело к формированию их локального культа⁷⁴.

По поводу предположения о существовании до 1463 г. некоего почитания Федора или Федора, Давида и Константина как святых, т. е. религиозного культа, который бы носил местный характер и осуществлялся без санкции архиерея, возникает ряд замечаний. Во-первых, имеющиеся сведения о поминальном культе XIII–XIV вв. не предполагают использования в рамках богослужебного поминания (т. е. при совершении проскомидии во время литургии, поминании на ектеньях и во время панихид⁷⁵) даже самого почитаемого усопшего — монастырского ктитора — текстов житийно-некрологического характера.

⁷⁰ Там же. С. 91.

⁷¹ *Lenhoff G. Early Russian Hagiography...* P. 54–55. См. также прим. 24.

⁷² *Голубинский Е. История Русской церкви...* Т. 2. Ч. 2. С. 590–591; *Серебрянский Н. М. Древнерусские княжеские жития...* С. 224–225.

⁷³ *Lenhoff G. Early Russian Hagiography...* P. 64.

⁷⁴ *Ibid.* P. 54–55, 64, 70.

⁷⁵ *Пентковский А. М. Типикон патриарха Алексия в Византии и на Руси. М., 2001. С. 387, 414.*

Во-вторых, как показано выше, мнение о том, что до обретения мощей останки князей покоились «на верхъ земли», что позволяло бы наблюдать их сохранность, основано на ошибочном известии автора рассказа СII-Льв, не являвшегося очевидцем событий. В-третьих, Б. М. Клоссом на основе изучения рукописной традиции Жития Федора был сделан вывод о том, что до обретения мощей не существовало никаких посвященных князю житийных текстов⁷⁶. До сих пор это положение не оспаривалось, а противоречащих ему данных также не появилось.

С гипотезой о том, что в составе ПКр мы имеем современный кончине Федора протокол события, созданный очевидцами в монастыре и использовавшийся в местном почитании князя, сложно согласиться и по ряду иных причин. Памятник не содержит деталей и фактов, входящих за рамки обширной традиции летописных княжеских некрологов, где встречаются все его элементы (прощание горожан с князем, его благословение и поучение семье, кончина, проводы тела и общая скорбь всех групп социума, погребение). Важно, однако, что в ПКр не названы имена упоминаемых членов семьи Федора и имя настоятеля монастыря, хотя в памятниках такого рода, близких по времени создания к описываемым в них событиям, эти данные обычно имеются⁷⁷. Не указано и имя, полученное князем при постриге, хотя это также стало бы значимым для автора, будь он монахом-очевидцем. Само по себе предсмертное княжеское пострижение тоже не выглядело чем-то исключительным — ни во времена Федора Ростиславича (в чернцах и схиме умер, к примеру, на глазах у свата Федора Глеба Василковича князь близлежащего Юрьева Дмитрий Святославич, приняли схиму и Александр Ярославич, и Даниил Александрович и др.), ни в эпоху, предшествующую обретению его мощей: для целого ряда ярославских и ростовских князей XV в. летописи и синодики указывают и их монашеские имена. С учетом сказанного видится наиболее вероятным мнение Б. М. Клосса о создании этого краткого текста в монастыре Спаса уже после прославления мощей⁷⁸. Основой его, видимо, стала монастырская памятная запись о дне преставления князя, дополнен-

⁷⁶ Клосс Б. М. Житие Федора Ярославского. С. 252.

⁷⁷ См., например: Житие («Память») Софии Ярославны Тверской и Повесть о Михаиле Александровиче Тверском: Кучкин В. А. Житие Софии, сестры Михаила Ярославича Тверского // Религии мира. История и современность. М., 2002. С. 138–141; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 386–389. См. также: Кучкин В. А. Когда было написано Житие Софии Ярославны Тверской? // Мир житий. М., 2002. С. 112–114; Коняевская Е. Л. Очерки по истории тверской литературы XIV–XV в. М., 2007. С. 167–168.

⁷⁸ Клосс Б. М. Житие Федора Ярославского. С. 256.

ная автором ПКр его собственной реконструкцией обычных и очевидных событий княжеского пострига и кончины.

Формирование агиографической традиции, посвященной Федору Ярославскому, показывает: авторы — и вероятно связанные, и несомненно связанные с Ярославлем — ищут и не находят ценных для создания идеального облика святого данных о нем, вообще каких-либо биографических деталей, или хотя бы устойчивых и цельных представлений о личности князя, кроме рассказа о его кончине, который дополнила справка о происхождении Федора от смоленских Рюриковичей и о связи его появления в городе в неопределенное время где-то «по великой рати» Батыевой с женитьбой на местной княжне. Эти сведения, включенные в последующие редакции Жития, разумнее всего связать с возникшим после обретения мощей интересом к личности святого и с семейной традицией ярославских князей или с их окружением. Судя по всему, изначально они появляются именно в летописании, при этом только после событий 1463 г., дополняя уже имевшиеся статьи, где упоминается Федор Ростиславич⁷⁹. Оттуда эти факты, видимо, проникают и в Житие (с появляющейся ошибкой в отношении имени тестя князя). Такая скудость сведений на заре существования культа вынуждает считать, что какой-либо устойчивой традиции, посвященной св. Федору и его детям (о которых не было известно вообще ничего⁸⁰), еще не сформировалось — в противном случае ее так или иначе отразили бы первые редакции Жития и Службы. Но отсутствие там следов посвященной личностям почитаемых ранней устной традиции противоречит гипотезе о стихийном и продолжительном «народном» или связанном с монашеской братией предшествующем «неофициальном» восприятию их как святых. Трудно также

⁷⁹ Показательно, что позднее именно на «летописцы», а не на житийную традицию как на источник достоверных биографических сведений о Федоре и его потомстве ссылается Андрей Курбский: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 109.

⁸⁰ Характерно, что в известии МС и в ранних песнопениях чудотворцам о братьях говорится как о преставившихся «въ мнишьском чину» — поэтому на них возложили «черническия ризы» — и как об «отцах преподобных», подобным ангелам пощением, бдением, воздержанием и молитвами, на покрове 1500/01 г. они изображены, подобно Борису и Глебу, в княжеском платье и с мученическими крестами в руках, при этом унаследовавший княжество Давид гораздо старше юного Константина и бородат, а на происходящей из собрания В. М. Момота ярославской иконе, датируемой концом XV в., дети Федора положили руки на мечи и различаются лишь цветами богатых одежд. Не вполне определено на заре существования культа и их старшинство друг относительно друга — в летописных известиях об обретении мощей Константин предшествует Давиду.

принять возможность длительного бытования в главной столичной обители — резиденции архимандритов — некоего культа святых, хотя бы и узколокального, но связанного с правящей династией и разделяемого более или менее широкими слоями горожан, и при этом за полтора века так и не замеченного посещающими город архиереями.

При этом все редакции Жития и все летописные известия случившееся весной 1463 г. преподают именно как начало почитания князей городским церковным сообществом, как неожиданное открытие их святости, не предвzрявшееся ни прижизненными или посмертными чудесами, ни явлениями их живым, ни каким-то поклонением их укрытым в церковном подклете могилам «народом» или отдельными его представителями. Практики монастырского почитания в XV в. местнотчтмых усопших — чаемых святых, предшествующего обретению мощей и их прославлению, известны и предполагают особое оформление гробниц почитаемых, а также каждодневную общую молитву братии к ним «яко к живым»⁸¹. Но в случае с покоящимся в монастыре Федором до 1463 г. не видно ничего подобного.

Приведенные доводы не позволяют принять гипотезы о существовании до 1463 г. церковного, монастырского или даже «народного», по Е. Е. Голубинскому, т. е. неофициального культа Федора или Федора и его сыновей — во всяком случае, вне обычного церковного поминовения и почитания могил членов правящей династии потомством Федора и патронируемой им братией княжеского монастыря-усыпальницы. Память об усопших благоверных предках традиционна для княжеских династий, причем потомки могли воспринимать их и как причтенных к праведникам⁸². Но случаи, когда такого рода тетогiа перешагивает рамки памяти родственной группы и вовлекает гораздо более широкие слои социума, не связанные кровным родством с почитаемым, но при этом вдруг ощутившие и осознавшие возможность духовной связи с ним — такой, которая может быть реализована во взаимной коммуникации «молитва — заступничество», — исключительны и всякий раз связаны с особой значимостью памяти о данной личности для всего сообщества. В известных случаях речь идет о мучениках, страстотерпцах и/или успешных полководцах и крупных политических деятелях: Борис и Глеб, Владимир, Ольга, Михаил Черниговский, Михаил Тверской, Всеволод-Гавриил, Довмонт, Александр Невский.

⁸¹ Мельник А. Г. Практика первоначального утверждения культов русских святых в XV–XVI вв. // ЯПВ. 2014. № 4. С. 7–11.

⁸² Сазонов С. В. «Молитва мертвых за живых» в русском летописании XII–XV вв. // Россия в IX–XX веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С. 401–408.

Другой, более редкий вариант обуславливает возникновение локального культа основанием монастыря и признанными личными заслугами на религиозно-аскетическом поприще, как, например, в случае Софьи Тверской. Причем тексты, фиксирующие и закрепляющие эту особую значимость, возникают чаще всего сразу после кончины их героев, и, в любом случае, весьма быстро. В нашем же случае предположить нечто подобное мешает чрезвычайная неопределенность и скудость социальной памяти о Федоре (а уж тем более — о сыновьях князя) на момент открытия мощей, отраженные летописями и ранними редакциями Жития.

Суммируем данные, которые могут быть полезны для понимания положения, предшествовавшего событиям 1463 г. Связь между Федором Ростиславичем и монастырем Спаса возникает еще при его жизни, имея вполне осознанный характер: его предсмертное пострижение и погребение в обители в 1299 г. стало решительным отказом от сложившейся при прежней династии традиции княжеских похорон в городском соборе⁸³. Это может быть рассмотрено в контексте политической истории Ярославля. Окончательно утвердившийся на ярославском столе и к моменту пострига уже утративший Смоленск Федор не обладал на свой город отчинными правами, закрепляющими княжение за его потомством: сын от первой жены, княжны из ярославской ветви Константиновичей, Александр — бесспорный наследник, в какой-то мере «отчич» и несомненный «дедич» Ярославля, дед которого покоем в соборе Успения, — к тому времени умер. Новую династию должно было составить потомство от второго брака, и для надежной и безболезненной передачи стола сыну Федора Ростиславича Давыду, судя по всему, могла иметься нужда в дополнительной легитимации семейной власти в городе, в подтверждении законности княжения⁸⁴.

⁸³ *Lenhoff G. Early Russian Hagiography... P. 63.*

⁸⁴ Нормы передачи княжеских столов в Древней Руси, насколько известно, не предполагали династического брака в качестве основания для получения власти. Как «неприемлемая для русских князей» оценена исследователями сама возможность передачи княжения через посредство женщины: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Русские имена половецких князей: Междинастические контакты сквозь призму антропонимики. М., 2013. С. 29. См. также: Lehnhoff G., Martin J. Smolensk after the Mongol Invasions... P. 124–127.* В связи с вопросом о легитимации интересно, что, к примеру, согласно Повести о преставлении князя Михаила Александровича в редакции Тверского сборника именно постригший князя перед смертью в схиму святой Арсений после кончины того торжественно объявляет горожанам имя приемника Михаила — его сына Ивана: ПСРЛ. Т. 15. Стб. 461.

В этом смысле манифестация личной связи князя и, посредством этого, его рода с главным городским монастырем, берущим на себя функцию поддержания тегога принесшего там монашеские клятвы и, следовательно, вошедшего в число братии Федора⁸⁵, могла сыграть важную роль. Обитель, которой покровительствовал при жизни и где упокоился после смерти отец нового князя Давыда, оказывалась символом единения новой династии и города. Разумеется, имели место и соответствующие дары: именно на пожалование Федора Ростиславича ссылается «докончание» — «договор» его внука, Василия Давыдовича, и спасского настоятеля — наиболее ранний из дошедших актов монастыря, подтверждавший для дома святого Спаса право на освобождение от дани и пошлин, судебный иммунитет, а также перевоз и «бобровые реки»⁸⁶.

Предполагается также, что именно в начале XIV в. правители Ярославля добились для спасского игумена сана архимандрита, а в 1311 г. настоятель монастыря Прохор даже становится ростовским епископом⁸⁷. Это было весьма важно: ростовские князья, к чьему наследию в широком смысле могло быть отнесено Ярославское княжение (лишь недавно выделившееся из Ростовской земли), на протяжении всего XIII в. контролировали Ростовскую кафедру, которой подчинялся и Ярославль. Появление в княжестве своих архимандритов представляло для его князей определенный церковно-политический ресурс и подкрепляло статус их стольного города⁸⁸, сохранение независимости которого от Ростова и их власть в котором в это время вовсе не казались сами собой разумеющимися. Таким образом, заложенная Федором Ростиславичем и поддержанная его наследниками традиция династического патроната⁸⁹ над «домом великого Спаса» —

⁸⁵ См.: *Арнаутова Е. А.* Мемория: «тотальный социальный феномен» и объект исследования // *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени.* М., 2003. С. 27.

⁸⁶ АСЭИ. Т. 3. № 190. См. также: *Черкасова М. С.* Древнейшая ярославская жалованная грамота XIV в. // *ВИД.* 1987. С. 38–52; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М., 1951. Ч. 2. С. 131.

⁸⁷ *Черкасова М. С.* Древнейшая ярославская жалованная грамота XIV в. С. 41–42; *Давиденко Д. Г.* Монастыри-архимандриты в городах Северо-Восточной и Северо-Западной Руси в XIV–XV вв. // *СР. М.*, 2012. Вып. 10. С. 300–301, 329.

⁸⁸ См.: *Давиденко Д. Г.* Указ. соч. С. 329–330. Показательно, что в других центрах княжений Ростовской епархии, Угличе и Белоозере, в этот период появления архимандритов не фиксируется: в Угличе — вплоть до 1483 г., а на Белоозере — до конца его существования.

⁸⁹ Об отношениях патроната над епископскими кафедрами, монастырями и храмами в Древней Руси и о возможности их сопоставления с практиками

старинным ярославским монастырем, ставшим усыпальницей новой династии и являвшимся важнейшим духовным и церковно-политическим центром княжения (Л. В. Черепнин даже говорит о Спасове монастыре в XIV–XV вв. как о «символе самостоятельности Ярославского княжества»⁹⁰), — с самого начала способствовала легитимации их власти, сохраняя и актуализируя память о предках династии, и неизбежно должна была стать значимым элементом их групповой идентичности⁹¹. В подтверждение отметим, что потомки Федора во всех известных случаях прочно держались обычая погребения в родовой обители. Даже ярославскую княжну, вышедшую замуж за князя Московского дома, после кончины привозят в Ярославль и хоронят «у святого Спаса в монастыри»⁹². Традиция сохраняется и после утраты княжения: в 1471 г. там погребается последний ярославский князь Александр Федорович. Вклады «в поминанье» от членов корпорации князей Ярославских и их погребения в монастыре продолжают и в следующем столетии. Еще в 1695 г. тело князя Ф. И. Троекурова (ветвь князей Ярославских) от стен Азова везут к Спасу, «идеже лежат усопшие сродники его»⁹³.

Таким образом, источники отражают прочную связь династии Федоровичей и главного монастыря стольного города ярославского княжения. Казалось бы, в обители должна была сохраняться и память о ее создании и о строительстве в 1216–1224 гг. в ней каменного храма Спаса предшественниками Федора Ростиславича из Ростовского дома — великим князем Константином и его сыном Всеволодом, первым ярославским князем (и дедом первой жены Федора)⁹⁴. Но никаких проявлений памяти об основателе и его потомках в созданном ими монастыре не фиксируется, а позднейшие действия, направленные на признание в городе святости князей первой династии, не связаны со спасской общиной⁹⁵. Это же демонстрирует и упомянутый акт Василия

католических стран Восточной Европы см.: *Флоря Б. Н.* Отношения государства и церкви у восточных и западных славян (эпоха средневековья). М., 1992. С. 60–64, 76–83, 88–91.

⁹⁰ *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. С. 174.

⁹¹ См. *Assman J.* Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München, 1992. S. 71.

⁹² ПСРЛ. Т. 15. Стб. 486.

⁹³ [*Лествицын В. И.*] Надгробные надписи Спасо-Ярославского монастыря. Ярославль, 1877. С. 4–6, 9–15.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 439, 447.

⁹⁵ Князья Василий и Константин Ярославские были причислены к лику святых в первой пол. XVI в., а попытки прославления как святых кн. Михаила, Ксении и Анастасии Ярославских в 1578/79 и 1692 гг. не увенчались успехом.

Давыдовича: уже в первой трети XIV в. дом святого Спаса воспринимается как объект наследуемого покровительства («по деда своего грамоте... блюстити, не пустити ми, самому не обидети и в обиду не давати») и, в некотором роде, Stiftung исключительно новой династии. В этом контексте разумно подробнее рассмотреть возможные механизмы функционирования памяти о покоемшемся в монастыре основателе этой династии.

Проблемы роли групповой памяти и ее связи с формированием групп и с самоидентификацией их членов, а также соотношения групп кровного родства и религиозных групп применительно к княжеским родам средневековой Руси пока что видятся далеко не достаточно изученными. Во всяком случае, обсуждение даже в виде версии предполагаемых в связи со становлением первых княжеских культов на Руси «архаических родовых», «дохристианских», «харизматических», «архетипичных» и т. п. основ почитания святых князей-предков (вплоть до «культы рода» или даже «Рода»⁹⁶) в отношении рассматриваемой эпохи видится уже явно непродуктивным. Речь идет о времени несомненного господства христианского сознания, и индивидуального, и общественного, и гипотетически реконструируемое преемство с ушедшим периодом язычества (тоже в большой мере реконструируемого) вряд ли может что-то добавить для понимания реалий XIV–XV вв., к которым со всей обязательностью применима мысль М. Вебера о лишении христианством родовых групп всякого ритуального значения⁹⁷.

⁹⁶ Комарович В. Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 90–104; Успенский Б. А. Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М., 2000. С. 46; Одесский М. П. Поэтика власти на Древней Руси // ДРВМ. 2000. № 1. С. 7; Парамонова М. Ю. Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов. М., 2003. С. 256–257, 367–369; Самойлова Т. Е. Священное пространство княжеского гроба // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006. С. 588–590. В виде историографической параллели можно привести мнение о континуитете сакральной харизмы конунгов и святых королей в германских королевствах, о некой «Königshail», святости, отражающей родовую харизму правителей (например: Hauck K. Geblütsheiligkeit // Liber Floridus. Mittellateinische Studien Paul Lehman zum 65 Geburtstag. St. Ottilien. 1950. S. 187–240).

Критику выводов В. Л. Комаровича см.: Сазонов С. В. «Молитва мертвых за живых» в русском летописании XII–XV вв. С. 401–405; Петрухин В. Я. Древняя Русь: народ, князь, религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. I. Древняя Русь. С. 290–291.

⁹⁷ Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Die Wirtschaft und die gesellschaftlichen Ordnungen und Mächte // Weber M. Nachlass, Teilband 5: Die Stadt. Tübingen, 1999. S. 119.

Трудно ожидать, что предполагаемый «архаический» и «дохристианский» контекст почитания предка-родоначальника родственной группой ярославских князей мог каким-то образом быть актуален для ее членов, осознаваться ими и определять их поведение. При этом связь с Федором Ростиславичем была очевидна, прочна и важна для них вне какого-то «двоеверия» — во вполне христианском понимании. Молитвы усопших в благоверии предков за своих потомков были значимой и четко осознаваемой ценностью⁹⁸, как и долг памяти по отношению к ним, реализуемый в том числе и в покровительстве обители, где они были погребены. Собственно, именно это и есть «*Gedächtniss, das Gemeinschaft stiftet*» — «память, которая формирует общность», образуя «нерасторжимое сообщество живых и мертвых» и одновременно манифестируя образ родственной группы титулованной знати и ее представление о собственном прошлом⁹⁹. Публичная демонстра-

⁹⁸ Сазонов С. В. «Молитва мертвых за живых» в русском летописании XII–XV вв. С. 401–408. Трудно, однако, принять высказанное там же мнение о происшедшем в XIII–XIV вв. переломе в общественных настроениях, в результате которого представления о молитве мертвых за живых после 1294 г. будто бы исчезают, чтобы вернуться в 1460–70-х годах уже в виде «своей античности» по Д. С. Лихачеву. Учитывая, что о «молитве дедней и отней», «молитве святых родителей наших», обретших «покой с праведными», упоминают и памятники XIV (Лавр.), и XV (напр., договор великого князя Василия Васильевича с Иваном Андреевичем 1448 г.), и XVI вв., проще предположить длительное бытование этих взглядов одновременно, наряду с уверенностью в необходимости молитвенного поминовения усопших предков, объясняемой не столько «синдромом неуверенности», усиливающимся с приближением даты конца света, сколько христианским долгом memoria, взаимоотношением мертвых и живых, основанным на встречных равноценных дарах в виде памяти-вспоминания, взаимной молитвы и заступничества. См.: *Mauss M. Essai sur le don*. Paris, 1950; *Oexle O. G. Memoria und Memorialüberlieferung im früheren Mittelalter* // *Frühmittelalterliche Studien*. 1976. Bd. 10. S. 70–95; *Idem. Die Gegenwart der Toten // Death in the Middle Ages*. Hg. v. H. Braet, W. Verbeke. Mediaevalia Lovaniensia 1.9. Löwen, 1983. S. 21–77.

⁹⁹ *Gedächtniss, das Gemeinschaft stiftet*. Hg. v. K. Schmid. München; Zürich, 1985 — издание Карла Шмида, подытожившее крупный проект немецких медиевистов по исследованию средневековой memoria. См.: *Арнаутова Е. А. Memoria: «тотальный социальный феномен» и объект исследования*. С. 21–22, 27–28; *Эксле О. Г. Memoria и мемориальная традиция в раннее Средневековье* // *Эксле О. Г. Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья*. М., 2007. С. 256–257. О феномене memoria применительно к восточнохристианской традиции см., например: *Horden P. Memoria Salvation and other Motives of Byzantine Philantropists* // *Stiftungen in Christentum, Judentum und Islam von der Moderne*. Hg. von M. Borgolte. Berlin, 2005. S. 137–146; *Grünbart M. Zum Memorialkultur in Byzantinischen Mittelal-*

ция наличия такой связи и участие в ее поддержании и в связанных с ней ритуалах не могли не играть важной роли в репрезентации власти княжеского дома в городе и способствовали ее легитимации: известное положение Я. Ассмана о том, что «власть нуждается в происхождении», актуально и для данной эпохи, и эта функция *memoria* аристократического рода в средневековой Руси не отличалась от средневековой Западной Европы¹⁰⁰. При этом представления об «отчине и дедине» как основе наследственного права на конкретный княжеский стол сочетались с ролью, которая придавалась легитимирующему власть представителя династии факту захоронения его предков по прямой восходящей линии в определенном традицией месте, где погребаются князья этого княжения и находится центр династической *memoria*¹⁰¹.

Следует указать, что для автора рассказа «О проявлении мощемь...» обращение настоятеля в связи с перемещением княжеских останков именно к правящему потомку Федора было самоочевидным, не вызывая недоумений или сомнений, столь же очевидна для его современников была и реакция князя на это обращение: «гробницу хотя устроить камену, и покровом драгимь окрыти ег(о), и свѣщи поставити» — устройство над могилой почитаемого и знатного прародителя новой гробницы, украшение ее покровом и свечами воспринималось как действие уместное и должное. То же, к примеру, мы видим в Иосифовом монастыре — усыпальнице князей Волоцких: «гробницы над ним камены, и покровы бархатны, и образы, и свещи»¹⁰². Эти нормы по отношению к «прародителей своих гробам» соблюдают позднее

ter // *Byzantine Religios Culture* / Ed. by D. Sullivan, E. Fisher, S. Papaioannou. Leiden; Brill, 2012. S. 373–393.

¹⁰⁰ Библиографию см.: Эске О. Г. *Memoria* Вельфов: домовая традиция аристократических родов и критерии ее изучения // Эске О. Г. *Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья*. С. 270–273.

¹⁰¹ Ярким примером этому служит вынос в 1279 г. тела Глеба Василковича из городского собора, связываемый с отрицанием его вокняжившимся в Ростове племянником Дмитрием прав на Ростовское княжение для потомства Глеба (ПСРЛ. Т. 18. С. 77).

¹⁰² Выписка из Обихода Волоколамского Иосифова монастыря конца XVI века о дачах в него для поминования по умершим // ЧОИДР. 1863. Кн. 4. С. 6. Интересно, что у гробниц князей Ивана и Федора Борисовичей в Иосифо-Волоцком монастыре находились парные иконы с изображениями «лица подобия» самих погребенных князей и образов их святых покровителей: как видим, дистанция между усопшим князем и святым достаточно четко фиксируется. См.: Меньйло В. А. Иконы инока Паисия в Иосифо-Волоколамском монастыре // Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. Материалы научных конференций. 1989–1990 гг. М., 1991. Вып. 1. С. 16–19.

и великие князья и цари. Помимо заботы о месте погребения, память о предках поддерживалась регулярным поминовением (включавшим название их имен) во время службы в месте их упокоения и в главных храмах княжества. Ранние синодики ярославского собора и Спасского монастыря не дошли до нас, но в связанном с ростовским кафедральным храмом синодике сохранилось поминовение ярославского княжеского рода (включаящее и забытое уже в XVI в. имя сына Федора от первого брака Александра, и имена обеих жен святого, не названные в летописях), что подтверждает поминовение ярославских князей в ходе служб годового круга в центрах епархии¹⁰³. Показательно, что их смоленские предки не включены и в этот родовой помянник, и в княжеский помянник в синодике ярославского Толгского монастыря: списки поминаемых начинаются с семьи Федора или с него самого, пределы групповой тетогія ограничиваются историей ярославской династии¹⁰⁴.

О ритуале, дополнявшем общие нормы применительно к памяти наиболее почитаемого предка, может свидетельствовать обнаруженная О. В. Лосевой памятная запись в Прологе XIV в. о преставлении 19 сентября «благочестиваго и христоролюбиваго князя Феодор(а)»¹⁰⁵. Некрологическое указание дня кончины погребенного в монастыре владетельного патрона, вероятнее всего, выделяло дату, когда у моги-

¹⁰³ Конева С. В. Синодиология. Часть II. Ростовский соборный синодик // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Нью-Йорк, 1995. Вып. 6. С. 101.

¹⁰⁴ См.: Кузьмин А. В. Древнейший список синодика ярославского Толгского монастыря (предварительные наблюдения) // Книжная культура Ярославского края. Ярославль, 2011. С. 50. По мнению А. В. Кузьмина, ранняя часть Толгского синодика формировалась до прославления Федора, Давида и Константина, так как их имена открывают родовой помянник без указания на их святость: Федор назван лишь «благочестивым» князем, как и многие другие, к примеру, Дмитрий Шемяка. Следует отметить, что в таком же виде родовое поминовение первых князей Ярославских присутствует и в древнейшем синодике Московского Богоявленского монастыря (список 1576–1581 гг., восходящий к раннему протографу): Алексеев А. И. Роспись главам древнейшего Синодика Московского Богоявленского монастыря // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. СПб., 2001. Вып. 4. С. 17.

¹⁰⁵ РНБ, Погод. № 59. Датируется в описании собрания началом XIV в., Э. С. Смирновой — концом XIV в.: Рукописные книги собрания М. П. Погодина. Каталог. Л., 1988. Вып. 1. С. 54; Смирнова Э. С. Лицевые рукописи Великого Новгорода: XV в. М., 1994. С. 22–23, 45, 62, 188. См. также: Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой четверти XV веков. М., 2009. С. 127–128; Она же. Особенности состава древнерусского Пролога 1313 г. (ГИМ. Син. 239) // ДРВМ. 2004. № 2. С. 88.

лы служились панихиды и к которой могла быть приурочена «кормля» на «годину» ктитора и основателя покровительствующей обители династии¹⁰⁶.

Выделение отдельных особо почитаемых князей из всех умерших «прародителей» было обычно для княжеских родственных групп. Поводом для их восприятия как особо значимых для поминовения могли, судя по всему, стать разные обстоятельства. Можно указать на роль общего предка всех Рюриковичей, которая отводилась Владимиру как крестителю Руси, в этом качестве заслонившему реальных первопредков-язычников, на статус родоначальника, придававшийся, например, московскими князьями Александру Ярославичу задолго до общерусского прославления его святости и отраженный в пожалованиях XIV–XV вв. владимирскому Рождественскому монастырю, где великий князь был похоронен¹⁰⁷. Часто такую роль играла гибель в Орде, для Михаила Черниговского ставшая поводом прослав-

¹⁰⁶ *Пентковский А. М.* Типикон патриарха Алексия в Византии и на Руси. С. 414. Подобные записи о дне кончины в рассматриваемый период, до того, как складывается тип кормовых книг, вносились в разного рода памятники — Уставы, Служебники, Прологи, Кормчие и т. д., часто вписывались на полях. Характерным примером служит запись первой четверти XIV в., о кончине епископа Андрея Тверского, приписанная к проложному чтению на 14 февраля: «И преставленъ Андрѣя еп(и)с(ко)па Тѣферьскаго, а по немъ братья годину правьтъ». См.: *Столярова Л. В.* Записи исторического содержания XI–XIV веков на древнерусских пергаменных кодексах // *Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования.* 1995 год. М., 1997. № 3, 4, 12, 17, 18, 19, 20, 28. С. 64–78; *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1869. Т. 3. Ч. 1. Книги богослужебные. № 380. С. 248–249; Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII в. М., 1984. С. 159–161; *Гальченко М. Г.* Записи писцов в древнерусских рукописях XIII–XV вв. М., 2003. С. 72 и т. д. О сходных практиках в западнохристианском мире см.: *Эксле О. Г.* Мемория и мемориальная традиция в раннее Средневековье // *Эксле О. Г.* Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья. М., 2007. С. 255. О заупокойном культе в XIV–XV вв.: *Шаблова Т. И.* Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII вв. СПб., 2012. С. 23–33; *Бобров А. Г.* Поминальная трапеза в Лисицком монастыре в конце XV в. // *Круги времен. В память Е. К. Ромодановской.* М., 2015. Т. 2. С. 133–147.

¹⁰⁷ *АСЭИ.* М., 1964. Т. 3. № 86, 87; *Антонов А. В.* Вотчинные архивы Владимирских монастырей и соборов XIV — начала XVII века // *РД.* М., 1998. Вып. 4. № 6. С. 183. Характерно, что именно Александра, а не первого московского князя Даниила, не первого великого князя из Московского дома Юрия и не очевидно успешного политика Ивана Даниловича называет начальником «великому княжению Московьскому» и статья «А се князи русьстии»: *НПЛ.* С. 469.

ления как мученика и восприятия княжескими домами Чернигова и Ростова как святого предка, для Михаила Тверского — также для причисления к святым и почитания тверскими князьями, а, к примеру, для стародубского князя Андрея Федоровича — лишь для почитания места его упокоения и даты его кончины князьями Стародубскими¹⁰⁸. Видимо, и для родового единства князей Новосильских важна была память об убитом в Орде Александре Новосильском¹⁰⁹. Показательно, что мотивы для выделения особо чтимых лиц из числа князей-предков всякий раз оказываются лежащими в рамках социально-политической и религиозной интерпретации коллективной памяти, при этом определяясь вполне рациональными, а не «архаическими», «магическими» или «архетипическими» основаниями.

Таким образом, память о выделяющихся особой значимостью для правящего дома предках поддерживалась и демонстрировалась, а в определенных случаях действительно могла трансформироваться в настоящий култ святого, празднование памяти которого затем включалось в месящесловы и сопровождалось посвященными ему службами и к которому считали возможным обращаться с молитвенными прошениями уже все христиане. Но следует указать на очевидную грань между этими формами почитания, ощущаемую и в то время: представления о молитве «дедней и отней» предполагают однородный ряд обретших покой с праведными благоверных и славных предков, лояльных к поминающим их потомкам, прославление же святости подразумевает индивидуальную избранность и значимость для всего церковного сообщества, специально явленную Богом чудотворениями¹¹⁰. Нужно также отметить редкость (и обусловленность всякий раз значимыми для всего социума обстоятельствами) прецедентов прео-

¹⁰⁸ Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов. XIV — начало XVII в. М., 1998. № 40, 90; Назаров В. Д. Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря. II. Вклад князя Федора Андреевича Стародубского // Троице-Сергиева Лавра в истории, культуре и духовной жизни России: материалы международной конференции. М., 2000. С. 53; Он же. Князья Ромодановские в эпоху становления Российского государства // Государев двор в истории России XVI–XVII столетий. Владимир, 2006. С. 74.

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 415; Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 27, 108–111; Поменник Введенської церкви в Ближних Печерах Києво-Печерської Лаври // Лаврський альманах. Київ, 2007. Вип. 18. С. 18.

¹¹⁰ Г. П. Федотов также отмечает отсутствие прямой связи между заслугами князя (т. е. его родовой «славой» в династическом контексте) и признанием его святости: Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 87.

доления этой грани в средневековой Руси. Само же явление почитания выдающегося князя-предка, хотя и имело характер, в известной мере пограничный с культом святых¹¹¹, но, фиксируя принадлежность почитаемого индивида к родственной группе, было делом в большей мере «частным», внутрисемейным. Средой его бытования были потомки почитаемого и, может быть, отдельные лично связанные с ним и с его потомством отношениями службы или семейной близостью представители нетитулованной знати, а также братия обители или клир храма, где покоилось тело, сохранялась *тетогія* и осуществлялись связанные с ней действия — оформление места погребения и уход за ним, поминовение имени умершего князя-ктитора на службах, заупокойные панихиды в день памяти, угощение-«кормля» поминающих. Разумеется, эти действия были в значительной мере адресованы всему социуму, демонстрируя ему древность правящего рода, его честь, славу и единство живых правителей с их славными предками: аристократическая родовая память обретала особую ценность, будучи вынесена в общекультурное пространство и выделяя в сознании общества принадлежащих к потомству почитаемых, но именно элитарный характер этой памяти не предполагал активности в связанных с нею практиках лиц, не имеющих прямого отношения к роду. Сведений о каких-то иных, более широких социальных группах, заинтересованных в постоянном сохранении памяти об умершем князе и в соблюдении связанных с ней ритуалов, которые бы манифестировали свою личную связь с почитаемым и при этом обладали для этого соответствующими возможностями, у нас не имеется.

В случае с Федором Ростиславичем ограничение его *тетогія* его потомством и братией монастыря Спаса¹¹² видится еще более вероятным, поскольку, как сказано, социальная память о нем к моменту обретения мощей, судя по всему, не сохраняла особых проявлений им религиозных добродетелей или доблестей правителя — помимо основания смоленским князем новой ярославской династии и его смерти в монашеской схиме. Это демонстрируют и посвященные ему статьи летописей, и история Жития, которое, если бы традиция восприятия князя как святого до прославления его мощей действительно существовала, неизбежно отразило бы ее. Но чтимый потомками родоначальник ярославских князей прославляется как чудотворец лишь в 1463 г.

¹¹¹ О весьма раннем отделении культа мертвых от культа святых, ставшего частью общинного богослужения, см.: Эхсле О. Г. Метогія и мемориальная традиция в раннее Средневековье. С. 251.

¹¹² Возможно, что князя мог помянуть и кто-то из представителей местных бояр, слуг и клира, но источникам об этом не известно.

Как было показано, потенциал для трансформации почитания князя-предка от тетогия родственной группы к культу святого, предполагающей изменение характера почитания и серьезное расширение его социальных рамок, нередко имелся и мог при определенных причинах быть реализован. Но применительно к св. Федору бросается в глаза ощутимая недостаточность предпосылок, наличествовавших для такой трансформации, и ее необычно долгая отдаленность от кончины. Это вынуждает предположить воздействие каких-то особых условий, до того отсутствовавших. Прямых указаний на них в летописях и в Житии не имеется, а путь гипотез, опирающихся лишь на предполагаемые социокультурные и социально-политические обстоятельства, которые могли бы действовать в момент обретения мощей, уже несколько скомпрометирован. Рациональнее вначале рассмотреть вопросы, касающиеся раннего периода существования культа, в том числе тех реальных лиц и социальных групп, участие которых в связанных с ним действиях зафиксировано, и тех вариантов модели святости, которые отражены в текстах Жития и в Службе святому, а также путей распространения в это время почитания Федора, Давида и Константина в епархии и за ее пределами. После того как картина становления культа станет более определенной, вопрос о контексте его зарождения также, возможно, несколько прояснится.

Сведения о лицах, имеющих отношение к формированию культа св. Федора, содержат два упоминавшихся летописных рассказа об обретении мощей, запись первых чудес у гробницы чудотворцев, включенная в один из них, а также Ант, которую дополнили еще 13 чудес святого¹¹³. Относительно летописных известий нужно констатировать, что активность династии в открытии святости ее предков эти источники, в значительной мере, как показано выше, независимые и друг от друга, и от потомков Федора, не зафиксировали. Это отчасти подтверждается тем, что и позднее — вплоть до начала 1500-х гг. — деятельного участия князей Ярославских в распространении культа

¹¹³ По поводу времени их записи отметим, что в ряде из них, в том числе и в заключительном, фигурирует архим. Христофор, последнее датированное упоминание которого относится к 1486/87 г., а в 1495 г. монастырем управляет уже Венедикт. См.: Антонов А. В. Материалы к каталогу актов Русского государства. II. Акты ярославских монастырей и церквей // РД. Вып. 1. № 26, 32. С учетом этого, вероятным периодом записи чудес можно считать 80-е — начало 90-х гг. XV в. К тому же периоду отсылает и указание в Ант на Ивана Ивановича (ум. 7 марта 1490 г.) как великого князя наряду с отцом, если ему возможно придать некоторое датирующее значение (их имена — это изменение, внесенное во взятое агиографом из Жития митр. Алексия заглавие).

также не заметно. У его истоков стоят городской соборный священник с сыном, которых — когда чудотворной силы мощей еще не предполагалось — неким не уточняющимся образом «Богъ простил» при обмывании останков князей¹¹⁴, и этой же водой были исцелены две «слепые жены». Очевидна также роль настоятеля обители, где обретены мощи, Христофора, принимавшего важнейшие решения — о перенесении их в храм, о возложении на них новых риз, а затем — об оставлении их на поклонение «верхъ земли». В последующих чудесах весны 1463 г. нет указаний на происхождение и социальную принадлежность исцеленных, и с учетом этого их тяжелые недуги позволяют предполагать в них убогих, пришедших в монастырь или даже обитавших при нем. Таким образом, рождению культа сопутствуют публичные действия высшего духовенства Ярославского княжения (архимандрита и соборного священника), осуществляемые на виду у столичной общины (возглавляемой княжеским родом и боярами), чудеса также совершаются и в отношении лиц, традиционно патронируемых церковью, возможно — самим монастырем.

Сообщения Жития о быстром распространении славы святых князей в социальном и географическом пространстве («по всем странам... якоже легким пером», «в далная мѣста и грады даже и до Студеного моря»¹¹⁵) сложно принять как надежный источник с учетом их общего характера и традиционности. Большую ценность тут представляют, как видится, чудеса, включенные в состав Ант. Оценка чудес как наиболее достоверных элементов житийных повествований находит здесь свое подтверждение. Хотя почти все чудеса в составе памятника имеют агиографические образцы, повлиявшие на их текстуальное оформление¹¹⁶, сведения об обратившихся к чудотворцам, поддающиеся проверке, соотносятся с действительностью: указаны представители родов, в конце XV в. связанных с Ярославлем, а также реальные топонимы и детали.

Среди 13 исцеленных — князь Роман Дмитриевич, родич князя Иосифа Дорогобужского (ветвь тверских князей), наместника Ярославля в 1485 — начале 1490-х гг., некий Михаил Угримов из «рода боярьска» (Фома М^икифоров) Угримов, упомянутый на почетном первом месте послух в грамоте князя Федора Юхотского Спасо-Ярославскому монастырю 1509/10 г., — явно его родствен-

¹¹⁴ О практиках обмывания св. мощей и останков усопших см.: Мусин А. Е. Святые мощи в Древней Руси: литургические аспекты истории почитания // Восточно-христианские реликвии. М., 2003. С. 363–386.

¹¹⁵ Lenhoff G. Early Russian Hagiography... P. 246, 260.

¹¹⁶ Кloss Б. М. Житие Федора Ярославского. С. 292–293.

ник¹¹⁷), Федор из Кашина, служивший в Твери постельничим у боярина Бориса Захарыча (Бороздина), Василий, «славну и богату родителей сын», Мария, «от богатых сущия», велевшая написать икону и поставить ее у гроба чудотворцев (показательно, что столь важный шаг в становлении культа сделан не ярославскими князьями), и Михаил, за исцеление от зубной болезни давший братии «различная брашна, яже в потребу» и «милостыню доволну». Как видим, среди почитателей святости князей, удостоенных чудес, представители знати, социальных верхов составляют весьма значительную часть. Лишь об отроковице Анастасии специально сказано, что ее родители «не имѣаху ничтож», а прямых упоминаний крестьян или холопов (людей «от веси некия» или кому-то принадлежащих) не имеется¹¹⁸. Еще один исцеленный — странник — узнал о чудесах Федора в одном из спасских сел.

Касаясь географии распространения культа до 1500-х гг., отметим также, что практически все чудеса сообщают о жителях Ярославля, его округи и бывших земель княжества. Большой «чревом» Леонтий, живший от обители «за триста поприщ или множае», скорее всего, обитал в Заозерье — северном ярославском анклавe, отстоявшем от столицы именно на это расстояние¹¹⁹ (в XVI в. там уже появляется храм Ярославских чудотворцев). «Болящий ногами» Софония обретался в монастырьке Григория в селе Вятском на границе с Шаховым — недавним ярославским уделом, где сохранялись вотчины потомков Глеба Васильевича, внука св. Давида — Давыда Федоровича¹²⁰.

Исключение представляют лишь князь из ветви тверского княжеского рода и высокопоставленный слуга тверского боярина. В связи с этим любопытно отметить семейные связи Ярославского княжеского

¹¹⁷ АСЭИ. Т. 3. № 219. С. 237; Антонов А. В. Ярославские монастыри и церкви в документах XVI — начала XVII века // РД. М., 1999. Вып. 5. № 4. С. 23.

¹¹⁸ Ср., например, запись чудес от иконы Николы из Успенского собора Ярославля 1556–1560-х гг.: среди 144 исцеленных часто встречаются крестьяне, жители волостей и вотчинных сел, «нищие вдовы», монастырские слуги, и только об Анне Васильевой специально отмечено, что она «дочерь богатого», кроме того, несколько человек вписаны с родовыми прозвищами, позволяющими предположить определенный (впрочем, вряд ли высокий) социальный статус: Титов А. А. Запись чудесных исцелений от иконы св. Николая в Ярославском Успенском соборе по рукописи XVI в. Румянцевского музея. М., 1904. С. 1–10.

¹¹⁹ Иначе сложно объяснить устойчивость и регулярность коммуникации столь отдаленного места его проживания с Ярославлем.

¹²⁰ АФЗХ. Т. 1. № 169. С. 154–155, № 260, 261, с. 232–235; Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 296–298.

дома с Тверским, сложившиеся задолго до ликвидации Ярославского княжения¹²¹, и контакты высших слоев Твери и Ярославля, продолжавшиеся и после подчинения княжеств: как сказано, представитель тверских князей Осип Дорогобужский наместничал в Ярославле, а сын Алексея Ярославова, боярина последнего ярославского князя Александра Федоровича, — ярославский вотчинник дьяк Леонтий Алексеев — напротив, был послан в 1485 г. великим князем в покоренную Тверь приводить горожан к присяге «и отъ своей силы беречи, чтобъ ихъ не грабили», представитель старшей ветви князей Ярославских Федор Алабыш возглавил и московских писцов, описывавших только что присоединенные тверские земли¹²². Семейные связи двух княжеских родов (а также служебно-поземельные связи отдельных ветвей тверских князей с Ярославлем) сохранялись и в первой половине XVI в.¹²³ Первый великокняжеский наместник Ярославля (1463 — не позднее 1468 г.) Иван Васильевич Стрига-Оболенский — отец настоятеля Отроча монастыря в Твери, а в 1477–1508 гг. тверского епископа Вассиана и двоюродный брат ростовского архиепископа Иоасафа (1481–1489), что тоже должно было способствовать коммуникации между светскими и духовными элитами двух городов. По подобным каналам, видимо, и могла циркулировать слава о чудотворениях в Ярославле.

Таким образом, источники, относящиеся к первым десятилетиям распространения культа Федора, свидетельствуют о его функционировании в пределах бывшего Ярославского княжения, т. е. в землях, находящихся или недавно находившихся под управлением или в собственности высших слоев местного сообщества, и об особой активности в почитании святого представителей городского социума. К ним присоединяются и отдельные представители светской элиты местного происхождения, прямо или косвенно связанные с Ярославлем. Содействия культу со стороны высшей государственной и церковной

¹²¹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 73, 165; Т. 11. С. 218; АРГ. 1505–1526. № 78. С. 85, 311–312. Характерно также наличие в синодике Толгского монастыря поминания тверского еп. Ильи (1422–1456): Кузьмин А. В. Древнейший список синодика Ярославского Толгского монастыря... С. 55.

¹²² ПСРЛ. Т. 28. С. 153; ДДГ. № 89. С. 357. Следует упомянуть и отъехавших ранее в Тверь ярославских князей Андрея Дуло и Федора Мортку: в рассматриваемое время их потомки служили с тверичами. См.: Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. II. С. 35, 107, 111; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России... С. 96.

¹²³ См.: Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России... С. 110–111, 119; АСЗ. М., 1997. Т. 1. № 146. С. 120; Тысячная книга 1550 г. Дворовая тетрадь пятидесятых годов XVI века. М.; Л., 1950. С. 123.

власти не видно: нет известий о почитании в это время Федора с сыновьями великим князем, они не упоминаются в числе святых-покровителей государства — к примеру, в перечнях русских святых в соборном послании 1480 г. великому князю на Угру и в послании туда же ростовского архиепископа Вассиана. Последний факт, вкупе с отсутствием следов пропаганды культа в пределах епархии помимо Ярославля, не подтверждает мнения об установившемся «на епархиальном уровне» почитании Федора: покровителями кафедры остаются св. Леонтий и Игнатий, к которым тогда добавляется и Исайя. Судя по всему, в Ростове санкционировали кульť ярославских святых, но не принимали мер к его насаждению за пределами Ярославля. Не стал «своим» князь-инок Федор (несмотря на восприятие его в это время именно как преподобного) и для монастырской среды вне ярославских земель¹²⁴.

Активного участия в распространении его культа потомков святого — князей Ярославских — в этот период, как говорилось, тоже не фиксируется: их пожалования Спасскому монастырю совершаются точно так же, как и до обретения мощей. Прежним остается и их фиксируемый в формуляре мотив: это именно вклады по родителям и «по своих дѣдех и бабах и по своей брат(ь)е в сорокоусть и в поминан(ь)е» в дом святого Спаса. Но св. Федора, Давида и Константина в качестве адресатов пожалования эти акты, так же как и выданные до 1463 г., специально не упоминают: отношения княжеского рода с монастырем — родовой усыпальницей продолжают, насколько можно понять, в рамках привычных и устоявшихся мемориальных практик. Летописи, тексты Службы Федору, Жития и чудес тоже молчат об особом почитании святых их потомством в период между 1463 и 1500 г., нет и каких-то иных известий о содействии княжеского рода прославлению новых чудотворцев. Если судить по чудесам в Ант, в это время кульť поддерживается общиной монастыря Спаса, при этом неизбежно проникая в среду патронируемых церковью лиц, и наиболее интенсивно распространяется среди представителей ярославской элиты, в числе которых не видно прямых потомков св. Федора.

¹²⁴ Показательно, что память св. Федора с сыновьями не была включена в святцы преп. Кирилла Белозерского (собр. КБИАХМЗ, № 405), хотя туда добавлялись новые памяти святых — например, Игнатия Ростовского, Сергия Радонежского, Варлаама Хутынского: *Прохоров Г. М., Розов Н. Н.* Перечень книг Кирилла Белозерского // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 359–360; в росписи собора Ферапонтова монастыря 1502 г. среди изображенных русских святых тоже нет св. Федора: *Вздорнов Г. И.* Роспись собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря (перечень композиций). М., 1998. См. также: *Lenhoff G.* Early Russian Hagiography... P. 82–83.

Возвращаясь к проблеме социально-политического контекста начала почитания ярославских князей-чудотворцев, можно подытожить: возникающие после обретения мощей агиографические источники отражают отсутствие какого-то предшествующего культа этих святых, пассивность местного княжеского рода в развитии почитания и активное участие в его становлении и распространении городской элиты Ярославля. Важно заметить, что эти наблюдения подтверждаются текстами таких отразивших характер почитания Федора и его сыновей на протяжении последней трети XV в. памятников, как первая Служба Федору (дошла в составе Минеи 1468/69 г.) и Житие в редакции Андрея Юрьева (АЮ)¹²⁵. Оба памятника объединяет идея патроната святого князя над его городом, «преславным градом Ярославлем», тесная связь с которым «пресветлого Ярославского чудотворца» Федора в АЮ уподоблена связи Дмитрия с Солунью, Бориса и Глеба с Вышгородом, Леонтия с Ростовом, Петра и Алексия с Москвой. Призывы службы адресованы «всим верным гражданам», молящимся преподобному князю Федору, чтобы тот хранил «невредимъ градъ свои». Федор с точки зрения автора Службы и ее ожидаемой аудитории — «граду нашему предивный чудотворец» и «крепкы страж». Таким образом, та группа, которая в первые годы существования культа воспринимает чудотворца как своего патрона, в тексте Службы обозначена бескомпромиссно точно: «гражане», городская община¹²⁶. Именно как их святого заступника и покровителя тексты обоих памятников включают Федора в более широкий — общероссийский и общехристианский — контекст, внутри которого преподобный князь представляет и символизирует Ярославль. Это заставляет предположить среду, где возникает и укореняется почитание Федора с сыновьями как святых, именно в ярославцах, а не в местном княжеском доме, неких «сепаратистах» или абстрактном «народе». Уместно заметить, что в конфликте по поводу признания чудес от мощей Федора с сыновьями (в том виде, в каком рассказ о нем воспринят и изложен в СII-Льв) стороны делятся не по полити-

¹²⁵ *Lenhoff G. Early Russian Hagiography... P. 368–380; Клосс Б. М. Житие Федора Ярославского. С. 279–284. Редакция датируется Б. М. Клоссом 1480-ми гг. и возникает до появления Ант.*

¹²⁶ К сходным выводам по этому вопросу пришел в своем недоступном нам во время работы над данной статьей исследовании и А. Г. Мельник: *Мельник А. Г. Жития и службы, посвященные св. Федору Ярославскому, как источники по истории его почитания в последней трети XV — начале XVI веков // Книжная культура Ярославского края — 2014. Сборник статей и материалов. Ярославль, 2015. С. 7–8.*

ческой ориентации, а скорее по принципу «ярославцы / не ярославцы (ростовцы)».

Жители средневекового города — не абстрактная категория, а реально существовавшее сообщество, структурированный социум, светская и духовная элита которого замыкала на себя его основные связи и представляла его во взаимодействии с внешним миром. В самоощущении высших слоев Ярославля, его нетитулованной знати, возглавляющей и представляющей перед князьями «город» и «землю» как некую общность, в начале 1463 г. можно с уверенностью предположить осознание приближающегося социально-политического кризиса. Независимость княжения вот-вот должна была завершиться, и если раньше единство, статус и идентичность ярославской знати обеспечивались и определялись прямой связью элитных групп с правящей династией и ее отдельными ветвями и линиями, то теперь неизбежность перемен оказывалась очевидной. Угроза социальному положению была очевидна и явно не беспочвенна: стоит вспомнить известие Ерм о последовавшем после ликвидации княжения великокняжеском «переборе» всех ярославских бояр и детей боярских, а также об изъятиях у них их лучших владений. Лишь для очень немногих представителей этой знати позже можно будет констатировать какие-то относительные успехи, увенчавшие их переход на московскую службу — разумеется, с потерей боярского статуса. Большинство же, утратив добывавшееся службой здешним князьям на протяжении поколений место в иерархии «бояр и слуг», после 1463 г. образует однородную провинциальную служилую корпорацию ярославцев, замкнутую теперь на недостижимо далекого великого князя¹²⁷. Под контроль великокняжеской и архиепископской власти неизбежно должны были попасть и прежде связанные с княжеским домом высшие слои белого и черного духовенства Ярославля, в том числе — соборный клир и спаский архимандрит. Под угрозой было положение ведущих социальных групп ярославского сообщества, в значительной мере определявших и воплощавших представления всего этого социума о себе и о своем месте в прошлом, настоящем и будущем.

Происходящее, разумеется, не было уникально: рядом завершалось существование Ростовского княжения, оставшаяся доля власти в котором была продана его князьями зимой 1473/74 г., а в 1485 г. независимости лишилась и соседняя Тверь. А. Г. Мельник отметил, что в том же самом 1474 г. в Ростове устанавливается новый култ св. Исайи,

¹²⁷ Об этом см.: Назаров В. Д. О включении Ярославского княжества в состав Российского централизованного государства. С. 295–296.

к которому вскоре — почти сразу же — прибавляется также почитание св. Исидора и Авраамия Ростовских¹²⁸. В Твери же за год с небольшим до утраты власти Михаилом Борисовичем возникает почитание св. Арсения¹²⁹. Инициаторами установления культов в 1474 г. в Ростове и в 1483 г. в Твери выступают местные церковные власти, связь которых с городским социумом и с его светской элитой очевидна (характерно, что часть ростовской знати после 1474 г. нашла себе место на службе архиепископу¹³⁰). Это позволяет предположить определенные параллели с ярославскими событиями 1463 г., где местное сообщество в состоянии социальной нестабильности точно так же искало новые символы своего единства и объекты идентичности, способные прийти на смену олицетворявшему Ярославль, объединявшему «землю» и замыкавшему на себя социальные связи княжескому дому, и где точно так же заметна роль церковной элиты социума в установлении почитания новых чудотворцев. В Твери и Ростове святыми становятся епископы, для Ярославля же этот традиционный для средневековой Руси путь появления покровителя города был невозможен: здесь не было своей кафедры и погребений почитаемых архиереев. В этом смысле показательно, что ранее ставшие патронами Пскова, где также не было своих епископов (и с самого начала не было своей княжеской династии), св. Всеволод-Гавриил и Довмонт — тоже князья, прежние муромские князья же составят позднее и пантеон святых покровителей также не являвшегося центром епископии Мурoma.

О переменах относительно участия в развитии культа Федора самих его потомков можно уверенно говорить лишь с началом XVI столетия: в 1500/1501 г. жена и дочь главы князей Ярославских Даниила Александровича Пенко жертвуют шитый покров на гроб чудотворцев¹³¹, и начиная с 1503/04 г. многочисленные княжеские

¹²⁸ Мельник А. Г. Социальные функции ростовских святых в XII–XVII веках // Изв. Вып. 11 (129). М., 2008. С. 82–83; *Он же*. Становление культа св. Исая Ростовского // ЯПВ. 2012. № 3. Т. 1. С. 270–273.

¹²⁹ Коняевская Е. Л. Очерки по истории тверской литературы XIV–XV вв. С. 307, 326.

¹³⁰ Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII века. М.; СПб., 2009. С. 122–141.

¹³¹ Якунина Л. И. Памятник портретного шитья конца XV века // Древнерусское искусство XV — начала XVI веков. М., 1963. С. 269. Об особом статусе Пенковых Ярославских в рассматриваемый период см.: Сергеев А. В. Князья Ростовские и Ярославские в Русском государстве первой половины XVI века // Формирование единого Русского государства: история и современность. Русский путь. СПб., 2014. С. 79–82; Назаров В. Д. О включении Ярославского княжения в состав Российского централизованного государства. С. 77.

пожалования на протяжении десятилетий адресуются уже «Спасу и пречистой Б(о)жии м(а)т(е)ри и с(вя)т(ы)мъ чудотворьцом Феод(о)ру и Д(а)в(и)ду и Костянтину»¹³². В этот период становится известным и Житие в редакции Ант, где радикальной трансформации подвергся образ святого. К взятым из ранних редакций справке о происхождении и описанию пострига и кончины князя добавился подробный рассказ о его жизни в Орде и службе при дворе хана, о семейно-политических перипетиях Федора в Ярославле и о женитьбе на ханской дочери. Новый эпизод отдаленно напоминает о византийском романе¹³³ и, похоже, испытал воздействие мотивов соседствующих с памятью Федора в Прологе и в месяцесловах (19 сент.) житий Евстафия Плакиды и, в меньшей мере, Михаила Черниговского (оба — под 20 сент.)¹³⁴. Высказывавшееся ранее мнение, что в Ант вошли известия утраченной летописи или некая устная традиция, точно донесшая факты XIII в., не находит подтверждений. Имена близких князя в Ант не соответствуют сохранившимся в источниках и, скорее всего, произвольно взяты автором из летописных статей, не имеющих отношения к Федору Ростиславичу. Описываемые ордынские реалии также недостоверны, а текст эпизода не позволяет предполагать его летописного или фольклорного¹³⁵ происхождения. Судя по всему, мы имеем дело с творчеством спасского иеромонаха Антония, опиравшегося, помимо литературных образцов, лишь на не слишком определенную традицию (монастырскую или, скорее, семейную) о двух браках князя, о его связях с Ордой и о неких сложностях, связанных

¹³² АСЭИ. Т. 3. № 217, 219. Вариант: «к Спасу да к чудотворцу Феодору»: Антонов А. В. Ярославские монастыри и церкви в документах XVI — начала XVII века. № 6, 9.

См. также: Турилов А. А. Заметки о датировке памятников древнерусского прикладного искусства XIII–XV веков: палеографический аспект // Художественная культура Москвы и Подмосковья XIV — начала XX веков: Сб. ст. в честь Г. В. Попова. Труды ЦМИАР. М., 2002. Т. 2. С. 111.

Активизацию культа в это время отразили и вкладные грамоты нетитулованных местных вотчинников: Е. М. и Д. Е. Чернцовы в 1518/19 г. дают пожню уже «в дом Всемилоственного Спаса и великих чудотворцев» (см.: Антонов А. В. Ярославские монастыри и церкви в документах XVI — начала XVII века. № 1), эпитет «великие» применительно к ярославским князьям-чудотворцам с этого времени часто встречается в ярославских актах.

¹³³ Lenhoff G. Early Russian Hagiography... P. 160.

¹³⁴ Выражаю искреннюю благодарность О. В. Гладковой, указавшей мне на эту близость.

¹³⁵ Благодарю А.Б. Мороза за подробные консультации по этому вопросу.

с сохранением за ним его стола, на традицию, ранее не воспринимавшуюся в качестве пригодной для использования в агиографии¹³⁶.

Образ св. Федора в Ант обрел новый, эффектный и совершенно иной облик, сближающийся, судя по всему, отчасти с желаемым, а в значительной мере — и с уже обретенным его потомством, князьями Ярославскими, к концу XV в. новым социальным статусом: князь приближен к верховному правителю («царю» — хану), верно служит ему при дворе, получая «великие почести», Федору даются в управление грады, а в подчинение — князья и бояре, в итоге святой даже обретает брачное родство с самим царем, а тот восстанавливает утраченную князем власть в родовой отчине. Эти детали не были и не могли быть актуальны в эпоху независимого княжения: служба кому угодно была тогда на взгляд средневековых Рюриковичей в принципе не почетна, а, скорее, «нечестна» для князя¹³⁷, уж тем более — подавание чаши господину во время пиров. Память о браках даже с самыми знатными ордынками в XV в. тоже ничего не добавляла княжескому роду¹³⁸. При этом система ценностей, отраженная в Ант, находит соответствия в известиях иностранцев первой четверти XVI в., общавшихся с представителями корпорации князей Ярославских: там репрезентируется манифестация их верной службы великому князю и высокого положения при дворе, выполнение его «честных» служб — в военных походах и в управлении городами и землями, сопрягающиеся с памятью о независимом княжении и с обладанием в его прежних пределах обширными владениями¹³⁹. Вероятнее всего, в Ант мы также имеем дело с элементами нового самосознания этой княжеской корпорации¹⁴⁰,

¹³⁶ Альтернативную версию см.: *Lenhoff G. Early Russian Hagiography...* P. 112–121.

¹³⁷ Ср.: ПСРЛ. Т. 15. Стб. 476.

¹³⁸ Впрочем, традиция минимизации любых сведений о такого рода брачных связях, ничего не добавляющих к правам династии на княжение, восходит к более раннему периоду. См.: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Русские имена половецких князей...* С. 25.

¹³⁹ *Кудрявцев О. Ф. Тракта́т Иоганна Фабри «Религия московитов»*. Вступительная статья, перевод, комментарии // *Россия и Германия*. М., 1998. Вып. 1. С. 18–19; *Герберштейн Сигизмунд*. Записки о Московии. М., 2008. Т. 1. С. 357–359.

¹⁴⁰ Сведений о том, могла ли исходить инициатива появления столь светского по духу эпизода в Ант от князей Ярославских или от монастырских кругов, разумеется, нет — да и вряд ли этот вопрос мог решаться так однозначно, но нужно иметь в виду, что и в конце XV — первой трети XVI вв. потомство Федора сохраняло статус главных вкладчиков обители. К вопросу о возможности выражения в возникших в монашеской среде памятниках аристократической мемориальной традиции см.: *Эксле О. Г. Меморіа Вельфов: домовая традиция аристократических родов и критерии ее изучения*. С. 279–283.

сложившегося параллельно утверждению ее представителей в новом социальном статусе — знатного рода Московского государства, бояр и воевод, играющих значимую роль в осуществлении государственной власти¹⁴¹. И социальная сфера, и географическое пространство их активности изменились по сравнению с 1463 г., и формирование новой идентичности родственной группы, судя по всему, актуализировало значимость для князей Ярославских их происхождения от прославленного святостью знатного предка, как важного элемента самоидентификации и как важной формы манифестации ценностей этой группы¹⁴². Если раньше единство княжеского дома и его статус определялись реальным обладанием княжением (ордынская традиция восприятия Ярослава как независимого стола отражена еще в духовной Ивана Васильевича 1503 г.¹⁴³), то теперь, после того как княжеский дом превратился в территориально-клановую корпорацию служилых князей, ощутимо большую роль в конституировании и консолидации этой общности начинает играть коллективная память группы, ее прошлое, символом сохраняющегося единства с которым становится вечно присутствующий в современности святой родоначальник. Связь с ним определяет и целостность группы¹⁴⁴, и по-прежнему сохраняющуюся в новой социальной реальности иерархию линий и ветвей

¹⁴¹ Об отражении этой системы ценностей в сочинениях князя А. М. Курбского см.: *Ерусалимский К.* Представления Андрея Михайловича Курбского о княжеской власти и русских князьях IX — середины XVI века // *Социум. Альманах соціальної історії*. Київ, 2004. Вип. 4. С. 75–79, 95–100; *Он же.* Историческая память и социальное самосознание князя Андрея Курбского // Там же. Київ, 2005. Вип. 5. С. 229, 232–238, 244–247.

¹⁴² Именно на конец XV в. как на момент завершения трансформации элиты Северо-Восточной Руси, когда князья «перестали быть князьями в их исконном, привычном для традиционного сознания виде», и с точки зрения основ своих взаимоотношений с монархами титулованная элита уже существенным образом не отличается от нетитулованной, указывает В. Д. Назаров: *Назаров В. Д.* О титулованной знати России в конце XV в. (Рюриковичи и Гедиминовичи по списку двора 1495 г.). С. 203–204. Показательно, что св. Давид и Константин ранними летописными и гимнографическими источниками упоминаются как погребенные в схимах и как преподобные, а именно с рубежа XV и XVI в. появляется новая традиция изображения их в соответствующих аристократическому статусу потомства Федора богатых светских одеждах.

¹⁴³ ДДГ. № 89. С. 362.

¹⁴⁴ Важным в этом контексте представляется наблюдение В. Д. Назарова о том, что отделившаяся в XIV в. ветвь династии ярославских Федоровичей, княжившая в Мологе, к концу XV — началу XVI вв. возвращается в рамки родовой корпорации князей Ярославских: *Назаров В. Д.* О включении Ярославского княжения в состав Российского государства. С. 55.

внутри нее: о детях Данилы Пенко родословная книга отмечает: «потому князь Данилов род Пенков в своем роду и больше, что от князя Федора Ростиславича Смоленского и до отца его до князя Александра были на большом княжении»¹⁴⁵. Чуть позже князь Андрей Курбский (родившийся в конце 1520-х гг.), призывая в помощь «всех святых избранных Божиих», специально упоминает именно «государя моего князя Федора Ростиславича» и в самопрезентации гордо указывает на свое происхождение: «рожден бых от благородных родителей, от пленицы же великого князя смоленского Феодора Ростиславича»¹⁴⁶.

С этим комплексом представлений можно связать и проявившуюся активность княжеской корпорации в почитании Федора, Давида и Константина в центре культа — монастыре Спаса, и распространение свидетельств о культе в пунктах, с которыми оказываются связаны князья Ярославские. Предопределяемым их новым положением вкладам в значимые для московской знати монастыри — Троице-Сергиев, Иосифо-Волоцкий, Кирилло-Белозерский — сопутствует появление там рукописей с упоминаниями дней празднования ярославским чудотворцам и текстов Жития. Одновременно параллельно частым наместничествам в 1490–1530-х гг. князей Ярославских в Новгороде, Пскове и других городах этого региона и наделению многих из них поместьями в Новгородской земле именно на Северо-Западе возникают особые группы Проложной редакции Жития Федора¹⁴⁷.

Следует, однако, согласиться с мнением, что отражение известности святого в рукописных памятниках не является надежным индикатором распространения культа — учитывая, что пути перемещения списков (тем более текстов, послуживших им протографами) редко поддаются реконструкции, а указание дней памяти святых не гарантирует празднований им и поклонения в реальности¹⁴⁸. В этом смысле наиболее убедительными свидетельствами культа являются прямые упоминания о почитании святых, адресованные их «дому» вклады,

¹⁴⁵ Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. II. С. 104.

¹⁴⁶ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 8, 109.

¹⁴⁷ Зимин А. А. Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV — первой трети XVI в. // ИЗ М., 1974. Вып. 94. С. 284–285; Кистерев С. Н. Князья Ярославские и Псков в первой половине XVI в. // У источника. М., 1997. Вып. 1. Сборник статей в честь С. М. Каштанова. С. 345–373; Клосс Б. М. Житие Федора Ярославского. С. 268–269.

¹⁴⁸ Мельник А. Г. Почитание ярославских святых Феодора, Давида и Константина за пределами Ярославля в XVI в. // Макариевские чтения. «Священные войны России». Материалы XX Российской научной конференции, посвященной памяти святителя Макария. Можайск, 2013. Вып. XX. С. 118–119.

а также их иконы и храмы. Четыре церкви, посвященные Федору с сыновьями, зафиксированы в Ярославском уезде писцовыми книгами конца 1560-х гг.¹⁴⁹ Они расположены на землях различной принадлежности, но, с учетом того, что неизвестно время их постройки и владельческая история этих земель в XV — первой половине XVI в., сделать однозначные выводы о характере распространения культа до середины XVI в. на этой основе видится затруднительным. Зато известие 1589–1590 гг. о церкви «Федора и Давида и Константина Ярославских чудотворцев» в погосте Валга такие предположения сделать позволяет: погост, как отмечено М. С. Черкасовой, прежде располагался в «княж Ивановской вотчине Пенкова», т. е. в старинной вотчине князей Ярославских на территории их бывшего княжества¹⁵⁰. По поводу придела Ярославских чудотворцев в храме подмосковного Нефимонова, упомянутого в акте 1570/71 г., нужно отметить совпадение редкого названия села и родового прозвища Петра Нефимонова (сына дьяка Василия Нефимонова), упоминаемого в качестве судьи и судного мужа в актах Спасо-Ярославского монастыря рубежа XV–XVI вв., а также и принадлежность села Никите Путилову, сыну дьяка 1550–60-х гг. Путилы Михайлова, ярославского вотчинника, чье имя наряду с именами его предков содержит Кормовая книга того же монастыря¹⁵¹. Учитывая, что главный храм села был посвящен св. Симеону, нужно поддержать предположение А. Г. Мельника, что церковь могла быть построена дьяком Путилой (Семеном) в середине XVI в. По поводу же посвящения придела приходится заключить, что оно было предопределено семейными связями владельцев Нефимонова с Ярославлем

¹⁴⁹ Там же. С. 119.

¹⁵⁰ Переписная и дозорная книга дворцовых земель Вологодского уезда 1589–1590 гг. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вологда, 1972. Вып. 2. С. 160–161; *Черкасова М. С.* Кубено-Заозерский край в XIV–XVI веках // Харовск: Краеведческий альманах. Вологда, 2004. С. 67.

¹⁵¹ АСЭИ. Т. 3. № 213, 214, 218; *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 262–264; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 333–334, 365; Акты Российского государства. Акты московских монастырей и соборов XV — начала XVII в. М., 1998. № 80. С. 195–196, 476; *Рыков Ю. Д.* Вклады государева дьяка П. М. Митрофанова в русские монастыри в эпоху царя Ивана Грозного // Русское Средневековье. Сборник статей в честь проф. Ю. Г. Алексеева. М., 2012. С. 471–526; *Вахрамеев И. А.* Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. Дополнение. Книга Кормовая. М., 1896. С. 17, 18, 23, 31, 34, 35. Никита и Василий Павловы дети Нефимоновы — послухи в данной кн. А. А. Аленкина (ветвь кн. Ярославских) Спасо-Ярославскому монастырю 1547/48 г. См.: *Антонов А. В.* Ярославские монастыри и церкви в документах XVI — начала XVII века. С. 28–29.

и со Спасским монастырем. К середине — второй половине XVI в. следует отнести и появление придела Ярославских чудотворцев в храме с. Никольского Московского уезда — вотчины Троекуровых, ранее принадлежавшей боярину князю Ф. М. Троекурову, также представителю потомства св. Федора¹⁵².

Таким образом, развитие культа Федора, Давида и Константина с конца XV в. сопровождается активизацией в его отправлении и распространении корпорации князей Ярославских, а его территориальное расширение идет в это время параллельно карьерному росту и перемещениям приверженных ему представителей светской служилой элиты, и титулованной, и нетитулованной. Его поддержки со стороны великокняжеской или высшей церковной власти не наблюдается: ярославские чудотворцы по-прежнему не называются среди русских святых — покровителей государства, нет свидетельств о специально адресованных Иваном Васильевичем святым князьям вкладах или о его поклонении их мощам (за исключением его путешествия с наследником Василием за год до смерти в Троице-Сергиев монастырь, Переяславль, Ростов и Ярославль, хотя характер поездки прямо не оговорен)¹⁵³.

После вокняжения Василия Ивановича положение начинает меняться, но, судя по всему, не сразу. Гипотезу о том, что между присоединением в 1514 г. отчины Федора Ростиславича — Смоленска и сооружением в 1515 г. нового монастырского храма Спаса в Ярославле (старое здание с покоящимися в Иерусалимском приделе мощами¹⁵⁴ осталось рядом с новым собором) возможна связь, отражающая обретение культом ярославского чудотворца значимости в контексте межгосударственных отношений¹⁵⁵, не подтверждается связанной со св. Федором письменной традицией. Даже если нарушенные права

¹⁵² Исторические материалы о церквах и селах XVI–XVIII ст. М. (собр. В. и Г. Холмогоровыми), 1885. Вып. 4. Селецкая десятина Московского уезда. С. 60.

¹⁵³ ПСРЛ. Т. 26. С. 296; Т. 20. С. 374; Т. 12. С. 257–258; Т. 8. С. 243 (21 сентября); Мельник А. Г. Московский великий князь Василий III и культы русских святых // ЯПВ. 2013. № 4. Т. I (Гуманитарные науки). С. 7; об этом см. также: Köllmann N. S. Pilgrimage, Procession, and Symbolic Space in Sixteenth-Century Russian Politics // Medieval Russian Culture. Berkeley; Los Angeles, 1994 (California Slavic Studies XIX). P. 170.

¹⁵⁴ Мнению, что престол придела лишь в сер. XVI в. получил посвящение Входу в Иерусалим, противоречит указание Ант в чуде о Михаиле Угримове на «церковь Иерусалима, идѣ же лежат святѣи въ честнѣмъ их гробѣ». См.: Lenhoff G. Early Russian Hagiography... P. 270.

¹⁵⁵ Яганов А. В., Рузаева Е. И. К вопросу об истории Спасского собора... С. 384–385.

святого на отчинный стол и имели бы какой-то потенциал во внешне-политическом дискурсе, тема Смоленска (помимо указания на происхождение героя) ни в это время, ни позже так и не была затронута в связи с князем. Потеря города, где после Федора правили его родичи, а затем власть перешла к Литве, никак не упоминается агиографами.

В первые десятилетия правления Василия Спасский монастырь получает от него жалованные грамоты, но, скорее, от случая к случаю, и без упоминаний о св. Федоре с сыновьями¹⁵⁶. Среди русских святых, которым в 1510-х гг. по воле великого князя были посвящены храмы или изготовлены покровы, ярославские князья также отсутствуют¹⁵⁷. Первые положительные свидетельства об их почитании государем относятся уже к периоду после женитьбы на Елене Глинской: с новой женой он в 1528–1529 гг. отправился к святыням северных городов и монастырей. Летописные известия позволяют предположить, что Ярославль правящая чета посетила дважды: в начале, по пути из Ростова в Вологду, и в самом конце: «и назадь ѣдучи къ Москвѣ былъ в Ярославлѣ»¹⁵⁸.

Следующим этапом развития культа Федора, Давида и Константина стала уже эпоха Ивана Васильевича. Важный аспект прошедшей трансформации восприятия Федора и его почитания отразила новая редакция Жития, созданная для Степенной книги (СК). В сравнении с послужившей ее основой Ант там осознанно усилены все мотивы ордынского эпизода, связанные с преемством князем царской власти от хана: согласно СК, тот «всегда противу себе сѣдѣти повелѣваше ему, и царски вѣнец свои по вся дни полагаше на главу его, и въ свою драхму блачаше его и въ прочая царская одѣяния» и «отпустиша его с великою честию, и царски венец возложи на его», — и с передачей ханом Федору городов, названия которых теперь приведены: ими оказываются Казань, «Блъгары», «Баламаты», «Ареск», Корсунь, Чернигов и т. д.¹⁵⁹ Политико-идеологические коннотации, важные в период подчинения бывших земель Орды и претензий Ивана

¹⁵⁶ Антонов А. В. Акты ярославских монастырей и церквей. М., 1997: № 19, 49, 50, 52, 54. С. 84, 89–90. В этом отношении иммунитетная политика сына великого князя, царя Ивана Васильевича, в отношении того же монастыря, отраженная в десятках актов, отличается от отцовской весьма наглядно. — Там же. С. 90–104.

¹⁵⁷ Мельник А. Г. Московский великий князь Василий III и культы русских святых. С. 9–10.

¹⁵⁸ ПСРЛ. Т. 8. С. 272; Т. 34. С. 16; Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 235.

¹⁵⁹ СКЦР. Т. 1. С. 553.

на царское достоинство, тут очевидны¹⁶⁰. Федор с сыновьями включается СК в число сородичей московских князей — потомство «святого и блаженного царя и великого князя Владимира»¹⁶¹, представляя собой в некотором роде их предтечу во власти над ордынскими «царствами». В этом контексте могут рассматриваться и изображения ярославских чудотворцев на фресках Благовещенского и Архангельского соборов (вероятно, и Золотой палаты) в Кремле и Успенского собора в Свияжске, а также построенная в Казани после ее взятия церковь Федора, Давида и Константина.

Не менее значим и другой аспект: наличие среди потомства св. Владимира (к которому возводится род Ивана Васильевича) многочисленных святых занимает важное место среди аргументов, подкрепляющих права великого князя Московского на царский титул¹⁶². В предшествующий период в качестве «сродичей» и «прародителей» Московского княжеского дома воспринимались и поминались только их прямые предки по восходящей линии, соответственно и в качестве их святых сродников в числе покровителей великого князя на поле битвы вместе с общехристианскими святыми мучениками-воинами назывались лишь «святой старец князь Александр Невский», «равный апостолам великий князь Владимир и сыны его Борис и Глеб»¹⁶³. Однако в середине XVI в. пределы князей-Рюриковичей, долг поддержания памяти о которых как об усопших «сродственниках» берет на себя московский государь, чрезвычайно расширяются. Это демонстрирует не только состав князей, изображенных в кремлевских росписях: как показал А. В. Сиренов, именно тогда по инициативе Ивана Васильевича производятся описания княжеских некрополей в главных соборах центров Московской Руси и государевыми указами определяются перечни регулярных панихид по усопшим князьям¹⁶⁴. Выражением этих процессов становится и отправленный патриарху Иоасафу II в 1557 г. царский родовой помянник (Царский синодик), где поминание родичей «благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси» уже включает около 200 представителей Рюриковичей. Параллельно этому резко растет и перечень святых

¹⁶⁰ См.: Егоров В. Л. Послесловие. Русь противостоит Орде // Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1992. Т. 4. С. 403.

¹⁶¹ СКЦР. Т. I. С. 147.

¹⁶² Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2010. С. 59–69.

¹⁶³ АИ. Т. I. С. 137–138; ПСРЛ. Т. 29. С. 87–88.

¹⁶⁴ Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. С. 60–67.

князей — царских сродников, святость которых начинает почитаться уже на государственном уровне (значительная часть из них, ранее почитавшихся локально или, во всяком случае, не слишком широко, была прославлена в результате «канонизационных» соборов второй половины 1540-х гг.). Это также отражено в Царском синодике, открывающемся именно перечнем святых князей — Рюриковичей¹⁶⁵. Присутствует в нем и «князь во иноцех Феодор» со «чадами его» Давидом и Константином.

Следует заметить, что ярославские князья названы там «новоявленными святыми»¹⁶⁶. Таким образом, можно было бы предположить, что хотя в Ярославле чудотворцев почитали уже почти столетие, для всего Московского государства к середине XVI в. они все еще в какой-то мере новые святые, прославление которых в масштабах Русской земли произошло не так давно или даже еще происходит на глазах у современников¹⁶⁷. Впрочем, несмотря на это, св. Федор, Давид и Константин уже не вошли в число соборно прославленных при митрополите Макарии¹⁶⁸. Уточнить ситуацию помогает третья редакция Жития митрополита Ионы, возникшая ок. 1556 г.¹⁶⁹ Там списку только что прославленных святых под заглавием «О последних новых чудотворцев» предшествует другой: «О первых новых чудотворцев», перечень русских святых от Ольги и Владимира до Дмитрия Прилуцкого, Авраамия и Исидора Ростовских. В самое его начало — после князей-мучеников Бориса и Глеба и Михаила Черниговского — включены и «князи же Феодор Ярославский и с чадами своими Давидом и Костянтином, преподобием и правдою пожившее и Богу угодиша». Святым, прославленным при Макарии («новеишим чюдворцам»), согласно тексту памятника, на соборах «счетааша... подобнообразно празднество» с прежними русскими святыми, «первыми новыми чудотворцами» (в том числе и Федору с сыновьями), которых «память Церкви Божия» на тот момент уже «приала есть празновати»¹⁷⁰. Следовательно, к 1547 г. ярославские князья осознавались как святые, чья святость уже и так в достаточной мере признана всей Русской церковью.

¹⁶⁵ Россия и греческий мир в XVI веке. Т. 1. № 91. С. 215.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Это заметно еще в конце XVI в.: в Пискаревском списке СКЦР «Житие благовѣрных князей Ярославскихъ» попадает в перечень «Новых чюдотворцев»: СКЦР. Т. 2. Приложение 5. С. 461.

¹⁶⁸ Повесть имат сказание, собрано отчасти жития и чудотворения иже во святых отца нашего Ионы митрополита всея Руси // ВЦИ. 2007. № 2 (6). С. 21.

¹⁶⁹ Усачев А. С. Житие митрополита Ионы третьей редакции // ВЦИ. 2007. № 2 (6). С. 12.

¹⁷⁰ Повесть имат сказание... С. 21.

Таким образом, общерусское прославление Федора (выступающее скорее как длящийся на протяжении десятилетий процесс, а не единовременный политико-канонический акт) нельзя поставить в прямую связь с легитимационными и внешнеполитическими коннотациями его культа: его значение как святого сродника царя и великого князя, получившего от хана царские почести и властные правомочия, актуализировалось лишь во время, непосредственно предшествующее походу на Казань и борьбе за признание царского титула. Но, как мы видим, Федор, Давид и Константин тогда — хотя и все еще новые, но уже не нуждающиеся в специальном акте общерусского прославления святые. Это не позволяет считать, что выход на более высокий уровень распространения культа, предполагающий его принятие и поддержку митрополичьей кафедрой и великокняжеским окружением, мог оказаться обусловленным именно политической злободневностью мотивов ордынского эпизода Жития, перешедших из Ант в ВМЧ и усиленных в СК, — почитание св. Федора к моменту осознания ценности данного аспекта его культа уже и так воспринималось как достигшее самого высокого уровня.

Вполне возможно объяснить происшедшее тем, что поклонение ярославским князьям-чудотворцам, долгое время расширяясь и усиливаясь, в итоге достигло степени, влекущей принятие свершившегося факта и общественным сознанием, и владычной кафедрой. Но вероятным кажется действие и еще одного важного фактора: заметного еще с конца правления Василия Ивановича, и особенно ярко — после вступления на престол Ивана Васильевича, включения Федора, Давида и Константина в число святых, лично почитаемых великими князьями.

Некоторые связанные с этим детали можно предположить в связи со спором о покровительстве св. Федора между Иваном Грозным и Андреем Курбским. Уже говорилось, что в знаменитой переписке князь, призывая в помощь «всѣх святых избранных Божиих», специально назвал среди них Федора как своего «государя», а позже снова напомнил царю о своем происхождении от «пленицы же великого князя смоленского Феодора Ростиславича, яко и твоя царская высота добре вѣси от лѣтописцов русских». Контекст тут ясен, отражая, как сказано выше, сложившийся в конце XV — начале XVI в. взгляд князей Ярославских на св. Федора как на символ единства их группы и на своего небесного патрона¹⁷¹. Царь в ответ пишет, что согласен на такого судью в споре с Курбским, как Федор: хотя тот и сродник ярославским

¹⁷¹ См. также: *Ерусалимский К. Ю.* Историческая память и социальное самосознание князя Андрея Курбского. С. 229.

князьям, но святые «видятъ паче по смерти праведне сотворити, и видятъ межи нами и вами яже от начала и до днесь, и то убо праведно разсудятъ». Поясняя, Иван указывает на то, что вопреки воле его недоброжелателей «святый преподобный князь Феодоръ Ростиславичъ, дѣйствомъ Святаго Духа, царицу нашу от вратъ смертныхъ воздвигъ» и, следовательно, «не вамъ способствуетъ, но намъ, недостойнымъ, милость свою спростираетъ». Пример «борьбы за святого» интересен сам по себе, но из слов царя следует еще и то, что он обращался именно к св. Федору при жизни царицы Анастасии во время ее болезни и был, по его мнению, услышан. Это дает почву для заключения, что уже между 1547 и примерно 1558 г. (вряд ли исцеление прямо предшествовало предсмертной болезни царицы) Иван воспринимал св. Федора как одного из своих покровителей — такого, к которому возможно было обратиться со специальным и жизненно важным молением, и тот чудесным образом подтвердил статус патрона правящей семьи¹⁷².

При интерпретации этого может оказаться значимым, что родители царя посетили Ярославль зимой 1528/29 г. в поездке для моления о чадородии после развода и второго брака Василия Ивановича, вызвавших известные споры в обществе. Долгожданный наследник, как известно, появился на свет в следующем году, и его рождение могло связываться, помимо прочего, и с молитвой святых ярославских князей¹⁷³. Любопытна также хронологическая близость происходящего параллельно разводу Василия и его женитьбе на Елене Глинской приближения к государю князей Ярославских (выраженного и в браке осенью 1527 г. сына Данилы Пенко Ивана и Марии Глинской, сестры Елены) с упомянутой поездкой, когда, как сказано, Ярославль в первый раз специально назван местом великокняжеского моления: «и въ Ярославле бы, ездил молитися». Только что ставший своимком Василия И. Д. Пенков сопровождал в этой поездке правящую чету¹⁷⁴, и содержание Жития Федора вряд ли могло остаться неизвестным великокняжеской семье¹⁷⁵. В таком случае видится возможным, что

¹⁷² Особый интерес царя к святому князю подтверждает и приведенный им неизвестный летописям факт биографии Федора — учиненное тем «в Смоленце на Пасху» кровопролитие: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 19.

¹⁷³ Во всяком случае, богомольная поездка Ивана Васильевича 1553 г., прямо связываемая с благодарением за «чадородие» и с рождением наследника, также включала поклонение ярославским чудотворцам: СКЦР. Т. 2. С. 375; ПСРЛ. Т. 13. С. 231–232.

¹⁷⁴ ПСРЛ. Т. 34. С. 16; *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец конца XVI в. С. 235; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России... С. 93.

¹⁷⁵ Укажем на то, что княгини, вложившие 20 июля 1501 г. покров на гроб

на фоне известных острых дискуссий о допустимости для государя второго брака — причем с чужеземкой, род которой возводился к выходцам из Орды — и о правах его потомства от такого брака на власть, для великого князя могло выглядеть особенно ценным сообщение Ант о втором браке св. Федора (которого после возвращения из Орды ярославцы даже не хотели впускать в его город) с ордынской царевной и о том, что дети, родившиеся в таком браке, тем не менее, прославлены с отцом как святые.

Стоит обратить внимание и на неожиданный для окружения Василия его предсмертный постриг, также вызвавший споры¹⁷⁶. Поступая вопреки семейной традиции (его отец, дед и прадед не принимали пострига, приближенные даже напомнили государю, что св. Владимир и иные великие князи умерли не в чернцах и при этом с «праведными обрели покой»¹⁷⁷), Василий мог следовать образцу, данному Федором, — в чаянии, что подражание святому позволит ему получить надежду на прощение явно греховного развода и на небесное покровительство над малолетними сыновьями от второго брака. Если эти предположения не безосновательны, то появление св. Федора в пантеоне «своих» святых великокняжеской семьи уже в 1530–40-е гг. может приобрести достаточно убедительный контекст, объясняющий и особое отношение к нему будущего царя¹⁷⁸. Впрочем, фактов, прямо свидетельствующих в пользу такой гипотезы, все же явно недостаточно. В любом случае, именно практика путешествий-паломничеств московских государей, «объездов», с 1528/29 г. включавших и их поклонение ярославским святым князьям¹⁷⁹, неизбежно должна была способствовать распространению этого культа и, как минимум, его известности при московском дворе, что со всей не-

чудотворцев, — это сестра и мать И. Д. Пенкова, а также на его близость к великой княгине Елене, сохраняющуюся и после смерти ее супруга (*Носов Е. Н.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. С. 294–296; *Кром М. М.* «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. С. 249).

¹⁷⁶ ПСРЛ. Т. 34. С. 23.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Предположение об особом отношении царя Ивана Васильевича к почитанию Федора Ярославского высказали на основании изучения состава стенописи Архангельского собора Е. С. Сизов и Т. С. Самойлова: *Сизов Е. С.* Храм Архангела Михаила на Соборной площади Кремля // *Архангельский собор Московского Кремля. М., 2002. С. 94–95; Самойлова Т. Е.* Святые русские князья в росписи Архангельского собора // Там же. С. 209–210.

¹⁷⁹ См., напр.: ПСРЛ. Т. 29. С. 47; Т. 13. С. 147, 231–232, 399, 400.

избежностью вело к быстрому обретению св. Федором, Давидом и Константином статуса общерусских святых.

Подводя итоги, отметим: имеющиеся источники позволяют заключить, что кульτ святых Федора, Давида и Константина рождается в Ярославле весной 1463 г., а какие-либо убедительные основания для звучащего в историографии мнения о предшествующем народном почитании князей как местночтимых святых отсутствуют. Ранее память о Федоре сохранялась в рамках тегога местной княжеской династии в Спасском монастыре потомством князя и братией обители, не выходя за рамки обычного для Средневековья почитания предка-родоначальника и заботы о месте его упокоения, формирующих единство аристократической группы и легитимирующих ее власть. Прямых сведений о факторах, вызвавших резкое изменение характера социальной памяти о князе Федоре, выход его почитания за рамки родственной группы и осознание его городской общиной Ярославля как святого-патрона и как чудотворца, не имеется. При этом источники не подтверждают деятельного участия ярославского княжеского дома в событиях прославления чудотворцев, а на первых порах — и в становлении их культа. Одновременно известия об обретении мощей и о последующих чудесах демонстрируют особую активность в почитании новых святых представителей социальной элиты центра утрачивающего независимость княжества. Становление культа также показывает: при очевидной роли в его поддержании монастырской общины, важнейшей движущей пружиной оказываются люди, причастные к высшим слоям Ярославля, к которым вскоре присоединяются и те, кто представлял в городе уже великокняжескую власть. Возможно осторожное предположение, что события, связанные с прославлением и началом почитания мощей первых ярославских чудотворцев, могут быть поставлены в определенную связь с восприятием происходящего социально-политического кризиса социальной элитой стольного города Ярославского княжения, обеспокоенной своим будущим в свете предстоящих изменений, ощущающей угрозу своему единству и социальному статусу и нуждающейся в новом символе идентичности, независимом от изменения политических обстоятельств. В дальнейшем (1480–1530-е гг.) за границы бывшего княжества поклонение ярославским князьям-чудотворцам распространяется в первую очередь по каналам коммуникаций светской элиты. Вероятно, явно аристократическому характеру складывающегося культа способствовало знатное происхождение почитаемых. При этом говорить об «общерусском почитании» (даже с учетом известной неопределенности термина) для конца XV — первой четверти XVI в. нет оснований: факты, отражающие известность св. Федора

за пределами Ярославля, проще связать с происходящими из города служилыми людьми, в том числе и с представителями ярославского княжеского рода, роль которого в управлении государством в это время растет. Их участие в почитании святых предков ощутимо активизируется начиная с рубежа XV–XVI вв., что может свидетельствовать об обретении культом роли символа идентичности родственной группы князей Ярославских. Возникающая в патронированном ими монастыре Спаса Антониевская редакция Жития Федора манифестирует новые ценности этой аристократической корпорации, ориентированной на высокое положение при дворе, но сохраняющей земли, влияние и память о власти в родовом гнезде. Осмысление Федора и его сыновей как общерусских святых фиксируется уже в эпоху Ивана Грозного, когда в распространение их культа включилась государственная власть. Это может быть связано не только с актуализировавшейся в эпоху принятия нового титула и присоединения Казани темой ордынских связей и царского достоинства Федора с сыновьями и с проявившейся в это время тенденцией к восприятию в качестве царских сродников уже всех прославленных святостью представителей рода Рюриковичей, но и с возможностью восприятия царем князя-чудотворца как святого, входящего в число личных патронов и покровителей великокняжеской семьи. Относительно сопоставления культа Федора Ярославского с западнохристианскими культами святых правителей следует признать, что не обнаруживается надежных оснований для сравнения почитания князя с культами раннесредневековых святых королей, возникавшими в периферийных регионах в процессе христианизации варварских обществ, или с династическими культами и политическими канонизациями высокого Средневековья: почитание Федора с сыновьями зарождается в уже глубоко религиозном социуме, а некоторые легитимационные функции его культ обретает лишь позднее, к середине XVI в. Вместе с тем, рассмотрение связи развития культа святых ярославских князей с его ролью объекта идентификации различных средневековых социальных групп, конструирующих свой образ и свою социальную память, позволяет предположить определенный потенциал для компаративных исследований в этой сфере.

М. В. Печников

**Иван III и новгородский розыск 1487–1490 гг.
Ч. 1¹**

К деятельности Новгородского и Псковского архиепископа Геннадия (Гонзова) (1484–1504) в последнее время наблюдается повышенный интерес исследователей, в основном связанный с возобновившейся дискуссией о «ереси жидовствующих», о существовании которой впервые было заявлено этим архиереем². Особое значение

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный автором 17 декабря 2013 г. в Центре истории Др. Руси ИРИ РАН (руководитель — д. и. н. В. А. Кучкин). Я очень признателен всем сотрудникам Центра за проявленный интерес к моему исследованию и ценные замечания.

² См. основные исследования на данную тему кон. XX — нач. XXI в. (без учета литературы, специально посвященной памятникам так называемой «литературы жидовствующих»): *Скряинников Р. Г.* Государство и Церковь на Руси XIV–XVI вв. Подвижники Русской Церкви. Новосибирск, 1991. С. 126–156; *Он же.* Рус. церковь в XV–XVI вв.: Взаимоотношения Москвы и Новгорода // *Московская Русь (1359–1584): Культура и ист. самосознание.* М., 1997. С. 543–556; *Pliguzov A.* Archbishop Gennadii and the Heresy of the “Judaizers” // *Harvard Ukrainian Studies.* Vol. XVI. № 3/4 (1992, December). P. 269–288; *De Michelis C. G.* La Valdesia di Novgorod: «Giudaizzanti» e prima riforma (sec. XV). Torino, 1993; *Хоулетт Я. Р.* Свидетельство архиеп. Геннадия о ереси «новгородских еретиков, жидовская мудрствующих» // *ТОДРЛ.* 1993. Т. 46. С. 53–73; *Она же.* Ересь жидовствующих и Россия в правление Ивана III // *Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века.* СПб., 2006. С. 118–130; *Лурье Я. С.* Источники по истории «новоявившейся новгородской ереси» («жидовствующих») // *Jews and Slavs. Jerusalem,* 1995. Vol. 3. P. 199–223; *Он же.* Послания Геннадия Новгородского и вопрос “о конце мира” в XV в. // *Harvard Ukrainian Studies.* Vol. XIX. Cambridge, 1995. P. 358–374; *Эттингер Ш.* Влияние евреев на «ересь жидовствующих» в Московской Руси // *Jews & Slavs. Jerusalem;* СПб., 1995. Vol. 4. P. 9–27; *Klier J. D.* Judaizing without jews? Moscow; Novgorod, 1470–1504 // *Московская Русь (1359–1584): Культура и историческое самосознание.* М., 1997. P. 336–349; *Григоренко А. Ю.* Духовные искания на Руси кон. XV в. СПб., 1999; *Он же.* Духовная культура Московской Руси кон. XV — первой пол. XVI в. СПб., 2012; *Раба Й.* “Жидовствующие” ли? История задушенной мысли // *Russia mediaevalis.* München, 2001. Tomus X, 1. С. 126–149; *Цветков М. А.* Захар стригольник в послании архиепископа Геннадия // *Новгородский арх. вестн.* 2001. № 2. С. 19–24; *Он же.* Послание архиепископа Геннадия Новгородского епископу Прохору Сарскому в контексте

имеет начальный этап пребывания Геннадия на кафедре, с прибытия в Новгород в 1485 г. до московского собора 1490 г., который подвел итог «еретическому» делу, инициированному новгородским владыкой.

Усилия исследователей не одного поколения были сосредоточены на реконструкции «учения жидовствующих» («идеологии новгородско-московской ереси»)³. Накопленная историографическая инерция

правилами новгородских кормчих кон. XV — XVI вв. // НИС. СПб., 2003. Сб. 9 (19). С. 179–196; *Он же*. Собор 1488 г. на новгородских еретиков (по Посланию архиепископа Геннадия епископу Нифонту Суздальскому и грамотам великого князя Ивана III и митрополита Геронтия архиепископу Геннадию) // Там же. СПб., 2005. Сб. 10 (20). С. 122–132; *Петрухин В. Я.* С чего начиналась «ересь жидовствующих»? // Народная медицина и магия в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2007. С. 11–19 (То же // *Белова О. В., Петрухин В. Я.* «Еврейский миф» в славянской культуре. М., Иерусалим, 2008. С. 169–179); *Он же*. Иван III — ересиарх? К спорам о ереси «жидовствующих» // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской. М., 2015. Т. 2. С. 158–170; *Алексеев А. И.* К вопросу о достоверности свидетельства архиепископа Геннадия Гонзова о «ереси жидовская мудрствующих» // Сословия, институты и государственная власть в России: Средние века и раннее Новое время: Сборник статей памяти академика Л. В. Черепнина. М., 2010. С. 531–545; *Он же*. Послания архиепископа Геннадия: Проблема достоверности сведений о ереси «жидовская мудрствующих» // НИС. СПб., 2011. Вып. 12 (22). С. 128–150; *Он же*. Религиозные движения на Руси последние трети XIV — нач. XVI в.: Стригольники и жидовствующие. М., 2012. С. 251–272, 416–424, 441–455; *Мусин А. Е.* Загадки дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X–XVI вв. СПб., 2016. С. 186–204; *Дмитриев М. В.* От антииудаизма к иудайзантизму в православной культуре востока Европы в конце XV — XVI вв. // POLYSTORIA: Цари, святые, мифотворцы в средневековой Европе. М., 2016. С. 207–264.

- ³ Научная литература по проблеме «жидовствующих» чрезвычайно обширна. Наличие хороших историографических очерков, в том числе вышедших совсем недавно, избавляет меня от необходимости специально останавливаться на общей литературе вопроса в этой, и без того объемной, статье (см.: *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения. С. 74–91 (рассмотрена литература до сер. XX в.; текст принадлежит Я. С. Лурье); *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба. С. 76–95; *Зеленина Г. С.* От мифа заражения к теории заговора: идеологизация памяти о жидовствующих в различных дискурсах // История — миф — фольклор в еврейской и славянской культурной традиции. М., 2009. С. 105–121 (наряду с научными рассмотрены также паранаучные и публицистические концепции); *Алексеев А. И.* Религиозные движения на Руси. С. 215–250). Обвинения в ереси нередко принимались исследователями на веру (причем зачастую в их позднейшей версии, изложенной в сочинениях волоцкого игумена), и полемика велась лишь о том, какого рода преступление против церкви за этим скрывалось — отступничество

до настоящего времени препятствует историкам посмотреть на развитие еретического дела кон. XV в. не как на «идеологическую борьбу», но прежде всего как на судебно-следственный процесс, ведшийся в определенных исторических условиях (наиболее значительные работы, способствующие прояснению обстоятельств «еретического дела» 1487–1490 гг., принадлежат, на наш взгляд, Я. С. Лурье, Я. Р. Хоуллетт и А. И. Плигузову).

Для рассмотрения событий указанного периода необходимо привлечение по возможности современных им источников. Важным с методологической точки зрения представляется отсечение на первоначальном этапе исследования ретроспективных свидетельств более поздних памятников. Прежде всего это касается комплекса информации, связанного с «Книгой на новгородских еретиков» («Просветителем») прп. Иосифа Волоцкого, через призму представлений которого о ходе еретического дела оно воспринималось и воспринимается многими историками. Несомненно, что Иосиф обратился к еретической тематике после собора 1490 г., как минимум через несколько лет после него⁴, при этом какие-либо достоверные сведе-

в иудейство, предреформационное вольномыслие или что-то иное. В дореволюционный период историки руководствовались прежде всего «Просветителем», в то время как остальные источники вводились в оборот довольно медленно и использовались в качестве дополнительных; при этом церковные историки (архиеп. Филарет (Гумилевский), митр. Макарий (Булгаков), Е. Е. Голубинский и др.) поставить под сомнение сведения, сообщаемые преподобным Иосифом, не могли. В советский период историки 1950–1980-х гг. (А. И. Клибанов, Я. С. Лурье, А. А. Зимин и др.), находясь под сильным идеологическим давлением, вынуждены были выискивать в древнерусском прошлом факты классовой борьбы, а ереси, согласно классикам марксизма, считались одной из форм острого социального противостояния (в религиозной оболочке). В зарубежной историографии последних десятилетий (американской, немецкой, израильской) заметно настойчивое стремление обнаружить факты иудейского влияния на культуру позднесредневековой Восточной Европы, в том числе Новгорода и Москвы, что, согласно исследователям, порождало критическое отношение к православной традиции (см.: Зеленина Г. С. От мифа заражения к теории заговора. С. 109–111).

⁴ Датировка отдельных «сказаний», «слов» и «Просветителя» Иосифа Волоцкого остается дискуссионным вопросом в современной историографии. Я. С. Лурье считал, что отдельные «слова» предшествовали «Книге на новгородских еретиков», первичной редакцией которой была краткая, составленная в 1502–1504 гг. и состоящая из 11 «слов»; в это время было составлено и открывающее текст «Просветителя» «Сказание о новоявившейся ереси», посвященное ее ранней истории (Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — нач. XVI в. М.; Л.,

ния о причастности волоцкого игумена к борьбе против «жидовской ереси» до 1490 г. включительно отсутствуют⁵. Плодотворность такой методики продемонстрирована в относительно недавнем исследовании Я. С. Лурье сведений летописей о политической истории Руси XV в.⁶

Ранних источников, созданных в рассматриваемый период, сохранилось немало (переписка Геннадия с церковными иерархами и великим князем Иваном III, памятники, отразившие ход и результаты московского собора 1490 г.), при этом они довольно информативны. Возможности их изучения отнюдь не исчерпаны; это касается как внутренней критики текстов, так и рассмотрения их в широком контексте церковно-государственных отношений того времени, политики Москвы в отношении недавно присоединенного Новгорода и других аспектов внутренней политики в последней трети XV в.

1955. С. 438–466; Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике кон. XV — нач. XVI. М.: Л., 1960. С. 95–127; *Он же*. Когда была написана «Книга на новгородских еретиков»? // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 80–88). По мнению А. И. Плигузова, первоначальная редакция гораздо старше и в составе 10 «слов» появилась уже в 1492–1494 гг. (Плигузов А. И. «Книга на еретиков» Иосифа Волоцкого // История и палеография. М., 1993. С. 90–139). Согласно выводам А. И. Алексеева, первоначальной была Пространная редакция, включавшая к 1502 г. не менее 13 «слов»; работа над ней началась, вероятно, в 1499–1500 гг.; последнее, 16-е «слово» этой редакции памятника было написано между 1505 и 1507 гг. (Алексеев А. И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510-х гг. СПб., 2010. С. 204–315). «Полученные результаты текстологического исследования, — пишет исследователь, — заставляют признать, что два основных комплекса антиеретических сочинений (послания архиепископа Геннадия, “Просветитель” и послания Иосифа Волоцкого) разделяет период более десятилетия (1490–1502), который не оставил никаких следов полемической борьбы» (Там же. С. 314). Выводы А. И. Алексеева были приняты М. В. Дмитриевым (Дмитриев М. В. От антииудаизма к иудаизантизму. С. 218–219) и В. М. Кириллиным (Кириллин В. М. «Истинные воины Царя Небесного»: Преподобный Сергей Радонежский и Иосиф Волоцкий в древнерусской литературе и предании Церкви (Сборник историко-филологических статей). М., 2016. С. 218–259), которые, впрочем, самостоятельного текстологического исследования «Книги на новгородских еретиков» не предпринимали.

⁵ См. об этом: Алексеев А. И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510-х гг. СПб., 2010. С. 235–242; *Он же*. О вступлении Иосифа Волоцкого в борьбу с ересью жидовствующих // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской. М., 2015. Т. 2. С. 148–157; Там же // *Он же*. Духовная культура средневековой Руси. М., 2016. С. 184–211.

⁶ Лурье Я. С. Две истории Руси XV в.: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994.

Одним из ключевых для рассматриваемой темы представляется вопрос об отношении к «ереси» и степени «посвященности» в нее самого государя всея Руси, великого князя Московского Ивана III Васильевича. К Иосифу Волоцкому восходит широко распространенная в историографии точка зрения, что Иван III, зная о ереси, приближал еретиков к себе и препятствовал их преследованию. В послании Иосифа архимандриту Андрониковского монастыря Митрофану, бывшему духовнику московского государя, написанном летом 1504 г. волоцкий игумен пишет, что он имел беседу с великим князем, и тот «почаял говорити о новгородцких еретикех, да молвил мне так: “И яз, деи, ведал новгородцких еретиков, и ты мя прости в том” [...] Да и сказал ми, которую дрѣжал Алексей протопоп ересь, и которую ересь дрѣжал Феодор Курицин»⁷. В «Сказании о новоявившейся ереси новгородцких еретиков...» (введении к «Просветителю») Иосиф отмечал, что митрополит Московский Геронтий не боролся с ересью «или грубостию съдрѣжим, или не радяше о сих, или бояшеса державного (т. е. Ивана III. — М. П.)»⁸. Кроме того, историки давно обратили внимание на странную форму клятвы в 1488 г. перед удельным князем Андреем Васильевичем Углицким, вложенную летописцем в уста Ивана III. Великий князь заявил брату, что не хочет его «поимати», при этом клялся «небом и землею и Богом сильным, творцем всеа твари»⁹. В этой фразе даже самые критически настроенные историки усматривали свидетельство о склонности самого великого князя к еретичеству¹⁰.

А. И. Алексеев, автор новейшей монографии по истории русских религиозных движений, поддерживает давно сложившийся в историографии тезис, что «позиция великого князя по отношению к еретикам вполне может быть названа покровительственной». При этом исследователь отмечает «две стороны» религиозного поведения государя всея Руси: «приверженность элементам традиционного религиозного мировоззрения и интерес к усвоению элементов вероучения иных конфессий [...] При дворе Ивана III долгое время господствовал дух религиозной толерантности, навлекший на великого князя обвинения в неправославности». Отметив склонность Ивана III к иноверию, А. И. Алексеев, тем не менее, парадоксальным образом заключает, что

⁷ Послания Иосифа Волоцкого. М.: Л., 1959. С. 175–176.

⁸ Источники по истории еретических движений XIV — начала XVI в. // *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения. № 28. С. 471, 481 (далее — Источники).

⁹ ПСРЛ. Т. 20. С. 353; Т. 6. Вып. 2. Стб. 323.

¹⁰ См., напр.: *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба. С. 143, 239.

«великий князь являлся гармоничной личностью, в которой уважение к церкви, почитание святынь и монастырей сочетались со стремлением властно проводить в жизнь свой идеал благочестия, вступая в острые конфликты с церковной иерархией», что он был «носителем типичного для великих князей Московского дома XIV–XV вв. типа благочестия, в котором уравновешивались ревность к вере с соображениями текущей политики»¹¹. Тем не менее, «послания архиепископа Геннадия были написаны в период, когда еретики пользовались поддержкой великого князя, а новгородский владыка испытывал явно выраженный дефицит доверия со стороны носителя высшей власти»¹².

В. Я. Петрухин, полемизируя с А. И. Алексеевым по вопросу о степени склонности государя всея Руси к гетеродоксии, коснулся лишь проблемы вышеприведенной клятвы Ивана III, которую исследователь справедливо считает явно недостаточным основанием для суждения о неправославных взглядах правителя¹³. Вопрос о покровительстве Ивана III «ереси жидовствующих», однако, этими возражениями не снимается. Для его разрешения необходимо прежде всего поэтапное рассмотрение следственных действий, предпринятых с самого начала «еретического дела» в Новгороде и Москве в 1487–1490 гг.

I

Архимандрит московского Чудова монастыря в Кремле Геннадий (Гонзов) был поставлен в архиепископы Новгородские и Псковские митр. Геронтием (1473–1489) 12 декабря 1484 г.¹⁴ Этому акту хирото-

¹¹ Алексеев А. И. Заметки о религиозности Ивана III // Исследования по истории средневековой Руси: К 80-летию Ю. Г. Алексеева. М.; СПб., 2006. С. 199; Он же. Религиозные движения на Руси. С. 476.

¹² Алексеев А. И. Послания Геннадия Гонзова. С. 129; Он же. Религиозные движения на Руси. С. 255.

¹³ Петрухин В. Я. Иван III — ересиарх? С. 158–170. Действительно, летописец вряд ли сам присутствовал при разговоре Ивана III с удельным князем и наверняка знал только его примерное содержание из устного рассказа, передающего эмоционально окрашенную устную речь. С тем же основанием можно обвинить самого Иосифа Волоцкого в политеизме, поскольку в «Сказании о новоявившейся ереси» он восклицает: «О земле, о солнце, како терпиши!» (Источники. № 28. С. 471, 481).

¹⁴ ПСРЛ. Т. 18. С. 270; Т. 20. Ч. 1. С. 351; Т. 23. С. 184; Т. 24. С. 204; Т. 26. С. 276; Т. 27. С. 286, 358; Т. 28. С. 153, 318; Т. 43. С. 207; Т. 6. Вып. 2. Стб. 320; Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 125. Одновременно Чудовским архимандритом стал близкий Геронтию Макарий, оставивший должность сразу после кончины этого митрополита в 1489 г., а за год до этого приговоренный Иваном III к торговой казни по обвинению о подделке документа (см.: Да-

нии предшествовали события, значение которых для последующего развития «еретического дела» обычно недооценивалось.

Чудовским архимандритом Геннадий стал между 1472 и 1477 гг. (вполне вероятно, уже осенью 1472 г.)¹⁵. Данная должность, как показало исследование Д. Г. Давиденко, означала к тому времени большую приближенность к великому князю, чем к митрополиту, поскольку монастырь находился с кон. XIV в. под великокняжеской юрисдикцией (кроме «духовных дел»), и, например, его земельные операции совершались без доклада митрополиту и без фиксации в Копийной книге митрополичьего дома; великие князья считали Чудов монастырь «своим»¹⁶. Действительно, согласно летописным данным, архимандрит Геннадий был человеком, всецело преданным великому князю Ивану Васильевичу, что особенно проявилось в период ухудшения отношений московского государя с митрополитом всея Руси Геронтием, начавшийся в кон. 70-х гг. XV в.¹⁷

виденко Д. Г. Чудов монастырь... С. 58–59). Очевидно, архимандритство Макария в великокняжеском монастыре явилось следствием определенного компромисса между великим князем и митрополитом, о чем говорилось выше.

- 15 Предшественник Геннадия, архим. Феодосий, осенью 1472 г. был хиротонисан во епископа Рязанского (ПСРЛ. Т. 28. С. 145). Первое упоминание Геннадия в летописи связано с пожаром в Кремле 16 февраля 1477 г., когда «в 7 час ночи у Михаилава Чюда згоре трапеза да архимандритова келья Генадиева» (ПСРЛ. Т. 25. С. 309; Т. 28. С. 311; ср.: Т. 12. С. 169). В 1483 г. Геннадий заложил в Чудовом монастыре каменную церковь во имя свт. Алексия с трапезной (ПСРЛ. Т. 27. С. 286). В качестве чудовского архимандрита Геннадий упоминается в двух сохранившихся в подлинниках актах, не имеющих четкой датировки, которые посвящены землевладению Чудова монастыря на Яузском Мытище (АСЭИ. Т. 3. № 43. С. 64; № 44. С. 64–65).
- 16 См.: *Давиденко Д. Г. Чудов монастырь в системе церковной и государственной власти в XIV начале XVI в. // Московский Кремль XV столетия: Древние святыни и исторические памятники. М., 2011. С. 47–61; АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 28. С. 50–51.*
- 17 Наиболее известен возникший в 1478/79 г. спор о подчиненности Кирилло-Белозерского монастыря между кн. Михаилом Андреевичем Верейско-Белозерским и Ростовским архиеп. Вассианом (Рыло) (см.: ПСРЛ. Т. 23. С. 178–179; Т. 28. С. 148, 312–313; Т. 24. С. 197; Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 117–118; АСЭИ. Т. 2. № 315. С. 279–282). Митрополит Геронтий поддержал Михаила Андреевича, который отстаивал изначальное, установленное прп. Кириллом Белозерским, право патроната князя над монастырем, однако затем под давлением Ивана III, который угрожал ему соборным судом, был вынужден уступить. В 1479 г. Иван III сделал «игумна» заложенной на посаде церкви в честь своего небесного покровителя св. Иоанна Златоуста «выше всех соборных попов и игуменов града Москвы и загородских попов» (ПСРЛ. Т. 25. С. 323), что, конечно, являлось втор-

В 1479 г. Геннадий вместе с ростовским архиепископом Вассианом (Рыло) встал на сторону великого князя при его конфликте с митрополитом, связанном с освящением митрополитом и собором духовенства главного храма Русской митрополии — Успенского собора, которое произошло 12 августа (притом что большинство духовенства и монастыря поддержало Геронтия, ссылаясь, в частности, на афонскую практику)¹⁸. Таким образом, большинство духовенства и монастыря было на стороне митрополита, а Ивана III поддерживали только Ростовский архиеп. Вассиан и чудовский архимандрит Геннадий.

Споры о «хождении посолонь» разгорелись с новой силой в 1481 г. Великий князь запретил освящать новопостроенные в Москве церкви. 24 августа митрополит покинул свой двор в Кремле и переселился в Симонов монастырь, угрожая оставить кафедру в том случае, если Иван III не признает его правоту («аще и князь велики не добиет челом и роптания того не оставит, что посолонь ходити, и он хотяше до конца оставити сан митропольской и в кельи житии»). Вновь, как и за два года до этого, «все священники, и книжники, и иноки, и миряне по

жением в область церковной компетенции. Вероятно также, что великий князь не желал, чтобы Геронтий, по сложившейся с митр. Ионы традиции, при жизни назначил себе преемника, — около 1477 г. тверской еп. Вассиан (Стригин Оболенский) обещал «не отступати» от Геронтия и того, кого митрополит благословит «на свое место, на Рускую митрополию» (РФА. Ч. 3. Прил. № 38. С. 689–690).

¹⁸ См.: ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 286–287; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 335. Сведения о споре сохранились только в независимом церковном летописании (отразившемся в митрополичьем своде 1518 г., представленном Львовской и Софийской I летописями, по гипотезе Б. М. Клосса и В. Д. Назарова — в так называемом «Успенском летописце», составленном в 1489 г. или вскоре после него, происхождение этого свода было связано с клиром московского Успенского собора (Клосс Б. М., Назаров В. Д. Полемиическое сочинение 1481 г. о хождении «посолонь» // *Московская Русь (1359–1584): Культура и историческое самосознание*. М., 1997 (UCLA Slavic Studies, New Series, Vol. III). С. 356–357). Сам конфликт, как показали Б. М. Клосс и В. Д. Назаров, разгорелся уже осенью, после пожара, случившегося в ночь с 9 на 10 сентября в московском Кремле, что было воспринято как проявление Божьего гнева (Клосс Б. М., Назаров В. Д. Полемиическое сочинение 1481 г. С. 360–361). Ивану III напомнили, что митрополит с собором духовенства при освящении Успенского храма пошел крестным ходом вокруг храма против солнца, в восточную сторону, а не на запад, «посолонь». Как пишут указанные исследователи, «его (Ивана III. — М. П.) победа в споре ставила под вопрос правомочность митрополита занимать первосвятительскую кафедру. Ибо из-за его ошибки главный храм русской православной церкви терял свое сакральное (правоверное) значение» (Там же. С. 374)).

митрополите глаголаху, а по великом князе мало их, един владыка ростовский князь Асаф (Оболенский, ставший епископом в 1481 г. после кончины Вассиана. — М. П.), да архимандрит чудовской Генадеи»¹⁹. Лишь после покаяния Ивана III, принесенного сначала через наследника Ивана Молодого, а затем и лично, и обещания быть впредь послушным митрополиту Геронтий вернулся на митрополичий двор. Упорство первосвященника объясняется тем, что в его окружении практика хождения по ходу солнца считалась латинским обычаем²⁰. В связи с этим следует отметить примечательное известие, сохранившееся в независимом летописании кон. 80-х гг. XV в., — закончив возведение Успенского собора (начатое по велению великого князя²¹), архитектор Аристотель Фьораванти «в алтаре же над митрополичим местом крыж

¹⁹ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 313–314; Т. 20. Ч. 1. С. 348.

²⁰ Так «хождение посолонь» расценивалось в грамоте молдавского еп. Вассилия, доставленной в Москву в 1484 г. (Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников императорской Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 507–508), а также в краткой статье в составе сборника кон. XV в. (РГБ. Муз. № 3271. Л. 44об.): «Да и не идут опако, якоже латине еретици обращаются. Но сице подобает, якоже со святыми дары одесную (т. е. на восток, против солнца. — М. П.) ити. Аще ли кто от священник начнет инако мудрствовать, яко же еретицы фрязи, анафема такового, и послушающей его, яко единомысленници с ними осудятся» (Седельников А. Д. Рассказ 1490 г. об инквизиции // Труды Комиссии по древнерусской литературе. Л., 1932. Т. 1. С. 42). В составленном, вероятно всего, в 1481 г. полемическом сочинении о порядке освящения храмов говорилось, что хождение против солнца утверждено собором русских иерархов в Москве 1451 г., и указывалось, что такая практика существовала при митрополитах Киприане и Фотии. Начало на Руси хождения «посолонь» возводилось к периоду 30-х гг. XV в., когда на Руси не было митрополита и «начаша святительскую власть князи держати», «по мирских человек воле ходили, без святителя» — между святительством Фотия и возведением на кафедру митр. Исидора, подписавшего Флорентийскую унию (Клосс Б. М., Назаров В. Д. Полемическое сочинение. С. 384). А. И. Алексеев полагает, что хождение «посолонь» господствовало до конца XIV в., и «великий князь рьяно отстаивал традиционный обычай (против мнения митрополита и большинства духовенства) и уступил только в силу обстоятельств» (Алексеев А. И. Заметки о религиозности Ивана III // Исследования по истории средневековой Руси: К 80-летию Ю. Г. Алексеева. М.: СПб., 2006. С. 190). Однако сочинение 1481 г. позволяет лишь утверждать, что и во время митр. Киприана при освящении храмов ходили против солнца, но не говорится, что это было нововведением той эпохи (Клосс Б. М., Назаров В. Д. Полемическое сочинение. С. 384).

²¹ Клосс Б. М., Назаров В. Д. Летописные источники XV в. о строительстве московского Успенского собора // Акты Российского государства: Архивы московских монастырей и соборов XV — нач. XVII в. М., 1998. С. 532–533, 542.

лятский (католический крест. — М. П.) истеса на камени за престолом, егоже митрополит последи стесати повеле»²².

По наблюдениям Д. Г. Давиденко, в сер. XV в. отмечается «традиция, когда духовниками (великих. — М. П.) княгинь могли выступать архимандриты Чудова монастыря»²³. Вполне вероятно поэтому, что архим. Геннадий являлся духовником вел. княгини Софьи «римлянки» (урожденной Зои Палеолог), на которой Иван III женился в 1472 г. Геннадий (Гонзов), несомненно, был лично знаком с входившими в ближайшее окружение Софьи Дмитрием и Юрием Мануиловичами Траханиотами, сыновьями видного сторонника Флорентийской унии Мануила Траханиота Буллотеса²⁴. Завязавшиеся отношения с обра-

²² ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 286; Т. 20. Ч. 1. С. 335.

²³ Давиденко Д. Г. Чудов монастырь... С. 57.

²⁴ Дмитрий Мануилович (Дмитрий Старый) возглавлял двор великой княгини Софьи, а Юрий Мануилович был одним из виднейших дипломатов своего времени (см.: Флора Б. Н. Греки-эмигранты в Русском государстве второй половины XV — начала XVI в.: Политическая и культурная деятельность // Руско-балкански културни врзки през средновековието. София, 1982. С. 123–143; Лурье Я. С. Траханиот Юрий Дмитриевич // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 435–437; Буланин Д. М. Траханиот Юрий Дмитриевич // Там же. С. 437–438; Он же. Траханиот Юрий Мануилович // Там же. С. 438–439; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии. С. 273–274). Дмитрий написал Геннадию послание, в том числе по вопросу «о летах седьмой тысячи» (1488–1489) (Плигузов А. И., Тихонюк И. А. Послание Дмитрия Траханиота Новгородскому архиепископу Геннадию Гонзову о седмичности счисления лет // Естественнаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 71–75); Юрий по заказу Геннадия занимался переводами, вероятно с греческого, и намеревался посетить его в Новгороде (Там же. С. 72–73), а в 1490 г. предоставил новгородскому архиепископу сведения об испанской инквизиции имперского посла Георга фон Турна, с которым он вел переговоры (Седельников А. Д. Рассказ 1490 г. об инквизиции // Труды комиссии по древнерусской литературе. Л., 1932. Т. 1. С. 33–57). В одиннадцатой степени «Степенной книги» (составленной, вероятнее всего, в стенах Чудова монастыря, архивом которого пользовался составитель (Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. С. 363–373)) сохранилось уникальное известие, что поставленный в архиепископы Геннадий, покидая Москву, поручил попечение о Чудовом монастыре Траханиотам (ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21. 2-я пол. С. 367; Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2008. Т. 2. С. 35). Сообщение этого относительно позднего (кон. 50-х — нач. 60-х гг. XVI в.) источника подтверждает то, что в архиве Чудова монастыря хранились купчие Юрия Дмитриевича Траханиота 1501–1502 гг. (Антонов А. В. Вотчинные архивы московских монастырей и соборов XIV — нач. XVII в. // Русский дипломатарий. М., 1997. Вып. 2. С. 87). Показательно также, что в 1522–1525 гг. Юрий Малый принял в Чудовом монастыре монашеский постриг с именем Геннадий (ГИМ.

зованными выходцами с Запада Траханиотами, бывшими униатами²⁵, несомненно, помогли сформироваться культурным интересам Геннадия, проявившимся особенно ярко в кон. XV в. — нач. XVI в. в переводческой деятельности «Геннадиевского кружка»²⁶. Сыграло это, как будет показано ниже, немаловажную роль и в развитии дела «жидовская мудрствующих».

В январе 1480 г. великий князь «поимал» в Новгороде архиепископа Феофила, который был обвинен в «кормомеле» и вывезен в Москву вместе со всей своей казной²⁷. Феофил был поселен в

Синод. № 667. Л. 92–92об.; *Плигузов А. И., Тихонюк И. А.* Послание Дмитрия Траханиота. С. 57). Несомненно, в связи с близостью к окружению Софьи стоит факт наличия необычных для того времени греческих надписей на печатях архиеп. Геннадия. Одна из них была привешена к грамоте 1485 г., которая была подписана архиепископом тоже по-гречески: «...На грамоте назади архиепископа владыки Геннадия рука греческим письмом. А печать у грамоты казенная свинцовая на черном шолку, а на печати Спас на престоле, и на другой письмо в кругу (на печати) греческое же писано» (*Макарий (Миролюбов), архим.* Грамоты. С. 3–4). Другая печать с именем «Генадие» в центре и круговой греческой надписью минускулом «Божьей милостью архиепископа Великого Новгорода» использовалась его псковскими наместниками (см.: *Левинская И.* Греческая надпись на псковской печати новгородского епископа Геннадия (Гонозова) // *Библия в духовной жизни, истории и культуре России и православного славянского мира: К 500-летию Геннадиевской Библии.* М., 2001. С. 119–124; *Белецкий С. В.* Загадки печатей Геннадия Гонозова // *Советская археология.* 1988. № 2. С. 174). Кроме того, сохранились фрагментарно «Псалмы Енадевьские греческие» — фрагмент греческой пергаменной рукописи XI в. с текстом похвалы св. Киприану свт. Григория Назианзина (в составе рукописи кон. XV в. РНБ. Кир.-Белоз. собр. № 24/29; *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв.: Греческие рукописи в России. М., 1977. С. 70. Прим. 19).

²⁵ См.: *Матасова Т. А.* К вопросу о рецепции культуры Возрождения и традиций греческого мира в Московской Руси конца XV в.: София Палеолог и ее окружение // *Вестник университета Дмитрия Пожарского.* 2015. Вып. 1 (2). С. 64–84.

²⁶ См.: *Седельников А. Д.* Очерки католического влияния в Новгороде в кон. XV — нач. XVI в. // *Доклады АН СССР.* Сер. В. № 1. С. 16–19; *Лурье Я. С.* К вопросу о «латинстве» Геннадиевского литературного кружка // *Исследования и материалы по древнерусской литературе.* М., 1961. С. 68–77 (Там же // *Лурье Я. С.* Избранные статьи и письма. СПб., 2011. С. 145–157); *Макарий (Веретенников), архим., Печников М. В., Ромодановская В. А.* Геннадий (Гонзов или Гонозов), свт., архиеп. бывш. Новгородский и Псковский // *Православная энциклопедия.* М., 2005. Т. 10. С. 592–594 (текст В. А. Ромодановской).

²⁷ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 286; Т. 8. С. 204; Т. 18. С. 266; Т. 20. Ч. 1. С. 335; Т. 23. С. 179; Т. 24. С. 198; Т. 25. С. 326; Т. 27. С. 282; Т. 28. С. 148, 313; Псковские

Чудовом монастыре²⁸, что является несомненным свидетельством доверия великого князя к возглавлявшему эту кремлевскую обитель Геннадию.

Между тем отношения чудовского архимандрита с митр. Геронтием оставались простыми. Лишним подтверждением этого является случай, происшедший в январе 1482 г., когда Геннадий в крещенский сочельник, пришедший на воскресный день, разрешил братии своего монастыря пить богоявленскую воду после еды. Митрополит счел это серьезным нарушением устава и церковной дисциплины («самовластно... учинил, что мене не спросился»), и приказал «изымати силно да привести» Геннадия, но тот скрылся в покоях великого князя. Тем не менее Геронтий настоял на том, чтобы архимандрит был выдан церковным властям и в кандалах посажен в ледник под митрополичьей палатой. Только по ходатайству Ивана III и бояр Геннадий был освобожден²⁹. Суровость наказания явно не соответствовала формальной вине архимандрита и указывает, видимо, на личную неприязнь митрополита к Геннадию.

Согласно митрополичьему летописанию, в 1482/83 г. новгородский архиепископ Феофил, «в заточении седя», отказался от кафедры³⁰. В великокняжеском летописании кон. XV в., тем не менее, го-

летописи. Вып. 1. С. 77; Вып. 2. С. 219. Поскольку о каком-либо участии Геронтия летописи не сообщают, этот акт, несомненно, говорит о стремлении Ивана III самостоятельно управлять церковными делами.

²⁸ ПСРЛ. Т. 12. С. 197; Т. 25. С. 326; Т. 27. С. 282; Т. 30. С. 200; Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 119. По сообщению Ермолинской летописи, ранее, в 1441 г., в Чудовом монастыре по распоряжению вел. кн. Василия Васильевича был заключен митрополит-униат Исидор (ПСРЛ. Т. 23. С. 150, 190).

²⁹ ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 349; Т. 6. Вып. 2. Стб. 314–315. В 1416 г. митр. Фотий направил в Псков грамоту, посвященную в том числе вопросу о посте накануне Богоявления; глава церкви предписывал в этот день строгий пост, «сухоядение» (РФА. Вып. 3. № 136. С. 499). Как полагает Д. Г. Давиденко, «возможно, нарушение поста перед Богоявлением было традицией Чудова монастыря (возможно, неуставной), не поощрявшейся митрополитами, но практиковавшейся ввиду покровительства монастыря со стороны князей» (Давиденко Д. Г. Чудов монастырь... С. 58. Прим. 74).

³⁰ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 316; Т. 20. Ч. 1. С. 349–350. В отреченной грамоте он каялся «о своем дерзновении и о своей грубости и о недостаточстве своего ума, что же Христова стада словесных овец пасти и воздержати не возмогах», и потому желает «приятти уже ярем Христа моего и во смернейших пребывати и до последнего ми издыхания» (РИБ. Т. 6. № 110. Стб. 745–748; Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. М., 2008. № 77. С. 259–260 (далее — РФА. 2008); А. И. Плигузов датировал грамоту временем между 25 декабря 1482 г. и 26 марта 1483 г.). Другую,

ворится, что Феофил в Чудовом монастыре «седел полтретья лета, ту и преставися»³¹, т. е. кончину его, отсчитывая от января 1480 г., в таком случае следует относить к середине 1482 г. («полтретья лета» — два с половиной года). Новым архиепископом Новгорода и Пскова 17 июня (или июля) 1483 г. был избран троицкий иеромонах Сергей, бывший «протопоп Богородицкий» (протоиерей Успенского собора³²) Семен (Симеон). Избрание его состоялось с некоторым учетом новгородской церковной традиции, путем жребия на церковном престоле, но не в новгородском соборе Св. Софии, а, очевидно, в Успенском соборе Москвы. Одним из трех кандидатов был чудовский архимандрит Геннадий (еще одним — архимандрит также кремлевского Спасского на Бору монастыря Елисей). Таким образом, все три кандидата на новгородскую кафедру ранее служили в Кремле. 4 сентября 1483 г. состоялась хиротония Сергия³³. В Новгород «князь велики посла боярина своего с ним (Сергием. — М. П.), и казначея, и диака»³⁴, что означало окончательный слом прежнего аппарата управления новгородской епархией.

Сергий занимал новгородскую кафедру менее года, оставив по себе в Новгороде и Пскове недобрую память³⁵. Прежде всего, он обложил

краткую редакцию см.: *Макарий (Миролюбов), архим.* Грамоты // ЧОИДР. 1866. Июль–Сентябрь. Кн. 3. Смесь. № 1. С. 1.

³¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 326.

³² См.: *Гимон Т. В., Орлова-Гимон Л. М.* Летописный источник исторических записей на пасхалии в рукописи РГБ. 304. I.762. (XV в.) // Источниковедческие исследования. М., 2014. Вып. 6. С. 54–79.

³³ ПСРЛ. Т. 18. С. 270; Т. 25. С. 330; Т. 8. С. 214–215; Т. 27. С. 285–286, 357, 358; Т. 30. С. 200; Т. 43. С. 207; Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 124. Некоторые летописи в рассказе о поставлении на новгородскую кафедру называют Сергия мирским священническим именем — Семен (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 317; Т. 20. Ч. 1. С. 350; Т. 23. С. 183; Т. 24. С. 202; Т. 28. С. 151, 317).

³⁴ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 319; Т. 20. Ч. 1. С. 351.

³⁵ Отношение новгородцев и псковичей к новому архиепископу хорошо выражает псковский летописный рассказ: «Того же лета в Новегороде владыце Сергию многажды начаша являтися святители новгородстии, лежащи в дому святого Софья, овогда во сне, овогда яве, обличающе яве безумное дръзнутие на поставление святительства ему, яко презревшу и поруганно оставльшу положенныя каноны святыми отцы, в них же глаголетъ, яко живу сущу епископу, и не яту бывшу, ни обличену ересми или инеми вѣщми подобными извержения и не праведно ни по правилам изгнану бывшу, не подобает иному на престол его мучительскы дръзати: престани, безумне, от такового начинания; и сия глаголюще въ многыя недуги вложиша его» (Псковские летописи. Вып. 2. С. 64).

духовенство новыми податями: «многы игумены и попы исьпродаде»³⁶ и многы новыя пошлыны введе»³⁷. Несомненно, это было связано с острой нехваткой средств владычной кафедрой после конфискаций 1478 и 1480 гг. Присланный из Москвы архиерей запомнился также непочтительным отношениям к местным святыням³⁸.

Во время пребывания Сергия на кафедре, зимой 1483/84 гг., Иван III приказал арестовать «болших бояр новгородских и боярынь, и казны их и села все велел отписати на себя, а им подавал поместья на Москве под городом, а иных бояр, которые коромолу дръжали от него, тех велел заточити в тюрьмы по городом»³⁹. Кроме того, в Новгороде было арестовано около тридцати житых людей, их дома были разграблены, сами они были подвергнуты пыткам, под которыми дали ложные показания друг на друга («клепалися есмь меж собою, егда мучиша нас»⁴⁰). Поводом для этого был «обговор на новгородци от самих же новгородцев, яко посылались братиа их ноугородци в Литву х королю»⁴¹. Источники ничего не сообщают о том, что Сергей заступался за свою паству.

Неудивительно, что «не хотяху новгородци покоритись ему, что не по их он мысли ходить»; по мнению московского летописца, «они же отняша у него ум волшебством, глаголаше: "Иоанн чудотворецъ, что на беси ездил, тот створи ему" (имелся в виду один из наиболее почитаемых в Новгороде святых — архиеп. Иоанн (Илия), живший в XII в. — М. П.)»⁴². Сергия поразили паралич, он онемел, принял схиму в Хутынском монастыре и вскоре выехал из Новгорода «со всеми сво-

³⁶ «Испродати» в данном случае — «обложить налогом, чрезмерными поборами» (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1979. Вып. 6. С. 297).

³⁷ Псковские летописи. Вып. 2. С. 63.

³⁸ При посещении Михаило-Сковородского монастыря под Новгородом он пренебрежительно отнесся к гробнице основателя обители св. архиеп. Моисея, назвав того «смердовичем», вскоре после чего «прииде на него изумление» (ПСРЛ. Т. 30. Стб. 200; см. также: Повесть о Моисее, архиепископе новгородском // Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Гр. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 4. С. 12).

³⁹ ПСРЛ. Т. 25. С. 330; Т. 24. С. 235; см. также: *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля. С. 321.

⁴⁰ «Клепатися» — «ложно обвинять друг друга, клепать друг на друга» (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1980. Т. 7. С. 164).

⁴¹ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 318–319; Т. 28. С. 151–152, 317; Т. 24. С. 203. В том же году новгородцы отметили знамение — «от иконы святых Богородицы идяху слезы кровавыя седмию месты» (Псковские летописи. Вып. 2. С. 64).

⁴² ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 319; Т. 20. Ч. 1. С. 351; Т. 24. С. 203; Т. 28. С. 152.

ими дворяны». 26 (27) июня он отказался от новгородской кафедры «за немощью» и вернулся «в свое пострижение» — Троице-Сергиев монастырь⁴³.

Поставление нового новгородского архиепископа, однако, затянулось не на один месяц. Согласованной церковной политике препятствовали конфликтные отношения великого князя и митрополита. 24 августа 1484 г. Геронтий вновь покинул свой кремлевский двор, поселившись в Симоновом монастыре, архимандритом (и, вероятно, пострижеником) которого он некогда был. В летописях, восходящих к своду 1518 г. (Софийской II и Львовской), это объясняется болезнью митрополита и его желанием оставить кафедру. Однако в таком случае непонятно, зачем Геронтий взял с собой в Симонов ризницу и посох — символ первосвятительской власти. Вероятно, судя по последующим событиям, уход митрополита был вызван тем, что ему стало известно желание Ивана III поставить на первосвятительский стол преданного себе иерарха⁴⁴. Геронтий явно рассчитывал на тот же исход, что и в 1481 г., однако когда он захотел вернуться на митрополичий двор, ему не позволили это сделать («множды убегал из монастыря, и имаша его, и тужи много по митрополии»). Возвращение Геронтия на кафедру явилось, по видимому, следствием некоего достигнутого компромисса⁴⁵. Вскоре после 1 ноября того же года («по Кузмодемьянове дни по осеннем»), по красноречивой формулировке летописца, «възде князь великий того же митрополита Геронтея на стол»⁴⁶.

⁴³ Псковские летописи. Вып. 2. С. 64; ПСРЛ. Т. 18. С. 270; Т. 25. С. 330; Т. 43. С. 207; Т. 27. С. 286, 358; Т. 28. С. 153. Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 125. Отреченная грамота Сергия сохранилась в формулярном изводе: РИБ. Т. 6. № 112.1. Стб. 749–751; Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. М., 2008. № 70. С. 242.

⁴⁴ В это время Иван III предлагал занять кафедру бывшему Троицкому игумену Паисию (Ярославову), на верность которого он, очевидно, мог положиться, но тот решительно отказался (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 319; Т. 20. Ч. 1. С. 351).

⁴⁵ Макарий (Веретенников), архим. Геронтий, свт. // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 11. С. 408. По всей видимости, неслучайно, что, согласно Я. С. Лурье, два последних независимых общерусских летописных свода — ростовский владычный и «оппозиционный церковный» (или «Успенский летописец», по Б. М. Клоссу и В. Д. Назарову) — доводят свое изложение до сер. 80-х гг. XV в., соответственно до 1484 и 1485 гг. (Лурье Я. С. Две истории XV в.: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 199, 204, 216–217).

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 319–320; Т. 20. Ч. 1. С. 351; Т. 23. С. 184; Т. 24. С. 203; Т. 28. С. 152, 317.

Влияние великого князя при выборе кандидатов на вакантные архиерейские кафедры, очевидно, усилилось. По возвращении на митрополию в 1484 г. Геронтий поставил двух архиереев. 9 декабря была совершена хиротония симпатизирующего митрополиту симоновского архимандрита Нифонта в епископы Суздальские⁴⁷, а 12 декабря — чудовского архимандрита Геннадия (Гонзова) в архиепископы Великого Новгорода и Пскова⁴⁸.

Довольно важным обстоятельством представляется то, что Геннадий стал первым с XII в. новгородским архиереем, поставленным без традиционной избирательной процедуры, сопровождавшейся положением жребиев на престол (судя по всему, другие кандидатуры на кафедру не рассматривались). Учитывая судьбу его предшественника, это изначально сулило немалые сложности во время пребывания на кафедре. По всей видимости, Геннадий не воспринимался в Новгороде как «богоизбранный», что было очень важно для традиционного новгородского церковного сознания⁴⁹.

Учитывая то обстоятельство, что отношения между Геннадием и митрополитом не отличались взаимным доверием, в новом новгородском архиепископе следует видеть в большей степени ставленника Ивана III. Именно такое мнение, по всей видимости, распространилось в то время в русском обществе. Согласно синодальному списку Псковской 2-й летописи, Геннадий был «от князя великого и от митрополита Геронтия поставлен»⁵⁰. В «Тверском сборнике» в статье 6986 г. (в которой обобщены факты, касающиеся московской политики в присоединенном Новгороде) говорится, что Иван III «в Новгороде поставил на владычество Енадья Москвитина»⁵¹. Сам Геннадий, по-

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 18. С. 270. Будучи еще игуменом Кирилло-Белозерского монастыря, Нифонт во время конфликта 1478/79 г. поддержал Геронтия и удельного кн. Михаила Андреевича (см.: Послания Иосифа Волоцкого. М.: Л., 1959. С. 172).

⁴⁸ Одновременно Чудовским архимандритом стал близкий Геронтию Макарий, оставивший должность сразу после кончины этого митрополита в 1489 г., а за год до этого приговоренный Иваном III к торговой казни по обвинению о подделке документа (см.: Давиденко Д. Г. Чудов монастырь... С. 58–59). Очевидно, архимандритство Макария в великокняжеском монастыре явилось следствием определенного компромисса между великим князем и митрополитом, о чем говорилось выше.

⁴⁹ Представление о «богоизбранности» новгородского архиерея как необходимым качестве его легитимности складывается на протяжении XII–XIII вв., см.: Печников М. В. Новгородцы и кафедры Св. Софии в сер. XII — XIII в. // Средневековая Русь. М., 2011. Вып. 9. С. 7–46.

⁵⁰ Псковские летописи. Вып. 2. С. 66.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 498.

вествуя в 1485 г. о своем поставлении, упоминал прежде всего великого князя: «нас государь наш князь великий... понудил и с своим отцем митрополитом, да и с всеми владыками»⁵².

Некоторые современники упрекали Геннадия в том, что он «принял именем сан святительский или мирских князей помощью», что являлось серьезным каноническим нарушением — симонией. Приведенные слова читались в послании 1485 г. волоцкому кн. Борису Васильевичу, и в ответ на них новгородский владыка, оправдываясь, писал, что «от обоего того зазора чюждь есмь»⁵³. Сообщение, отражающее сомнение в каноничности поставления Геннадия, находим в ростовском владычном летописании 80-х гг. XV в.: «Тое же зимы поставлен Генадей Новугороду архиепископом, а дал оттого две тысячи рублей князю великому»⁵⁴. Даже если обвинение в симонии было несправедливым, приведенные свидетельства говорят о вполне определенном отношении к Геннадию, имевшем место как в церковной, так и в светской (удельно-княжеской) среде.

Геннадий прибыл в Новгород в начале 1485 г. до Великого поста, в «мисоед»⁵⁵. Первым известным его деянием в качестве Новгородского архиерея стала попытка наладить отношения со вторым по значимости городом епархии Псковом — фактически почти независимым в церковном отношении от Новгорода. Геннадий «на масленой недели присла во Псков свою грамоту благословеную, и даде в дар псковичем турей рог окован златом, да икону локотницу на злате»⁵⁶. Тем не менее, отношения Геннадия с Псковом надолго не задались. Осенью 1485 г. он прислал в Псков в качестве своего наместника (архимандрита) игумена Евфимия — бывшего псковского ларника (хранителя городского архива) Есипа, в этой должности причинившего «много зла народу»; будучи приговорен к публичному наказанию, он сбежал в Новгород и принял там постриг. Евфимий должен был провести перепись псковских церквей и монастырей и тем способствовать установлению реальной

⁵² Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1 // Русская историческая библиотека. СПб., 1908. Т. 6. Изд. 2-е. № 113. Стб. 755 (Далее: РИБ. Т. 6). Впрочем, в 1488 г. Геннадий предпочел не указывать на ведущую роль великого князя в своем поставлении, отмечая, что его избрание митрополитом и епископами произошло «с благоволением и с советом [...] государя нашего великаго князя Ивана Васильевича всея Руси [...] не по моему достоинству, еже не ослушати ми ся было своего господина и отца Геронтия, митрополита всея Руси» (Источники. С. 316).

⁵³ РИБ. Т. 6. № 113. Стб. 754–755.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 24. С. 235; ср.: Там же. С. 204.

⁵⁵ Псковские летописи. Вып. 1. С. 79.

⁵⁶ Там же. Вып. 2. С. 66.

власти архиепископа в псковской части епархии, однако псковичи, издавна обладавшие правом избрания наместника из своей среды, «не вдашася в волю его»⁵⁷. 19 января 1486 г. в Псков прибыл сам Геннадий «и с ним бояр много». Он оставался в городе 3 недели, но, несмотря на почтение, оказанное ему псковичами, ничего от них не добился⁵⁸.

Управление новгородской церковью к началу 80-х гг. включало в себя, помимо административного аппарата архиепископа и архимандритии, в подчинении которой находилось черное духовенство, также соборную организацию белого духовенства, служившего в храмах, которые находились под патронатом концов, улиц и боярских родов⁵⁹. О последней известно в основном из новгородской «Семисоборной росписи», старшие списки которой датируются первой половиной XVI в.⁶⁰ По словам В. Л. Янина, впервые после долгого перерыва обратившегося к данному источнику, содержание «Росписи» позволяет предполагать, что она «принадлежит к числу документов, вызванных к жизни потребностью Москвы освоить новую новгородскую собственность, столь ярко проявившейся в составлении первых писцовых книг»⁶¹. В. Л. Янин датировал «Семисоборную роспись» на основании упоминаний тех или иных храмов довольно широко — 1463–1508 гг.⁶² А. Е. Мусин, предпринявший всестороннее исследование данных «Росписи», также полагает, что «особенности Семисоборной росписи как исторического источника связаны [...] со спецификой московской политики и церковной культуры»⁶³. Он датировал памятник временем после «поимания» Феофила, но до поставления Сергия, февралем

⁵⁷ Там же. С. 68.

⁵⁸ Там же. С. 69. Псковское вече согласилось на перепись церковных престолов только в январе 1501 г. (Там же. С. 84).

⁵⁹ В 1477 г. архиеп. Феофил говорил Ивану III: «...яз, господине, богомолец твои, и архимандрити и игумени и вси священники вся семь соборов Великого Новгорода тебе, своему государю великому князю, челом бьютъ» (ПСРЛ. Т. 18. С. 258).

⁶⁰ См.: *Никольский А. И.* Описание семи новгородских соборов по списку XVI ст. С.-Петербургской библиотеки Св. Синода // *Вестник археологии и истории.* 1898. Вып. 10. С. 76–81; *Андреев В. Ф.* Новый список «Семисоборной росписи» Новгорода // *НИС. Л.*, 1989. Вып. 3 (13). С. 219–223.

⁶¹ *Янин В. Л.* «Семисоборная роспись» Новгорода // *Он же.* Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 394–395.

⁶² Там же. С. 394.

⁶³ *Мусин А. Е.* Семисоборная роспись Великого Новгорода как исторический источник // *Великий Новгород и средневековая Русь: Сборник статей к 80-летию В. Л. Янина.* М., 2009. С. 112; *Он же.* Церковь и горожане средневекового Пскова: Историко-археологическое исследование. СПб., 2010. С. 126.

1480 — августом 1483 гг.⁶⁴ Соглашаясь с большинством выводов А. Е. Мусина, отмечу, тем не менее, что нет никаких оснований считать перепись престолов делом светской администрации Новгорода во главе с великокняжеским наместником в Новгороде начала 80-х гг. В. Шуйским-Гребенкой. Архиепископия сильно нуждалась в средствах. Софийский дом к тому времени пострадал от конфискаций церковных земель; при этом на новгородского владыку была возложена обязанность финансирования строительства нового каменного Детинца, которое было начато еще при Сергии в 1484 г. и закончено, вероятно, в 1490/91 г.; треть средств должен был выделить архиепископ, две трети — великий князь⁶⁵. Д. А. Петров отметил в связи с вопросом о датировке “Росписи”, что осенью 1485 г. архиепископ предпринял неудачную попытку переписи престолов в Пскове (см. выше)⁶⁶. Следует добавить, что тем же годом датируются и два других источника, соотносимые с «Семисоборной росписью» по тематике. Во-первых, это грамота Геннадия семисоборским священникам об их обязанностях по отношению к софийскому клиру⁶⁷. Согласно уже упоминавшейся грамоте Геннадия волоцкому князю Борису Васильевичу, в том же году

⁶⁴ Мусин А. Е. Семисоборная роспись. С. 121; Он же. Церковь и горожане. С. 134.

⁶⁵ «Того же лета (1484 г. — М. П.) повелением великого князя Ивана Васильевича начаша здати в Великом Новгороде град камен по старои основе» (ПСРЛ. Т. 18. С. 270); «на 2 части города великого князя денги шли, а треть Геннадия владыка делал своими денгами» (ПСРЛ. Т. 43. С. 209; Т. 4. Ч. 1. С. 459). По мнению В. Л. Янина (*Янин В. Л.* О продолжительности строительства Новгородского кремля конца XV в. // Советская археология. 1978. № 1. С. 259–260), завершение строительства кремля приходится на конец 1499 г., по мнению М. И. Мильчика (*Мильчик М. И.* Итальянские мастера — строители Ивангородской крепости // НИС. СПб., 1995. Вып. 5 (15). С. 186–188, 201), его возведение было завершено в 1490–1491 гг., до начала строительства крепости в Ивангороде в 1492 г.

⁶⁶ *Petrov D. A.* The possible date of the Compilation of the Semisobornaja rospis of Novgorod // *Russia Mediaevalis*. 1992. Т. VII, 1. Р. 85–87. Временем святительства Геннадия (до 1500 г.), опираясь на сообщение псковской летописи, датировал «Семисоборную роспись» уже А. И. Никитский (*Никитский А. И.* Очерк внутренней истории Церкви в Великом Новгороде. СПб., 1879. С. 136–137).

⁶⁷ 30 нояб. 1485 г. новгородский владыка подтвердил установленный архиеп. Евфимием II (Вязицким) порядок недельных служб духовенства шести городских соборов в Софийском соборе с уплатой софийскому священнику, который замещал на приходе служившего в соборе иерея, гривны; за неуплату ее полагался штраф, в т. ч. 2 руб. в пользу архиерея (*Макарий (Миролюбов), архим.* Грамоты // ЧОИДР. М., 1866. Кн. 3. Июль–Сентябрь. Смесь. № 2. С. 2–4 (в публикации указана ошибочная дата 1486 г.)).

архиепископ пытался вернуть Новгородской кафедре земли в Волоке Ламском⁶⁸. Таким образом, Геннадия в 1485 г. занимали как вопросы церковной собственности, так и проблемы, связанные с соборным духовенством.

Геннадий не отменил сложившейся в период независимости семисоборной церковной организации, связанной изначально с кончанской системой⁶⁹. Но если раньше новгородские храмы находились под патронатом городского конца, уличанской общины, боярского клана, то в новых условиях власть над новгородским духовенством присланного из Москвы архиепископа, несомненно, должна была усилиться.

Фискальные мероприятия Геннадия, по-видимому, предварили или совпали с возобновлением в Новгороде великокняжеской властью репрессивной политики через своих наместников Якова и Юрия Захарьичей — летописи отмечают казни, конфискации имущества, а также наиболее массовое выселение новгородцев из родного города⁷⁰. В 1487 г. во Владимир по приказу великого князя было выселено пятьдесят семей новгородских купцов⁷¹, а в 1488 г. в города Северо-Восточной Руси — семь тысяч житейх людей. Предлогом для столь масштабной акции стало то, что новгородцы якобы «хотели убити наместника великого князя Якова Захарьича». Предполагаемых заговорщиков («думцев») наместник «пересек и перевеша». Независимое от великокняжеской власти летописание кон. XV в. (отразившееся в Софийской Второй, Типографской и др. летописях) отмечало, что это произошло «обговору деля, что наместники и волостели их продавали, и кои на них продажи възыщут, и они бороняться тем, что их, реки,

⁶⁸ РИБ. Т. 6. № 113. Стб. 758–759. Возможно, к середине 80-х годов XV в. относится грамота великого кн. Ивана III Геннадью с запретом приобретать земли — грамота жалованная Генадью архиепископу на села и на дворы, да в той же грамоте что ему земель не купити» (Описи царского архива XVI в. и Посольского приказа 1614 г. М., 1960. С. 32).

⁶⁹ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003. Изд. 2-е. С. 398–400; Мусин А. Е. Церковь и горожане. С. 134–138.

⁷⁰ См.: Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля. С. 321–322; Зимин А. А. Россия на рубеже. С. 77–79. Одновременно в 1488 г. было принято выселение из Вятки «болших людей» вятчан (ПСРЛ. Т. 26. С. 279).

⁷¹ ПСРЛ. Т. 27. С. 288; Т. 12. С. 219–220; Т. 30. С. 137; Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 126; Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Кон. XV — нач. XVI в. С. 195. Как отметил В. Н. Бернадский, упоминаемые в сообщении списка Никольского Новг. 4-й летописи под 1502 г. новгородские купеческие старосты все были московскими «введенцами» (Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля. С. 346; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 611).

думали убить». В Москве считали иначе и в ложность обвинения не верили: Иван III «многих иссечи велел на Москве». Других новгородцев великий князь «пожаловал», наделив поместьями⁷².

Итак, Геннадий (Гонозов) оказался на новгородской кафедре в тот исторический момент, когда по Новгороду московскими властями был нанесен очередной удар, причем затронувший более широкие слои населения, чем раньше. Как писал В. Н. Бернадский, выводы 2-й пол. 80-х годов XV в. объясняются тем, что «новые московские порядки, насаждавшиеся наместниками, владыками (Сергием и Геннадием) и московскими дьяками, вызывали резкую оппозицию не только бояр, но и новгородского посада, привыкшего к державшемуся в течение столетий в Новгороде вечевому строю»⁷³. А. А. Зимин также отмечал, что «в 1487–1488 гг. разыгрались бурные события. Самовластные действия наместников вызвали протест, очевидно затронувший не только верхние слои Новгорода, но и широкие слои населения»⁷⁴. Н. С. Борисов пишет, что «массовые переселения людей вели к полному искоренению новгородского образа жизни и прежней системы земельной собственности [...] Трудно представить себе ту вакханалию жестокости, произвола и мздоимства, которая царила тогда в отданном на откуп московским наместникам Новгороде»⁷⁵. По словам Р. Г. Скрынникова, после «выводов» 1487–1488 гг. «по существу верхний слой новгородского общества прекратил свое существование, что и позволило московским властям навсегда покончить с республиканскими порядками в Новгороде. Архиепископ Геннадий не стал отстаивать закон и справедливость и не защитил свою паству, в чем состояла его первейшая обязанность пастыря, но, напротив, всеми мерами поддержал беззаконные действия наместника Я. Захарьина, обвинившего новгородцев в заговоре»⁷⁶. Действительно, о каких-либо попытках архиепископа заступиться за опальную паству источники не сообщают. По всей видимости, их и не было, поскольку проводимая в отношении новгородцев московская политика только содействовала намерению Геннадия ослабить влияние горожан на духовенство.

⁷² ПСРЛ. Т. 8. С. 218; Т. 12. С. 220; Т. 6. Вып. 2. Стб. 324, 325; Т. 20. Ч. 1. С. 353–354; Т. 23. С. 186; Т. 24. С. 237; Т. 27. С. 288; Т. 28. С. 154, 319; Иоасафовская летопись. С. 127. О Якове Захарьиче (Захарьине) см.: *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля. С. 332–333.

⁷³ *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля. С. 337.

⁷⁴ *Зимин А. А.* Россия на рубеже. С. 78–79.

⁷⁵ *Борисов Н. С.* Иван III. М., 2000. С. 298.

⁷⁶ *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв.: Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991. С. 130.

Довольно важной и символичной в данном контексте представляется богослужебная реформа, проведенная Геннадием в кафедральном соборе епархии — храме Св. Софии. Престольным праздником собора Св. Софии стало Успение Божией Матери, в то время как ранее престольными считались все двенадцать Господских праздников (поскольку собор был освящен в честь Христа). Начиная с Геннадия на праздник Успения совершался общегородской крестный ход, в то время как крестные ходы на Господские праздники были отменены⁷⁷. Образ Успения позднее считался в Софийском соборе храмовым⁷⁸. Излишне напоминать, что в честь Успения был освящен кафедральный храм митрополии всяя Руси. Это, конечно, было прямым вмешательством в новгородские богослужебные традиции, перенос «московского православия» как единственно истинного⁷⁹ и умаление столь значимого для новгородской церкви софийского культа, который при Геннадии начал подвергаться пересмыслению, отразившемуся в письменности («Сказание о образе Святыя София») и иконографии⁸⁰. Все

⁷⁷ По словам новгородского книжника сер. XVI в. (возможно, Зиновия Отенского), критически относившегося к такому новшеству, «Геннадий же архиепископ премысли един от двюнадесять праздников праздновати повеле Успение Богородицы. Прежде же сего вси дванадесят владычных праздников по древнему преданию в храм святыя София многочисленным схождением совершашеся светлее, и сия убо слышах в Новеграде от мужей состаревшихся, якоже и в Киеве от начала и до ныне по уставам древле преданным, совершають» (цит. по: *Квливидзе Н. В. Икона Софии Премудрости Божией и особенности новгородской литургической традиции в конце XV века* // *Сакральная топография средневекового города*. М., 1998. С. 87; см. также: *Макарий (Веретенников), архим.* Инок Зиновий Отенский — новгородский богослов XVI в. // *Альфа и Омега*. 1997. № 1 (12). С. 149).

⁷⁸ Описание Новгородского Софийского собора. Новгород, 1993. Вып. 2. С. 82.

⁷⁹ Как писал Геннадий в послании 1488 г. бывшему архиеп. Иоасафу (Оболенскому): «И как мню ныне вы (Иоасаф и другие епископы. — М. П.) положили то дело ни за что, как бы вам мнилось, Новгород с Москвою не едино православие» (Источники. № 13. С. 317).

⁸⁰ «Реформа послужила основанием считать день Успения храмовым праздником новгородского Софийского собора и дала повод видеть в иконе Софии не ангела, а женский идеал приснодевства Богоматери... Понятие о Софии Премудрости Божией порой двоилось: под ней подразумевали то Христа, ипостасное Слово Божие, то Богоматерь в отношении к тайне Воплощения и своему приснодевству» (*Гукова С. Н. София Премудрость Божия: К новгородскому изводу* // *НИС*. СПб., 2003. Вып. 9 (19). С. 213). Отождествление Премудрости с Богоматерью в Новгороде кон. XV в., что характерно, имеет латинский источник, установленный о. Г. Флоровским, — сочинения немецкого мистика XIV в. Генриха Сузо (*Флоровский Г. О почитании Софии Премудрости Божией, в Византии и на Руси* // *Труды V съезда русских академических организаций за границей*. София, 1932. Ч. 1.

это нельзя не сопоставить с тем фактом, что в конце 80-х гг. протопоп Софийского собора Гавриил, глава многочисленного софийского клира, самым своим положением призванный блюсти местные церковные традиции, был обвинен Геннадием в ереси⁸¹.

Итак, очевиден конфликт московского ставленника Геннадия (Гонзова) с местной церковной традицией, выразившийся как в самом акте его поставления, так и в начальных фактах его деятельности. Неприятие новгородцами и псковичами Сергия в 1483–1484 гг. заставляет предположить аналогичное отношение многих новгородцев и к Геннадию с самого начала пребывания его на кафедре⁸².

Все вышеизложенные обстоятельства необходимо иметь в виду при рассмотрении зарождения того феномена, который известен в историографии как «ересь жидовствующих». Практически все отмеченные выше обстоятельства (стремление пополнить казну архиерейского дома, сотрудничество с наместниками великого князя, попытка насильственного слома новгородских церковных обычаев, связь с перипетиями московской политики) можно обнаружить в материалах новгородского «еретического дела», итог которому был подведен на московском соборе 1490 г.

II

Обвинительную базу обвинения на московских соборах 1488 и 1490 гг. составили неоднократно упоминаемые архиеп. Геннадием «подлинники» — оригиналы следственных дел или копии с них, посланные новгородским владыкой в Москву. В октябре 1490 г. Геннадий

С. 156–159; *Каливидзе Н. В.* Икона Софии Премудрости Божией. С. 92, 97). См. также: *Мусин А. Е.* «Что есть Софей, Премудрость Божия» // *Великий Новгород: История и культура IX–XVII вв.* (Энциклопедический словарь). СПб., 2009. С. 535.

⁸¹ Первое упоминание Гавриила находится в грамоте, выданной архиепископом Геннадием старостам шести соборов от 30 ноября 1485 г. (*Макарий (Миролюбов), архим.* Грамоты. № 2. С. 3). Ему «с братьею с соборяны» в качестве штрафа от провинившегося «попа уличного» полагалось «взятии бочка меду рускаго кислого» (Там же). Примечательно, что Геннадий, безусловно, должен был сослужить в течение нескольких лет с Гавриилом, в том числе в кафедральном Софийском соборе, несмотря на то, что позднее, в 1490 г., в посланиях митр. Зосиме и собору духовенства архиепископ призывал их отлучить всех, кто сослужил с «еретиками» (Источники. № 18. С. 378; № 19. С. 381).

⁸² Данные обстоятельства отмечает и Я. Р. Хоуллетт, которая пишет, что «к 1487 г., когда Геннадий начал расправу с еретиками в своей епархии, он имел намного больше противников, чем друзей» (*Хоуллетт Я. Р.* Свидетельство архиепископа Геннадия. С. 61).

писал новоизбранному митр. Зосиме, излагая ход дела в предыдущие годы: «И аз послал к великому князю *первого своего обыска подлинник* (курсив мой. — М. П.), а другой подлинник к митрополиту послал»⁸³. Таким образом, было по меньшей мере два «обыска» (следствия), и, соответственно, столько же «подлинников» (которые копировались для митрополита и великого князя). Они не сохранились (во всяком случае, не обнаружены, даже в виде фрагментов)⁸⁴. Не исключено, что «подлинники» были намеренно уничтожены около времени второго московского собора на «еретиков» осенью 1490 г., поскольку к тому времени в них фигурировали влиятельные лица в Москве, прежде всего дьяк Ф. В. Курицын. Содержание «подлинников», судя по прямым ссылкам на них, отразилось в нескольких посланиях архиеп. Геннадия 1487–1490 гг., грамотах митр. Геронтия и вел. кн. Ивана III Геннадию 1488 г., а также в некоторой степени в соборном приговоре и поучении митр. Зосимы 1490 г.

Дело о «еретиках жидовская мудрствующих» было начато Геннадием не позднее осени 1487 г. В октябре 1490 г. он писал новому митрополиту Зосиме, что еретическое дело «протянулось длъго: три годы минуло, а уже четвертый настал»⁸⁵.

Первым достоверным источником, сообщаящим о начале Геннадием еретического дела в Новгороде, является его послание епископу Сарскому и Подонскому (Крутицкому) Прохору. Послание в сохранившемся тексте не датировано. Оно написано до грамоты Геннадия еп. Нифонту Суздальскому, которая датирована январем 1488 г. и в которой архиепископ советует Нифонту обратиться к посланию Прохору; последнее, таким образом, было составлено не позже самого начала 1488 г. и не раньше 1487 г. Это послание являлось первым из посвященных еретическому вопросу, и самим Геннадием оно характеризовалось как наиболее подробное к тому времени изложение как взглядов «еретиков», так и истории обнаружения «ереси». Он писал еп. Нифонту в январе 1488 г.: «Что есми послал государю великому князю да и митрополиту грамоты да и подлинник о новгородцких еретицех [...] чтобы еси посмотрел в владычню в Прохорову грамоту в первую, занеже тамо о их ересех пространно изъявлено»⁸⁶. Т. е., по

⁸³ Источники. № 18. С. 375.

⁸⁴ Что представляли собой такого рода документы по форме, можно предположить по сохранившимся фрагментам следственных дел И. Берсена Беклемишева (ААЭ. Т. 1. № 172. С. 141–145) и дьяка И. Висковатого (Там же. № 238. С. 240–249; ЧОИДР. 1858. Вып. 2. С. 1–2).

⁸⁵ Источники. № 18. С. 378.

⁸⁶ Источники. № 13. С. 312.

мнению Геннадия, грамота Прохору во многом равноценна первому несохранившемуся «подлиннику».

Бывший игумен московского Богоявленского монастыря, тесно связанного с боярской и княжеской элитой, Прохор был хиротонисан 17 марта 1471 г.⁸⁷ Это произошло после пятилетнего вдовствования Крутицкой кафедры, незадолго до похода Ивана III на Новгород. Как предполагает А. Е. Тарасов, хиротония Прохора была совершена «под проведение собора», на котором должно было прозвучать церковное благословение намерению великого князя покорить Новгород. В дальнейшем, на всем протяжении архиерейского служения, т. е. вплоть до 1493 г., Прохор являлся верным сторонником великого князя⁸⁸. Как епископ Крутицкий (резиденция Сарских и Подонских владык в XV в. находилась на южной окраине Москвы в Крутицах), он являлся викарием митрополита, замещавшим его во время отсутствия в Москве⁸⁹.

Обвинения, содержащиеся в этой и других грамотах Геннадия 1487–1488 гг., будут проанализированы ниже (в другой части статьи), здесь же пока остановимся на том, как в послании Прохору освещается ход следственного дела.

Геннадий сообщает, что о «ереси» было возведено митрополиту, великий князь при этом не упоминается: «Да что есми послал грамоту да и подлиник к митрополиту, что Наум поп сказывал, да три [те]тьрати, по чему они молились по-жидовски, и ты там узришь все, что ся как чинило, и как ли превращены псалмы на их обычай. И только бы поп Наум не положил покаяния, да и во христьянство опять не захотел, ино бы как мочно то все увести по их клятве, как они отменяются своих велений»⁹⁰. Сообщается, что «ересь» была обнаружена по доносу некоего попа Наума, который в качестве доказательства принес тетради с подозрительными, на его взгляд, псалмами. При этом Наум,

⁸⁷ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 169; Т. 20. Ч. 1. С. 282.

⁸⁸ Тарасов А. Е. Религиозные аспекты политики московских князей во второй половине XV — первой трети XVI в. Автореф. ... к. и. н. М., 2007. С. 17; Он же. Церковь и подчинение Великого Новгорода // НИС. М., СПб., 2011. Вып. 12 (22). С. 102–103.

⁸⁹ См.: Орлова М. Л. Сарайская (Сарская) и Подонская епархия в XIV–XVIII вв. // Макарьевские чтения. Можайск, 2005. Вып. 12. С. 58–63; [Печников М. В.]. Крутицкая кафедра [раздел «Сарайская епархия в 1261–1699 гг.»] // ПЭ. М., 2015. Т. 39. С. 66–68.

⁹⁰ РФА. 2008. № 78. С. 262. Здесь и далее источник цитируется по публикации наиболее раннего списка ГИМ. Синод. 562 («митрополичий формулярник»), нач. XVI в. (публикация Я. С. Лурье 1955 г. базировалась на списке сборника волоколамского игум. Нифонта (Кормилицына) РНБ. Q.XVII.64 сер. XVI в. — Источники. № 12. С. 309–312).

как можно понять из текста послания Прохору, сам был членом тайного еретического сообщества, и если бы не его желание вернуться к православию, о «ереси» узнать было бы крайне затруднительно⁹¹. Обвиняемые были допрошены, но все как один клятвенно отрекались от всех инвектив в свой адрес.

Что из этой грамоты можно узнать о личном и социальном составе «еретиков»? Архиепископ пишет: «Да та прелесть здесе распростерлася не токмо в градах, но и по селом. А все то от попов, которые еретики ставилось в попы. Да егда будут где в православных, и они таковы же себе являют. Аще ли видят кого от простых, и они готова себе на лов имеют. Да того ради и в попы ся ставят, чтобы кого, как мощно, в свою ересь привлечь, занеже уже дети духовныя имут держати. И кто будет верою огражен и в православии[и] христьянства крепок, и они того таятся, а ему таковы ся и являют. Аще ли кто слаб и леностен, и удобь ко греховному игу прекланием, сего шнимают его в свою ересь. А что он согрешил или блуд, или прелюбодейство, или иные грехи створил, то удобь прощают, церковным каноном не последующее. Аще ли кѣто от православных во обличение вѣсхошет стати на них про их ересь, и они отметници бывають своих ересей, да и проклинаят всех, таковая творящих, да и ротятся без страха, а сами то творят, да греха себе в той клятве не ставят»⁹².

Геннадий в данном тексте явно имеет в виду, что большинство обвиняемых — приходские священники (у них имеются духовные дети, которых они совращают в ересь). Однако архиепископ не называет ни одного имени священника, кроме доносчика Наума. Что касается фразы о еретиках, которых «еретики ставят в попы», то она всегда вызывало у исследователей недоумение, поскольку, согласно 2-му пр. свв. апостолов, поставить священника может только епископ⁹³.

⁹¹ В дальнейшем (в 1490 г.) Геннадий, однако, писал, что обвиняемые новгородцы случайно выдали себя спьяну, что только и помогло раскрыть их ересь: «...а держали ее тайно, да потом почали урекатися въпiani: и яз, прослышав то, да о том грамоту послал к великому князю да и ко отцу его Геронтию митрополиту» (Источники. № 18. С. 374). Значение Наума в таком случае остается неясным — если он был членом еретического кружка, взгляды «еретиков» ему и так были известны, а если он узнал о них только по случайным проговоркам и действиям в нетрезвом виде, то это противоречит вышеприведенному тезису Геннадия о покаянии Наума в собственном еретичестве, поскольку означает, что в «ересь» он посвящен не был; если же о пьяных выходах «еретиков» узнал кто-то другой, то вообще непонятно, при чем здесь Наум.

⁹² РФА. 2008. № 78. С. 262; ср.: Источники. № 12. С. 310.

⁹³ Правила святых апостол с толкованиями. М., 1876. С. 15.

Недавно этот фрагмент получил вполне убедительное толкование. Как предположил М. А. Цветков, речь у Геннадия, по всей видимости, идет о практике участия в поставлении священников новгородского соборного духовенства⁹⁴. Исследователь ссылается на «Чин избрания и поставления в священники» XV в.⁹⁵ Можно добавить, что эта новгородская практика восходит, вероятно, еще к концу XIII в. — соборное определение 1273 г. предусматривало семь свидетелей-священников достойного жития кандидата на иерейство⁹⁶. А. И. Алексеев отметил упоминание об участии в поставлении в священный чин иереев и диаконов в церковно-полюемическом памятнике конца XIV в., имеющем отношение к Новгородской епархии⁹⁷. По всей видимости, речь идет о поручительстве священников за своего будущего собрата и сослуживца с епископом в день его поставления в священный чин⁹⁸. Это должно было способствовать поставлению в иерейский чин достойных людей и искоренению недостатков церковной жизни. Геннадий же видел в этом лишь инструмент распространения «ереси», что еще раз

⁹⁴ Цветков М. А. Послание архиепископа Геннадия Новгородского епископу Прохору Сарскому. С. 189–190.

⁹⁵ РИБ. Т. 6. № 131. Стб. 901–904.

⁹⁶ Там же. № 6. Стб. 91. Старший список соборных правил 1273 г., в основном посвященных новгородской проблематике, дошел в составе Новгородской синодальной кормчей кон. XIII в. — официального экземпляра сборника церковных правил Дома Св. Софии (ГИМ. Синод. № 132).

⁹⁷ «...А епископ с попы и с дьяконы поставляет попы и дьяконы» (Источники. С. 237; РФА. 2008. С. 392; Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси. С. 67–68, 71. Памятник назван исследователем «Поучением патриарха Антония» — компилятивным сочинением, составленным в среде духовенства Новгорода или Пскова. На мой взгляд, верна принятая с кон. XIX в. в историографии точка зрения, по которой первоначальная версия памятника представлена «Списанием на стригольники» свт. Стефана Пермского, составленным во время пребывания последнего в Новгороде (см.: Печников М. В. Вторая редакция «Списания» Стефана Пермского (к вопросу о времени и месте составления) // Проблемы источниковедения. М., 2006. Вып. 1 (12). С. 90–107; Он же. «Списание на стригольники»: проблемы авторства, датировки и источников // Проблемы источниковедения. Вып. 3 (14) (в печати)).

⁹⁸ Согласно Житию Стефана Пермского, святой рукополагал новообращенных зырян в священнослужители (Житие Стефана Пермского // Святитель Стефан Пермский: К 600-летию со дня преставления / Ред. изд. Г. М. Прохоров. СПб., 1995. С. 114), в то время когда сам в епископы еще хиротонисан не был. Видимо, имеется в виду, что Стефан отбирал и рекомендовал архиерею кандидатов на поставление (ср.: Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Неканоническое поведение святого в агиографических источниках // Факты и знаки. Исследования по семиотике истории. М., 2010. Вып. 2. С. 13–33).

подчеркивает его непростое отношение к традиционным практикам новгородской церкви.

Далее в послании Прохору Сарскому Геннадий пишет, что ересь может быть искоренена, если «Христос Бог свободит от тое ереси молитвами Пречистыя Его Матери, и грозою и обыском великого князя, да и подвигом господина отца нашего Геронтия митрополита всеа Руси, да и вашего боголюбия подщанием купно со архимандриты и презвитеры, воспоминаия государю великому князю, что он, государь, прадеда своего, великого князя (видимо, Владимира Святого. — М. П.) веру подтвердил, а еретическая прелести православное христьянство свободил»⁹⁹. «Гроза и обыск» Ивана III, как мы видели в предыдущей части исследования, уже обрушились в то время на Новгород. Массовые выводы новгородцев лишили город наиболее активной и влиятельной части его жителей.

Что касается «подвига» Геронтия, то здесь Геннадия, очевидно, встретилось с трудом преодолимое препятствие для дальнейшего развития еретического дела. Само обращение Геннадия к Прохору, викарию митрополита, уже после того, как им были посланы в Москву грамоты Геронтию и Ивану III и «подлинники» первого следствия, было вызвано, видимо, отсутствием должной реакции со стороны первосвященника Русской церкви.

Следующее послание Геннадия меньше по объему, но сохранило несколько важных современных началу разбирательства о «еретиках» свидетелств. Это грамота еп. Нифонту Суздальскому (январь 1488 г.)¹⁰⁰. Нифонт (ум. 8 марта 1508 г.), как говорилось выше, был поставлен митр. Геронтием из симоновских архимандритов 9 декабря 1484 г., всего на несколько дней раньше Геннадия¹⁰¹. Два московских архимандрита 70-х — нач. 80-х гг., несомненно, были хорошо знакомы друг с другом и неоднократно совместно участвовали в церковных мероприятиях и богослужениях (Геннадий называет Нифонта своим «сослужбником»¹⁰²). Необходимость ознакомления Нифонта с еретической проблематикой была связана с тем, что суздальского епископа не было в Москве, когда в 1487 — самом начале 1488 г. там были получены грамоты Геннадия Ивану III, Геронтию и Прохору¹⁰³. Аналогичная по содержанию грамота («противень... в одны речи о еретицех») была послана Геннадием в том же январе 1488 г. и главе

⁹⁹ РФА. 2008. № 78. С. 262; Источники. № 12. С. 310.

¹⁰⁰ Источники. № 13. С. 312–313.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 18. С. 270.

¹⁰² Источники. № 13. С. 312.

¹⁰³ Там же.

соседней с новгородской епархии — Пермскому епископу Филофею (1471–1501; ум. 2 окт. 1507 г.)¹⁰⁴.

Геннадий просил суздальского епископа (и, соответственно, пермского) воздействовать на великого князя и митрополита, чтобы они поспособствовали искоренению «ереси»: «да усердно о том потщание имея, споборствуя по Христе Бозе и Пречистыя Его Богоматери, яко же должно есть твоему святительству въспоминая государю великому князю да и господину отцу нашему Геронтею митрополиту всяя Руси, чтобы тому делу потщался исправление учинити [...] А того толке не управит государь князь великий, а того накрепко не обыщеть, ино будеть последняя лесьть горше первыя. И ты бы о том митрополиту явил, чтоб митрополит печаловался государю великому князю, чтобы почистил церков божию от тое ереси»¹⁰⁵. Из данного текста также следует, что Геннадий очень важной для развития дела о еретиках считал позицию московского митрополита — именно он должен был обратиться к великому князю с просьбой о начале «обыска» «еретиков» государственной властью¹⁰⁶. При этом новгородский владыка сетует, что в Москве «ныне как продлилось то дело — обыск ему не крепок чинитца. Ино познают (великий князь и митрополит, которые упоминаются в грамоте выше. — М. П.): еретикам ослаба пришла, уже ныне наругаютца христьянству...»¹⁰⁷. Повторяется общий с посланием Прохора тезис, что «еретики» не признают свою вину и считают себя православными: «А тому бы есте не верили (митрополит и великий князь. — М. П.), что ся они зовут христяне, то они покрывают свою ересь тем, занеже то яз известно отведал на них»¹⁰⁸.

В грамоте Нифонту появляется первый названный по имени «еретик» (если не считать таковым Наума) — это некий Гридя Ключь; творивший непотребства «диака (живший у р. Ояти, в Заонежье. — М. П.) сказываеътца племенник Гриди Ключу еретику, что в подлинник не

¹⁰⁴ Там же. С. 313. Филофей был заметной фигурой в церковной жизни кон. XV в., участвовал почти во всех известных церковных соборах того времени и подобно Геннадию по поручению митрополита Зосимы составил предисловие к пасхалии (см.: Романова А. А. Епископ Пермский и Вологодский Филофей и принадлежащее ему предисловие к пасхалии // Средневековое православие от прихода до патриархата. Волгоград, 1997. С. 103–110. Библиографическую справку см.: Она же. Филофей // СККДР. СПб., 2012. Вып. 2. Ч. 3. С. 876. См. также: Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI вв. С. 65, 88, 89, 199, 215, 312).

¹⁰⁵ Источники. № 13. С. 313.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же. С. 312.

¹⁰⁸ Там же. С. 313.

писан»¹⁰⁹. Приведенные в грамоте Нифонту конкретные случаи неподобающего обращения со святынями не в Новгороде, а в Новгородской земле как бы иллюстрируют тезис из послания Прохору: «Да та прелесть здесе распростерлася не токмо в градах, но и по селом»¹¹⁰. Впервые в грамоте Нифонту называется и храм, связанный, по мнению Геннадия, с «еретиками», — это церковь Спаса Преображения на Ильине улице (та самая, где сохранились фрески Феофана Грека)¹¹¹. Тем самым получают, с точки зрения архиепископа, дополнительное обоснование обвинения в адрес новгородского иерейства, изложенные в послании Прохору.

Ретроспективно начало расследования и его первый этап (до собора февраля 1488 г.) отражены еще в трех посланиях Геннадия — это послание бывшему архиепископу Ростовскому и Ярославскому Иоасафу (Оболенскому) (датируется в историографии или 1489, или 1488 г.) и два послания сентября 1490 г. — собору епископов и митр. Зосиме. Обратимся к первому из них. Несмотря на то, что Геннадий в послании Нифонту писал, что сведения о ереси он наиболее подробно изложил в послании Прохору, на самом деле самым обстоятельным нарративом как о ходе дела в 1487–1488 гг., так и о составе предъявленных обвинений является именно послание Иоасафу.

Иоасаф (Оболенский) был поставлен Геронтием в Ростовские архиепископы из иноков (возможно, игуменов) Ферапонтова монастыря 22 июля 1481 г.¹¹² Как говорилось выше, Иоасаф вместе с архим. Геннадием, вопреки мнению большинства духовенства и иночества, поддержали великого князя при его конфликте с митрополитом в августе того же года, когда Геронтий ушел впервые в Симонов монастырь. Данный факт определенно свидетельствует о том, что инициатором выдвижения Иоасафа на кафедру был Иван III (это тем более вероятно, что представители рода Оболенских являлись видными сподвижниками великого князя, а один из них, еп. Вассиан, занимал промосковскую позицию в независимой до 1485 г. Твери; предшественники Иоасафа на ростовской кафедре Трифон и Вассиан (Рыло) также пользовались особым расположением Ивана III). При этом, как

¹⁰⁹ Там же. С. 313.

¹¹⁰ Там же. № 12. С. 310.

¹¹¹ Там же. № 13. С. 312.

¹¹² ПСРЛ. Т. 18. С. 269; Т. 25. С. 329; Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 122; см. также: Тарасов А. Е., Э. П. Р. Иоасаф (кн. Иван Михайлович Оболенский), бывш. архиеп. Ростовский, Ярославский и Белозерский // ПЭ. М., 2010. Т. 25. С. 200–202.

и Геннадий (и, вероятно, Вассиан (Рыло)¹¹³), Иоасаф имел некоторое отношение к великой княгине Софье и ее греческому окружению: боярином Иоасафа в 1481 г. стал приехавший с Зоей Палеолог из Рима кн. Константин Мангупский (вскоре ставший монахом под именем Кассиан)¹¹⁴. Таким образом, обе имевшиеся в Русской митрополии архиепископские кафедры были заняты верными великому князю людьми, способными вместе с ним пойти на конфликт с церковным руководством¹¹⁵.

Тем не менее, Иоасаф оставил кафедру «в петрово говение» 1488 г. (2–28 июня) и с этого времени пребывал в Ферапонтове монастыре¹¹⁶,

¹¹³ См.: Плеханова М. Б. «Послание на Угру» и происхождение московской имперской идеологии // ТОДРЛ. СПб., 2010. Т. 61. С. 452–488.

¹¹⁴ См.: Голейзовский Н. К. Начало деятельности Кассиана Учемского по письменным источникам // ДРВМ. 2002. № 4 (10). С. 20–27; Сосновцев Е. Г. Кассиан Грек, прп. // ПЭ. М., 2013. Т. 31. С. 487–491.

¹¹⁵ А. Е. Тарасов полагает, что личные отношения Геннадия и Иоасафа, которые, несомненно, были знакомы уже в 1481 г., к кон. 80-х гг. были не вполне гладкими (см.: Тарасов А. Е., Э. П. Р. Иоасаф // ПЭ. М., 2010. Т. 25. С. 202). Об этом якобы свидетельствует приведенное выше сообщение Типографской летописи, отразившей ростовское владычное летописание 80-х гг. XV в., о том, что Геннадий получил кафедру, дав взятку великому князю, а также упреки, которые Геннадий неоднократно высказывает Иоасафу в интересующем нас послании (как по поводу оставления им кафедры, так и по поводу нежелания бороться с «ересью»). Но, скорее всего, ростовский владычный свод, доведенный до 1484 г., был составлен не при Иоасафе, а после его оставления кафедры, в конце 80-х гг. при архиеп. Тихоне, поставленном митр. Геронтием в начале 1489 г.; после сообщения об уходе Геронтия с митрополии летом 1484 г. в Типографской летописи использован не ростовский, а общерусский источник (см.: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 284–301; Насонов А. Н. История русского летописания XI – нач. XVIII в.: Очерки и исследования. М., 1969. С. 314–315, 374, 376, 389, 405; ПСРЛ. Т. 24. С. 203).

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. 28. С. 154. О причинах и обстоятельствах отставки Иоасафа высказывались разные точки зрения. Я. С. Лурье полагал, что Иоасаф не был согласен с нежеланием Ивана III преследовать «новгородско-московских еретиков» (Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодалные еретические движения. С. 200). По мнению А. И. Плигузова, уход Иоасафа был связан с враждебностью Ивана III к Андрею Ивановичу Угличскому, столица удельного княжения которого входила в епархию Иоасафа (Pliguzov A. Tikhon of Rostov, or Russian political games in 1489 // Russian History / Histoire Russe. 22. N 3. 1995. P. 311–313). Согласно точке зрения А. Е. Тарасова, конфликт был связан с неодобрением Иоасафом некоторых аспектов перестройки Кремля (см.: Тарасов А. Е. Архиеп. Иоасаф: К истории отношений гос-ва и Церкви в 80-х гг. XV в. // История и культура Ростовской земли. 2004. Ростов, 2005. С. 154–163).

куда, очевидно, и была адресована грамота новгородского владыки. Послание сохранилось в единственном списке нач. XVI в. (РГБ. Троиц. № 730. Л. 246–253об.). А. И. Плигузов привел аргументы в пользу датировки грамоты Геннадия Иоасафу июлем — августом 1488 г.¹¹⁷, а не февралем 1489 г., как это делал Я. С. Лурье¹¹⁸.

Часть текста послания Иоасафу посвящена обсуждению обстоятельств и последствий ухода ростовского архиепископа с кафедры, причем Геннадий пишет об этом вне какой-либо связи с еретическим делом; поэтому в дальнейшем посвященные этому фрагменты рассматриваться не будут. Обвинительно-полемические фрагменты послания, составляющие большую его часть, совпадают в целом, при некоторых нюансах, с соответствующими фрагментами послания Прохору (см. об этом в следующем разделе статьи).

О следствии по делу «еретиков» Геннадий (спустя примерно год после его начала) сообщает следующее: «Мню, яко не неведомо твоему святительству церковный раздор от еретичьскаго нападения, что есми посылал подлинники великому князю, да и митрополиту, отцу его, и митрополит деи то и вам являл (т. е. Геронтий показывал подлинники епископам. — М. П.), те великие скръби, иже от начала не бывали в Руской земли [...] И как [...] послали мене на архиепископию Великаго Новагорода и Пьскова [...] и обретох здесе новгородских еретиков, жидовскаа мудръствующих. Покрыты же суть онехъ еретик клятвеною укоризною, марькианския глаголю и месалианския [...] Сице и сии еретици говорят явьствено, и учат православное христианство своей злобе, и как их спроси, и он говорит: яз, деи, православной христианин, а того всего своего лихово дела заплрелся. Ино то в них не одно иудейство, смешано с месалианскою ересью. Сиа главы в правилах у себе изнайдешь; а то ми накрепко высказал их товарищы поп Наум. Да и псалмы ко мне принес, по чему они себе правили по-жидовскы. И те яз псалмы послал к митрополиту же с подлинником [...]»¹¹⁹. Таким образом, как и в посланиях 1487 — нач. 1488 г., Геннадий пишет о том,

¹¹⁷ *Pliguzov A. Archbishop Gennadii and the Heresy of «Judaizers» // Harvard Ukrainian Studies. 1992. Vol. XVI. N. 3/4. P. 273, 284 (прим. 27). Слова в конце текста «В лето 6997 [1489] февраля 23, 24, 25 переписахъ сие послание» (Источники. № 16. С. 320) принадлежат, очевидно, одному из первых переписчиков грамоты, а не ее автору. Хронологические вычисления в послании Иоасафу совпадают с вычислениями в послании Прохору, которое было составлено осенью 1487 — в нач. января 1488 г., т. е. первое из них относится к тому же 6996 г., а значит, может датироваться только периодом после оставки Иоасафа (не раньше июня) до августа 1488 г. включительно.*

¹¹⁸ *Источники. № 16. С. 315.*

¹¹⁹ *Там же. С. 316.*

что обвиняемые им в ереси новгородцы отказывались признаваться в неправославии; что дело было начато после доноса попа Наума, принесшего архиепископу некие подозрительные псалмы; что Геннадий послал эти псалмы вместе с материалами следствия («подлинником») митрополиту Геронтию.

Позднее в послании митрополиту Зосиме в 1490 г. Геннадий указывал на определяющую роль великокняжеской власти в начале дела «жидовская мудрствующих»: «И князь великий ко мне прислал грамоту, а велел ми того беречи, чтобы то лихо в земли не распростерлось. И потом пришел обыск на еретики, и яз их велел имати да подавати на поруку; и те еретики, поручников выдав, да збежали к Москве [...] И аз послал к великому князю первого своего обыска подлинник, а другой подлинник к митрополиту послал»¹²⁰. Именно после получения грамоты от великого князя (несохранившейся, ее не следует путать с грамотой Ивана III от февраля 1488 г.), а не от митрополита (которой, вероятно, и не было), был начат «обыск» (следствие и аресты) в Новгороде. Свидетельством начала «обыска» по грамоте Ивана III является случай упомянутого в послании Нифонту «еретика» Гриди Клоча, который «в подлинник не писан» (см. выше) — он, очевидно, был обвинен в ереси уже после того, как первый «подлинник» был послан великому князю и митрополиту, но не позднее начала 1488 г.

В том же октябре 1490 г. Геннадий в двух грамотах в Москву (митрополиту Зосиме и собору епископов) писал о деле иеромонаха Захара из Немчинова монастыря¹²¹. В грамоте митрополиту говорится, что Захар «лает ми, господине, безпрестани уже третий год, на четвертой

¹²⁰ Источники. № 18. С. 375.

¹²¹ Успенский Немчинов мужской монастырь находился в 62 верстах от Холма на р. Ловати (История российской иерархии. М., 1813. Ч. 5. С. 144–145; *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в российской империи. СПб., 1897. Т. 3. С. 201), т. е. не просто на территории Новгородской епархии, но в самой Новгородской земле, в Деревской пятине. Данное обстоятельство противоречит часто встречающемуся в литературе утверждению, что Захар был «псковским монахом», «псковским еретиком», «жил в Пскове» и т. п. (см., напр.: *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба. С. 161; *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси. XIV–XVI вв. Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991. С. 130–131; *Алексеев А. И.* Религиозные движения на Руси. С. 423), что, вероятно, восходит к тому факту, что до революции Холмский уезд относился к Псковской губернии. Немчинов монастырь отсутствует в списке монастырей Псковской земли, составленном Е. Б. Францужовой (*Францужова Е. Б.* Монастыри Псковской земли в XVI в.: Общее количество и размещение // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 108–130).

год настало»¹²². Из этого следует, что первое столкновение Захара с Геннадием произошло не позднее 1487 г. Как сообщали архиепископу монахи Немчинова монастыря, Захар (видимо, их духовник; игуменом он ни разу в источниках не называется) «перестригл их от князя Федора от Бельского»¹²³, да причастна три годы не давал, а сам, деи, не причащал ся»¹²⁴. Захар сделал это без согласия Бельского — «от государя их отвел», а затем не давал им причастия — «от Бога отлучил»¹²⁵. Будучи вызван к архиепископу, он заявил: «А у кого, деи, ся причащати? Попы, деи, по мзде ставлены, и митрополит, деи, и владыкы по мзде же ставлены [...] Коли, деи, въ Царьград ходил есть митрополит ставитися, и он, деи, патриарху денги давал; а ныне, деи, он бояром посулы дает тайно, а владыкы, деи, митрополиту дают денги: ино, деи, у кого причащатися?» Этими словами Захар «свою ересь явил»: «И аз познал, — пишет Геннадий, — что стригольник, да велел есми его послати в пустыню на Горнечно»¹²⁶. Действительно, основным

¹²² Источники. № 18. С. 378.

¹²³ С «перестрижением» ряд авторов связывали происхождение наименования «стригольники», полагая, что это был обряд посвящения в ересь (*Успенский Ф. И.* Очерки по истории византийской образованности на Руси. СПб., 1892. С. 378–379; *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения. С. 57–58; *Клибанов А. И.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960. С. 134–135). Слово «перестригл», однако, следует понимать исключительно в том смысле, что Захар совершил обряд монашеского пострига над многими людьми (см.: *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М., 1988. Вып. 14. С. 294), а именно — детьми боярскими князя Ф. И. Бельского, в 1481/82 г. выехавшего из Литвы на Русь (*Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 124); возможно, что среди этих перестриженных Захаром слуг Ф. И. Бельского был Тимофей, будущий основатель Луховского монастыря прп. Тихон Лухский († 1503), о котором известно, что он покинул Литву вместе с этим князем (см.: *Служба со акафистом преподобному отцу нашему Тихону Лухскому чудотворцу.* СПб., 1896. С. 88–99; *Романова А. А.* Житие Тихона Лухского // СККДР. Вып. 3. Ч. 4. Доп. С. 851).

¹²⁴ Источники. № 19. С. 380.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же. Имеется в виду Горнецкий или Горнечный Спасский монастырь, находившийся в 60 верстах от Новгорода в Деревской пятине (*Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей Российской Церкви. СПб., 1877. Стб. 109; *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Т. 2. С. 119–120). Первое упоминание о нем содержится в записи писца Евангелия учительного 1460 г. (РГБ. Рогож. № 149. Л. 348об.): «...А писано рукою многогрешнаго Исидора дяка в пустыни зовомое на Горнечне в дому святого Рожества Господа нашего Иисуса Христа и боголепнаго святого Спаса

положением учения так называемых стригольников — небольшого отделившегося от церкви религиозного сообщества конца XIV — первой трети XV в. было именно осуждение «поставления по мзде», т. е. запрещенной церковными канонами симонии¹²⁷. Итак, Захар был отправлен в заключение в пустыню, подобно тому наказанию, которое, вероятнее всего, было наложено на стригольников в 1425 или 1427 гг.¹²⁸

В январе — начале февраля 1488 г. в Москве состоялся соборный церковный суд над «еретиками», за которым последовало наказание от светской власти тех лиц, вина которых была признана несомненной¹²⁹.

13 февраля этого года в Новгороде Геннадий получил две грамоты, от великого князя и митрополита, сообщающие Геннадию о результатах соборного разбирательства¹³⁰. Тексты посланий Ивана III и Геронтия почти идентичны (за исключением вводных частей и одного абзаца). Это наводит на мысль, что их основа составлялись в одной канцелярии (скорее всего, учитывая пошатнувшееся положение Геронтия после 1484 г., — в великокняжеской).

В грамоте Ивана III говорилось: «Писал еси ко мне, да и к митрополиту, грамоту о ересех и о хуле на Христа сына Божия и на Пречистую его Богоматерь, и о поругании святых икон, что которые в Новгороде священники, и диаконы, и диаки, и простые люди, жидовскую веру величают, а нашу веру православную Христову хулят, да и список еси тех ересей прислал к нам на тех еретиков [...]»¹³¹. В схожих выражениях об этом говорится и в грамоте от имени митрополита: «Писал еси к

Преображение. В пустыни того лета поставили храм при игумене Герасиме. Аминь» (*Гальченко М. Г.* Записи писцов в древнерусских рукописях XIII–XV вв. // *Palaeoslavica*. 2003. Vol. XI. № 34. С. 17).

¹²⁷ См.: Источники. С. 230–255; *Печников М. В.* Доктрина стригольников: опыт реконструкции // *Russia mediaevalis*. Tomus X, 1. 2001. С. 108–111.

¹²⁸ Источники. С. 254; *Печников М. В.* Церковь и стригольники в Пскове в конце XIV — первой трети XV в. // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2014. № 1 (55). С. 104–107.

¹²⁹ Единственным специальным исследованием на тему собора 1488 г. является статья М. А. Цветкова: *Цветков М. А.* Собор 1488 г. на новгородских еретиков (по Посланию архиепископа Геннадия епископу Нифонту Суздальскому и грамотам великого князя Ивана III и митрополита Геронтия архиепископу Геннадию) // *НИС*. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 122–132.

¹³⁰ «А князь великий и митрополить прислал с Кривоборским о еретицех в лето 96 фев[аря] 13» (Источники. № 14–15. С. 314). По необъяснимой причине А. И. Алексеев датирует оба послания февралем 1489, а не 1488 г. (*Алексеев А. И.* Послания Геннадия Гонзова. С. 129; *Он же.* Религиозные движения на Руси. С. 251).

¹³¹ Источники. № 14. С. 313–314.

нам свои грамоты [...] о том, что прозябают ереси в Новгороде, хулы и поруганья от священников, и от дияконов, и от дияков, и от простых людей, да и списке тех ересников прислал к нам, по чему еси обыскивал, как они хулили Христа Сына Божия и Пречистую Его Матерь и ругались святым иконам, а величают жидовскую веру, а нашу православную христианскую веру хулят»¹³².

То есть первый «подлинник», о котором пишет Геннадий — это «список ересей», а также список «тех ересников [...] по чему еси обыскивал». На основании этих слов можно сделать вывод, что Геннадий начинал «обыск», уже имея готовый список «еретиков». «Еретики», согласно «подлиннику», — новгородцы, как миряне («простые люди»), так и священно- и церковнослужители. Из них, однако, называются только несколько имен.

Собор епископов с участием митрополита и великого князя постановил, что «поп Григорей Семеновской, да поп Ересим Николской, да попов Григориев сын Самсонко диак, по правилом царьским, дошли градские казни, потому что на них есть свидетельства в твоём списке; а на Гридю на Борисоглебского в твоём списке свидетельств нет, опрочи попа Наума». Трёх первых по приказанию великого князя подвергли «градской казни» (имеется в виду, очевидно, публичное битьё кнутом), а затем всех четверых послали в Новгород вместе с Иваном Кривоборским, который доставил и грамоты: «Ты бы у себя собрав собор да обличив их ересь, да и понаказал их; и толко не покаются и перед тобою о той ереси, и ты их пошли к моим наместником, к Якову да к Юрию Захаринчем, и они тамо велят казнити градскою казнию. А Гридю диака к тебе есми же послал, и ты его там обыскивай. А на которых еси писал, в том же списке, о тех же ересех, на священников и на дияконов и на дияков, и на простых людей, которые в Новгороде живут: и ты тех обыскивай с моими наместники»¹³³. Здесь мы видим распоряжение о втором, дополнительном следствии с участием наместников великого князя.

Важное дополнение к этому имеется в грамоте Геронтия. Он пишет о церковном наказании трёх новгородцев: «достойни извержению и отлучению от святыя церкви и проклятью подлежат, потому что на них в твоих списках свидетельства есть о их ересех и хулах и о поруганьи [...] И ты, сыну, у себя, в своем зборе, тех обличив да понакажи духовне, по правилом святых апостол и святых отец, как достойно по божественному писанию, чтобы они покаалися и в разум истинны пришли;

¹³² Там же. № 15. С. 314.

¹³³ Источники. № 14. С. 314.

и толко покаются, да будут достойни милости»¹³⁴. Данный фрагмент указывает на особую позицию митрополита по этому делу в отличие от великого князя. Если великий князь нацелен на выявление крамолы в недавно присоединенной Новгородской земле, то митрополит озабочен спасением душ своей паствы. Первосвяtitель пишет, что обвиняемые подлежат извержению из сана, отлучению от церкви и церковному проклятию, но исполнить эту рекомендацию должен сам Геннадий как их владыка, но только при условии, если они не покаются. Это, как указал М. А. Цветков, соответствовало 34-му апостольскому правилу, по которому духовное наказание полагалось от своего архиерея¹³⁵.

В обеих грамотах совпадает предписание дополнительного следствия и определения мер наказания в самом Новгороде. Как пишет митрополит, «а Гридя диак не дошел ещо, по правилом, градские казни, потому что на него один свидетель, поп Наум: и ты того тамо обыскивай, и что на него обыщешь, по правилом, казнь духовную или градскую, ино то сам ведаешь. А которых еси иных писал в своих списках, священников и диаконов и диаков и простых людей, что те лихие дела делают, и ты бы того обыскивал с великим прилежанием и со многим извещением [...] И которые дойдут, по правилом, твоей святительские духовные казни, и ты их духовне казни; а которые дойдут градские казни, ино тех наместники великого князя казнят градскою казнью. Да обыскивал бы еси, сыну, то дело прилежно, чтобы христианство в змущении не было, а церковь бы Божия безмятежна была»¹³⁶.

При этом в грамоте великого князя, в отличие от грамоты митрополита, имеется важный фрагмент о конфискации имущества «еретиков»: «А ссатки¹³⁷ бы еси поповы Григорьевы, и поповы Ересимовы, и Самсонковы диаковы, послав своего человека, — а наместьники мои пошлют с твоим человеком своего человека, — да велите переписати, да переписав, да список ко мне пришлите. А которых иных попов и диаконов и диаков, и простых людей, в том деле обыщите и дойдут градские казни, и наместники мои велят их казнити, а ссатки их переписав по тому же, да те списки ко мне пришлите»¹³⁸.

М. А. Цветков обратил внимание на любопытную оговорку послания Ивана III: «и толко не покаются и перед тобою в той ереси,

¹³⁴ Там же. № 15. С. 315.

¹³⁵ Цветков М. А. Собор 1488 г. С. 128–130.

¹³⁶ Источники. № 15. С. 315.

¹³⁷ «Състатъкъ — имущество, состояние» [...] наследство» (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1912. Т. 3. Стб. 828).

¹³⁸ Источники. № 14. С. 314.

и ты их пошли к моим наместником [...] и они их тамо велят казнить градскою же казнию»¹³⁹. Как пишет исследователь, «союз и позволяет сделать предположение о непризнании еретиками своей вины на соборе 1488 г. или об их нежелании покаяться в ереси»; их наказание, несмотря на это, по приговору великого князя, свидетельствует о доверии, оказанном великим князем новгородскому архиепископу¹⁴⁰.

Ретроспективно о событиях, связанных с собором 1488 г., Геннадий сообщал в цитированном уже выше послании новому митр. Зосиме осенью 1490 г.: отпущенные на поруку «еретики, поручников выдав, да збежали к Москве: Григорей поп с сыном с Самсонком, да Ереса поп (Ересим грамот князя и митрополита 1488 г., т. е. Герасим — М. П.), да Гридя диак Борисоглебской. И аз послал к великому князю первого своего обыска подлинник, а другой подлинник к митрополиту послал. И князь великий тех еретиков на Москве казнил, да казнив их, прислал ко мне»¹⁴¹. Таким образом, Геннадием прямо подчеркивается определяющая роль великого князя в розыске и наказании «еретиков».

Дополнительную информацию предоставляют летописи, имеющие отношение к своду 1518 г. (который, по А. Н. Насонову и Я. С. Лурье, восходит к митрополичьему или «неофициальному монастырскому» своду кон. 80-х гг. XV в.¹⁴²). В них говорится, что «той же зимы (1487/88 г. — М. П.) биша попов новгородских [...] по торгу кнутьем: присла бо их из Новагорода к великому князю владыка Генадеи, что пьяне поругалися святым иконам; и посла их опять ко владыце»¹⁴³. Из данного сообщения следует, что новгородцы были осуждены за оскорбление святыни, допущенное в пьяном виде. В публичном наказании «кнутьем» («торговой» или «градской» казни) не было ничего экстраординарного. Свидетелем такого наказания священников, причем именно за пьянство, был в Москве имперский посол С. Герберштейн (он видел, как «в Москве пьяных священников всенародно подвергали бичеванию»¹⁴⁴). Следует обратить внимание на то, что само сообщение о наказании новгородских священников помещено в один ряд с

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Цветков М. А. Собор 1488 г. С. 131.

¹⁴¹ Источники. № 18. С. 375.

¹⁴² См.: Насонов А. Н. История русского летописания. С. 303–315; Лурье Я. С. Летопись Львовская // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 44–45; Он же. Летопись Софийская II // Там же. С. 60–61.

¹⁴³ ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 353; Т. 6. Вып. 2. Стб. 324; Т. 28. С. 319; Т. 23. С. 186.

¹⁴⁴ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 2008. Т. 1. С. 155.

другими известиями о торговых казнях в том же 1487/1488 г., в том числе одного архимандрита¹⁴⁵.

Летописная статья содержит расхождения с посланиями Геннадия, Ивана III и Геронтия. Наказанными называются лишь священники, а согласно посланиям великого князя и митрополита — два священника и дьяк. Сообщается, что их прислал великому князю сам архиепископ, в то время как по словам Геннадия они сами бежали в Москву. Тем не менее, нет оснований подозревать летописца в искажении самой сути произошедшего события. Приговор светской власти, как мы знаем по грамотам 1488 г., действительно заключался именно в «градской казни» (публичном наказании). Характерно, что новгородцы в летописном сообщении не называются «еретиками». Учитывая неофициальный характер свода кон. 80-х гг. XV в., следует полагать, что его составитель выражал точку зрения, отличающуюся от представленной в великокняжеском окружении, а именно, что новгородцы были наказаны не за ересь, а за дисциплинарные нарушения.

Очевидно, что большинство обвинений в Москве приняты во внимание, судя по всему, не были. Слабость доказательной базы обвиняющей стороны характеризуют фразы про «одного свидетеля, попа Наума». Как указал М. А. Цветков¹⁴⁶, это соответствовало 2-му правилу Первого вселенского собора, которое предусматривало двух или трех свидетелей обвинения при разбирательстве дел духовных лиц: «Аще же, в продолжении времени, душевный некоторый грех обретен будет в некоем лице, и будет обличен двумя или тремя свидетелями: таковый да будет исключен из клира»¹⁴⁷. Поэтому следует полагать, что тенденция к оправданию обвиняемых исходила от церковной стороны в лице митрополита. Недоверие показаниям Наума распространялось, очевидно, не только на Гридую Клоча, но также и на исходящее от Наума «вещественное доказательство» — некие «псалмы... по чему они себе правили по-жидовскы» в трех тетрадах, присланные именно митропо-

¹⁴⁵ Так был наказан сын боярский великого князя Мунт Татищев, говоривший, что Иван III хочет «поимати» своего брата кн. Андрея Васильевича, — «Мунту же князь велики дать торговую казнь, и хотя ему язык верезати; митрополит же отпечалова его». Далее говорится о торговой казни новгородских попов. Наконец, «тое же зимы архимандрита чюдовского (преемника Геннадия Макария. — М. П.) били в торгу кнутъем и Ухтомского князя и Хомутова» за подделку вкладной грамоты в Спасо-Каменный монастырь (ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 353; Т. 6. Вып. 2. Стб. 323–324; Т. 28. С. 319; Т. 23. С. 185–186).

¹⁴⁶ Цветков М. А. Собор 1488 г. С. 130.

¹⁴⁷ Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, еп. Далматинско-Истрийского. СПб., 1911. Т. 1. С. 174.

литу вместе с одним из экземпляров «подлинника». Данные «улики», похоже, во внимание приняты не были (они ни разу не упоминаются ни в источниках о соборе 1488 г., ни далее). Тексты грамот, присланных из Москвы, позволяют предполагать, что Геннадий в «подлиннике» уделил основное внимание перечислению «ересей» в виде «списка» без достаточного обоснования вины обвиняемых.

Совершенно очевидно, что какого-либо наказания избежало большинство новгородцев, обвиненных архиепископом в ереси («которые в Новгороде священники, и диаконы, и диаки, и простые люди») ¹⁴⁸. Их, как и избежавшего наказания Гридю, великий князь предписал «обыскивать» в Новгороде, т. е. проводить дополнительные следственные мероприятия. На соборе 1488 г. было осуждены только несколько человек (два священника и один диак, сын одного из обвиненных иереев), не упоминавшиеся ранее в посланиях Геннадия, но имена которых, несомненно, были в подлинниках первого следствия. До 1488 г. они бежали в Москву, будучи отпущены под поручительство. После «торговой казни» в Москве по приговору суда великого князя они были посланы для духовного наказания в Новгород, где Геннадий должен был собрать собор.

Итак, какие же выводы можно сделать по имеющимся материалам первого следствия (до февраля 1488 г. включительно)?

Прежде всего, нельзя не обратить внимания на то, что начало еретического «розыска» в Новгороде в 1487 г. приходится на время начала наместниками великого князя наиболее массовых репрессий по отношению к новгородскому населению, значительная часть которого была недовольна проводимой московским правительством политикой ¹⁴⁹. Это обстоятельство представляется чрезвычайно важным. Ведь в та-

¹⁴⁸ В связи с этим невозможно согласиться с мнением М. А. Цветкова, что «собор 1488 г. выполнил все требования новгородского архиепископа Геннадия в отношении еретиков» (*Цветков М. А. Собор 1488 г. С. 132*). Исследователь полагает, что «новгородский владыка добился успеха благодаря отсутствию Федора Курицына, находившегося в это время с посольством в Венгрии» (Там же. С. 125). Но дьяк Ф. В. Курицын к тому времени уже вернулся в Москву (скорее всего, это произошло не позднее лета 1485 г.; см.: *Флоря Б. Н. Русские посольства в Италию и начало строительства Московского кремля // ГММК: Материалы и исследования. М., 1980. Вып. 3. С. 14*). В 1488 г. он посылался к послу венгерского короля, но тот в это время находился в Москве (Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Стб. 161, 162).

¹⁴⁹ Как отметил А. А. Зимин, об обнаружении ереси Геннадий сообщил в 1487 г. Прохору «в разгар движения против самоуправства наместника Якова Захарыча» (*Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI вв. С. 86; ср.: Там же. С. 78*).

ком случае нельзя исключать того, что это не только одновременные, но и совместно спланированные мероприятия. Действительно, и при «выводах», и при начале «розыска» на еретиков мы видим схожую методику — вначале донос, который независимыми источниками может характеризоваться как «обговор» (в 1484 г. — донос неких горожан на бояр, в 1487 г. — «обговора деля» казнили новгородцев, якобы замышлявших убийство наместника Якова Захарьича), затем обвинение, «обыск» по приказу великого князя и последующие репрессивные действия. Но если наместники, исполняя волю великого князя, могли быть уверены в том, что их усилия будут оценены в Москве, то в «еретическом деле» с самого начала вмешивался фактор «фрондирующего» (по выражению А. А. Зимина¹⁵⁰) против великого князя митрополита Геронтия.

К началу 1488 г. архиепископ начал поиск «новгородских еретиков жидовская мудрствующих» вне собственно Новгорода, поскольку «ересь», по его словам, распространилась не только по городам, но и в сельской местности. Об этом свидетельствуют упоминания дьяка и священника с Ояти, некоего сельского священника с неканоничным крестом-тельником, иеромонаха-«стригольника» Захара из Немчинова монастыря на Ловати, и, возможно, подьячего Алексейки, который «на поместье живет» (в характеристике действий которых, однако, не обнаруживается ничего общего)¹⁵¹. Насколько можно судить, преследование «еретиков» распространялось только на новгородскую часть епархии. Нам неизвестно ни одного обвиняемого в ереси из Псковской земли, входившей в церковную юрисдикцию Геннадия как новгородского владыки, но остававшуюся формально независимой в государственном отношении. Все «еретики» грамот 1487–1488 гг. происходят из завоеванной Москвой Новгородской земли.

Источники 1487–1488 гг., относящиеся к самому началу «еретического дела», не подтверждают прочно утвердившееся в историографии мнение, базирующееся на текстах Иосифа Волоцкого, что Иван III покровительствовал «жидовствующим». Напротив, из всего комплекса современных первоначальному «розыску» сведений очевидна решимость великого князя искоренить в Новгороде с помощью своих доверенных лиц (наместников и архиепископа)

¹⁵⁰ Там же. С. 86.

¹⁵¹ Упоминается только в грамоте собору епископов 1490 г. (Источники. № 19. С. 380), однако связываемый с ним случай осквернения иконы Успения, вероятно, имеется в виду уже в грамоте Прохору 1487 г. (Там же. № 12. С. 310).

всякую крамолу, в том числе церковную. Геннадий выражает в своих посланиях уверенность, что он действует в интересах великого князя, исполняя его волю, выраженную в его первой (недошедшей) грамоте новгородскому архиепископу: «того беречи, чтобы то лихо в земли не распростерлось»¹⁵². В то же время он сетует, что «ныне как продлилось то дело — обыск ему не крепок чинитца»¹⁵³. В чем же была причина недостаточно активных следственных мероприятий в Москве? Обычно исследователи объясняют это покровительством «ереси» при московском дворе, что можно поставить под сомнение.

Представляется, что именно митрополит Геронтий в 1487–1489 г. является той главной фигурой, от которой в очень большой степени зависело решение о сведениях, присылаемых Геннадием из Новгорода. При этом дело было не только в застарелой личной неприязни между новгородским владыкой и митрополитом (которая проявилась в посланиях архиепископа уже в 1490 г., после кончины Геронтия), но, как показывают сведения о соборе 1488 г., также и в правовых аспектах проводившегося Геннадием и великокняжескими наместниками «розыска» (забегая вперед — это подтверждается и сообщениями о дальнейшем ходе следствия). Впоследствии, во многом благодаря целенаправленным усилиям Иосифа Волоцкого, фигура московского первосвященника оказалась как бы в тени новгородского владыки, что не может отменить первостепенного значения Геронтия в жизни Русской церкви вплоть до 1489 г.

Следует учесть несколько обстоятельств, характеризующих личность Геронтия. Во-первых, он был несомненным ортодоксом и был нетерпим даже к малейшим отступлениям от православия (характерно его отношение к «латинскому крыжу», вытесанному в Успенском соборе, его нежелание совершать «латинское» хождение при освящении того же храма). Во-вторых, Геронтий был, безусловно, человек не мягкосердечный, о чем говорит хотя бы его распоряжение посадить архимандрита Геннадия в ледник. И, наконец, как следует из сообщений независимого летописания конца XV в., этот митрополит не был склонен повиноваться во всем великому князю (вопреки словам Иосифа в «Сказании о новоявившейся ереси», что Геронтий опасался Ивана III, который якобы не желал бороться с «еретиками»). Безусловно, если бы доказательства существования «ереси» были очевидными и достаточными, отношение Геронтия к «розыску» новгородского владыки было бы иным. По-видимому, именно позиция митрополита (а не

¹⁵² Источники. № 18. С. 375.

¹⁵³ Источники. № 13. С. 312.

великого князя) не позволила придать собору 1488 г. исключительно обвинительный характер и осудить всех указанных Геннадием в качестве «еретиков» новгородцев — как это будет сделано после кончины Геронтия, на соборе 1490 г.

III

Обратимся теперь к обвинительной части, выявляемой по посланиям Геннадия, Ивана III и Геронтия 1487–1488 гг., т. е. текстам, которые отражают в этом отношении «подлинники», посланные новгородским архиепископом в Москву.

Оценка достоверности и интерпретации обвинений, предъявленных Геннадием «еретикам» в 1487–1490 гг., довольно сильно разнятся в исследованиях современных историков. Одни авторы воспринимают показания Геннадия критически и не склонны видеть в каждом из них несомненное свидетельство о «жидовской ереси» (это отношение к источникам восходит главным образом к Я. С. Лурье)¹⁵⁴. Другие историки склонны с большим доверием относиться к сведениям архиепископа и полагают, что он действительно обнаружил ересь «жидовская мудрствующих»¹⁵⁵, их представление о «жидовствующих» тем самым восходит к церковной историографии XIX — нач. XX в.¹⁵⁶ Таким образом, представители данного историографического направления на

¹⁵⁴ Скрынников П. Г. Государство и Церковь. С. 126–156; *Pliguzov A.* Archbishop Gennadii. P. 269–288; *De Michelis C. G.* La Valdesia di Novgorod; *Хоулетт Я. Р.* Свидетельство архиеп. Геннадия. С. 53–73; *Она же.* Ересь жидовствующих. С. 118–130; *Klier J. D.* Judaizing without jews? Moscow-Novgorod, 1470–1504 // *Московская Русь (1359–1584): культура и историческое самосознание.* М., 1997. Р. 336–339; *Григоренко А. Ю.* Духовные искания; *Чумичева О. В.* Иноверцы или еретики: понятие «жидовская мудрствующие» в полемическом контексте на Руси кон. XI — нач. XVI в. // *Очерки феодальной России.* М.; СПб., 2010. Вып. 14. С. 209–226.

¹⁵⁵ *Прохоров Г. М.* Прения Григория Паламы с «хионы и турки» и проблема «жидовская мудрствующих» // *ТОДРЛ.* Л., 1972. Т. 27. С. 329–369 (то же // *Прохоров Г. М.* «Так воссияют праведники...»: Византийская литература XIV в. в Древней Руси. СПб., 2009. С. 88–104); *Эттингер Ш.* Влияние евреев на «ересь жидовствующих» в Московской Руси. Р. 9–27; *Макарий (Веретенников), архим.* Свт. Геннадий Новгородский: (Хронологические вехи жизни и деятельности) // *Макариевские чтения.* Можайск, 2003. Вып. 10. С. 28–60; *Цветков М. А.* Послание архиепископа Геннадия Новгородского епископу Прохору Сарскому. С. 179–196; *Он же.* Собор 1488 г. С. 122–132; *Алексеев А. И.* Религиозные движения. С. 251–272, 416–424, 441–455.

¹⁵⁶ См. прежде всего: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. М., 1996. Кн. 4. Ч. 1. С. 52–78; *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. М., 1997. Т. 2. Пол. 1. С. 559–607. Ср.: *Никитский А. И.* Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде. СПб., 1879. С. 157–185, 207–212.

данном этапе научного изучения проблемы возвращаются к отвергнутому советской исторической наукой тезису об отступничестве новгородских еретиков в иудаизм. Представителями данного историографического направления критически воспринимается и обусловленный марксистской доктриной тезис ряда отечественных ученых (прежде всего Я. С. Лурье, А. И. Клибанова, А. А. Зимина) о прогрессивном, (пред-)реформационном характере деятельности «еретиков»¹⁵⁷. Недавно сформировалось третье направление, представители которого отвергают тезис о иудейском прозелитизме на территории России (активно отстаиваемый в последнее время А. И. Алексеевым) и пишут о «иудизантстве» как гуманистическом направлении, существовавшем в рамках христианской (православной в случае России) культуры¹⁵⁸.

Представляется необходимым обратиться к сведениям Геннадия вновь, уже в свете выявленных обстоятельств первоначального следствия по делу «еретиков», ведшегося в 1487 — начале 1488 г.

Содержащиеся в посланиях Геннадия 1487–1488 гг. обвинения можно свести к следующим пунктам¹⁵⁹: 1) «жидовство», в том чис-

¹⁵⁷ См.: Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения; Лурье Я. С. Идеологическая борьба; Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV — первой пол. XVI в. М., 1960; Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV — XVI в.). М., 1977; Он же. Россия на рубеже...; Буганов В. И., Богданов А. П. Бунтари и правдоискатели в Русской православной церкви. М., 1991.

¹⁵⁸ Klier J. D. Judaizing without jews? P. 336–339; Раба Й. «Жидовствующие» ли? С. 126–149; Мусин А. Е. Загадки дома Святой Софии. С. 194–204; Дмитриев М. В. От антииудаизма к иудаизантизму. С. 209–233, 247–261. Так, по мнению М. В. Дмитриева, «мало что мешает предполагать, что их ("жидовствующих". — М. П.) объединяло если не симпатизирующее, то заинтересованное отношение к иудаизму» (Дмитриев М. В. Антисемитизм и антииудаизм в Византии и православных странах балканского региона // Евреи и христиане в православных обществах Восточной Европы. М., 2011. С. 36). Тем не менее, исследователь с некоторым удивлением вынужден констатировать факт, что если «в западном (польском и центральноевропейском, в частности) опыте иудизантизм предстает продуктом долгих, глубоких и утонченных религиозно-интеллектуальных исканий», то «в православной [...] среде в XV–XVI вв. он возникает едва ли не спонтанно, без сколько-нибудь прослеживаемой длительной предварительной эволюции религиозной мысли» (Он же. От антииудаизма к иудаизантизму. С. 212).

¹⁵⁹ Систематический свод обвинений, предъявленных Геннадием «еретикам», привела в своей работе Я. Р. Хоуллетт (Хоуллетт Я. Р. Свидетельство архиепископа Геннадия... С. 71–73). Английской исследовательницей, однако, не было отмечено довольно заметное различие между данными о «еретиках» в текстах 1487–1488 гг. и 1490 г., что будет рассмотрено

ле по календарным вопросам; 2) ереси маркианства и мессалианства; 3) иконоборчество и прочие кощунства — обесчестили образ Богоматери, поругались изображением креста Господня; 4) возносят хулу на Иисуса Христа; 5) хула на святителей, чудотворцев, отцов церкви; 6) дисциплинарные прегрешения священнослужителей-«еретиков» (недостойно служат литургию, не налагают епитимий на грешников); 7) называют себя православными, отказываясь под клятвой от своих ересей.

Первое и основное обвинение — «жидовская мудрствуют», «жидовскую веру величают»¹⁶⁰. Обвинение это, как хорошо показано исследованиями последних лет, изначально было «книжным». Само выражение «жидовская мудрствующие» — переводное, заимствованное из греческого языка¹⁶¹. «Жидовское мудрование» обвиняемых новгородцев вовсе не обязательно следует понимать как их отступничество в иудаизм. Как справедливо пишет О. В. Чумичева, «единственный контекст, в котором этот термин (“жидовская мудрствующие”. — М. П.), наряду с глаголом “жидовствовати”, употребляется ранее XVI в., — это

нами в следующей статье. В источниках 1487–1488 г. приводятся следующие обобщающие характеристики «ереси». В начале грамоты Прохору Сарскому содержится призыв к нему поддержать борьбу с «еретиками», «споборствуяй [...] на еже хулою возносящихся на Господа Иисуса Христа и обезчестивших образ Пречистыя Владычица наша Богородица новгородских еретиков жидовская мудръствующих. Покрыты же суть онех еретик клятвенно укоризною маркианския глаголю и месалианския» (Источники. № 12. С. 309–310). Нифонту Геннадий пишет просто о «новгородских еретицех» (Там же. № 13. С. 312), Иоасафу — «обретох здесе новгородских еретиков, жидовскаа мудръствующих. Покрыты же суть онех еретик клятвенно укоризною, маркианския глаголю и месалианския» (Там же. № 16. С. 316). В грамотах Ивана III и митр. Геронтия 1488 г. в Новгород дается следующая общая характеристика «ереси», базирующаяся на первых не дошедших до нас «подлинниках» и грамотах Геннадия, посланных в Москву в 1487 г., которые были «о ересех и о хуле на Христа сына Божия и на Пречистую его Богоматерь, и о поругании святых икон, что которые в Новгороде священники, и диаконы, и диаки, и простые люди жидовскую веру величают, а нашу веру православную Христову хулят»; «о том, что прозябают ереси в Новгороде, хулы и поруганья от священников, и от диаконов, и от простых людей [...] как они хулили Христа Сына Божия и Пречистую Его Матерь и ругались святым иконам, а величают жидовскую веру, а нашу православную христианскую веру хулят» (Там же. № 14–15. С. 313–314).

¹⁶⁰ Как отметил А. И. Алексеев, обвинения в «жидовствовании» содержатся во всех посвященных «ереси» источниках 1487–1490 гг. (Алексеев А. И. Послания Геннадия Гонзова. С. 131; Он же. Религиозные движения на Руси. С. 256).

¹⁶¹ Хоулетт Я. Р. Свидетельство... С. 64; Pliguzov A. Archbishop Gennadii. P. 270.

антилатинские полемические сочинения [...] Обвинения в антитринитаризме, иконоборчестве и монофизитстве являются для этого круга литературы общим местом — и именно они делают западных христиан в глазах русских людей “жидовская мудрствующими”»¹⁶². По подсчету исследовательницы, в девяти из одиннадцати оригинальных и переводных посланий и поучений против католиков домонгольского периода звучит тема отступления «латинян» в иудаизм¹⁶³.

При таком понимании данного обвинения следует отметить его полное соответствие с официальным обвинением в «латинстве», предъявленным московской великокняжеской администрацией и митрополиям всея Руси Новгородскому государству в 1470–1471 г. Не может быть никаких сомнений, что оно было обосновательным и не более чем пропагандистским приемом. Новгород решительно отверг Флорентийскую унию и всегда оставался верен этому выбору¹⁶⁴. В составленном в кон. 1470 — первой половине 1471 г. договоре с Литвой имелось требование о запрете строительства католических храмов в Новгородской земле и неприкосновенности православия¹⁶⁵. Киевская митрополия в конце 1460-х гг. была признана православным Константинопольским патриархатом, но оставалась в расколе с Москвой. А. Е. Тарасов обосновал точку зрения, что в 1471 г. церковно-политический фактор в вопросе о времени и способах присоединения Новгорода к Москве оказался решающим¹⁶⁶. Соответственно,

¹⁶² Чумичева О. В. Иноверцы или еретики: понятие «жидовская мудрствующие» в полемическом контексте на Руси кон. XI — нач. XVI в. // Очерки феодальной России. М.: СПб., 2010. Вып. 14. С. 218, 220.

¹⁶³ Там же. С. 218–219.

¹⁶⁴ См.: Водов В. Новгород и Флорентийская уния // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 42–46; Бобров А. Г. Новгородские летописи XV в. СПб., 2001. С. 194–217; Флоря Б. Н. Православный мир Восточной Европы перед историческим выбором (XIV–XV вв.) // Он же. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. С. 417–418.

¹⁶⁵ ГВНП. № 77. С. 132. Как отметил А. Е. Тарасов, тщательно исследовавший вопрос о новгородско-московских церковных отношениях 60-х — нач. 70-х гг. XV в., «не желание “предаться” королю как самоцель и тем более переход в “латыню” управляло новгородцами в 60-е гг. XV в., как это уже в то время расценивала московская идеология, но поиск противовеса против решительно настроенного великого княжества Московского» (Тарасов А. Е. Церковь и подчинение Великого Новгорода // НИС. СПб., 2011. Вып. 12 (22). С. 82).

¹⁶⁶ «В силу преобладавшей в Новгороде ортодоксальной позиции вступление в каноническое общение с Григорием (Болгарином, униатским митр. Киевским. — М. П.) было невозможно [...] Резкое изменение обстановки происходит после 1467 г. [...] Признание патриархом Григория Болгарина

идея измены новгородцев вере заняла важнейшее место в московской идеологии того времени¹⁶⁷.

За несколько месяцев до начала великим князем Московским военных действий против Новгорода в этот город была отправлена грамота митрополита всея Руси Филиппа, датированная 22 марта 1471 г. В ней митрополит призывал нареченного владыку Феофила и остальных новгородцев (неоднократно называемых «мужами волными») покориться воле Ивана III и не отступать в католичество¹⁶⁸. По дошедшим до митрополита сведениям, часть новгородцев желают «ввести мятежь велик и расколу в святой Божьей церкви, да оставя православие и велику старину да приступити к латыном»¹⁶⁹. Среди последующих инвектив против католичества особый интерес, представляет сопоставление «латинства» с «жидовством», на что уже обращалось внимание в литературе (например, в статьях Я. Р. Хоулетт): «и опресночная служить, а субботу хранить и постять в ню, яко жидове, и водою кропятся по вся дни, тем же обычаем жидовским»¹⁷⁰.

стало причиной победы в Новгороде “литовской партии” и окончательного поворота Новгорода, в первую очередь, в сторону церковных, а затем уже политических контактов с Литвой. Этот процесс ускорился в конце 1470-го г. [...] Московская великокняжеская администрация уже не позднее ноября-декабря 1470 г. осознала, что в набиравшей обороты критической ситуации только крайняя мера — военный поход — в состоянии решить стратегически важную новгородскую проблему» (Тарасов А. Е. Религиозные аспекты политики московских князей во второй половине XV — первой трети XVI в. Автореф. ... к. и. н. М., 2007. С. 16–17; подробнее см.: Он же. Церковь и подчинение Великого Новгорода. С. 71–109).

¹⁶⁷ См., например: «Словеса избранныя от Святых Писаний», памятник, составленный в нач. 70-х гг. XV в. в окружении митр. Филиппа (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 177–208; Т. 43. С. 188–198).

¹⁶⁸ РИБ. Т. 6. № 1–2. Стб. 721–732.

¹⁶⁹ Там же. Стб. 726.

¹⁷⁰ Там же. Стб. 728. В заголовке послания в одном из «митрополичьих формуляриков» (ГИМ. Собр. Уварова. № 512) говорится: «Грамота другая ходила с Генадом, в лето 79, марта 22» (РИБ. Т. 6. № 1–2. Стб. 721–722). Поскольку кто такой «Генад» не поясняется, это должно было быть хорошо известное в церковных кругах лицо. Учитывая позднейшую новгородскую «специализацию» Геннадия (Гонзова), наметившуюся еще до поставления его на кафедру, следует полагать, что, скорее всего, именно он был отправлен митр. Филиппом с указанной грамотой в Новгород. Если это так, то он был близок Филиппу, полностью поддерживавшему великого князя в деле покорения Новгорода, и, конечно, был знаком с содержанием этой грамоты, если сам не был причастен к ее составлению.

В начальный период своего святительства, в 1485–1487 гг. (датировка А. И. Плигузова), архиепископ Геннадий получил послание от псковского посадника Филиппа Петрова о прибытии в Псков «из немец» францисканцев («серии чернцы») из Юрьева, которые, ссылаясь на Восьмой (т. е. Ферраро-Флорентийский) собор, склоняли псковичей к унии, которую понимали как подчинение власти римского папы. Псковские священники на это, в частности, отвечали: «Аще веруете в Сына Божия, то почто богоубивцом жидом последуете, суботствуете, постящееся в ню, и опреснок жрете, и тех ради богопротивно жидовствуете...» (двумя другими аргументами был «духоборческий» характер filioque и отвержение унии при «царе всея Руси» Василии Васильевиче)¹⁷¹. Нельзя не согласиться с О. В. Чумичевой, которая пишет по этому поводу, что перед нами «ясное свидетельство того, что грань между “жидовским мудрствованием” и “латинством” для русских людей того времени была довольно условной»¹⁷².

Архиепископ указывает и на некие псалмы, доставленные ему попом Наумом: «тетрати, по чему они молились по жидовски», «псалмы ко мне принес, по чему они себе правили по-жидовски»¹⁷³.

¹⁷¹ РНБ. Q.XVII.50. Л. 93об. Цит. по: *Pliguzov A. Archbishop Gennadii*. P. 287. Другие публикации: ДРВ. Т. 14. С. 216–217 (без даты); АИ. Т. 1. № 286 (с датой ок. 1491 г.); см. также: *Pliguzov A. Archbishop Gennadii*. P. 280.

¹⁷² Чумичева О. В. Иноверцы или еретики. С. 222–223.

¹⁷³ Источники. № 12. С. 310, № 16. С. 316. Мнение о том, что этими псалмами могла быть так называемая Псалтырь Феодора Еврея («Книга, глаголемая Псалтырь») (*Сперанский М. Н. Псалтырь жидовствующих в переводе Феодора Еврея // ЧОИДР. 1907. Кн. 2. Отд. 2. С. 1–72; Тихонравов Н. С. Соч. М., 1898. Т. 1. С. 227–228; Павлов А. С. Вопрос о ереси жидовствующих на VI Археологическом съезде. М., 1884. С. 11–13; см. также: Цветков М. А. Послание архиепископа Геннадия. С. 187–188), справедливо критиковалось еще в дореволюционной литературе (см.: *Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XVI–XVII вв. СПб., 1903. С. 400; Никитский А. И. Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде. СПб., 1879. С. 209; Перетц В. Н. Новые труды о «жидовствующих» XV в. и их литературе // Университетские известия. Киев, 1908. № 10. С. 21–22; Лурье Я. С. Феодор // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 451–452). Псалтырь сохранилась в двух сборниках известного писца XV в. Ефросина (РНБ. Кир.-Белоз., № 6/1083 и 9/1086), которого, несмотря на известную широту его интересов, никак нельзя заподозрить в ереси. Феодор в предисловии называет себя новокрещеным евреем, а перевод еврейских псалмов был им выполнен «благословением и приказанием святого Филипа митрополита всея Руси» (*Сперанский М. Н. Псалтырь. С. 53*). т. е. в 1466–1473 гг. Псалмы Феодора Еврея, переписанные по заказу московского первосвященника,**

Я. Р. Хоулетт полагает, что эти псалмы сохранились в сборнике ГИМ. Синод. № 408/713 под названием «Никифора Влеммида любомудрца избрание псалом»; рукопись была вложена митр. Геронтием (которому и были отправлены «псалмы») в построенную им на митрополичьем дворе Ризоположенскую церковь¹⁷⁴. В качестве своей собственной догадки предположим, что Псалтирь сохранилась и представлена изученной В. А. Ромодановской рукописью ГИМ. Чуд. № 53 (29), составленной в кон. XV в. в Новгороде (не ранее 1480 г.), в которой находятся латинские тексты псалмов, а также библейских песен и молитв, написанные кириллицей¹⁷⁵. Учитывая специфическое понимание «жидовства» в то время, отмеченное ранее, нельзя исключать, что именно эти «тетради» поп Наум и принес Геннадию в 1487 г. в доказательство «еретичества» своих собратьев. Следует отметить и место сохранности рукописи — Чудов монастырь, архимандритом которого был Геннадий и в котором он окончил свои дни. Конечно, не менее вероятен вариант, что рукопись связана с деятельностью «Геннадиевского кружка», как полагает В. А. Ромодановская, хотя одно другого может не исключать. В любом случае, по замечанию А. И. Плигузова, неупоминание в дальнейшем тетрадей с псалмами говорит о том, что в Москве они не были сочтены убедительным свидетельством еретичества¹⁷⁶.

Характерной чертой «ереси» в посланиях Геннадия 1487–1488 гг., как неоднократно отмечалось исследователями, является сочета-

странно было бы посылать в Москву в качестве улики. Надо при этом отметить, что, как показал К. Цукерман, Феодор при переводе на славянский устранил все специфически иудаистские элементы текста (см.: *Zuckerman C. The «Psalter» of Feodor and the Heresy of the «Judaizers» in the Last Quarter of the Fifteenth Century // Harvard Ukrainian Studies. 1987. Vol. 11. N 1/2. P. 77–99*). Как справедливо указал Я. С. Лурье, фразу Геннадия из послания Иоасафу «ино нынешняя жидова еретическое предание дръжат, псалмы Давыдовы или пророчества испреврашали по тому, как им еретики предади — Акила, и Симмах, и Феодотион» (Источники. № 16. С. 319), не следует связывать с «псалмами», принесенными Наумом Геннадию, поскольку в приведенном фрагменте речь идет не о новгородцах, а о современных иудеях (*Лурье Я. С. Идеологическая борьба. С. 190–192; Он же. Послания Геннадия Новгородского и вопрос о «конце мира». С. 360*).

¹⁷⁴ Хоулетт Я. Р. Свидетельство архиепископа Геннадия. С. 69.

¹⁷⁵ Ромодановская В. А. Кириллическая латинская Псалтирь XV века из Новгорода // 200 лет первому изданию «Слова о полке Игореве». Ярославль, 2001. С. 166–171; Она же. К характеристике интерлинейрной части Чудовской латинской Псалтири // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 379–386.

¹⁷⁶ *Pliguzov A. Archbishop Gennadii. P. 283.*

ние с «жидовским мудрованием» мессалианства и «маркианства»¹⁷⁷. Современными исследователями убедительно показано, что в данном случае Геннадий применял характеристики, встреченные им в богословской антиеретической литературе¹⁷⁸. Архиепископ использовал «Беседу Козмы пресвитера на богомилы» или отдельные компилятивные статьи, составленные на ее основе¹⁷⁹, возможно, «Эпитомос ересей» Иоанна Дамаскина, а также Кормчую, главным образом, имеющийся в ней трактат Тимофея, пресвитера Константинопольского «Как принимать еретиков» («О различии приходящих к непорочней нашей вере»), на 12-ю и 19-ю главы отдела «О маркеанех» которо-

¹⁷⁷ Епископу Прохору Геннадий писал о еретиках «жидовская мудрствующих, покрытых суть оных еретик клятвенною укоризною маркианския, глаголю, и месалийския (далее — скрытая цитата из Кормчей. — М. П.). Сии бо, егда вопрошаеми о своих велений, отметници бывають и безстыдно и усердно кленутся и проклинають вся, тако мудрствующая или мудрствовавших, и ротятся без страха, яко таковая повеления ненавидящих...» (РФА. 2008. № 78. С. 261; ср.: Источники. № 12. С. 310). Почти теми же словами архиепископ пишет Иоасафу: «Покрыты же суть оных еретик клятвенною укоризною, маркианския глаголю и месалианския. Сии бо, егда въпрашаеми, о своих велений отметници бывають и безстыдно и усердно кленутся, и проклинають вся тако мудрствующая или мудрствовавших и ротятся без страха, яко такова повеления ненавидящих. Сие и сии еретици говорят явственно, и учат православное христианство своей злобе, и как их спроси, и он говорит: яз, деи, православной христианин, а того всего своего лихо дела запрелся. Ино то в них не одно иудейство, смешано с месалианскою ересью. Сия главы в правилех у себе изнайдеши; а то ми накрепко высказал их товарищ поп Наум» (Источники. № 16. С. 316). Согласно М. А. Цветкову и А. И. Алексееву, мессалианство «еретиков» с точки зрения архиепископа заключалось только в конспиративной практике и «самовольном поставлении в священники», а единственным существенным обвинением было уклонение в «жидовство» (Цветков М. А. Послание архиепископа Геннадия. С. 188–189; Алексеев А. И. Послание Геннадия Гонзова. С. 144–145; Он же. Религиозные движения на Руси. С. 266–268). Однако указание на мессалианское «мудрование» новгородцев, которое «смешано» с иудейством, представляется все же не случайным. Очевидно, Геннадий пытался представить дело так, что и мессалианство, и маркианство, и «жидовство» составляли органичную часть мировоззрения «еретиков».

¹⁷⁸ Хоулетт Я. Р. Свидетельство архиепископа Геннадия. С. 63–68; Цветков М. А. Послание архиепископа Геннадия. С. 183–189.

¹⁷⁹ Бегунов Ю. К. Козма Пресвитер в славянских литературах. София, 1973. С. 83–87; Он же. К изучению истории текста «Беседы на новоявившуюся ересь» болгарского писателя X в. Козмы пресвитера // Византийский вестник. М., 1969. Т. 30. С. 183–184.

го он ссылается¹⁸⁰ (нач.: «Маркияне и месалияне, и правьдници и братьници...»)¹⁸¹.

Геннадий не заметил, что в его обвинения вкралось решительное противоречие. Мессалианство, ближневосточная ересь IV–VI вв.¹⁸², при традиционном для Средневековья понимании под ним богомилства (а о таком понимании этого понятия обвиняющей стороной говорит интерес Геннадия к «Беседе» Козмы) подразумевает безусловное отвержение всех книг Ветхого Завета¹⁸³. Если маркианство у

¹⁸⁰ «Сии главы о маркиянех в правилех у себе изнайдеши. Аще ли в твоих не будет правилех, ино в великого князя правилех писаны», — указывает Геннадий на источник своих ересеологических представлений еп. Прохору, и продолжает: «да что они недостойно служат божественную литургию, то явлено в 12 главе, а что кленутся без страха, а то в 19 главе тех же ересей явлено. Да что есть ересей месалианских, то все они мудрствуют, толко то жидовским десятословием людей прельщают, яко благочестующе мнятся» (РФА. 2008. № 78. С. 262; ср.: Источники. № 12. С. 310). Известно, что имеющуюся у него Кормчую, по составу близкую Чудовской редакции, Прохор Сарский вложил в Феропонтов монастырь (Пихоя Р. Г. Пермская Кормчая (О предьстории появления Чудовской кормчей 1499 г.) // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 171–175). Ее, по всей видимости, и имеет в виду Геннадий. А. И. Плигузов ошибочно относил указания Геннадия на главы к несохранившемуся «подлиннику» с показаниями Наума, полагая, что в нем было не менее 19 глав (Плигузов А. Archbishop Gennadii. P. 270).

¹⁸¹ См.: Бенешевич В. Н. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. СПб., 1906. Т. 1. С. 736–737, 738; Мазуринская кормчая: Памятник межславянских культурных связей XIV–XVI вв. (Исследование, тексты). М., 2002. С. 429, 432.

¹⁸² См.: Заболотный Е. А. Мессалиане // Православная энциклопедия (далее — ПЭ). М., 2017. Т. 44. С. 30–35. Согласно св. Иоанну Дамаскину, мессалиане (евхиты) считали главным условием спасения не таинства, а молитву, практиковали безбрачие и аскетизм, публично клялись, что придерживаются ортодоксии, но легко нарушали эти клятвы, анафематствовали свою ересь, продолжая ее придерживаться (Творения преподобного Иоанна Дамаскина. Источник знания. М., 2002. С. 136–140 («О ста ересях»)).

¹⁸³ Жаворонков П. И., Турилов А. А. Богомилство // ПЭ. М., 2002. Т. 5. С. 471. В Мазуринской редакции Кормчей раздел о маркианах и мессалианах, который использовал Геннадий, озаглавлен «Главы масалианскаго злочествиваго повеления, изытия из книг их, в лета Уалентина и Уалента прозябе, сице дръжот и богомиле, сиречь бабуне» (Мазуринская кормчая. С. 425–430). Кроме того, обвинение в мессалианстве выдвигалось в 40–50-е гг. XIV в. Варлаамом Калабрийским, Григорием Акиндином, Никифором Григорой и патриархом Каллистом против византийских исихастов на Афоне и лично против свт. Григория Паламы (см.: Петров А. Е. Византийский исихазм и традиции русского православия в XIV столе-

Геннадия — дуалистическая ересь маркионитов (II–VI вв.), последователей проповедника II в. Маркиона¹⁸⁴, то они признавали за истинное писание Евангелие от Луки и 10 посланий ап. Павла; напротив, все книги Ветхого Завета отвергались (кроме того, как и мессалиане, маркиониты практиковали безбрачие и крайний аскетизм)¹⁸⁵. Само собой разумеется, неприятие ветхозаветной традиции с иудаизмом несовместимо.

Как пишет О. В. Чумичева, такое помещение в один ряд в одном обвинении разнородных ересей для средневекового человека было вполне возможно: «они стояли на одной ступени и были, с точки зрения православных, равно удалены от истинного учения, равно греховны»¹⁸⁶. Тем не менее, для изучения следствия про делу «еретиков» такое противоречие в доводах обвиняющей стороны заслуживает, безусловно, особого внимания. Неизбежно встает вопрос о том, насколько ересеологические представления Геннадия отражали реальные воззрения обвиняемых.

Очевидно, что и в данном случае обвинение носит «книжнический» характер, отражает не реальные взгляды «еретиков»¹⁸⁷, а интерпретацию возглавлявшим следствие лицом имевших место фактов — а именно, объяснение им решительного неприятия новгородцами обвинения в еретичестве.

тии // Древняя Русь: Пересечение традиций. М., 1997. С. 403–405; Коновалов А. А. «Мессалианин» Григорий Палама и «православный» Григорий Акиндин: святой глазами еретика // Мир православия. Волгоград, 2002. Вып. 4. С. 113–124).

¹⁸⁴ По-видимому, неверна точка зрения митр. Макария (Булгакова), что Геннадий имел в виду Маркелла Анкирского (IV в.), последователи которого «отвергали троичность Лиц в Боге» (*Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 4. Ч. 1. С. 484. Прим. 113; на самом деле Маркелл гностически истолковывал учение о Троице, см.: *Карташев А. В.* Вселенские соборы. М., 1994. С. 52–56). Очевидно желание церковного историка, пользуясь сходством имени этого ереснарха с названием движения маркионитов, соотнести его с обвинением «новгородских еретиков» в антитринитаризме.

¹⁸⁵ См.: *Иоанн Дамаскин.* М., 2002. Творения. Источник знания. С. 130; *Афонасин Е. В.* Гносис: Фрагменты и свидетельства. СПб., 2008. С. 51–52; *Смирнов Д. В.* Маркион // ПЭ. М., 2016. Т. 44. С. 31–46.

¹⁸⁶ Чумичева О. В. Иноверцы или еретики. С. 223.

¹⁸⁷ Абсолютизация значения отсылок Геннадия к разнообразным текстам может привести к довольно курьезным выводам. Так, М. А. Цветков, статьи которого содержат немало интересных наблюдений, пришел к выводу, что Геннадия «идеологические принципы еретиков» (новгородских) стали известны «из сочинений Епифания Кипрского и Тимофея пресвитера» (*Цветков М. А.* Послание архиепископа Геннадия. С. 195).

В посланиях Геннадия 1487–1488 гг. наибольшее место отведено тематике, связанной с апокалиптическими настроениями в русском обществе в связи с ожидавшимся наступлением конца света в 1492 г., когда, согласно византийскому летосчислению, исполнялось 7000 лет от сотворения мира, и многие православные, как известно, согласно широко распространенному в восточнохристианском мире верованию, ожидали конца мира и второго пришествия Христа. Не имея возможности подробно остановиться в данной статье на этом вопросе, значение которого для «еретического дела», на мой взгляд, исследователями преувеличивалось¹⁸⁸, отмечу, что обвинения в отступлении от истинного христианства, адресованные новгородцам, были поставлены в эсхатологический контекст еще в 1471 г. — они стали «отступниками православна» «за 20 лет до скончания седмыа тысящи»¹⁸⁹. Таким образом, и в данном вопросе Геннадий продолжил давно начатую Москвой идеологическую линию.

Важное место в не дошедших до нас «подлинниках», как и в посланиях Геннадия, очевидно, занимали обвинения в кошунствах по отношению к иконам и крестам, поскольку в нач. 1488 г. двое новгородских священников и диак были осуждены на соборе именно за

¹⁸⁸ Так, эта тематика никак не фигурирует в материалах, связанных с соборами 1488 и 1490 гг. Переведенный с еврейского астрономический трактат «Шестокрыль» использовали не только «еретики», но и сам Геннадий, а впоследствии старец Елеазарова монастыря Филофей и другие русские книжники XVI в. (см., например: Хоулетт Я. Р. Свидетельство архиепископа Геннадия. С. 69–70; Она же. Ересь жидовствующих. С. 124); в списке отреченных книг «Шестокрыль» попал только в сер. XVI в. (впервые среди запрещенной литературы гадательного характера «Шестокрыль» упоминают «Стоглав» и «Домострой». — Турилов А. А., Чернецов А. В. Отреченная книга Рафли // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 260–261). Кроме того, вопреки мнению, широко распространенному в историографии, новгородский архиепископ вовсе не видел ереси в неверии в конец света в 1492 г. Приведя цитату из «Зерцала» («Диоптры» Филиппа Монотропа), он сам соглашался с мнением, что о истинных сроках человеку дать не дано (РФА. 2008. № 78. С. 264; Источники. № 12. С. 311; ср.: Источники. № 16. С. 318–319); в этом же его убеждал в своем послании о «седьмой тысяще» Димитрий Траханиот (Плигузов А. И., Тихонюк И. А. Послание Дмитрия Траханиота Новгородскому архиепископу Геннадию Гонзову о седмичности счисления лет // Естественнаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 71–75). Опасность новгородскому архиепископу виделась не в самой книге «Шестокрыль», а в предполагаемом Геннадием использовании «еретиками» ее данных для дискредитации православных, веривших в близкий конец мироздания («А то хотят ту прелесть явить, как изойдет наша паскалья». — РФА. 2008. № 78. С. 263).

¹⁸⁹ ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 235; М.; Л., 1962. Т. 27. С. 132.

порушение иконам (такого рода обвинения будут даже усилены на соборе 1490 г.). Наиболее подробно об этом Геннадий пишет в послании Нифонту Суздальскому: «Еретикам ослаба пришла, уже ныне наругаютца христианству — вяжут кресты на вороны и вороны. Многие видели: ворон, деи, летает, а крест на нем вязан деревян, а ворона деи летает, а на ней крест медян. Ино таково наругание: ворон и ворона саятца на стерве и на калу, а крестом по тому волочат! А zde се обре-тох икону у Спаса на Ильине улици — стоит Василией Кисарийский, да у Спаса руку да ногу отрезал, а на подписи написано: “Обрезание Господа нашего Иисуса Христа”. Да с Ояти привели ко мне попа да диака, и они крестиянину дали крест телник древо плакун, да на кресте том вырезан сором женской да и мужской, и христианин де и с тех мест сохнути, да немного болел да умерл. А диак сказываеъца пле-менник Гриди Ключу еретику, что в подлинник (список еретиков, по-сланный Геннадием в Москву. — М. П.) не писан. И ныне таково есть бесчинство чититца над церковью Божиею и над кресты и над ико-нами и над христианством»¹⁹⁰. В послании Прохору Геннадий писал о «обезчестивших образ Пречистыя Владычица наша Богородици новгородских еретиков, жидовская мудрьствующих»¹⁹¹, в посла-нии Иоасафу — о том, что «образу Господа нашего Иисуса Христа и Пречистыя его Матери наругалися»¹⁹².

Прохору и Иоасафу Геннадий писал о некоем *единичном* случае поругании иконы, в первом случае — Божией Матери, во втором — Христа и Богородицы. Возможно, имелся в виду один и тот же случай осквернения Богородичной иконы, на которой имелось и изображение Спасителя. Скорее всего, Богородичная икона была осквернена (или это было расценено как осквернение, поскольку подробностей мы не знаем) теми самыми двумя священниками, Григорием и Герасимом, и дьяком Самсонкой, которые были осуждены за поругание икон на соборе 1488 г. В любом случае остается фактом, что в 1487–1488 гг., когда шли активные «обыски», Геннадию не было известно массовое осквернение икон в Новгородской земле, во всяком случае, он не мог предоставить в пользу его наличия надежных доказательств (впослед-ствии, в посланиях 1490 г., архиепископ уже не приводил конкретных фактов, а обобщенно указывал на широкое распространение разноо-бразных кощунств в Новгородской земле¹⁹³.

¹⁹⁰ Источники. № 13. С. 312–313.

¹⁹¹ РФА. 2008. № 78. С. 261; ср.: Источники. № 12. С. 309–310.

¹⁹² Источники. № 16. С. 318.

¹⁹³ Там же. № 18. С. 375; № 19. С. 380, 381, 382.

Как убедительно показал Н. К. Голейзовский (и его выводы получили широкое признание в современной историографии), возмущавшее Геннадия изображение в Преображенской церкви на Ильине улице было вполне каноническим. Оно «представляло собою редкую [...] живописную интерпретацию так называемого евхаристического чуда»¹⁹⁴. Что касается креста с неприличной резьбой, обнаруженного на Ояти, а также крестов, повязываемых на птиц, то это, очевидно, связано с фольклорными представлениями, особо распространенными в сельской местности (гаданием по полету птиц и наделением креста дополнительной магической функцией)¹⁹⁵. Была ли подобная практика свойственна обвиненным в ереси книжным попам-новгородцам? Источники об этом умалчивают. Но даже если это было так, трудно увидеть в этом свидетельство именно «жидовского мудрствования»¹⁹⁶.

¹⁹⁴ Голейзовский Н. К. Два эпизода из деятельности новгородского архиепископа Геннадия // Византийский временник. М., 1980. Т. 41. С. 126. Рассказ о таком чуде содержится, в частности, в житии свт. Василия Великого, известном на Руси с XII в.: некий иудей во время литургии вдруг увидел, что святитель разрезает на части вместо евхаристического хлеба младенца Христа, и тут же, уверовав, принял крещение (Там же. С. 127). Среди редких случаев изображения этого сюжета встречается одно, где Христос изображен взрослым (Там же. С. 128). По православному календарю, и Обрезание Христа и память св. Василия Великого празднуется 1 января. Соединение этих праздников зафиксировано в живописи (Там же. С. 140). Видимо, надпись об Обрезании оказалась на иконе (или климее иконы), посвященной двум праздникам, празднуемым в один день.

¹⁹⁵ Белова О. В., Петрухин В. Я. Еврейский миф в славянской культуре. Иерусалим; М., 2008. С. 171–172. Кресты, часто изготавливаемые из дерева, наделялись в традиционной культуре финно-угров Русского Севера магической функцией (Шарапов В. Э. Нателный крест в традиционном мировоззрении коми // Ставрографический сборник. М., 2001. Кн. 1. С. 297–306). Использование крестов в качестве амулетов (филактериев) было характерно для населения Византийской империи (Барабанов Н. Д. Византийская церковь в борьбе с употреблением амулетов // ВИД. СПб., 2007. Т. 30. С. 109–110).

¹⁹⁶ Важно отметить, что осквернение икон и крестов, если оно не является следствием богословски обоснованного отвержения иконо- и крестопочитания, само по себе проявлением еретичества считаться не может. Так, в монографии Е. Б. Смилянской приведено и проанализировано множество случаев поругания святынь, зафиксированных в синодальный период (точнее, в XVIII в.) (см.: Смильская Е. Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003. Ч. 2. «Богохульники и кощунствующие»). В числе «кошунников» были и представители церковного клира. При этом, как отмечает исследовательница, «подавляющее большинство известных нам русских “богохульников” не отличались антицерковными, анти-

Среди обвинений следует отметить также дисциплинарные нарушения, отмечаемое Геннадием у новгородских священников-«еретиков». Геннадий писал в послании Иоасафу, что «попы их, затрокав и пив до обеда, обедню служат»¹⁹⁷, а в грамоте митрополиту Зосиме 1490 г., имея в виду, судя по контексту, представителей новгородского приходского духовенства, — что «ересь» они поначалу «держали [...] тайно, да потом почали урекаться въпиани»¹⁹⁸ (последнее призвано указывать на обстоятельства обнаружения «ереси», т. е. на события 1487 г.). Следует заметить, что обвинение в пьянстве священников (в том числе в служении литургии в нетрезвом виде) встречается в святительских поучениях новгородскому духовенству начиная с домонгольского времени¹⁹⁹. Это была давняя, с трудом ис-

православными убеждениями, некоторые и вовсе слыли примерными прихожанами» (Там же. С. 212). Случаи иконоборчества «идейного», выражающего установки веры, были относительно редки и в той или иной степени были вызваны прямым или опосредованным влиянием протестантизма. Зачастую осквернение икон происходило в состоянии опьянения или аффекта (см.: Там же. С. 214–221). Однако, как замечает Е. Б. Смилянская, было бы неправильно сводить все к помрачению рассудка — на самом деле «богохульство и кощунство [...] обычно становилось своеобразным, “вывернутым” проявлением устойчивых черт “народной веры”, а не “народного безверия”»; «обвиняемые в поругании “святых” обычно не отрицали иконопочитания и культа святых, не отказывались от внешних проявлений религиозности [...] В своем большинстве случаи “наказания” икон оказываются [...] лишь проявлением своеобразного “вывернутого” обожествления святых» (Там же. С. 214, 217). Известно множество случаев XVIII — нач. XX в., свидетельствующих «о легком переходе от умилоствления святого и святыни к наказанию» (Там же. С. 219). Аналогичные примеры зафиксированы и исследователями западного Средневековья (см.: *Маршал Г. П.* К вопросу об истории иконоборчества в Средние века // «Анналы» на рубеже веков: Антология. М., 2002. С. 110–120). Можно отметить и свидетельство Новгородской летописи по списку Дубровского под 1534 г., что архиеп. Макарий писал в Москву о том, что крещеные («сущи крестьяне») жители Водской пятины «образы святых икон огню предаваху» (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 565; Т. 43. С. 232). По контексту летописного сообщения совершенно очевидно, что речь идет не об иконоборческой ереси, а о народном восприятии святыни, которую можно подвергнуть наказанию в случае, если возлагаемые на нее надежды не оправдывались.

¹⁹⁷ Источники. № 16. С. 316.

¹⁹⁸ Источники. № 18. С. 375. «Урекание — наговор, нареkanie, осуждение наговором, клеветой» (*Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1912. Т. 3. Стб. 1261). Геннадий, видимо, имеет в виду, что «еретики» спьяну каким-то образом выдали друг друга.

¹⁹⁹ РИБ. Т. 6. № 6. Стб. 97–98 (правила собора 1273 г. с обличением новгородского духовенства и мирян); Там же. Дополнения. № 2. Стб. 350–352

коренимая проблема (разумеется, не только новгородская), появившаяся, конечно, не вследствие приобщения к некой «ереси». Если Геннадий имел в виду, что пьянство священников было связано с осквернением икон и других святынь²⁰⁰, то это противоречит его же словам о их необыкновенной скрытности и запираательстве. Тайную приверженность еретичеству было бы очень рискованно совмещать с пьяными дебошами, сопровождающимися кощунствами, о которых рано или поздно неизбежно стало бы известно властям, а также с недостойным служением литургии. По крайней мере последнее точно могло быть при многих свидетелях, да и относительно некоторых случаев «поругания христианству» архиепископ указывает, что они были публичными («многие видели»).

Другая вина обвиненного в ереси духовенства, по Геннадию, — «потаковничество» грешникам: «А что он согрешил или блуд, или прелюбодейство, или иные грехи створил, то удобь прощают, церковным канонем не последующе»²⁰¹. Архиепископ обвиняет «жидовская мудръствующих» новгородских иереев в том, что они не налагают подобающие епитимии²⁰². Действительно, в «Святительском поучении новопоставленному священнику» (русский памятник, не позднее конца XIII в.) говорится: «А духовные дети учи, исправляи по мере грехов, запрещаи, епитимию давай, отлучай; непокорника, в грехы въпадающа, от церкви отлучи,

(новгородское святительское поучение, гипотетически атрибутируемое архиеп. Илие и датированное 1166 г.); *Смирнов С. И.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины: Тексты и заметки. М., 1912. С. 83, 84 (новгородское «Правило о церковном устроении» XIII–XIV вв.).

²⁰⁰ Об одном таком случае, правда, связанном не с представителем духовенства, а с новгородским подьячим, «что на поместье живет», Алексейко, который в пьяном виде помочился в часовне на икону Успения, Геннадий писал в 1490 г. в послании собору епископов (Источники. № 19. С. 380).

²⁰¹ РФА. 2008. № 78. С. 262; Источники. № 12. С. 310.

²⁰² Не исключено, что в связи с проблемой епитимийных наказаний находится вопрос архиеп. Геннадия Д. М. Траханиоту (1486 или 1488/89) о толковании слов 31-го псалма; ученый грек писал новгородскому владыке: «Да велел еси, господине, к себе отписати о той речи, что в Псалтыри пишет: „Блажени, им же отпустишася безакония, и имь же прикрывшася греси“ [...] Безакония же разумеваются, яже кроме закона съгрешения. Грехи же — яже в законе съгрешения. Прикрывание же и отпущение едино есть. А открывание есть взыскание уже, а не отпущение [...]» (*Плигузов А. И., Тихонюк И. А.* Послание Дмитрия Траханиота. С. 72). Вероятно, здесь мы имеем еще один след полемики Геннадия с представителями духовенства его епархии о строгости наказаний кающихся.

от себе отжени, дондеже обратиться к тебе»²⁰³. Уже митрополит Петр в начале XIV в. обвинял священников в том, что они прощают грешников за материальное вознаграждение («на дару») ²⁰⁴. Однако в «Епископском поучение собору епархиального духовенства» (XIII–XIV вв.) рекомендуется не прибегать исключительно к суровым методам воздействия, чтобы не оттолкнуть от церкви прихожан: «Разумеите, како держати дети духовныя ни слабо, да не ленивы будуть, ни жестоко, да не отчаются, не дару деля прашающе, ни взятъ ради горко наскакающе»²⁰⁵. К рассудительности, предполагающей умеренность в ряде случаев при наложении церковных наказаний на кающихся, призывал духовенство своей епархии новгородский еп. Нифонт в 30–40-е гг. XII в. ²⁰⁶ Вероятно, здесь сказалась вообще установка пастырей домонгольской Русской церкви. По словам митр. Илариона, «да не отпадут от веры нетвердии верою. Мало показни, а много помилуй»²⁰⁷. В поучении новгородского святителя 2-й половины XII — XIV в. ²⁰⁸ новгородскому духовенству говорится: «А иже кто покается, не мозите тяжки заповеди дати [...] ни паки же отнюд на слабость свести без рассужения, да не мы будем повинни грехом их»; «а сиротам (т. е., очевидно, зависимым крестьянам. — М. П.) не мозите великой опитемы дати [...] Да не мозите отягчати заповедью, отъ вси каются. Иго бо Христово легко есть [...] Вы сами ведаете, оже наша земля недавно хрыщена [...] Сами бо ведаете, оже и святи Апостоли, егда учашу люди на веру, то не тяжкы заповеди заповедаху людем [...]»²⁰⁹. Видимо, в первые века христианства на Руси мягкость обращения с грешником не расценивалась как «потаковничество», а в Новгороде эта домонгольская практика умеренности церковных наказаний сохранялась дольше, чем в Северо-Восточной Руси. Геннадий в Новгороде повстречал не еретическое новшество, а древнерусскую пастырскую традицию, освященную именами местных святителей.

²⁰³ РИБ. Т. 6. № 7. Стб. 107.

²⁰⁴ См.: РИБ. Т. 6. СПб., 1908. Изд. 2-е. № 6. № 17. Стб. 161. См. также: *Смирнов С. И.* Древнерусский духовник. М., 2004. С. 319–333.

²⁰⁵ РИБ. Т. 6. № 111. Стб. 114.

²⁰⁶ См.: Там же. № 2. Стб. 31, 41, 43, 48, 50, 53, 58, 59, 61 (так наз. «Вопрошание Кирика»).

²⁰⁷ *Милюков В. В.* Осмысление истории в Древней Руси. М., 2000. С. 127.

²⁰⁸ Вероятнее всего Илии-Иоанна, хотя дата 1166 г., предложенная в свое время А. С. Павловым, вызывает сомнения (*Павлов А. С.* Неизданный памятник русского канонического права XII в. // ЖМНП. 1890. Ч. 271. Октябрь. С. 275–285).

²⁰⁹ РИБ. Т. 6. СПб., 1908. Изд. 2-е. Дополнения. № 2. Стб. 353, 356, 360–361.

Таким образом, сущность «ереси», об обнаружении которой докладывал Геннадий в Москву, настолько неясна по обличительным источникам, что практически не обнаруживается. Она именно что «новгородская» (эпитет, присутствующий, как правило, в кратких геннадиевских характеристиках «ереси»). Похоже, что Геннадий подзревал всю Новгородскую землю и всех ее жителей в склонности к отступлению от православия. И это находится в полном соответствии с обвинениями официальной Москвой Новгорода в 1471 г. и с неопределенно широким составом лиц, о которых как о еретиках архиепископ писал в Москву, — «священники, и диаконы, и диаки, и простые люди»²¹⁰.

Речь определенно может идти о столкновении Москвы в лице своего представителя Геннадия с новгородской церковной традицией и о недовольстве этим архиепископом, который, не будучи «богоизбранным», что было важно для новгородского сознания, стал устанавливать в Новгороде московские порядки, не заступился за значительную часть своей паствы при насильственных «выводах» новгородцев из родного города, потакал наместникам великого князя, которые проводили по сути оккупационную политику. Кроме того, он стремился восполнить потери владычной кафедрой части своих земель, обложил духовенство новыми поборами (вслед за своим предшественником Сергием), о чем говорит как составление «Семисоборной росписи», так и возможность внесения значительной суммы на строительство новгородского кремля. Семисоборное устройство Новгорода, тесная связь духовенства с боярскими патронимиями и уличанскими корпорациями делали контроль владыки над духовенством не абсолютным (отсюда возмущение «бегством» духовенства в Москву, вполне вероятно — вслед за переселенными в иные уезды страны новгородцами).

Стремясь уличить Новгород в отступлении от православия, Геннадий в 1487–1488 гг. предпринял поиск самых разнообразных фактов, которые свидетельствовали бы об этом, — от пьянства священников и сельских магических обычаев до «сомнительных» календарных вычислений и редких иконографических сюжетов.

Поскольку в первоначальном обвинении Геннадия, судя по дошедшим до нас текстам, отсутствовал тезис о занесении ереси в Новгород извне (что появится в посланиях архиепископа только в 1490 г.), то получается, что Новгород сам по себе склонен к измене православию. Не случайно, повествуя об обнаруженных в Новгороде и Новгородской

²¹⁰ Источники. № 14. С. 313.

земле «кошунствах» (например, связанных с иконами и крестами), Геннадий не обязательно связывает эти факты с конкретными известными «еретиками», писанными в «подлинник». Ему важно было изобличить Новгород как таковой²¹¹.

Таков был итог первого «обыска», учиненного архиепископом Геннадием в Новгороде по распоряжению Ивана III. Вскоре последовало второе следствие, принесшее с собой довольно заметное изменение обвинительной части и круга подозреваемых; итогом этого «розыска» явился московский собор 1490 г.

²¹¹ Это отметил и Р. Г. Скрынников: «Владыке надо было доказать вину крамольного Новгорода в целом» (*Скрынников Р. Г. Государство и церковь*. С. 139). Новгородский писец Тимофей Вениаминов, член «геннадиевского кружка» книжников, подтвердил «новгородскую» характеристику «ереси», указав на ее локальное существование и на довольно широкий социальный состав. 7 декабря 1488 г. он сделал запись в рукописи переписанных им «Слов Афанасия Александрийского» (РГБ. Волок. 437. Л. 237–237об.), в конце которой говорится: «В то лето здесь в преименитом ту Неуполеос мнози священники и диаконы и от простых люди диаки (ср. ту же формулу в посланиях Ивана III и Геронтия Геннадия 1488 г. — М. П.) явились сквернители на веру непорочную. Велика беда постигла град сей и колика тма и туга постиже место се, святую веру православия, что запечатлеша святи отци седм събор, проповедию Отца и Сына и Святаго Духа в Троици едино Божество неразделимо. Нъ въскоре испльнися о Бозе благодати Духа Святааго преосвященным архиепископ Генадие, обнажил из еретичества злодеиство, что пострадали диаовлским падением и пособием. Кто от благочестивых душ бе слез преидет, на церковь Божию еретик навед, и град сей от многих лет язык съхраняем, по пророку: “озоба его вепрь, из луга таи придет”» (цит. по: Записи писцов в датированных древнерусских рукописях XIII–XV вв. (из архива М. Г. Гальченко) // *Palaeoslavica*. 2003. Vol. 11. P. 60 (Приводим с упрощением орфографии, раскрытием сокращенных слов и внесением выносных букв в строку). См. также: *Фонкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв.: Греческие рукописи в России*. М., 1977. С. 30–32).

А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский

МОНАШЕСКОЕ ИМЯ И ФЕНОМЕН СВЕТСКОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ДВУИМЕННОСТИ В ДОПЕТРОВСКОЙ РУСИ

О том, что у крещеного человека в средневековой Руси могло быть два светских христианских имени, исследователям известно давно. Однако ни масштабы этого явления, ни его хронологические границы, ни социальные параметры, ни, наконец, механизмы бытования и функционирования подобного рода двуименности до сих пор не становились предметом самостоятельного изучения¹. Сегодня мы можем

¹ Сколько-нибудь полный библиографический обзор представить здесь весьма непросто именно потому, что он может быть как весьма простран-ным, так и очень кратким — в исследовательских работах существует широкая россыпь упоминаний о конкретных случаях двуименности, фактор двуименности может бегло привлекаться при рассмотрении целого круга иных тем, но сама по себе она как правило не становится предметом системного описания. Упомянем сразу же лишь некоторые из тех работ, где светская христианская двуименность выделяется как самостоятельное явление: *Морошкин М. Я.* О личных именах у русских и славян // *Известия императорского Археологического общества.* 1863. Т. IV/4. С. 528–529; *Харузин Н. Н.* К вопросу об употреблении некалендарных имен в допетровской Руси // *Сборник историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине.* Нежин, 1899. Т. II. С. 170–171; *Лихачев Н. П.* Двойные имена // *ИРГО.* 1900. Вып. I. Отдел I. С. 126–128; *Туников Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903. С. 75–76; *Успенский Б. А.* Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе // *Б. А. Успенский. Избранные труды.* М., 1996. Т. II. Изд. 2-е, испр. и доп. С. 187–202; *Соловьева Т. Б.* Русская антропонимическая лексика конца 15 — 16 вв. // *Slavica Gandensia.* 2002. Vol. XXIX. С. 171–176; *Завещание князя Дмитрия Пожарского* / Публикация подгот. Ю. М. Эскиным // *Отечественная история.* 2000. № 1. С. 144; *Соловьева Т. Б.* К вопросу о дуальности личных имен календарного происхождения в именовании людей в России XVI–XVII вв. // *Памяти Лукичева: Сборник статей по истории и источниковедению* / Сост. Ю. М. Эскин. М., 2006. С. 686–696; *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики, М., 2006. С. 175–214; *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Заметки о дополнительных христианских именах и почитании святых в культуре средневековой Руси // *Вереница литер.* К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 273–291; *Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII веках.* Публикация: Синодичное предисловие; Книга кормовая; Синодик кормовой / Подгот. текстов и исследование Т. И. Шабловой. СПб., 2012. С. 67–70;

утверждать, что такая антропонимическая ситуация, когда одно и то же лицо в миру обладает двумя — на первый взгляд равноценными — именами (*Петр / Андрей, Владимир / Елеазар, Василий / Никифор, Федор / Порфирий, Борис / Емелиан, Дмитрий / Фома* и др.), каждое из которых почерпнуто из церковного календаря, была возможной, по крайней мере с конца XIII столетия и продержалась как минимум до середины XIX в., а в некоторых особых культурно-социальных группах, например у старообрядцев, она спорадически встречается и по сей день. Однако лучше всего она отражена в источниках, относящихся к XV–XVII вв., по-видимому, это совпадает с фактическим положением дел — именно на эту эпоху приходится своеобразная кульминация данной практики.

Число обладателей двойного именования подобного типа весьма велико, речь идет о сотнях, если не о тысячах людей, хотя точного их количества мы, скорее всего, никогда не узнаем. Закрытый корпус носителей христианской светской двуименности сформировать невозможно, даже если иметь в виду только лиц, так или иначе упомянутых в дошедших до нас письменных текстах, — ни один тип источника, да, по-видимому, и ни один конкретный памятник, не отражает ее сколько-нибудь последовательно. Попросту говоря, если у человека на деле было два имени, нет никакой гарантии, что оба они будут непременно где-то зафиксированы, а в иных случаях мы можем и не подозревать, что два персонажа с разными именами, фигурирующие в двух разных документах, в действительности являются одним и тем же лицом, носителем двойного именования.

Тем не менее совершенно очевидно, что христианская двуименность, будучи явлением достаточно широко распространенным, всегда остается факультативной и при этом социально и гендерно нейтральной. В одной и той же семье, например, у части братьев может обнаруживаться по два христианских имени, тогда как другая часть родичей прекрасно обходится единственным христианским антропонимом. При этом носителями двух таких именований оказываются как мужчины, так и женщины, как цари и великие князья, так и беглые холопы или крестившиеся иноверцы. Реже всего, пожалуй, христианская двуименность встречается у представителей белого духовенства, однако и в этой среде можно отыскать отдельные ее образчики.

Не вызывает сомнений генетическая связь между двуименностью христианской и двуименностью, так сказать, классической, появившейся на Руси с введением христианства, когда у человека помимо имени, полученного при крещении, имелось и другое, никак не связанное с церковным календарем имя. Он мог быть *Владимиром* на престоле и *Василием* в крещении, *Жданом* в повседневной жизни и *Матфеем* на исповеди, *Богданом* на государственной службе и *Федором* при отпевании. Двуименность классическая и интересующая нас христианская двуименность существовали бок о бок, иногда (хотя, по-видимому, не столь уж часто) могли пересекаться, как бы накладываться друг на друга, так что у одного и того же лица оказывалось три имени — два христианских и одно некалендарное, обиходное (*Помяс / Василий / Иван; Шарп / Петр / Евфимий*).

Механизм возникновения классической двуименности более или менее понятен — это своего рода компромисс между традицией церковной, требующей, чтобы у каждого обращенного было христианское имя, и требованиями более древней, еще дохристианской традиции, где огромную роль играли родовые предпочтения, апотропеические практики и многие другие, зачастую довольно сложные, явления антропонимического символизма, поначалу никак не связанные с церковным календарем. Очевидно, кроме того, что самый факт присутствия у множества людей более чем одного имени формировал особое культурное пространство, в котором могла вырабатываться довольно причудливая ситуативная дистрибуция в использовании то одного, то другого именованного конкретного лица. С тех пор же, как на Руси все больше распространяется обычай перемены христианского имени при монашеском постриге, мир индивидуальной антропонимики становится еще сложнее и многообразнее — характерно, например, что инок, получивший при постриге новое имя, по-прежнему отмечал свои именины в день святого тезки по старому крестильному имени.

Иначе говоря, понятно, что этот общий фон многообразия создает возможность для существования еще каких-то дополнительных форм двойного именованного человека, но по-прежнему не вполне ясно, зачем все-таки одному и тому же лицу в миру носить два христианских мирских имени, коль скоро в крещении — а в этом у нас нет никаких оснований сомневаться — ему всегда давалось одно и только одно календарное именование, и большинству людей на Руси этого было совершенно достаточно для полноценной церковной жизни.

Средневековые памятники весьма бедны рефлексией на сей счет. Строго говоря, в собственно русских источниках мы не найдем никаких эксплицитных обобщающих объяснений и инструкций, как и

когда можно давать по два календарных имени, а не слишком многочисленные свидетельства иностранцев, чрезвычайно интересные сами по себе, с одной стороны, весьма лаконичны, а с другой — кажется, не всегда адекватно отражают ту или иную антропонимическую ситуацию. Картина оказывается тем более запутанной из-за того, что такие имена обладали неодинаковым статусом и как-то различались сферой употребления. При этом почти каждая попытка дать простое и универсальное определение этим различиям в статусе и функции натываются на многочисленные противоречия, на, так сказать, сопротивление материала — ключ, вроде бы отлично работающий в одном случае, оказывается совершенно непригоден в другом.

Очевидно, что у множества людей соответствующей эпохи одно из имен употребляется в источниках гораздо чаще, чем другое, является, если можно так выразиться, более публичным, тогда как другое мирское христианское имя может оставаться неизвестным не только нынешним исследователям, но и некоторым современникам его обладателя. Так, широко известно публичное христианское имя великого князя Ивана III, и лишь в ограниченном круге источников появляются сведения о том, что он был еще и *Тимофеем*. Тем более раритетны упоминания другого именованного царя Василия Шуйского, *Патапий*, а между тем есть источники, из которых недвусмысленно следует, что его поминали и как *Патапия*, и как *Василия*.

Подобная публичность одного антропонима в сочетании с непубличностью другого подчас заставляла выводить самый механизм возникновения христианской двуименности из некоторого охранительного стремления сделать истинное именование человека тайным, снабдив его еще одним именем, открытым для всеобщего обозрения. Рассуждать в духе этой апотропеической теории могли как знатные иностранцы, посещавшие Русь времен Алексея Михайловича, так и современные исследователи, столкнувшиеся с необходимостью прокомментировать ту или иную запутанную ситуацию имянаречения.

Нельзя сказать, что подобная оппозиция тайного и явного полностью отсутствовала в мире русской христианской двуименности. В самом деле, наличие двух именовании одного и того же лица в эпоху ее расцвета могло служить средством для сокрытия личности и ее конструирования, использоваться для колдовства и для того, чтобы от него защититься; что не менее существенно, самый факт существования двуименности давал повод для многочисленных обвинений в подлоге, сокрытии, злонамеренности, чародействе и обмане.

Все это, однако, не составляет главной содержательной основы традиции светской христианской двуименности. Действительно, мож-

но ли говорить о том, что подлинное имя отпрыска великокняжеского или боярского рода намеренно скрывалось, дабы уберечься от недоброжелателей, коль скоро оба его имени запечатлевались в явленном всему миру церковном строительстве, в праздновании именин, в иконописных заказах, а подчас и в деловых документах?

Не совсем понятно к тому же, какое, собственно, из двух имен каждого конкретного носителя этой традиции считать подлинным. Всегда ли, например, пресловутое противопоставление «публичное / непубличное имя» тождественно оппозиции «основное / дополнительное имя»? В источниках самого разного типа мы встретим множество эпитетов и характеристик, применяемых к интересующим нас христианским именам: *прямое имя, молитвенное имя, настоящее имя, имя, рекомый, зовомый, пореклу, нарицаемый* и др. Сложность, однако, заключается в том, что ни одна из этих характеристик не обладает терминологической точностью и однозначностью. Даже в рамках одного источника мы легко можем столкнуться с тем, что один и тот же эпитет, как правило, применяется в одном значении, но иногда может фигурировать и в другом, что значения их то противопоставляются, то, напротив, сближаются, синонимизируются, или что одна и та же поясняющая конструкция может быть применена к разным именам одного и того же лица.

Существует, пожалуй, только одна неподвижная точка отсчета, равно актуальная как для человека эпохи позднего Средневековья или раннего Нового времени, так и для нашего современника; точка эта, помимо всего прочего, чрезвычайно важна для понимания механизмов функционирования русской светской христианской двуименности. Речь идет о противопоставлении крестильного имени всем остальным именам, принадлежащим одному и тому же лицу.

Однако установить, какое из двух христианских имен было получено человеком при крещении, подчас бывает крайне затруднительно, лишь изредка в тексте напрямую сообщается, какое из имен получено «во святом крещении», но гораздо чаще подобного типа непосредственные указания отсутствуют. Крестильное имя в источниках скрывается за множеством устойчивых и неустойчивых определений, а может быть лишено каких бы то ни было поясняющих помет вовсе. Так, один из представителей рода Морозовых может в одном источнике фигурировать как *Илья*, «зовомый» *Борис*², а в другом — *Борис*, «зово-

² Вкладная книга Московского Новоспасского монастыря / Сообщил наместник Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандрит Леонид. СПб., 1883. С. 31.

мый» *Илья*³: выражение «прямое имя», весьма часто использующееся для указания на имя крестильное, в случае с младшим сыном Ивана Грозного, царевичем Дмитрием / Уаром, прилагается к именованию заведомо некрестильному; два брата, сыновья Семена Воронцова, как правило называются *Иван Фока* и *Федор Демид* без каких-либо дальнейших разъяснений относительно всех этих имен⁴, и т. д. и т. п.

Иной раз такого рода трудности оказываются непреодолимыми, и мы вынуждены констатировать невозможность надежно определить статус двух антропонимов, принадлежащих какому-то конкретному лицу. В то же время в русской традиции имянаречения можно выделить несколько тенденций и один последовательно соблюдаемый принцип, которые зачастую облегчают данную процедуру, а заодно дают возможность бросить общий взгляд на бытование системы русской христианской двуименности с ее оттенками, нюансами и вариациями.

Одна из таких тенденций уже отмечалась в исследовательской литературе — к крестильному имени практически никогда не относятся характеристики *прозвище*, *прозвание*⁵. Использование этой закономерности позволяет нам собрать некоторый корпус примеров, где мы можем быть более или менее уверены, какое из двух фигурирующих в тексте мирских имен является крестильным. Приведем здесь лишь немногие из них.

Во Вкладной книга Арсениева Комельского монастыря упоминается некий плотник, вологжанин, обладавший двумя мирскими христианскими именами:

³ Владимирский сборник: Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии / Сост. и изд. Н. Тихонравов. М., 1857. С. 52. Ср. также: «Лѣта 43го году Ноября въ 1 день: преставися государевъ бояринъ Илія Ивановичъ, рекомый Борисъ Морозовъ; архимариту пѣти соборомъ. А дача писана Іюля въ 20 день»; «Тогожъ дни <20 іюля> по бояринѣ государевѣ Борисѣ Ивановичѣ рекомомъ Иліѣ Морозовѣ, архимариту пѣти соборомъ» (*Суворов Н. И.* Кормовая книга Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря // Известия императорского Археологического общества. 1861. Т. III/4. С. 313, 325).

⁴ Ср., например: Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... М., 1787. Ч. II. С. 15, гл. XIX.

⁵ *Соловьева Т. Б.* Русская антропонимическая лексика конца 15 — 16 вв. // *Slavica Gandensia*. 2002. Vol. XXIX. С. 171, 172–173, 176; *Соловьева Т. Б.* К вопросу о дуальности личных имен календарного происхождения в именовании людей в России XVI–XVII вв. // Памяти Лукичева: Сборник статей по истории и источниковедению / Сост. Ю. М. Эскин. М., 2006. С. 688.

Дал вкладом вологжанин И п а т и й прозвище Пантелеимон Тимофиев сын плотник три рубли денег⁶.

Поскольку имя *Пантелеймон* характеризуется как «прозвище», в крещении этот вкладчик, судя по всему, звался *Ипатием*.

Здесь же содержится запись о вкладе крестьянина из деревни Туфаново:

Того же <191/1683> году дал вкладу в дом Пресвятей Богородице и преподобному чудотворцу Арсению Комельские волости деревни Туфонова Лука Галактионов, а прозвание ему Федор, бычка трех лет за два рубля. Да он же, Федор, привел кобылу саврасу за два рубля⁷.

Практически не вызывает сомнений, что крестильным именем этого вкладчика было *Лука*. Хотя во многих ситуациях он мог именоваться *Федором*, эпитет «прозвание» не позволяет видеть в этом антропониме крестильное имя. Показательно, в частности, что фраза «а прозвание ему Федор» в рукописи написана на полях листа. Иными словами, уточнение того обстоятельства, что два этих имени принадлежат одному и тому же человеку, в данном случае спровоцировало появление особой приписки. Очень часто составители подобных документов обходятся без таких отождествляющих помет — любопытно, в частности, что в другой вкладной записи, относящейся, судя по всему, к тому же крестьянину, он фигурирует исключительно под своим крестильным именем *Лука*:

192-го <1684> году дал вкладу Комельской волости Федора Никифоровича Слепушкина крестьянин Лу ка Г а л а к т и о н о в деревни Туфанова дву быков за два рубля⁸.

В грамоте князя Тимофея Пожарского, данной в 7068 <1559/1560> г., приводится два мирских христианских имени покойной супруги князя — *Мария* и *Екатерина*:

Се яз князь Тимошей Федорович Пожарской дал есми в дом Живоначалные Троицы и Пречистой Богородицы и великим чю-

⁶ Шамина И. Н. Вкладная книга Арсениева Комельского монастыря Вологодского уезда // ВЦИ. 2007. Вып. 3 (7) (с. 5–133). С. 38.

⁷ Там же. С. 49.

⁸ Там же. С. 50.

дотворцом Сергею и Никону игумену Елѡе(ъ)ю з брат(ъ)ею или хто по немъ у Живоначалныя Троицы иный игумен бѹдетъ по своей княгине Мар(ъ)е, а прозвищо ей Катерина...⁹

Благодаря эпитету «прозвищо», которым снабжено имя *Екатерина*, мы вновь можем с довольно большой долей уверенности заключить, что в крещении княгиня звалась *Марией*.

Список «царских прародителей», погребенных в Московском Новоспасском монастыре, позволяет достаточно надежно определить, что крестильным именем одного из сыновей Никиты Романова было *Иоанн*, поскольку другое его имя, *Лев*, снабжено эпитетом «прозвиание»:

Лѣта 7103 <1595> Февраля въ 5 день преставися рабъ Божій
Іоаннъ Никитичъ Романовъ, прозваніемъ Левъ¹⁰.

Аналогичным образом, мы можем полагать, что у одного из князей Татевых в первой пол. XVII в. было два мирских имени, *Иван* и *Сергей*, причем в крещении он был *Сергеем*:

138-го <1630> году июня в 5 день дала вкладу княгиня Марья
Михайловна Татева по сыне своем князе Сергіе, прозвище
И в а н е, Борисовиче Татеве аргамак бур лыс десяти лет...¹¹

Замечательно, что этот же представитель рода Татевых фигурирует не только в данной записи Вкладной книги Троице-Сергиева монастыря, но и в двух других, причем в одной мы находим только его имя *Сергей*, тогда как в другой — только имя *Иван* (в обоих случаях с отчеством). В ситуации, когда вклад делает сам сын Бориса

⁹ Лихачев Н. Н. Заметки по родословным некоторых княжеских фамилий // ИРГО. 1900. Вып. I. Отдел I. С. 88.

¹⁰ Снегирев И. [М.] Новоспасский монастырь. М., 1843. С. 130. Ср.: «лѣта зрѣ еевруалія въ ѣдень въ зчасѣ дня на память сѣя мученицы Агаѡіи престави- ся рабъ Божій Іоаннъ Никитичъ Юрьевъ, а прозвище Левъ Никитичъ» (Авдеев А. Г., Станюкович А. К. Эпиграфическое наследие Новоспасской усыпальницы рода Романовых // Усыпальница дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре / Под ред. А. К. Станюковича и В. Н. Звягина. Кострома, 2005. С. 130 <№ 12>). Имя *Лев* фиксируется в семье Романовых до эпохи их воцарения не единожды.

¹¹ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева; отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1987. С. 77 <л. 267>

Татева, используется некрестильное (по-видимому, публичное)
Иван:

Того же 138-го <1630> году апреля в 26 день по князе Федоре Борисовиче Татеве дали вкладу дядя ево боярин князь Борис Михайлович Лыков да брат ево князь Иван Борисович Татев денег 100 рублей да 7 коней...¹²

Когда же князь уже скончался и вклад делается по нему, то употребляются либо оба его мирских имени (как мы видели выше), либо одно только крестильное:

138-го <1630> году княгиня ж Марья Михайловна дала вкладу по детех своих по князе Сергее Борисовиче вотчину его в Стародубе Ряполовском сельцо Павловское з деревнями и с пуштошми 2116 чети¹³.

Оговоримся, впрочем, что такое распределение ролей между крестильным и некрестильным именами в поминальных записях, будучи чрезвычайно интересно само по себе, отнюдь не является регулярным и единственно возможным (ср. ниже историю княгини Хворостининой).

Весьма охотно эпитетами *прозвание*, *прозвище* при одном из мирских христианских имен пользовались составители Вкладной книги Троице-Сергиева монастыря (еще ряд образчиков такого рода, помимо только что упомянутых, собраны в работе Т. Б. Соловьевой¹⁴) или Новгородских писцовых книг, однако во многих других источниках они отнюдь не столь частотны, а в некоторых текстах, изобилующих примерами христианской двуименности, отсутствуют вовсе.

Куда более наглядным может оказаться принцип, относящийся не к отражению двуименности в текстах, но к самому выбору христианских имен в XV–XVII вв., а отчасти и в XIV столетии. Правда, использовать

¹² Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева; отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1987. С. 77 <л. 267>.

¹³ Там же. С. 77 <л. 267>.

¹⁴ Соловьева Т. Б. К вопросу о дуальности личных имен календарного происхождения в именовании людей в России XVI–XVII вв. // Памяти Лукичева: Сборник статей по истории и источниковедению / Сост. Ю. М. Эскин. М., 2006. С. 687–688.

его для определения крестильного имени можно лишь в том случае, когда для человека, у которого есть два светских христианских имени, известно и еще одно имя — монашеское. Такие случаи, вообще говоря, довольно многочисленны, отчасти в силу распространенности обычая принимать иноческий постриг, почувствовав приближение смерти.

Как известно, на Руси со временем возобладала традиция, согласно которой постригаемому давалось иноческое имя, начинающееся на ту же букву, что и его христианское мирское имя (например: *Александр — Амвросий, Василий — Варлаам, Кузьма — Кирилл, Мария — Марфа* и т. п.; иногда совпадение наблюдается в конечной или каких-то других буквах)¹⁵. Иначе говоря, доминирующим принципом монашеского имянаречения в интересующую нас эпоху довольно рано, с рубежа XIV–XV вв.¹⁶, становится сохранение какой-то

¹⁵ Крестильное имя могло быть представлено при этом не в канонической, а в разговорной форме (иноческое имя, напротив, обычно бывает представлено в канонической форме, более или менее соответствующей церковнославянской норме написания или произношения). Так, например, в Московской Руси *Ирина* часто получала при постриге иноческое имя *Александра*: очевидно, что выбор иноческого имени при этом основывался на форме *Арина*, а не *Ирина*. Скончавшийся в 1379 г. архимандрит Михаил, известный как «Михаил, нарицаемый Митяй», который, по замыслу Дмитрия Донского, должен был стать митрополитом Киевским и всея Руси, со всей очевидностью получил иноческое имя *Михаил* по созвучию с мирским именем *Митрий* — обиходной формой имени *Димитрий*. В Житии Корнилия Комельского рассказывается о том, как Корнилий уговорил принять постриг своего брата: «и шед во свое отечество в Ростов, и увида своего по плоти брата именем Акинфия, и приведе и в монастырь, и инока сотвори, и нарекоша имя ему Анфим» (Житие Корнилия Комельского / Подг. текста и комм. А. Г. Сергеева; пер. А. А. Романовой // БЛДР. Т. XIII. XVI век. СПб., 2005. С. 306). Брат Корнилия получил иноческое имя *Анфим* по созвучию не с канонической формой имени *Иакинф*, а с просторечной *Акинф(ий)*. В 1605 г. Ксения, дочь Бориса Годунова, приняла при постриге имя *Ольга* (*Дмитриевский* А. А. Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории. Киев, 1899. С. 99; *Арсений Елассонский*. Мемуары из русской истории // Хроники смутного времени: Конрад Буссов, Арсений Елассонский, Элиас Геркман, «Новый летописец». М., 1998. С. 177), которое было подобрано, скорее всего, не к канонической, а к обиходной форме имени *Ксения — Оксинья*. Иногда (но гораздо реже) в обиходной форме представлено имя иноческое: так, человек, носивший в миру имя *Леонтий*, мог стать в монашестве *Иларионом*, поскольку в данном случае, по видимому, было сочтено, что *Ларион* наилучшим образом соответствует его мирскому имени (*Шляпин* В. П. Акты Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря. Ч. II. Великий Устюг, 1913. С. 180 <№ 397>).

¹⁶ Принцип подбора монашеского имени по крестильному, разумеется, существовал на Руси и раньше, но вплоть до XIV в. значимую конкуренцию

буквы или слога из мирского имени, причем чаще всего это буква или слог начальные¹⁷.

При этом наблюдается надежная закономерность: монашеское имя выбирается по тому из светских христианских имен, которое является крестильным. В тех немногих случаях, когда в источнике напрямую оговаривается, какое из двух светских мирских имен дано в крещении, всегда оказывается, что иноческое имя выбирается именно по нему, а не по другому светскому христианскому имени.

Так, о смерти князя Дмитрия Константиновича Суздальского сообщается следующее:

Того же лѣта, мѣсяца Іюля въ 5 день, преставися во иноческомъ чину князь велики Дмитрей Констянтиновичъ Суздальскій и Новгорода Нижнего, внукъ Васильевъ, правнукъ Михайловъ, праправнукъ Андрѣевъ; бѣ же ему во святомъ крещеніи имя Ѡома, а иноческое Ѡеодоръ¹⁸.

Действительно, имя *Дмитрий* у Рюриковичей могло фигурировать как в качестве крестильного, так и в качестве некрестильного родового; последнее, как напрямую сказано в летописях, и наблюдается в данном случае. Иноческое же имя князя, *Феодор*, выбрано по созвучию с его именем крестильным — *Фома*.

На надгробии скончавшегося в начале XVII столетия князя Ивана Васильевича Сицкого обнаруживается следующая надпись:

Лета 7116 марта въ 23 день погребенъ рабъ Божій Князь Иванъ Васильевичъ Ситскій, а в крещеніи имя его Софроній, во

ему составлял принцип календарный, когда имя иноку выбиралось в соответствии с датой его пострижения.

¹⁷ См. подробнее: *Сазонов С. В.* Монашеское имя Александра Невского и традиции монашеского именаречения в средневековой Руси // Сообщения Ростовского музея. Вып. VI. Ростов, 1994. С. 18–19; *Успенский Б. А., Успенский Ф. Б.* Иноческие имена на Руси. СПб., 2017. С. 100–115. Возможны случаи, когда повторяется определенный компонент имени. Так, например, во Вкладной и Кормовой книге московского Симонова монастыря упоминается теща Петра Петровича Большого Головина (который, к слову, обладал еще одним мирским христианским именем — *Агафоник*), причем из этой записи становится понятно, что в миру ее звали *Ирина (Арина)*, тогда как в монастыре — *Марина* (Вкладная и Кормовая книга Московского Симонова монастыря / Подгот. текста, вступ. ст., сост. коммент. и словаря терминов А. И. Алексеев; сост. именного указателя А. И. Алексеев, А. В. Маштафаров // ВЦИ. 2006. № 3. С. 38).

¹⁸ ПСРЛ. Т. XI. СПб., 1897. С. 83; ср.: ПСРЛ. Т. VIII. СПб., 1859. С. 48–49.

иноцѣхъ Сергій, а преставися въ заточеніи отъ Царя Бориса въ Кожеозерскомъ монастырѣ¹⁹.

Известный старообрядческий деятель Иван Неронов при постриге получил имя *Григорий*²⁰. Такой выбор иноческого имени объясняется тем, что в крещении он был *Гавриилом*:

И наречено бѣ отрочате во святомъ крещеніи имя Гавріиль; по святомъ же крещеніи соизволися отцу и матери преименовати младенца Іоанномъ²¹.

Кроме того, если мы обратим внимание на имена с теми эпитетами, которые более или менее безошибочно указывают на имя некрестильное, то можем убедиться, что по этим антропонимам монашеское имя не выбирается. Так, в Житии Гурия и Варсонофия, написанном будущим патриархом Гермогеном в 1596–1597 гг., упоминается боярский сын «именем Нестор, по рекломъ Димитрій», а далее сообщается, что он принял постриг с именем *Нектарій*, которое очевидным образом соответствует имени *Нестор*, а не *Дмитрій*²². Таким образом, мы можем заключить, что из двух имен именно *Нестор* было для боярского сына крестильным.

У нас есть все основания полагать, что если в нашем распоряжении имеются три христианских имени одного лица, одно из которых монашеское, полученное при постриге, то из двух оставшихся — мирских христианских — крестильным является то, которое начинается на ту же букву или слог, что имя монаше-

¹⁹ *Снегирев И. [М.] Новоспасский монастырь. М., 1843. С. 131. Ср. запись во Вкладной книге московского Новоспасского монастыря: «7132 <1624> Августа въ 16 день, Бояринъ Князь Алексѣй Юріевичъ Ситцкой, дал вкладу по Бояринѣ Князь Іоаннѣ Василіевичѣ Ситцкомъ молитвенное имя Софронѣ во Иноцѣхъ Сергіѣ 94 рубля 27 алтынъ...» (Вкладная книга Московского Новоспасского монастыря / Сообщил наместник Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандрит Леонид. СПб., 1883. С. 28). Обратим внимание, что словосочетание *молитвенное имя* вне всякого сомнения относится здесь к имени крестильному.*

²⁰ [Вургафт С. Г., Ушаков И. А.]. Старообрядчество: Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 189.

²¹ Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые братством св. Петра митрополита под ред. Н. Субботина. М., 1875. Т. I. С. 246.

²² Творения святейшого Гермогена, патриарха Московского и всея России. С приложением чина поставления в патриархи. М., 1912. С. 44–45, гл. X.

ское, даже если в источнике не сказано напрямую, что оно получено во святом крещении. Иными словами, подобно тому, как при постриге осуществлялась операция подбора иноческого имени по крестильному, мы можем произвести обратную процедуру и вычислить из двух возможных крестильное имя по монашескому. Пользуясь этим правилом, можно установить, например, что в поминальной записи по дипломату и воеводе, боярину Федору Григорьевичу Адашеву, скончавшемуся в 1556 г., приведено его крестильное имя *Авксентий*²³:

Феодору Адашеву имя было в миру Авксентей, а во иноцех Арсений²⁴.

Федор же, очевидным образом, было публичным именем Адашева, под ним он фигурирует в официальных светских документах, причем оно могло использоваться как в полной, так и в гипокористической форме²⁵.

У другого Федора, Федора Васильевича Охлопкова, судя по синодику, крестильным было имя *Ко(н)драт*²⁶:

Память Феодору Васильеву сыну Охлопкова, имя было ему Кондрат, а во иноцех Корнилей²⁷.

²³ Память святых с таким именем отмечается 13 декабря, 14 февраля и 18 апреля.

²⁴ Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII веках. Публикация: Синодичное предисловие; Книга кормовая; Синодик кормовой / Подгот. текстов и исследование Т. И. Шабловой. СПб., 2012. С. 150.

²⁵ Ср. упоминание Федора Адашева в грамоте 1510 года, где он подписался за отца и за себя: «Федюк Адашов сын Головин руку свою приложил».

²⁶ Память апостола Кодрата отмечается 21 сентября и 4 января, память Кодрата, мученика коринфского, и Кодрата, мученика никоимидийского, приходится на 10 марта. Праздник же еще одного никоимидийского мученика с тем же именем приходится на 21 апреля.

²⁷ Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII веках. Публикация: Синодичное предисловие; Книга кормовая; Синодик кормовой / Подгот. текстов и исследование Т. И. Шабловой. СПб., 2012. С. 298. Ср. запись в Синодике Строгановых: «Сентябрь ка день <21 сентября>. Память Феодору Васильеву сыну Охлопкова, имя было ему Кондрать, а во иноцех Корниле» (Синодик и родительский летописец Строгановых / По рукописи профессора Н. Тихонравова // ЧОИДР. 1884. Кн. I: Январь–Март. Отд. 1: Материалы исторические. С. 12).

Еще один Федор — окольный Федор Васильевич Головин — судя по «Описанию кладбища Симонова монастыря» 1847 г., хранящемуся в фонде Н. П. Чулкова, получил в крещении имя *Порфирий*²⁸:

Лета 7133 <1625> году, апреля в 16 день, на память святых мучениц Ирины, Агапии и Хионии, преставись раб Божий окольный Федор Васильевич Головин, а прямое его имя Перфирий — во иноцех Пафнутий, а подле его сын Алексей, а под гробом Михаил Петрович Меньшой Головин²⁹.

На надгробной плите Ивана Севастьяновича Хитрово, окольного и думного дворянина, скончавшегося в 1697 г., мы находим следующую надпись:

Лѣта 7205 <1697> Генваря въ 28 день на память преподобнаго отца нашего Ефрема Сирина преставися рабъ Божій окольныхъ И в а н ъ большой Савостіановичъ Хитрово, з о в о м ы й Анфимъ, во иноцѣхъ монахъ Антоній, а отъ рожденія поживе 73 г.³⁰

Очевидно, что в миру у Хитрово было два имени: *Иван* и *Анфим*. Определяя, какое из них являлось крестильным, нельзя не обратить внимание на некоторое противоречие — судя по монашескому *Антоний*, он был крещен *Анфимом*, но этому имени здесь предпослан эпитет «зовомый», чаще применяемый к именам некрестильным.

²⁸ Память мучеников с именем *Порфирий* отмечается 10 февраля, 9 ноября, 24 ноября, 15 сентября и 26 февраля.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 544. Оп. 2. Д. 5. Л. 3–Зоб. Все публикации этой надписи приводят ее лишь частично (см. подробнее: *Шокарев С. Ю.* Источники по истории некрополя Симонова монастыря // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1998. С. 38–39). Во Вкладной и Кормовой книге Симонова монастыря интересующее нас лицо фигурирует как *Федор Васильевич Головин* (Вкладная и Кормовая книга Московского Симонова монастыря / Подгот. текста, вступ. ст., сост. коммент. и словаря терминов А. И. Алексеев; сост. именного указателя А. И. Алексеев, А. В. Маштафоров // ВЦИ. 2006. № 3. С. 38, 39, 40), иногда с дополнительным указанием его иноческого имени *Пафнутий* (Там же. С. 85, 86). «Прямое имя» Федора Головина в этом источнике отсутствует.

³⁰ Приложение к родословной книге рода Хитрово / [Сост.] Ф. Н. Хитрово. СПб., 1867. С. 234–235.

Какому же из индикаторов следует отдать предпочтение? По всей видимости, решение следует принимать на основании выбора иноческого имени, поскольку употребление эпитета «зовомый» в источниках куда менее последовательно — он может быть применен к единственному христианскому имени человека или в разных текстах использоваться по отношению то к одному, то к другому из двух мирских христианских именований (достаточно вспомнить здесь казус Ильи / Бориса Морозова).

Хорошо известно, что окольничий Андрей Петрович Клешнин, воспитатель будущего царя Федора Ивановича, принял постриг с именем *Левкий*, о чем сообщается, например, во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря:

107-го <1599> году мая в 21 день Андрей же Петрович Клешнин, во иноцех Левкея, дал вкладу денег 100 рублей³¹.

Аналогичным образом он может именоваться и в других поминальных текстах³². Исходя из этих сведений, можно было бы заключить, что иноческое имя для Андрея Клешнина было выбрано без оглядки на то христианское имя, что он носил в миру. Однако есть источники, где в связи с Клешниным упоминаются три христианских имени — одно монашеское и два светских:

Лѣта <1599> г. Апрѣля въ день преставися рабъ Божій, великаго Государя Царя и великаго Князя Ѳеодора Ивановича всея Росіи дятка окольничей Лупп зовомый Андрей Петровичъ Клешнинъ во иноцѣхъ Левкей схимникъ³³.

Тот факт, что Андрей Петрович обладал в миру еще и именем *Лупп*, отмечен, например, и в Кормовой книге Псково-Печерского монасты-

³¹ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева; отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1987. С. 121. Л. 452об.

³² Ср., например: Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря / Публ. И. П. Сахарова // Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Археологического общества. СПб., 1851. Т. 1. Отд. 3. С. 74; Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII веках. Публикация: Синодичное предисловие; Книга кормовая; Синодик кормовой / Подгот. текстов и исследование Т. И. Шабловой. СПб., 2012. С. 125, 360.

³³ Леонид (Кавелин). Историко-археологическое и статистическое описание Боровского Пафнутиева монастыря (Калужской губернии). Изд. 3-е. Типография Казанской Амвросиевой пустыни, 1907. С. 192.

ря, где его поминовение приурочено к 23 августа³⁴. Очевидно, таким образом, что именно *Лупп* было его крестильным именем и по нему-то и выбиралось монашеское *Левкий*.

Замечательно, что существует источник, где Клешнин фигурирует исключительно под именем *Лупп*. Автор текста, обвиняющий его в причастности к убийству царевича Дмитрия, как бы игнорирует имя *Андрей*, зато стремится извлечь максимум риторических преимуществ из семантики имени *Лупп*:

<о Борисе Годунове> Время же своему зломыслию обрет и суща стаинника себе потаена, зело злых злейша, Луппа некоего, брата си свойством и делом, иже толкуется волк, — от дел звание прием³⁵.

У еще одного Андрея, князя Андрея Андреевича Телятевского, на надгробной плите указано его мирское христианское имя и монашеское, причем последнее тоже никак не соотносится с первым:

Бояринъ князь Ондрей Ондреевичъ Телятевской, во иноцѣхъ Ергогенъ, преставися 119 <1611> г. мая въ 14 день³⁶.

При этом существует и запись, где наряду с монашеским именем фигурируют два мирских светских имени князя Телятевского:

132-го <1624> году мая в 18 день по князе Андрее Андреевиче Телятевском дал вкладу сын его князь Федор Андреевич Телятевской конь в рыже пег сросл по цене 25 рублей. И за тот вклад тело князя Андреево погребли в дому живоначальных

³⁴ В. Р. Алухтин. Псково-Печерский Успенский монастырь и его вкладная книга 1558 г.: Краткий исторический очерк. М., 1914. С. 19; ср.: Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII веках. Публикация: Синодичное предисловие; Книга кормовая; Синодик кормовой / Подгот. текстов и исследование Т. И. Шабловой. СПб., 2012. С. 360. Память мучеников с таким именем отмечается 23 августа и 26 октября.

³⁵ Временник Ивана Тимофеева / Подгот. к печати, пер. и коммент. О. А. Державиной; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951. С. 29.

³⁶ Леонид (Кавелин). Приложения к Историческому описанию Свято-Троицкой Сергиевы лавры // Горский А. В. Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевы лавры, составленное по рукописным и печатным источникам в 1841 г. с приложениями архимандрита Леонида. М., 1879. [= ЧОИДР. 1879. Кн. II.] С. 95.

Троицы. А прямое имя — князь Емельян, во иноцех Ермоген³⁷.

Совершенно очевидно, что крестильным именем Телятевского было *Емельян*, которое в источнике обозначено как «прямое». Характерно при этом, что соответствие между именами *Емельян* и *Гермоген* оказывается возможным благодаря тому, что на Руси последнее было распространено в форме *Ермоген*. В том, что подбор монашеского имени осуществлялся именно так, в данном случае не возникает сомнений, поскольку именно форма *Ермоген* приведена в обоих процитированных текстах.

Вообще говоря, как уже упоминалось, созвучие между крестильным и иноческим именем не всегда может быть основано исключительно на совпадении начальной буквы или двух первых букв. Однако именно такое сходство, коль скоро оно имеется, по-видимому, следует считать определяющим. Поясним, что мы имеем в виду.

В Кормовых книгах, происходящих из разных монастырей, можно встретить свидетельства о поминальных вкладах по одному из представителей семьи Годуновых — умершему в 1597 г. троюродному брату будущего царя Бориса. Обычно он именуется следующим образом:

...по Григорье Васильевиче, во иноцех Христофор³⁸;

...по Григорьѣ Васильевичѣ Годуновѣ, во иноцѣхъ Христофорѣ³⁹;

Того же дни <28 сентября> кормъ кормити по Григорьѣ Васильевичѣ Годуновѣ, во иноцѣхъ Христофорѣ⁴⁰.

³⁷ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева; отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1987. С. 86. Л. 305об.

³⁸ Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII веках. Публикация: Синодичное предисловие; Книга кормовая; Синодик кормовой / Подгот. текстов и исследование Т. И. Шабловой. СПб., 2012. С. 117. <Л. 157>.

³⁹ Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря / Публ. И. П. Сахарова // Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Археологического общества. СПб., 1851. Т. I. Отд. 3. С. 57; ср.: Вкладная и Кормовая книга Московского Симонова монастыря / Подгот. текста, вступ. ст., сост. коммент. и словаря терминов А. И. Алексеев; сост. именного указателя А. И. Алексеев, А. В. Маштафаров // ВЦИ. 2006. № 3. С. 84.

⁴⁰ Исторические акты Ярославского Спасского монастыря / Изд. И. А. Вахрамеевым. М., 1896. Т. III: Выписи из писцовых и переписных книг. Дополнение: Книга кормовая. С. 19.

В принципе, можно было бы предположить, что в именах *Григорий* и *Христофор* усматривалось созвучие по первому слогу, особенно если считать, что начальное -з- в его мирском имени произносилось не как взрывное, а как фрикативное. Однако существует источник, в котором представлены не два, а три христианских имени Г р и г о р и я В а с и л ь е в и ч а Г о д у н о в а — два мирских и уже известное нам иноческое:

Въ 28 день <сентября>. Пам<ять> Государеву боярину и дво-
рецкому, Григорию Васильевичу Годунову, а имя ему
Харитонъ, во ин<оках> Христоѡръ⁴¹.

Между монашеским *Христофор* и мирским *Харитон* обнаруживается простое и привычное соответствие по первой букве⁴², что избавляет нас от необходимости искать какие-то более сложные механизмы подбора иноческого имени по мирскому, а заодно позволяет утверждать, что в крещении он был *Харитоном*. Замечательным образом, в скрытом виде св. Харитон присутствует и в тех записях, где это имя не приводится — обратим внимание, что корм по Г р и г о р и ю Х р и с т о ф о р у приурочивается к 28 сентября, когда отмечается память св. Харитона Палестинского.

Во Вкладной и кормовой книге Коряжемского Никольского монастыря упоминается скончавшаяся в 1638 г. вдова Даниила Григорьевича Строганова, мать его сына Космы:

Того же месяца <июня> в 21 день преставися Косма Данилов сын Строганов. Служити игумену собором, на братию корм. Да мать его О л ь г у, и н о к у А н т о н и д у, на оба кормы с ним же поминати вместе всегда⁴³.

⁴¹ Алухтин В. Р. Псково-Печерский Успенский монастырь и его вкладная книга 1558 г.: Краткий исторический очерк. М., 1914. С. 10.

⁴² Ономастическая пара, состоящая из мирского *Харитон* и иноческого *Христофор*, не уникальна — ср., например, данные Вкладной книги Устюжского Михайло-Архангельского монастыря с 1585 по 1617 г.: «Того жъ мѣсяца въ 24 день далъ вкладу съ Шимоксы изъ Исаковы деревни Х а р и т о н ъ , во иноцѣхъ Х р и с т о ф о р ъ , 3 рубля 13 алтынъ, да однорядку да кафтанъ бараней за 30 алтынъ, да четвертокъ ржи» (Шляпин В. П. Акты Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря. Великий Устюг, 1913. Ч. II. С. 177. <№ 345>).

⁴³ Безроднов В. С. Вкладная и кормовая книга Коряжемского Никольского монастыря // ВЦИ. 2011. Вып. 1/2 (21/22). С. 71. <Л. 75>.

Публикатор этого источника, В. С. Безроднов, видимо, на основании этой записи предполагает, что *Ольга* было крестильным именем нашей Строгановой (урожденной Едемской)⁴⁴. Соглашаясь с такой трактовкой, пришлось бы признать, что мы имеем дело или с несогласованностью крестильного *Ольга* и иноческого *Антонида*, или исходить из того, что выбиравшие иноческое имя ориентировались на какую-то иную его орфографическую форму, нежели та, что представлена в дошедшем до нас тексте (**Онтонида?*).

Однако от необходимости подобного рода допущений нас извещает существование записей, которые присутствуют в помяннике рода Едемских (ГИМ, собр. Шукина, № 459), также опубликованном В. С. Безродновым. В одной из них — наряду с монашеским — фигурирует другое мирское христианское имя жены Даниила Григорьевича, *Акилина*:

Июня в 13-й <день> память Акилине Гавриловой дочери Едемского, а во иноцех Антониде схимнице, Даниловой жене Строганова⁴⁵.

Характерно, что поминовение вдовы Строганова устанавливается на 13 июня, когда отмечается память Акилины, мученицы Вивлийской; при этом иноческое *Антонида*, как нетрудно убедиться, соответствует имени *Акилина* по букве.

Окончательную ясность в вопрос о крестильном имени Строгановой вносит еще один фрагмент из того же помянника, где все три имени употреблены рядом:

146-го <1638> августа в 7 день преставися Акилина, а во иноцехъ Антонида схимница Гаврилова дочь Ёдемского, пореклому Ольга Данилова жена Строганова; жила 80 лѣтъ⁴⁶.

⁴⁴ Там же. С. 96. Примеч. 78.

⁴⁵ *Яцимирский А. П.* Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Шукина / Изд. П. И. Шукина. М., 1897. Вып. II. С. 227; ср.: *Безроднов В. С.* Семейные синодики XVII-XVIII вв. в собрании Отдела письменных источников Государственного исторического музея // Генезис вестник. 2002. Вып. 8.

⁴⁶ *Яцимирский А. П.* Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Шукина / Изд. П. И. Шукина. М., 1897. Вып. II. С. 227. <Л. 47>; ср.: *Безроднов В. С.* Семейные синодики XVII-XVIII вв. в собрании Отдела письменных источников Государственного исторического музея // Генезис вестник. 2002. Вып. 8.

Обратим внимание, что имя *Ольга* сопровождается здесь характеристикой «пореклому», которая обычно применяется к именам некрестильным. Иными словами, мы располагаем целой совокупностью данных, позволяющих заключить, что крестильным именем вдовы Строганова, урожденной Едемской, было именно *Акилина*.

Разумеется, отнюдь не всегда находится текст, где все три христианских имени одного лица фигурировали бы одновременно. Однако, руководствуясь правилом подбора монашеского имени по крестильному, иногда удается собрать их воедино из разных источников и, уточнив биографические детали, связанные с тем или иным историческим лицом, определить статус его мирских христианских имен.

Так, сохранилась запись, оставленная на странице Сийского лицевого иконописного подлинника, где мы находим два мирских имени иконописца Василия Мамонтова, со временем сделавшегося архимандритом Антониева-Сийского монастыря:

Сей образец иконника Васки Мамонтова с Шуренги [...] прямое имя Никон, потом чернец Сийского монастыря, иеромонах многогрешный и архимандрит недостойный⁴⁷.

Словосочетание «прямое имя» заставляет предположить, что из двух имен «иконника с Шуренги», *Василий* и *Никон*, именно *Никон* и было крестильным. Существенно, однако, что известное по множеству других источников монашеское имя архимандрита — *Никодим* — превращает это предположение в уверенность. Любопытно, что в данном случае мы имеем дело с одним из самых поздних образчиков такой ономастической ситуации, когда монашеское имя дает нам возможность определить функциональный статус двух мирских имен, — карьера Никодима, скончавшегося в 1721 г., в значительной своей части приходится на Петровскую эпоху, но если говорить о бытовании христианской двуименности как таковой, то она надолго переживает это время.

Относительно просто можно реконструировать и ономастический казус, связанный с одной из снох Ивана Грозного, второй женой царевича Ивана Ивановича, поскольку в нашем распоряжении есть свидетельства, где имена этой дочери окольничего Петрова-Солового упоминаются попарно в различных комбинациях.

⁴⁷ Кольцова Т. М. Архимандрит Антониево-Сийского монастыря Никодим и его рекомендации по реставрации икон // V Грабаревские чтения. М., 2003. С. 104.

В перечне браков царевича Ивана Ивановича, который содержится в Московском летописце, она поименована следующим образом:

...царица Феодосия Михайлова дочь Соловова с Резани, пострижена на Белеозере, во иноцех Парасковия⁴⁸.

Здесь, как и в других случаях, обращает на себя внимание несогласованность иноческого и мирского христианского имени. При этом в других текстах мы обнаруживаем рядом с монашеским иное светское христианское имя царицы. Так, в частности, в родословной росписи рода Петровых-Солового и Леонтьевых кон. XVII в. отсутствует имя *Феодосия*, зато появляется *Пелагея*:

...у окольничего Михаила Тимофеевича Петрова была дочь Пелагея, в иночестве Прасковья, была за царевичем Иваном Ивановичем⁴⁹.

Очевидно, что именно *Пелагея* было крестильным именем царицы, по которому при постриге, совершенном над ней по распоряжению Ивана Грозного, было выбрано ее монашеское имя *Прасковья*, начинающееся на ту же букву.

Весьма сходным образом обстоит дело с фиксацией имен еще одной царственной особы, насильно постриженной уже в XVII столетии. Речь идет о жене Василия Шуйского, урожденной Буйносовой-Ростовской. Во множестве светских источников того времени она именуется *Марией*⁵⁰, однако постригли ее с именем *Елена*. Можно было бы подумать, что, осуществляя этот акт против воли царицы, на ее крестильное имя и на соответствие его по букве имени новому, монашескому, не обращали внимания. Однако на самом деле в этой, казалось бы, всецело неканонической ситуации традиционная схема выбора имени была полностью соблюдена — в записи синодика

⁴⁸ ПСРЛ. М., 1978. Т. XXXIV. С. 229.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 286 (Герольдмейстерская контора). Оп. 1. Кн. 241. Л. 530–532. Мы благодарны А. П. Павлову за указание этого свидетельства.

⁵⁰ Ср., например, начало чина бракосочетания царя Василия Шуйского: «А во 115-мъ <1607> году какъ женился царь і великий князь Василей Иванович всеа Русіі, а понял боярина князя Петра Ивановича Буйносова дочь княжну Марью...» (Белокуров С. А. Разрядные записи за смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 269; Древняя российская вивлиофика... изданная Николаем Новиковым. Изд. 2-е, вновь испр. Ч. XIII. С. 122).

Новодевичьего монастыря наряду с иноческим фигурирует другое мирское христианское имя княгини:

24 <ноября> Святыя мученицы Екатерины [...] Память благоверной царице и великой княгине Е к а т е р и н е, во иноцех Елене схимнице⁵¹.

Это же мирское христианское имя (вкуне с иноческим) мы обнаруживаем и в надписи на надгробии царицы:

лѣта 7347 годѣ гегвар въ вѣн на памѣтѣ иже во сѣхъ ѿца нашеѣ селивестра папы римскаго престависѣ раба бжиѣ бѣловѣрнаго црѣа и великоѣ кнѣа васиѣа ивановича всеа русїи црѣа екатерина инока схимница елена⁵².

Оказывается, таким образом, что крестильным именем царицы было *Екатерина*, и имя монашеское ей подобрали в полном с ним соответствии.

Если же говорить о паре христианских мирских имен, которыми обладала царица, *Мария* и *Екатерина*, то весьма существенно, что это антропонимическое сочетание устроено зеркальным образом по отношению к, скажем, приводившемуся выше именованию супруги Тимофея Федоровича Пожарского — та, как мы помним, была *Марией* в крещении, тогда как имя *Екатерина* характеризовалось в грамоте 1559/1560 г. как «прозвище».

Следует учитывать при этом, что в источниках, сообщающих о браке Василия Шуйского с Буйносовой-Ростовской, невеста может быть поименована двумя разными способами: иногда она, как уже упоминалось, фигурирует только под своим некрестильным именем *Мария*, а иногда оба ее имени встраиваются в конструкцию, близкую к паремийной, — «а в девицах имя ѿй Катерина, а в царицах имя Марья» или «въ девицах имя Екатерина, въ царицехъ имя ей Марья»⁵³. Такая

⁵¹ Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря / Под ред. В. И. Корецкого; подгот. текста и вступ. ст. В. Б. Павлова-Сильванского. М., 1985. С. 174. <Л. 123>; ср.: Там же. С. 229. <Л. 27>.

⁵² Гиршберг В. Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVI вв. Часть I: Надписи XIV–XVI вв. // Нумизматика и эпиграфика. 1960. Вып. I. (С. 3–77). С. 237 <№ 190>, 281 <табл. IV>.

⁵³ Белокуров С. А. Разрядные записи за смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 175, 249.

формулировка позволяет предположить, что свое некрестильное имя Буйносова-Ростова получает лишь в процессе свадебного обряда⁵⁴. Однако вопрос о том, было ли это имя для нее совершенно новым и каков вообще мог быть статус некрестильного христианского имени у замужней женщины, нуждается в отдельном рассмотрении.

Несколько сложнее устроена ситуация с именами княгини Хворостининой. В Кормовой книге Спасского Ярославского монастыря мы обнаруживаем два христианских имени жены князя Андрея Ивановича Хворостинина — мирское и монашеское:

Марта въ 10 день, кормъ кормити по князь Андреевъ
Ивановича Хворостинина княгинѣ Еленѣ, во инокиняхъ
Галасіи, до по сынѣ ея по князь Иванѣ Андреевичѣ, во
иноцѣхъ Ионе...⁵⁵

Если монашеское и мирское имя сына Андрея Ивановича явным образом согласованы по созвучию друг с другом и являют собой одну из самых частотных пар при подборе монашеского имени к христианскому (*Иоани* > *Иона*), то в именах его матери такого соответствия не наблюдается, подобно тому как не наблюдалось оно между именами *Андрей* > *Левкий* и *Андрей* > *Ермоген*.

Существенно, однако, что о собственном вкладе жены Андрея Ивановича Хворостинина во Вкладной книге Ростовского Борисоглебского монастыря сообщается следующим образом:

Лѣта 7049 <1541> [...] Дала в домъ Пречистые Богородицы и
великихъ стратотерпцевъ Христовыхъ Бориса и Глѣба князя
Ондрѣва княгини Ивановича Хворостниина Княгини Гли к ѣ р ѣ я
В а с и л ѣ в н а, да сынѣ еѣ князь Иванъ Ондрѣевичъ по Отцѣ
Своемъ по князе Ондрѣе Ивановиче...⁵⁶

Здесь, к счастью, практически не возникает сомнений, что речь идет об одной и той же женщине — благодаря упоминанию ее сына, Ивана Андреевича, мы можем быть уверены, что перед нами та же пережившая

⁵⁴ Ср.: Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. XII. С. 37. <Примеч. 163>.

⁵⁵ Исторические акты Ярославского Спасского монастыря / Изд. И. А. Вахрамеевым. М., 1896. Т. III: Выписи из писцовых и переписных книг. Дополнение: Книга кормовая. С. 27.

⁵⁶ Титов А. А. Вкладные и Кормовые Ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII и XVIII столетиях. Ярославль, 1881. С. 9.

своего мужа супруга Андрея Ивановича Хворостинина, память которой записана в Кормовой книге Спасского Ярославского монастыря.

На это обстоятельство в свое время указал Н. П. Лихачев и отметил при этом, что испытывает затруднение в том, чтобы «согласить имена “Гликерия” и “Геласия”»; в качестве очень осторожной гипотезы Лихачев допускал, что они могут относиться к двум ступеням монашеского пострига (постриг в мантию и в великую схиму)⁵⁷. Любопытно, что мысль о светской христианской двуименности не пришла в голову исследователю, хотя он опубликовал свою краткую заметку именно об этом феномене в том же самом выпуске «Известий Русского генеалогического общества»⁵⁸.

Между тем, именно ситуация светской христианской двуименности в данном случае представляется наиболее вероятной — княгиня была обладательницей имен *Гликерия* и *Елена* в миру, тогда как в иночестве она сделалась *Геласией*. Действительно, из процитированных нами источников не видно, чтобы она вообще принимала великую схиму, в погребальной записи речь идет, напомним, об инокине, а не о схимнице⁵⁹. Что более существенно, на Руси в эту эпоху перемена монашеского имени при постриге в великую схиму была еще довольно редким явлением⁶⁰, и, соответственно, столь же экзотическим было бы наличие у человека двух монашеских имен, тогда как двуименность светская, как мы имели возможность убедиться, была более чем распространенной.

В таком случае имя *Гликерия* не может быть ничем иным, как именем крестильным, ведь именно ему соответствует «по букве» иноческое *Геласия*. Отметим попутно, что в именовании княгини только по крестильному имени с отчеством (*Гликерия Васильевна*) нет, в сущности, ничего необычного — подобные сочетания достаточно часто встречается в документах. Достаточно вспомнить казусы Сергея / Ивана Борисовича Татеева или крестьянина Луку / Федора Галактионова, о которых мы говорили выше. Приведем еще несколько примеров такого рода именования, вообще говоря, достаточно общеупотребительного.

⁵⁷ Лихачев Н. П. Заметки по родословным некоторых княжеских фамилий // ИРГО. 1900. Вып. I. Отд. I. С. 106.

⁵⁸ Лихачев Н. П. Двойные имена // ИРГО. 1900. Вып. I. Отд. I. С. 126–128.

⁵⁹ Впрочем, древнейший Синодик московского Богоявленского монастыря, в той своей части, которая перечисляет членов рода князей Хворостининых, предписывает поминать некую «Галасею схимницу» (Алексеев А. И. Роспись главам древнейшего Синодика Московского Богоявленского монастыря // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. СПб., 2001. Вып. 4. С. 17).

⁶⁰ Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси. СПб., 2017. С. 40–81.

Так, во Вкладной книге московского Симонова монастыря один из Головиных, умерших в самом конце XVI столетия, может именоваться то *Владимиром Васильевичем*⁶¹, то *Елеазаром Васильевичем* — «августа в 1 день по Елеазаре Васильевиче Головине корм средней»⁶². В записи же о его погребении мы находим оба имени скончавшегося, причем *Елеазар* снабжено специальной характеристикой, не оставляющей сомнения в том, что в крещении было дано именно оно:

...прислали в монастырь на Симаново погresti тело брата своего Володимера Василича Головина, а крестное ему имя Елиазар»⁶³.

Сходным образом отражаются в источниках имена знаменитого князя Пожарского. В той же Кормовой книге Спасского Ярославского монастыря, где фигурирует Гликерия Васильевна, жена Андрея Хворостинина, в одной из поминальных записей князь Пожарский именуется *Козьмой Михайловичем*⁶⁴, тогда как в другой, отделенной от нее несколькими листами, приведены оба его светских христианских имени, *Козьма и Дмитрий*⁶⁵; с другой стороны, во множестве текстов

⁶¹ Вкладная и Кормовая книга Московского Симонова монастыря / Подгот. текста, вступ. ст., сост. коммент. и словаря терминов А. И. Алексеев; сост. именного указателя А. И. Алексеев, А. В. Маштафаров // ВЦИ. 2006. № 3. С. 39.

⁶² Там же. С. 87, 90.

⁶³ Там же. С. 39. Корм по Елеазару / Владимиру Васильевичу Головину назначался на день его преставления (28 июля) и на 1 августа, когда отмечается память Елеазара Священника и братьев Маккавеев, среди которых тоже имелся Елеазар.

⁶⁴ «Того же дни кормъ кормити по бояринѣ по князьѣ Козмѣ Михайловичѣ Пожарскомъ ...» (Исторические акты Ярославского Спасского монастыря / Изд. И. А. Вахрамеевым. М., 1896. Т. III: Выписи из писцовых и переписных книг. Дополнение: Книга кормовая. С. 29). По указанию Ю. М. Эскина (со ссылкой на В. Н. Козлякова), князь Пожарский значится как «Козьма» в синодике Толгского монастыря XVII в. (РНБ ОР, собр. Ф. А. Толстого. Q. IV. 31. Л. 24). В синодике Золотниковской пустыни князь Пожарский фигурирует как «Князь Козма», однако над именем Козьмы имеется приписка «рекомаго Дмитрій Михайловичъ» (Погодин М. [П.] О месте погребения князя Дмитрия Михайловича Пожарского. СПб., 1852. С. 34, примеч.).

⁶⁵ «Того же дни кормъ кормити по бояринѣ по Козьмѣ, прозвище князь Дмитрій Михайловичѣ Пожарскомъ, на тотъ день рождение его <1 ноября>» (Исторические акты Ярославского Спасского монастыря / Изд. И. А. Вахрамеевым. М., 1896. Т. III: Выписи из писцовых и переписных книг. Дополнение: Книга кормовая. С. 21). Оба имени князя

(в том числе и в интересующей нас Кормовой книге) он может фигурировать как *Дмитрий Михайлович*, без упоминания имени *Козьма*⁶⁶.

Итак, ничего необычного в именовании княгини Хворостининой по крестильному имени с отчеством нет, тогда как употребление с мирским отчеством имени иноческого в формуляре вкладной книги — явление не невозможное, но куда более редкое.

Весьма сходным и в то же время контрастным образом по отношению к только что рассмотренному нами эпизоду устроена ономастическая ситуация, связанная с матерью *Козьмы / Дмитрия Михайловича Пожарского*, урожденной Беклемишевой, не раз привлекавшая внимание исследователей. Во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря соседствуют два христианских имени княгини, одно из которых явно мирское, тогда как другое — иноческое:

148-го <1640> году июня в 18 день боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарской дал вкладу по матери своей княгине Марье Федоровне, во иноцех Евдокее, денег 50 рублев. И за тот вклад княгинею Евдокею написал в вечное поминание и в кормовые книги⁶⁷.

Здесь мы вновь сталкиваемся с отсутствием мотивирующего созвучия между мирским и монашеским именем. Однако в конце XX в. была

Пожарского приводятся в его духовной грамоте, написанной между 1640 и 1642 гг.: «Се аз, раб Божий многогрешный боярин князь Козма [проз]вище князь Дмитрий Михайлович Пожарской, пишу [си]ю духовную своим целым умом и разумом, кому мне что дати и на ком мне что взяти» (Завещание князя Дмитрия Пожарского / Публикация подгот. Ю. М. Эскиным // Отечественная история. 2000. № 1. С. 150).

⁶⁶ «Того же дни кормъ кормити боярина князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго по женѣ его княгинѣ Параскевіи...» (Исторические акты Ярославского Спасского монастыря / Изд. И. А. Вахрамеевым. М., 1896. Т. III: Выписи из писцовых и переписных книг. Дополнение: Книга кормовая. С. 21). Ср. также: Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева; отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1987. С. 75. <л. 255 об.>, 96 <л. 339>, 100–101 <л. 358–359>, 134 <л. 508 об.–509>, 436 <л. 517 об.>. Известна надпись на евангелии, хранившемся в суздальском Спасо-Евфимьевом монастыре, сделанная, как считается, собственноручно князем Пожарским, — здесь он и его мать вполне ожидаемо упомянуты исключительно под своими публичными христианскими именами (*Дмитрий* и *Мария*) (Сахаров Л. [И.] Историческое описание Суздальского первоклассного Спасо-Евфимиева монастыря. Владимир, 1870. С. 74). Об именах княгини Пожарской см. далее.

⁶⁷ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева; отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1987. С. 101 <л. 359>.

опубликована надпись, выполненная на надгробной плите Марии Федоровны Пожарской; из нее мы узнаем, что у княгини были еще два имени, которых мы не видели во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря:

Лета 7148 <1640> апреля в 7 день преставися раба Божия княгиня Еуфросиния Федоровна княз Михайлова жена Федоровича Пожарскава во иноцех скимница Евъникея⁶⁸.

Вскорости было высказано совершенно убедительное, на наш взгляд, предположение, согласно которому *Евфросиния* было крестильным именем княгини⁶⁹. В самом деле, коль скоро у нас есть два мирских имени, *Мария* и *Евфросиния*, то, в соответствии с традицией подбора монашеского имени по крестильному, совпадение первых двух букв в именах *Евникия* и *Евфросиния* является надежным критерием для той реконструкции, которую продельывает исследователь. Поначалу, правда, особое внимание не уделялось соположению всех четырех имен княгини, которые фигурируют в разных источниках, — *Евфросиния* / *Мария* / *Евдокия* / *Евникия*. Это упущение было в значительной степени восполнено Л. А. Беляевым, который специально остановился на том обстоятельстве, что княгиня, приняв в иночестве имя *Евдокия*, при пострижении в схиму вновь сменила имя и стала *Евникией*; здесь же было отмечено, что имена *Евфросиния* — *Евдокия* — *Евникия* выстраиваются, таким образом, в единую линию⁷⁰. Для нас существенно, разумеется, что другое христианское мирское имя, *Мария*, под которым княгиня известна в ряде источников⁷¹, в этой ономастической цепочке полностью игнорируется.

⁶⁸ Первая публикация: Курганова Н. М. Надгробные плиты из усыпальницы князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник, 1993. М., 1994. С. 396–404; см. существенные поправки к чтению надписи в: Беляев Л. А. О датах смерти Е. Ф. Пожарской и В. П. Пожарского: эпиграфические заметки // Российская археология. 2009. № 1. С. 162.

⁶⁹ Завещание князя Дмитрия Пожарского / Публикация подгот. Ю. М. Эскиным // Отечественная история. 2000. № 1. С. 144.

⁷⁰ Беляев Л. А. О датах смерти Е. Ф. Пожарской и В. П. Пожарского: эпиграфические заметки // Российская археология. 2009. № 1. С. 162.

⁷¹ Ср., например: Муханов П. А. Сборник <документов по русской истории> Муханова. М., 1836. С. 160 <№ 93>; Сахаров Л. [И.] Историческое описание Суздальского первоклассного Спасо-Евфимиева монастыря. Владимир, 1870. С. 74.

В чем же отличие казуса с именами княгини Пожарской от казуса княгини Хворостининой, почему у последней мы не можем признать наличие двух иноческих имен, каковы имелись у первой?

Прежде всего, как мы уже убедились, два монашеских имени Пожарской по первой букве соответствуют друг другу и имени крестильному, тогда как у Хворостининой такого соответствия не наблюдается. Существенно при этом, что обычай менять монашеское имя при постриге в великую схиму получает широкое распространение на Руси сравнительно поздно, во второй половине XVII в.⁷² — именно тогда монашеская двуименность становится общепринятой практикой. Ситуация княгини Пожарской относится к числу довольно ранних примеров перемены имени в схиме. Что же касается княгини Хворостининой, которая умерла еще на полтора десятка лет раньше, то ее повторное переименование, если бы оно имело место, пришлось бы признать случаем, так сказать, сверххранним. Отдельные образчики такой практики известны⁷³, но они столь редки, что едва ли могут служить подходящим основанием для и без того шаткой реконструкции ее монашеской двуименности.

Отдельного рассмотрения заслуживает «антропонимическое досье» князя Владимира Тимофеевича Долгорукого. Здесь мы можем убедиться, что установление крестильного имени по эпитету (оно, как правило, не может именоваться *прозвищем* или *прозванием*) и его исчисление по соответствию имени монашескому приводит к одинаковым результатам.

В источниках именование этого князя Долгорукого, счастливым образом, представлено, с одной стороны, максимально полно, а с другой стороны, в нескольких разных вариантах. Во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря его именование выглядит следующим образом:

137-го <1628> году ноября в 24 день дал вкладу боярин князь Петр, прозвище Володимир, Тимофеевич Долгорукой денег 100 рублей⁷⁴.

Соответственно, мы можем заключить, что коль скоро имени *Владимир* предшествует эпитет *прозвище*, то крестильным именем князя было *Петр*. Точно такое же решение можно принять и на основании

⁷² Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси. СПб., 2017. С. 40–81.

⁷³ Там же. С. 62–66.

⁷⁴ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева; отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1987. С. 121.

приписки княжеского племянника на духовной грамоте дяди, где мы обнаруживаем сразу три имени интересующего нас лица:

...во 141 <1633> году судом Божиим дяди моего родного боярина князя Володимира Тимофеевича Долгорукова, а молитвенное имя князя Петра, во иноцех старца Павла — не стало⁷⁵;

Соответствие имени *Петр* иноческому *Павел* позволяет нам еще раз убедиться, что *Петр* было крестильным именем князя Долгорукого.

Характерно, что в синодиках и кормовых книгах имя *Владимир* может опускаться вовсе:

...да по князе Петре во иноцех Павле⁷⁶;

...князя Петра, а во иноцех инока схимника князя Павла⁷⁷.

В собственном завещании князя присутствует только одно его имя, и это имя *Петр*:

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се азъ рабъ Божей князь Петръ пишу сію изустаню память своимъ цѣлымъ умомъ и разумомъ...⁷⁸

В Дворцовых разрядах же, напротив, имя *Петр* отсутствует, а фигурирует князь Долгорукий только под именем *Владимир*, которое, судя по всему, было его некрестильным публичным именем⁷⁹.

⁷⁵ Холмогоров В. И. Духовная князя Владимира Тимофеевича Долгорукова (1 января 1633 г.) // ИРГО. 1903. Вып. II. Отдел II. С. 24; ср.: Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII веках. Публикация: Синодичное предисловие; Книга кормовая; Синодик кормовой / Подгот. текстов и исследование Т. И. Шабловой. СПб., 2012. С. 70.

⁷⁶ Кормовая книга Московского ставропигиального Новоспасского монастыря. М., 1903. С. 16.

⁷⁷ Титов А. А. Синодики XVII века Переславского Никитского монастыря. М., 1903. С. 21; ср.: Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII веках. Публикация: Синодичное предисловие; Книга кормовая; Синодик кормовой / Подгот. текстов и исследование Т. И. Шабловой. СПб., 2012. С. 69–60, примеч. 383.

⁷⁸ Холмогоров В. И. Духовная князя Владимира Тимофеевича Долгорукова (1 января 1633 г.) // ИРГО. 1903. Вып. II. Отдел II. С. 17.

⁷⁹ Дворцовые разряды, высочайшим повелением изданные II-м отделением собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1850. Т. I. С. 120–122.

Таким образом, перед нами пять вариантов использования трех христианских имен одного и того же лица. Благодаря этому разнообразию мы можем, с одной стороны, убедиться, что существует определенная связь между типом текста и теми именами, которые будут в нем приведены, а с другой — что связь эта, как уже отмечалось, носит характер достаточно индивидуальный и позволяет выявить некоторые тенденции, но не жесткие закономерности. Здесь можно выделить, как кажется, два своеобразных полюса. В источнике сугубо светском и к тому же официальном и внешнем есть только прозвищное имя Долгорукова⁸⁰. Завещание, вообще говоря, — документ по своей природе двойственный, сочетающий в себе духовное и светское, однако начальная его часть отсылает именно к духовной составляющей — здесь утверждается факт предстояния завещателя перед Богом, а потому в составе формулы *раб Божий* оказывается необходимым именно крестильное имя. Во всех же прочих ситуациях набор имен может формироваться по-разному. Так, для князя Долгорукова в прижизненном пожертвовании монастырю оказывается важным отметить как свое крестильное (*Петр*), так и публичное христианское имя (*Владимир*), а по отношению к княгине Хворостининой оказалось возможным использовать только имя крестильное (*Гликерия*). В поминальных записях, сделанных после смерти человека, ожидаемо (но не обязательно) появится иноческое имя поминаемого, коль скоро он успел принять постриг, что же касается имен мирских, то здесь возможен весь набор комбинаций: оба имени вместе, любое из них по отдельности или даже ни одного вовсе.

Сочетания двух мирских христианских имен и имени иноческого могут встраиваться в более сложные модели, связанные с родовым или семейным именованием, с одновременным почитанием нескольких святых тезок или святых, чья память празднуется в один день, но и в этом случае правило выбора иноческого имени по крестильному чаще всего остается определяющим. Очень любопытный пример такого хитросплетения разных традиций обиходного благочестия является собой история взаимодействия семьи Апраксиных с московским Златоустовским монастырем в 30-е годы XVII столетия.

По обету брата Апраксины во главе со старшим из них, Федором Никитичем, возводят здесь каменный храм во имя мученика Василиска. При храме устраиваются два каменных придела — один

⁸⁰ Сопоставление Дворцовых разрядов с Вкладной книгой Троице-Сергиева монастыря см. в работе: Т. Б. Соловьева. К вопросу о дуальности личных имен календарного происхождения в именовании людей в России XVI–XVII вв. // Памяти Лукичева: Сборник статей по истории и источниковедению / Сост. Ю. М. Эскин. М., 2006. С. 690.

посвящен св. Корнилию, тогда как другой св. Конону. Мотивы посвящения одного из этих приделов достаточно очевидны: *Конон* было одним из христианских имен Федора Никитича:

Въ лѣто 7140 <1632> году, Кононъ, зовомый Федоръ, да Петръ, да Ондреянъ, да Никита Никитины, дѣти Опраксина, въ Златоустовомъ монастырѣ, по обещанію за вкладъ поставили храмъ каменной, во имя св. мученика Василиска съ трапезою по старому окладу, да два предѣла новые каменные-жъ: св. священно-мученика Корнилія, да св. мученика Конона градаря, и келарскую, и укрыли черепицею⁸¹.

Столь же очевидным станет и причина посвящения другого придела, если мы обратимся к записи о пожертвовании, сделанном Федором Апраксиным для этой нововозведенной церкви в том же году — Федор Никитич жертвует на престольное Евангелие «в придельную церковь святаго священно-мученика Корнилія сотника, по сынѣ своемъ Корниліи и по своихъ родителяхъ “въ вѣчной поминокъ”»⁸². Таким образом, Федор Апраксин посвящает один придел своему собственному патрональному святому, а другой придел — патрональному святому своего умершего сына⁸³.

Замечательно, однако, что благодаря надписи на надгробной плите, находящейся здесь же, в Златоустовском монастыре, мы узнаем, что Федор / Конон Никитич, действовавший во всех предыдущих

⁸¹ *Григорий (Воинов)*. Историческое описание московского Златоустовского монастыря. М., 1914. С. 136, прилож. М. Е. Бычкова ошибочно считает, что Конон Никитич, скончавшийся 5 июня 1636 г. (Там же. С. 20), и Федор Никитич Апраксин, на чьем погребении в московском Златоустовском монастыре 13 июня 1636 г. присутствовал патриарх (Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, по определению Московской городской думы собранные и изданные руководством и трудами Ивана Забелина. М., 1884. Ч. I. С. 536), — это два разных члена одной семьи (Бычкова М. Е. Русско-литовская знать XV–XVII вв.: Источниковедение, генеалогия, геральдика / Сост. О. И. Хоруженко, Р. Б. Казаков. М., 2012. С. 182–183, примеч. 40). Утверждение Бычковой опровергается приведенной записью об обетном строительстве.

⁸² *Григорий (Воинов)*. Историческое описание московского Златоустовского монастыря. М., 1914. С. 14.

⁸³ Сын Федора Апраксина без сомнения носил имя *Корнилий* в миру, это очевидно, в частности, из надписи на серебряной братине с крышкой и вином, держащим в руках щит и копье, хранившейся в Троице-Сергиевом монастыре: «Братина Корнилія Ѳедоровича Опраксина» (*Леонид (Кавелин)*). Надписи Троицкой Сергиевой лавры. СПб., 1881. С. 69).

свидетельствах как мирянин, со временем принял постриг и получил в качестве иноческого то имя, которое носил при жизни его покойный сын:

Въ лѣто 7144 <1635 г.>, іюня въ 5 день, на память святаго священномученика Дорофея, епископа Тирскаго, преставися рабъ Божій Кононъ Никитичъ Опраксинъ, во иноцѣхъ схимникъ Корнилій, погребенъ на семь мѣстѣ: а память тезоименитства его марта 5 числа, въ день св. мученика Конона градаря⁸⁴.

Вообще говоря, монашеские имена в XVI–XVII столетии иногда могут осмысляться как некий семейный атрибут, элемент родовой традиции. Так, например, сын может брать себе то же монашеское имя, что было у его отца и/или деда, как это происходило в семье Цыплятевых, где представители трех следующих друг за другом поколений постригались с именем *Евфимий*⁸⁵. Более того, известны примеры, составляющие очень близкую аналогию к ситуации в семье Апраксина, когда порядок наследования имени инвертируется и антропонимическим донором оказывается младший, а не старший член семьи, — мать, пережившая дочь, может принять ее мирское имя в качестве иноческого. Так поступила, судя по всему, мать царицы Анастасии Романовны (урожденной Захарьиной), теща Ивана Грозного и жена Романа Юрьевича Захарьина. В миру она звалась *Иулиания*, а когда, уже после смерти дочери, принимала постриг, то получила имя *Анастасия*, производящее имя дочери⁸⁶. Весьма возможно, что Федор Апраксин,

⁸⁴ Григорий (Воинов). Историческое описание московского Златоустовского монастыря. М., 1914. С. 20.

⁸⁵ Подробнее о мирских и иноческих именах в семье Цыплятевых см. в: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Как звали Ивана Елеазаровича Цыплятева? (Из истории имянаречения в XVI в.) // «Вертоград многоцветный»: Сборник к 80-летию Б. Н. Флори. М., 2018. С. 387–396.

⁸⁶ Ср.: Гиришберг В. Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVI вв. Часть I: Надписи XIV–XVI вв. // Нумизматика и эпиграфика. 1960. Вып. I. С. 62 <№ 135>. Известна, например, надпись на надгробной плите в Вознесенском соборе Московского Кремля: «...великомученика Федора Стратилата преставися раба Божья Романова жена Юрьевича Ульяна в иноцех схимница Настася в 1 часу ночи» (Панова Т. Д. Некрополи Московского Кремля. М., 2003. 2-е изд., испр. и доп. С. 33 <№ 100>) или эпитафия, выбитая на крышке ее саркофага: «Лета 7087 іюня в 8 день на память святаго великаго мученика Федора Стратилата преставис раба Божия инока схимница Настасья Романова жена Юрьевича на первом часу ночи»; Т. Д. Панова несомненно ошибается, когда утверждает, что «в надписи на саркофаге монашеское имя погребенной не

сделавший столь многое для почитания св. Корнилия, небесного покровителя своего сына, именно поэтому и пожелал получить его имя при постриге, а в монастыре пошли навстречу стремлению столь тесно связанного с ним лица.

Как нетрудно заметить, ориентация на семейную традицию при выборе монашеского имени иногда может приводить к тем весьма редким отступлениям от принципа выбора иноческого имени по созвучию, которые время от времени все же имели место в интересующую нас эпоху. Замечательно, однако, что в истории Федора / Конона Апраксина этот выбор осуществляется не только в память о сыне, но и в соответствии с крестильным именем постригающегося. Обратим внимание, что на надгробной плите имя *Федор* отсутствует вовсе, а присутствующее здесь *Конон*, начинающееся так же, как и иноческое *Корнилий*, очевидным образом, следует считать крестильным у старшего из братьев Апраксиных.

Парадоксальным образом, мы не можем утверждать, наверняка, во имя какого из свв. Кононов был крещен Федор Апраксин, хотя в связи с ним самим и его церковным строительством неоднократно упоминается не кто иной, как Конон Градарь, и в качестве даты его тезоименитства приводится 5 марта, когда отмечается память этого святого. Дело в том, что церковный придел во имя св. Конона был, как явствует из еще одного дарения Федора Апраксина, посвящен не только Конону Градарю, но и преподобномученику Конону «иже во Ассирии»⁸⁷. Конона, преподобномученика ассирийского, в месяцесловах нет, однако 5 марта, в тот же день, что и память Конона Градаря, празднуется память мученика Конона Исаурийского. На 6 же марта приходится память преподобномученика Конона и его сына, который также звался *Конон*.

Как развязать этот ономастический клубок и определить, кто из этих Кононов был ошибочно назван преподобномучеником «иже во Ассирии», играло ли какую-то роль в истории именования Федора Апраксина тождество имен у двух святых — отца и сына, — поминаемых 6 марта, и, наконец, во имя кого из свв. Кононов был крещен

приведено» (Панова Т. Д. Ранний этап развития московского надгробия: Материалы XIV–XVI веков из собрания музея-заповедника «Московский Кремль» // Русское средневековое надгробие XIII–XVII века: Материалы к своду. М., 2006. Вып. I / Отв. ред. и сост. Л. А. Беляев. С. 36) — напротив, здесь отсутствует как раз мирское имя усопшей. Ср. также в Кормовой книге Псково-Печерского монастыря: «Прест. Никиты Романовича мать ин. Анастасия» (Алехтин В. Р. Кормовая книга Псково-Печерского монастыря // ЛИРО. 1914. Вып. 1-й (37-й). Год десятый. С. 38).

⁸⁷ Григорий (Воинов). Историческое описание московского Златоустовского монастыря. М., 1914. С. 14.

Федор Никитич? Ответить на все эти вопросы весьма непросто, пока же нам важно еще раз подчеркнуть соблюдение принципа выбора монашеского имени по крестильному и особое отношение к почитанию святых, чья память праздновалась в один день.

Весьма нетривиально устроено совпадение имен у отца и сына Лепихиных, причем младший из них — Яков Борисов сын Лепихин — почти наверняка был носителем светской христианской двуименности. Исследователям уже приходилось обращать внимание на то, что церковная жизнь Якова Борисовича в целом складывалась достаточно неожиданным образом. Будучи всю жизнь гонителем старообрядчества, со временем он сделался одним из ярких и непримиримых проповедников старой веры, а на склоне дней принял постриг в Далматском Успенском монастыре, имевшем репутацию тайного центра урало-сибирского раскола⁸⁸.

В записи о вкладе в этот монастырь сообщается, что Яков Лепихин принял в иночестве имя *Боголеп*:

Того же месяца в 25 день приложил в дом пресвятые Богородицы Яков Лепихин красную корову по своей души, а прежде сего корову ж черную приложил по своей же души да денег три рубли без дву гривен, да сукна белая 14 аршин, пострижен, во иноцех имя Боголеп, и преставился, и в синодик написан⁸⁹.

Имя *Боголеп*, как известно, было создано искусственно путем калькирования греческого *Феопрений* для того, чтобы обладатели имени *Борис* — единственного в святцах, начинающегося на букву *б* — могли при постриге получать монашеское имя, созвучное их мирскому крестильному⁹⁰. Все известные нам иноки с именем *Боголеп* в миру были *Борисами*; соответственно, возникает предположение, что крестильным именем Якова Лепихина тоже было *Борис*. Это предположение практически полностью подтверждается припиской «Борис», сделанной на правом поле возле процитированной вкладной записи⁹¹.

⁸⁸ Шашков А. Т. Яков Борисов сын Лепихин (из истории Уральского старообрядчества конца XVII в.) // Культура и быт дореволюционного Урала. Свердловск, 1989. С. 49–58.

⁸⁹ Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря. Последняя четверть XVII — начало XVIII в.: Сборник документов / Сост. И. Л. Манькова. Свердловск, 1992. С. 25 <л. 15 об.>.

⁹⁰ Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси. СПб., 2017. С. 105–106.

⁹¹ Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря. Последняя четверть XVII — начало XVIII в.: Сборник документов / Сост. И. Л. Манькова. Свердловск, 1992. С. 167–168.

В таком случае оказывается, что Лепихин был тезкой своего отца, по крайней мере один из личных патрональных святых у них был общий. Мы не знаем, был ли Лепихин-старший крещен *Борисом* или это было его публичное некрестильное имя, унаследованное его сыном в качестве крестильного, — никакими данными на сей счет мы не располагаем, но семейная преемственность в мирских христианских именах здесь в любом случае налицо⁹².

До сих пор мы говорили о лицах знатных или по крайней мере довольно известных, но практически не касались столь существенного предмета, как династическое имянаречение. Между тем, в правящем доме Рюриковичей светская христианская двуименность в XV–XVI вв. зафиксирована весьма обильно. Здесь, казалось бы, у нас не должно быть недостатка сведений относительно обстоятельств выбора имен, дат рождения или знаков почитания личных патрональных святых. Однако при относительном изобилии подобного рода данных мы и здесь нередко сталкиваемся со сложными и запутанными случаями, когда статус двух мирских христианских имен одного и того же лица было бы затруднительно определить, не будь в нашем распоряжении его монашеское имя. Остановимся на одном из таких казусов подробнее.

В связи с обстоятельствами появления на свет великого князя Василия Ивановича в источниках нередко упоминается еще одно его мирское христианское имя — *Гавриил*, но какое из двух имен является крестильным, напрямую не говорится; сопоставительный же анализ эпитетов и пояснений, содержащихся в источниках, только затемняет дело, так как интерпретационные усилия здесь с почти равным успехом приводят к противоположным результатам.

Действительно, летописное известие о его рождении может быть относительно нейтральным в интересующем нас отношении, хотя эпитет «имя» отнесен здесь к антропониму *Василий*:

⁹² Публикатор Вкладной книги И. Л. Манькова высказала предположение, что интересующая нас помета «Борис» на полях рукописи и конец записи о пострижении с иноческим именем *Боголеп* указывают на то, что «иноком Далматского монастыря стал не сам Яков Лепихин, а его отец Борис, служивший одно время дьячком Никольской церкви в Нижненицынской слободе» (Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря. Последняя четверть XVII — начало XVIII в.: Сборник документов / Сост. И. Л. Манькова. Свердловск, 1992. С. 167–168). Между тем, в перспективе традиции светской христианской двуименности это последнее предположение кажется совершенно избыточным.

Того ж(е) лѣта родися великому кн(я)зю с(ы)нѣ Гаврило м(е)с(я)ца марта 26, и нарекоша имя ему Василии⁹³.

Акцент может быть в еще более явном виде сделан на имени *Василий*, весьма популярном в династии Рюриковичей:

Мѣсяца Марта въ 25, въ 8 часъ нощи, противу дни собора Архангела Гавриила, родися великому князю Ивану Васильевичу сынъ отъ царевны Соѳіи и нареченъ бысть Василей Парійскій. Крещенъ же бысть у Троицы въ Сергіеве монастыри, а крестиль его архіепископъ Ростовскій Васіанъ да игуменъ Паисей Троецскій, Априля въ 4, въ недѣлю Цвѣтную⁹⁴.

Характерным образом, в приведенных летописных цитатах наблюдается некоторый разноречивостью относительно даты появления на свет сына Ивана III (25 и 26 марта), что, впрочем, вполне объяснимо и едва ли непременно свидетельствует о том, что показания одного из источников недостоверны, — княжич родился ночью, и это событие могло быть отнесено как к уходящему, так и к наступающему дню.

Разумеется, возникает закономерный вопрос, каким статусом в этой антропонимической схеме могло обладать имя *Гавриил*. В любом случае очевидно, что имя *Гавриил* непосредственно связано с днем появления княжича на свет — родился ли он 25 марта (Благовещение) или 26 марта (Собор архангела Гавриила)⁹⁵, и та, и другая дата являются, так сказать, Гаврииловскими⁹⁶. Память же фигурирующего в

⁹³ ПСРЛ. М., 2001. Т. VI/2. С. 287. Ср.: «...государь и великий князь Василий Ивановичь всеа Русіи, рекомый Гавриль, иже бысть святѣйшаго корене блаженное изращеніе, святаго и богоизбраннаго во жребіи равноапостольства самодержца и просвѣтителя всей Русьстей земли царя и великаго князя Владимира Свѣтославича, нареченнаго во святомъ крещеніи Василія, от него же бысть сій тезоименитый ему самодержецъ Василій шестыинадцать степенъ...» (ПСРЛ. СПб., 1913. Т. XXI/2. С. 582).

⁹⁴ ПСРЛ. СПб., 1901. Т. XII. С. 190–191.

⁹⁵ Согласно жалованной грамоте сына великого князя, Ивана Грозного, поминовение по Василию Ивановичу совершалось 26 марта (Собор архангела Гавриила), 12 апреля (память св. Василия Парийского) и 4 декабря (день кончины) (*Макарий (Миролюбов)*. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. I–II. М., 1860. Ч. I. С. 81–82).

⁹⁶ Сцены Благовещения изображались, например, на печатах князей, которые носили имя *Гавриил* в крещении (ср.: *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. I: Печати X — начала XIII в. С. 109–111, 232, 235; *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. III: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. С. 43, 129–130).

летописи другого покровителя княжича — св. Василия Парийского — приходится на 12 апреля.

При всем том Сигизмунд Герберштейн, к примеру, рассказывая о вокняжении уже взрослого Василия III, специально оговаривает, что исконным для великого князя было имя *Гавриил*, до поры до времени называет его в своем повествовании только так и даже говорит о своеобразной злонамеренной перемене имени:

От Софии у Иоанна было пять сыновей: Гавриил, Дмитрий, Георгий, Симеон и Андрей [...] При жизни Дмитрия <Дмитрия Внука> Гавриил выдавал себя только за правителя (Gubernator), по смерти же его завладел княжеской властью (principatus, Regiment), не будучи, однако, венчан, а только переименовывая имя Гавриил на Василий⁹⁷.

Очевидно, что полностью полагаться на перспективу Герберштейна невозможно — будучи в целом весьма осведомленным информатором, обо всем, что относилось к вокняжению, а тем более к именованию Василия III, он знал, разумеется, только с чужих слов, а сведения о наличии у человека двух имен, публичного и непубличного, используются для обвинения в обмане и присвоении чужих прав, для своеобразного конструирования образа злодея довольно часто.

Тем не менее соположение всех приведенных выше данных может подтолкнуть к мысли, что имя *Василий* было для великого князя династическим и только, тогда как в крещении он был *Гавриилом*⁹⁸ и имя это было получено по дню появления на свет. Известно, вместе с тем, что династическое и крестильное имена, вообще говоря, вовсе не обязательно противопоставлены друг другу и нередко могут совпадать⁹⁹.

⁹⁷ Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. М., 1988. С. 66

⁹⁸ Такой версии придерживался, в частности, Б. А. Успенский (Успенский Б. А. Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1996. Т. II. Изд. 2-е, испр. и доп. С. 201 <примеч. 47>), хотя впоследствии исследователь от нее отказался (Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси. СПб., 2017).

⁹⁹ Так, сын Василия III, будущий царь Иван Грозный, по-видимому, обладал вторым именем *Тит*, но в крещении был *Иоанном*, один из его сыновей, приходившийся внуком Василию III, царевич Дмитрий, был крещен *Дмитрием*, хотя и обладал еще одним именем *Уар*. Не исключено (хотя здесь у нас нет несомненных доказательств), что и отец Василия III, Иван III, обладавший именем *Тимофей*, при крещении получил свое династическое имя *Иоанн*.

Дальнейшее умножение примеров двойного именования этого князя, как кажется, не помогает ни принять, ни отвергнуть ни один из предложенных сценариев имянаречения. Ср., например, в еще одном списке Никоновской летописи:

...родися благонадежный великому князю Ивану Василіевичу сынъ отъ царевны Софії и нареченъ бысть Василей Гавриль, въ лето 6987, месяца Марта 25, въ самый праздникъ Благовещенія пресвятыя Богородица, въ 8 часъ нощи. Крещенъ же бысть у Троицы въ Сергіеве монастыри, а крестилъ его архиепископъ Ростовскій Васианъ да игуменъ Паисей Троецкскій, Априля въ 4, въ неделю Цветоносную...¹⁰⁰

Непосредственный интерес представляет, пожалуй, еще только формулировка, присутствующая в так называемой «Повести о втором браке Василия III», где автор, Паисий, старец Ферапонтова монастыря, называет его «великим государем и великим князем Васильем Ивановичем всеа Руси, нарицаемым по осмодневному обрезанию Гавриилом Тимофеевичем»¹⁰¹. Здесь налицо своеобразная симметрия: имя династическое употреблено с династическим отчеством, а нединастическое имя сочетается с отчеством нединастическим (Иван III, как уже упоминалось, был и *Тимофеем*). Используемый здесь же концепт наречения по восьмидневному обрезанию, сам по себе важный для истории русской христианской двуименности, делу определения статуса имен великого князя никак не помогает, поскольку понять, в каком смысле употреблено здесь это выражение, достаточно трудно, ведь ни *Василий*, ни *Гавриил* в действительности никак не связаны с восьмым днем по появлении этого княжича на свет¹⁰².

¹⁰⁰ ПСРЛ. СПб., 1901. Т. XII. С. 191.

¹⁰¹ Бодянский О. Славянорусские сочинения в пергаменном сборнике И. Н. Царского // ЧОИДР. 1848. № 7. Отд. II. С. 1.

¹⁰² Быть может, старец Паисий иносказательным образом обозначал, что имя *Гавриил* будущий великий князь получил не при крещении, а при произнесении особой молитвы на наречение именем. Согласно византийской традиции, отразившейся в некоторых русских требниках, такая молитва произносилась на восьмой день по рождении ребенка и связывалась с восьмидневным обрезанием Христа. При этом другие требники связывали ее произнесение с первым днем жизни младенца, и все известные (хотя и не столь многочисленные) описания этого обряда на Руси именно к первому дню и приурочены (Дмитриевский А. А. Богослужение в Русской церкви за первые пять веков // Православный собеседник. 1882. № 2 (с. 166–183);

Решающим в этой запутанной ономастической ситуации оказывается тот факт, что Василий III на смертном одре принял постриг с именем *Варлаам*¹⁰³. Невозможно допустить, чтобы ближайшее окружение правителя, присутствовавшее при этом событии, не было осведомлено о его крестильном имени, во всяком случае, как имя *Василий*, так и имя *Гавриил* постоянно присутствовали в публичной религиозной жизни этого князя¹⁰⁴. Таким образом, выбор иноческого имени *Варлаам*, явно ориентированного на имя *Василий* и образующего с ним устойчивую и стандартную пару, недвусмысленно демонстрирует, что при крещении, состоявшемся 4 апреля 1479 г., князь был наречен именно *Василием*.

Итак, способ установления крестильного имени по монашескому позволяет не только во множестве случаев надежно определить статус двух христианских мирских имен, но и заполучить попутно целый ряд сведений об особенностях бытования традиции двуименности на Руси. Благодаря этому инструменту мы располагаем, в частности, объемным корпусом антропонимов, полученных в крещении, и можем сопостав-

№ 3 (с. 252–296); № 9 (с. 346–373); № 10 (с. 149–167); № 12 (с. 372–394). 1883. № 7–8 (с. 345–374); № 10 (с. 198–229); № 12 (с. 470–485)). Не исключено, что речь идет о своеобразном символическом обозначении, и имя, даваемое ребенку в этой молитве, называлось «по восьмидневному обрезанию» вне зависимости от того, в какой именно день читалась соответствующая молитва. Это же имя, по-видимому, может именоваться в источниках «молитвенным» или «прямым», хотя никакой строгой терминологической дистрибуции в употреблении этих характеристик не наблюдается. Имя подобного рода могло как совпадать с крестильным, так и отличаться от него.

¹⁰³ ПСРЛ. СПб., 1853. Т. VI. С. 274; СПб., 1859. Т. VIII. С. 285; СПб., 1904. Т. XIII/1. С. 76; СПб., 1906. Т. XIII/2. С. 418; М., 1978. Т. XXXIV. С. 23, ср. 20; М., 1965. Т. XXIX. С. 6.

¹⁰⁴ Так, когда после долгой бездетности у Василия III во втором браке наконец родился сын, будущий царь Иван Грозный, в Кирилло-Белозерском монастыре, куда великий князь ездил молиться о даровании ему наследника, были заложены две церкви (*Никольский Н. [К.]* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397–1625). Т. I. Вып. 1. СПб., 1897. С. 27). Если одна из них — Усекновения Главы Иоанна Предтечи — была непосредственно связана с праздником, по которому было дано династическое имя новорожденному, то строительство второй — Гавриилоархангельской — имело отношение, с одной стороны, к непубличному имени самого князя, тогда как с другой — было сюжетно связано с вестью о разрешении от бесплодия. Иными словами, событие запечатлевалось в церковном строительстве как бы одновременно на двух уровнях — династическом и более интимном, так сказать, семейном. См. подробнее: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики, М., 2006. С. 488.

лять их с корпусом тех христианских имен, которые давались людям на иных основаниях. Более того, формируется и некое новое поле для ономастических поисков и реконструкций: так, в ряде случаев, если у какого-либо лица нам известно монашеское имя и только одно мирское христианское имя, с ним не соотносящееся, можно заподозрить, что у него было в миру и второе христианское, коррелирующее с монашеским. Однако здесь требуется чрезвычайная осторожность — нельзя забывать, что при всей своей популярности и распространенности принцип выбора монашеского имени по созвучию с крестильным, благодаря которому мы обретаем возможность совершать обратную процедуру и высчитывать имя крестильное, имеет ряд ограничений.

Прежде всего, следует еще раз напомнить, что, присутствуя в русском монашеском обиходе всегда, доминирующим наш принцип созвучия становится лишь на рубеже XIV–XV вв., поэтому случаи ранние и лежащие в области, так сказать, хронологического пограничья требуют особого рассмотрения. Даже став безусловно преобладающим, этот принцип все же никогда не сделался единственно возможным — как видно из приведенных выше примеров, спорадически монашеское имя могло, например, принимать характер родового и даваться вне связи с именем крестильным, связь эта могла отсутствовать и по другим причинам¹⁰⁵. Сколь ни редки в XV–XVII вв. подобные отступления, их наличие все же следует принимать в расчет.

¹⁰⁵ См. подробнее: Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси. СПб., 2017.

М. К. Юрасов

Волощук М. «Русь» в Угорському королівстві (XI — друга половина XIV ст.): суспільно-політична роль, майнові стосунки, міграції. Івано-Франківськ: «Лілея-НВ», 2014. — 496 с.

Выход в свет рецензируемой книги знаменует собой качественно новый этап в изучении истории русского населения средневековой Венгрии. Предметом исследования М. Волощука стали, по большей части, венгерские королевские дипломы, в которых упоминаются в различных формах русские антропонимы, в том числе, предположительно, русского происхождения, и этнические группы. Помимо них в необходимых случаях привлекаются сведения нарративных источников. Книга объемом 31 п. л. содержит многочисленные цветные иллюстрации: фотографии отдельных мест, упоминаемых в книге, артефактов, происходящих из средневековых Руси и Венгрии, подлинников некоторых дипломов, а также цветные карты, на которых обозначены топонимы, содержащие в себе элемент «русь/русский» в различных модификациях.

Необходимость появления исследования, в котором были бы собраны и проанализированы упоминания русских в венгерской средневековой дипломатике, назрела уже давно. В XIX в. усилиями Д. Фейера, Г. Вензеля и других архивистов было издано несколько тысяч венгерских королевских и других дипломов, что создало базу для их дальнейшего изучения специалистами в разных отраслях медиевистики. В 20-е гг. XX в. И. Сентпетери¹ попытался составить тематический указатель с некоторыми краткими комментариями к огромному массиву изданных к тому времени средневековых венгерских дипломов, в котором есть и сводка упоминаний о русских, главным образом отражение этого этнонима в топонимии исторической Венгрии². Однако это была лишь попытка классифицировать информацию венгерского актового материала по топонимам, антропонимам и т. п.

¹ Regesta regum stirpis Arpadianae critico-diplomatica / Ed. I. Szentpétery. Budapest, 1923. Т. I.

² Историческая территория Венгрии в три раза превышает размеры современного Венгерского государства, поскольку ее границы по большей части совпадают с линией Карпатских хребтов, а на юге владениями венгерских королей были Хорватия и Далмация.

Разумеется, венгерские историки на этом не остановились и продолжили изучать средневековые дипломы, объединяя их по хронологическому принципу и по отдельным рубрикам, но интерес к выявлению максимального количества упоминаний в этом материале различных общностей русских и отдельных исторических персонажей должен был возникнуть у исследователей восточнославянского происхождения. В наиболее полном объеме это осуществил доцент Прикарпатского университета им. Василия Стефаника (Ивано-Франковск, Украина) Мирослав Волошук, владеющий венгерским языком и потративший много лет на изучение не только средневековых венгерских дипломов, но и других источников, сохранившихся у соседей Венгрии, где есть упоминания о пребывании наших предков во владениях Арпадов.

Книга М. Волошука «“Русь” в Венгерском королевстве (XI – вторая половина XIV века: общественно-политическая роль, имущественные отношения, миграции» представляет собой не просто свод сведений о русских в Венгрии в эпохи династий Арпадов (895/6–1301) и Анжу (1310–1387), включая промежуточный между ними период борьбы за венгерский престол, но и исследование, в котором автор пытается, насколько позволяют привлекаемые им источники, проследить судьбы русских людей и их общностей, проживавших до конца XIV в. на территории Венгерского королевства.

Рецензируемый труд соответствует всем требованиям современного научного исследования. После вступления следует историографический очерк (с. 19–61), где рассматриваются все значимые работы, посвященные проблемам, связанным с пребыванием русских на территории Венгерского королевства до конца XIV в. Помимо вклада российских, советских, украинских и венгерских ученых в изучение этих проблем также даны оценки исследованиям их коллег из Словакии, Польши, Австрии, Болгарии, Германии, Румынии, Сербии, Хорватии. Подавляющее большинство этих работ касается периода XIII–XIV вв.

Следующая часть первого раздела рецензируемой работы посвящена характеристике привлекаемых источников (с. 62–77), среди которых естественным образом доминирует актовый материал (с. 67–74). Автор дает оценки различным собраниям королевских дипломов и других грамот в архивах различных государств, где ему удалось поработать. Здесь же приведены общие результаты исследований в некоторых архивах. Что же касается законодательных актов (с. 74–75), то М. Волошук привлекает в своей работе лишь Золотые буллы Андраша II 1222 и 1231 г., что представляется вполне достаточным для его исследования.

На этом фоне выглядит весьма поверхностной и неполной характеристика нарративных источников (с. 63–67), привлекаемых исследователем для воссоздания картины русско-венгерских отношений, главным образом в биографиях галичских бояр, поступивших в XIII в. на службу венгерским королям. Естественно, почти все сведения такого рода содержит созданная в конце XIII — начале XIV в. Галицко-Волынская летопись. Однако автор рецензируемой работы затрагивает в этом параграфе и другие письменные памятники различных жанров более ранних эпох, но не столько характеризует их, сколько заявляет об их ненадежности и недостоверности сообщаемых ими сведений. При этом М. Волошук ограничивается перечнем таких источников с указанием работ их наиболее авторитетных исследователей, которые, как можно сделать вывод из текста рецензируемой работы, доказали непригодность данного материала для серьезных научных целей. Подобная позиция весьма уязвима, поскольку, во-первых, до сих пор сохраняются исследователи, придерживающиеся противоположного мнения, а во-вторых, для «закрытия» проблемы достоверности сведений того или иного раннесредневекового источника необходимо составить «отповедь» на каждый из вопросов, которые задают ему дотошные оппоненты. Вместо этого М. Волошук и историки, на которых он ссылается, нашли некоторые основания для сомнений, но не подкрепили это *исчерпывающими* доказательствами.

Возникает закономерный вопрос: зачем тогда вообще было затрагивать в рецензируемой работе период XI — первой половины XII в., если дошедшие до нас от той эпохи даже свидетельства актового материала вызывают сомнения в их достоверности? Дело в том, что М. Волошук поставил перед собой задачу рассмотреть все сведения о пребывании русских в Венгрии в названный период ради достижения исчерпывающей полноты своего исследования. При этом получилась бросающаяся в глаза диспропорция: имеющийся в распоряжении автора рецензируемой работы материал источников не позволяет углубиться в эпоху ранее середины XII в., но древнейшим фактом, с которого начинается процесс миграций восточнославянского населения за Карпаты, является, по мнению М. Волошука, приход в Венгрию русских клириков и мирян вместе с Анастасией (?) Ярославной, женой венгерского короля Эндре I (1046–1060), что выглядит как эпизод, исключение, подтверждающее правило: до середины XII в. нельзя говорить о миграциях русского населения во владения Арпадов.

М. Волошук уже давно участвует в продолжающейся более двух столетий дискуссии венгерских, российских, советских, украинских, русинских, чешских и словацких историков по поводу того, когда вос-

точные славяне появились на землях Карпатской котловины — до или после прихода венгров. Подавляющее большинство исследователей придерживаются второго мнения, хотя при этом обычно принимается во внимание свидетельство созданных на рубеже XII–XIII вв. «Деяний венгров» неизвестного нотариия Белы III (магистра П.) о том, что группа «рутеннов» присоединилась к вождю Арпаду после его победы над киевлянами, а значит, участвовала в «обретении родины» мадьярами в Среднем Подунавье на рубеже IX–X вв. Версию о том, что восточные славяне поселились по ту сторону линии Карпатских хребтов до прихода венгров, поддерживают главным образом русинские историки, в виде осторожного предположения — их венгерские коллеги Б. Чанад и Д. Дёрффи³, а также автор этих строк.

К сожалению, среди авторов сочинений по ранней истории русинов до сих пор нет специалиста по средневековым источникам. После распада СССР закарпатские русины (или подкарпатские, как они сами себя называют) начали борьбу за признание себя четвертым восточнославянским этносом, имеющим не только собственный язык, но и историю, начинающуюся не с переселений жителей юго-западной Руси в XII в. на земли по другую сторону Карпатских хребтов, а с освоения восточными славянами бассейна Верхней Тисы в эпоху существования Аварского каганата. Господствующее в современной украинской исторической науке противоположное мнение подкрепляется тезисом о том, что русины не только происходят от предков современных украинцев, но и являются частью украинской нации, говорящей на одном из диалектов украинского языка, что никак не стыкуется с версией о появлении русинов на своей современной родине до прихода венгров. В этом явно чувствуется политическая подоплека.

Серьезное и глубокое научное исследование М. Волощука, к сожалению, также не свободно от определенных политических установок. Можно было бы не обращать внимания на то, что рецензируемая книга посвящена «Украине и украинцам», но в историографическом очерке встречается обозначение времени нахождения Западной Украины в составе СССР как периода советской оккупации (с. 26), что показывает политическую позицию автора рецензируемой работы, но ничего не дает ему в научном плане. Подспудное проявление политической позиции автора рецензируемой работы наиболее явно проявляется

³ См.: Csanad B. A honfoglalás kor // Bevezetés a magyar őstörténeti kutatásának forrásai. Szerk. Haidú P. — Kristó Gy. — Róna-Tas A. A kezir. Budapest, 1976. 118. l; Györffy Gy. Honfoglalás és megtelepedés // Magyar történet tíz kötetben. I. k. Előzmények és magyar történet 1242-ig. Főszerk. Gy. Székely. 2. kiad. Budapest, 1987. 638. l.

ется во втором разделе его книги, посвященном проблемам локализации понятий «Русь», «*Rutenia*», а также «Галицкая земля» IX–XIV вв. (с. 92–141). Первый параграф этого раздела называется «Рутены в Венгерском королевстве как этимологическая, терминологическая и историческая проблема» (с. 92–111). Здесь М. Волощук старается не уходить в бесконечные споры относительно происхождения хоронима «Русь», но, признавая вклад А. Н. Насонова в установление первоначальных границ «Русской земли», замечает, что все теории о южном происхождении названия державы «Русь» с центром в Киеве имеют шаткие основания и держатся «на патриотизме», в то время как западные историки последовательно придерживаются правильной варяжской этимологии этнонима «русь» (с. 94). Это утверждение весьма спорное, поскольку есть множество свидетельств источников о руси, которые противоречат ему, о чем написана огромная литература.

Уже в названии рассматриваемого раздела читатель подводится к тому, что для средневековых венгров *Rutenia* — это прежде всего юго-западная Русь, Галиция. Отсюда, главным образом, переселялись за Карпаты жители Древней Руси, как считает автор рецензируемой работы. Однако этому противоречит концепция о существовании так наз. *Русской марки*, упоминаемой лишь в одном источнике — Житии св. Конрада, епископа Зальцбургского, в описании событий, датируемых исследователями 1127 г.⁴ В данном случае Русская марка является хоронимом, обозначающим населенную восточными славянами область в предгорьях Карпат, где сходились окраины раннегосударственных образований: Чехии, Руси, Польши и Венгрии.

Дискуссиям исследователей относительно реальности Русской марки, совпадавшей, с точки зрения ее локализации, с Подкарпатской Русью, посвящено много места в рассматриваемом разделе (с. 96–111). Поскольку автор этих строк — один из наиболее активных сторонников концепции о Русской марке как исторической реальности, М. Волощук много внимания уделяет критике моих работ, пытаюсь не столько доказать ошибочность моих выводов, сколько указать на ненадежность привлекаемых мной источников и непопулярность мнений тех авторов, на работы которых опирается автор этих строк. М. Волощук рассуждает о Русской марке как бы на «макроуровне», анализируя дошедшие до нас сведения о других средневековых европейских «марках», т. е. пограничных областях, из чего делается вывод о крайне малой вероятности существования такой области на границах

⁴ Vita Chonradi archiepiscopi Salisburgensis / Ed. G. H. Pertz // MGH SS. Hannoverae, 1854. T. XI. P. 74.

юго-западной Руси. Между тем вопрос о том, называлась ли эта область Русской маркой на протяжении веков или только в правление Иштвана II (1116–1131), с которым связано единственное упоминание о ней, является второстепенным. В данном случае важно не название этой области, а сам факт проживания здесь восточных славян до и после прихода венгров.

Моя концепция существования Русской марки постоянно уточняется по мере привлечения все новых источников и постановки новых вопросов к уже привлеченным свидетельствам. М. Волошук же, как правило, рассматривает мои работы по отдельным аспектам ранней истории русинов, не оценивая в целом обобщающие работы автора этих срок. В рецензируемой книге не учтены выводы моей монографии, вышедший в свет фактически в том же 2014 г.⁵, когда был издан рецензируемый труд, и последующих статей. Не отвлекаясь на подробности нашей полемики, хочу отметить, что среди исследователей далеко не все разделяют мнение о недостоверности материалов, в которых содержатся предполагаемые сведения о Русской марке. Например, вопрос о том, издавал ли папа Иоанн XIII в 967 г. буллу об организации Пражского епископства, текст которой приведен в «Чешской хронике» Козьмы Пражского, остается открытым, несмотря на то что ряд исследователей объявили доказанным то, что она является более поздней подделкой. В академической многотомной «Истории Чехии», написанной на рубеже XX–XXI вв., есть ссылки на буллу как на реальный документ⁶.

Совершенно справедливо указывать на то, что сведения чешского хрониста Пшибика Пулкавы из Раденина, жившего в эпоху правления Карела I, более известного как германский император Карл IV (1346–1378), о том, что славянский первоучитель св. Кирилл был русином и вел богослужение на славянском языке, вызывают сомнения в их правдивости, по крайней мере первое из них. Но в данном случае возникает закономерный вопрос: почему в эпоху подчинения восточного славянства власти ордынских ханов и литовских князей в Чехии *подчеркивалось* (вопреки исторической правде) русинское происхождение солунских братьев? На этот и другие многочисленные вопросы, встающие при работе с источниками, сохранившими сведения о возможном проживании предков современных подкарпат-

⁵ См.: Юрасов М. К. Подкарпатская Русь — одна из колыбелей христианства у восточных славян. Очерки ранней истории русинов. Saarbrücken: Sanctum, 2013. Книга вышла в свет в 2014 г.

⁶ Profantová Nad'a. Přemyslovský Český stát. Politické dějiny // Velké dějiny zemí koruny české. Praha, 1999. Sv. I. Do roku 1197. S. 301.

ских русинов на Верхней Тисе, критики концепции о Русской марке ответа не дают.

Серьезной методологической ошибкой исследователей, категорически отрицающих исконное проживание восточных славян за пределами Восточной Европы, является их непоколебимая убежденность в том, что проживание той ли иной этнической группы на определенной территории должно подтверждаться местной топонимией. Это утверждение истинно лишь в случаях переселения данной группы на чужие земли, где она остается компактной общностью. Трудно ожидать появления на исторической родине русской народности топонимов типа «Русская деревня». В связи с этим актовый материал не может служить источником для ответа на вопрос о распространении восточного славянства на северо-восточные области Карпатской котловины до прихода мадьяр.

Заслуживает высокой оценки общий анализ материала источников на тему «Русь» и «Галичина» в понимании и воспроизведении средневекового венгерского документа: этнопсихологические стереотипы, самоидентификация, ментальность», чему посвящен параграф 2 раздела 2 книги М. Волошука (с. 112–125). Правда, здесь вновь подчеркивается эпизодичность переселений русских в Венгрию до конца XII в., но при этом рассматриваются проблемы соотношения понятий «Русь» и «Галиция» в различных источниках. В этом же параграфе приведены примеры употребления в венгерских источниках этнонимов «русь» и «русские» в различных модификациях применительно к реалиям конца XII — XIV в., которые показывают, что, несмотря на сведение русско-венгерских отношений в указанное время главным образом к борьбе венгерских королей за присоединение Галицкого княжества, король и его окружение воспринимали Галич как часть Руси, и венгерское войско, по версии официальных источников, совершало походы на Русь, а не на Галич.

Параграф 3 раздела 2 рецензируемой работы носит название «Функциональные обязанности и социальное положение русских поселенцев в Венгрии (XII–XIV вв.)» (с. 126–141). Здесь приведена сводка упоминаний в актовом материале имен русских, находившихся на службе у венгерских королей, с указанием их должностей, после чего рассмотрены каждая из таких должностей («сверху донизу») и кто из русских ее занимал. По данным М. Волошука, самыми высшими постами, которых достигали русские в Венгрии, были воевода и вице-воевода Трансильвании. Некоторым удавалось стать ишпанами (комесами — управителями королевских замковых округов — комитатов). Значительное количество входило в состав низшей знати —

королевских сервиентов, иобагионов замков, «сыновей иобагионов», придворной челяди, местных королевских чиновников, судей, представителей интеллектуальных специальностей, духовенства, купцов. Такая подробная и полная классификация была проведена впервые в истории изучения русско-венгерских отношений в Средние века.

Последующие разделы книги М. Волощука (3–6) представляют собой свод сведений биографического характера, в котором под разными рубриками рассматриваются в хронологическом порядке упоминания в различных источниках лиц русского происхождения. Здесь так же, как и в предыдущем разделе, исторические личности располагаются по степени понижения уровня их знатности. В разделе 3 (с. 142–209) помещены биографии лиц, русское происхождение которых не вызывает сомнения у автора рецензируемой работы.

В первом параграфе этого раздела рассматривается упоминание в одном из дипломов, датированном 1166 г., «Русского графа» (Ruten Comes), который, по мнению М. Волощука, мог появиться при дворе Арпадов во время борьбы за венгерский престол в 1162–1163 гг., когда девери вдовствующей королевы Евфросиньи Мстиславны лишили трона ее сына Иштвана III (с. 145). Эта гипотеза заслуживает самого серьезного внимания, поскольку до сих пор у нас не было никаких сведений об обращении Евфросиньи в те годы к своим русским родственникам. Основную же часть рассматриваемого параграфа занимает биография Владислава Кормильчича (с. 145–174). Перу М. Волощука принадлежит несколько работ, посвященных проблеме идентификации названного галичского боярина с упоминающимся в венгерских королевских дипломах Владиславом Русским (Ladislaus Ruthenus). Несмотря на то что полностью доказать это тождество на основании имеющейся в нашем распоряжении информации источников вряд ли возможно, оно имеет большую степень вероятности.

В параграфе 2 раздела 3 рецензируемой работы (с. 175–179) приведены сведения о трех клириках XIV в. (Бернарде de Laci, канонике одной из проживавших в Венгрии общностей русских; галичском епископе Артемии, бежавшем в 1242 г. вместе с белзским князем Ростиславом Михайловичем в Венгрию; клирике Павле Русском (Paulus Orros)). Хотя в реальности этих исторических персонажей вряд ли можно сомневаться, по мнению М. Волощука, скудные свидетельства источников не позволяют предположить существование системы церковного управления русскими, проживавшими во владениях Арпадов (с. 179).

Значительно больше сведений сохранилось о представителях русской служилой знати в средневековой Венгрии, военной и занятой в куриях и канцеляриях. Биографиям этой группы королевских

служащих посвящен параграф 3 раздела 3 рецензируемой работы (с. 180–201). Здесь рассматриваются 16 персонажей, о которых сохранились сведения в источниках: четыре боярина (Юрий Витанович, Глеб Поткович, Владислав Витович, Жирослав) и менее знатные лица, находившиеся на королевской службе.

Последний параграф раздела 3 посвящен этническим общностям русских, о которых сохранились упоминания в королевских дипломах (с. 202–209). Их всего три плюс упоминание русского кладбища в дипломе, датированном 1254 г. Русинский историк Г. Стрипский в межвоенную эпоху обратил внимание на последнее свидетельство, считая его доказательством переселения русских во владения Арпадов, но, по мнению М. Волощука, это кладбище могло появиться для захоронения русских воинов, погибших в 1241 г. при обороне Верецкого перевала, через который главные силы Бату-хана вошли на территорию Венгрии (с. 206). К сожалению, в рецензируемой работе не рассматриваются сведения о селении Надь-Ороси (Большое Русское) в комитате Ноград, сообщаемые венгерскими авторами XVI в. М. Олахом и М. Иштванффи, о том, что в этом селении проживали королевские телохранители русского происхождения и что традиция использования уроженцев юго-западной Руси в качестве дворцовой стражи идет от Калмана Книжника (1095–1116), женившегося на дочери Владимира Мономаха Евфимии в 1112 г.⁷

Специальный (4-й) раздел рецензируемой книги посвящен тем личностям, которые упоминаются в дипломах в форме «прозванный русским» (*dictus Orus*), что вызывает проблему их этнической принадлежности (с. 210–251). Исследователь выделил 28 таких персонажей. Они принадлежат к разным слоям населения, от низшей служилой знати до ишпанов. При рассмотрении данных источников об этих людях М. Волощук старается привлечь не только прямые и косвенные свидетельства, но иногда и общие соображения, позволяющие предположить принадлежность данной личности к русским жителям Венгрии.

Раздел 5 рецензируемой книги называется: «Гипотетически лица с именами русского/галицкого происхождения. *Personae nomine Ruth/Rus/Ruz*» (с. 252–283). Он разделен на две части: «Вероятные» (19 лиц, с. 252–277) и «Маловероятные» (12 лиц, с. 278–283). Здесь также встречаются представители различных слоев населения, от служанки-русинки (*Ancilla Rusynth*) до ишпана, бояра и аббатисы, и привлечены

⁷ См. об этом: Юрасов М. К. Последствия женитьбы Калмана Книжника на Евфимии Владимировне для освоения русскими Закарпатья // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 3 (29). С. 129.

все возможные материалы для обоснования позиции автора относительно степени вероятности их русского происхождения.

Последний, 6-й, раздел рецензируемой работы, названный поллатыни *Disputatio* 'рассуждение' (с. 284–389), составляют биографии трех ярких исторических деятелей — боярина Судислава, Петра Петене и Дмитрия Дядьки. При этом Судислав *de genere Ludan*, возможно, идентичен боярину Судиславу, о котором много написано в Галицко-Волынской летописи в связи с борьбой за наследие Романа Мстиславича, шедшей с 1205 по 1234 г. Посвященный Судиславу параграф — самый объемный (с. 284–359). М. Волошук не только детально разбирает сведения о Судиславе в русских и венгерских источниках, но и приводит пять оснований для отождествления двух Судиславов, летописного и встречающегося в актовом материале. Все это заслуживает самого серьезного внимания. Кроме того, в этом параграфе рассматриваются сведения источников о детях Судислава *de genere Ludan*.

Что касается Петра Петене, который в начале своей политической карьеры получил ряд земельных пожалований от основателя Анжуйской династии в Венгрии Карла Роберта (1310–1342), а потом изменил своему королю, то его личность уже давно является предметом научных дискуссий относительно его этнической принадлежности. Некоторые русинские историки считают его русином, в то время как часть их украинских коллег — уроженцем Галицко-Волынской земли. Рассматривая все дошедшие до нас сведения о магистре Петре (с. 360–380), автор рецензируемой работы оставляет вопрос открытым, считая недостаточно доказанной саму принадлежность Петра Петене к русской народности.

О Дмитрии Дядьке (Детько), который в королевских дипломах назван «командиром русских» (*capitaneus Ruthenorum*), известно значительно меньше, чем о предшествующих персонажах рассматриваемого раздела, поэтому посвященный ему параграф — самый краткий (с. 381–387). Начало политической карьеры Дмитрия, скорее всего, пришлось на эпоху Карла Роберта, но он продолжал служить венгерской короне и при Лайоше (Людовике) I Великом (1342–1382). Исследователи давно обратили внимание на подчеркивание в одном из выданных Лайошем в 1344 г. дипломов вассальной зависимости Дмитрия от венгерских королей. По мнению М. Волошука, это не может однозначно свидетельствовать о том, что Дмитрий был вассалом венгерского короля. Он известен как опекун галицкого князя Юрия-Болеслава II и фактический правитель Галицкой земли в 40-х годах XIV в., успешно отражавший нападения ордынцев и попытки венгерских королей распространить свою

власть на юго-западную Русь. Автор рецензируемой работы оставляет этот вопрос открытым.

К сожалению, в рецензируемой работе не нашлось рубрики (а значит, и места) для свидетельства о «доме русского» (*domus Ruteni*), находящемся в привилегии, данной в 1177 г. Белой III соборному капитулу г. Арад⁸. Этот документ интересен тем, что показывает распространение русского населения в то время вплоть до южновенгерского комитата Темеш, где находился Арад. Отсюда до границы с Русью нужно было пройти с десятков комитатов, и появление здесь русской семьи вряд ли говорит в пользу того, что она, бежав из Руси, брела «куда глаза глядят», пока не нашла приюта в южной Венгрии. Скорее всего, рассматриваемый факт свидетельствует о постепенном расселении русских во владениях Арпадов на протяжении длительного времени, по крайней мере всего XII в.

В итоговых выводах исследования (с. 390–395) М. Волошук подчеркивает сложность локализации «Русской земли» в эпоху становления государственности у восточных славян, но решительно заявляет об «отсутствии серьезной исторической аргументации» и «надежной источниковой базы» для утверждения о проживании русинов в Закарпатье в VIII–IX вв. (с. 390). Автор рецензируемой работы совершенно справедливо разделяет переселение русских бояр в Венгрию, где они вливались в ряды местной высшей знати, и миграции тех, кто пополнял ряды военно-служилого сословия. Последние создавали поселения с русскими топонимами «на территориях современных Словакии, Румынии, отчасти — восточной Венгрии и украинского Закарпатья. Не по историческим причинам они отделяли свою идентичность от генетически близких украинцев. Такое могло произойти и через потерю знаний о путях попадания их предков в Венгрию» (с. 393).

Лиц русского происхождения, находившихся в Венгрии в названную эпоху и зафиксированных источниками, М. Волошук делит на четыре группы (с. 393–394): 1) бесспорно русского происхождения — 27 носителей идентичности *Ruthenus*; 2) основатели сел с русскими названиями; 3) «прозванные русскими» — 29 лиц; 4) «представители галичской (а также, возможно, волынской и черниговской) знати “нерусской” этничности, основатели в Венгрии родов благодаря торговой и ремесленной деятельности». Таких насчитывается вероятных 19 лиц и маловероятных — 12 (с. 394). Автор рецензируемой книги подчерки-

⁸ См.: *Borsa I. III. Béla 1177. évi privilegiuma az aradi kaptalan számára // Leveltári Közlemények. XXX (1962). 213. l.*

вает, что среди многочисленных народностей, представители которых переселялись в Венгрию в Средние века, русские были одними из наиболее активных. Он также отмечает, что, в отличие от немецких переселенцев, знатные лидеры которых стремились отразить в геральдике память о своем иноземном происхождении, русские бояре не уделяли этому никакого внимания (с. 395).

В абзаце, завершающем итоговые выводы своего исследования, М. Волощук признается, что его работа является лишь введением в обозначенную в ее названии проблематику, а в конце самой последней фразы заявляет о своем намерении «четко и безапелляционно дать ответ на вопрос об этничности общностей, ныне называемых русинами, — были они автохтонами современного Закарпатья как минимум с VIII–IX вв. или начали формироваться благодаря плавным межэтническим процессам XIII–XIV вв.» (с. 395). Все это вселяет уверенность в то, что автор рецензируемой работы подвергнет более глубокому анализу материал ранних источников, «внимая равнодушно» политическим установкам, наложившим свою печать, в той или иной степени, на развитие исторической науки во всех государствах бывшего СССР. Правда, вряд ли, учитывая скудость и характер ранних источников, удастся решить этот вопрос «безапелляционно».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИ	Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.
АСЗ	Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. М.
АСЭИ	Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М.
АФЗХ	Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. М.
ВИД	Вспомогательные исторические дисциплины. СПб.
ВЦИ	Вестник церковной истории. М.
ДДГ	Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
ДРВМ	Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М.
ИЗ	Исторические записки. М.
ИКРЗ	История и культура Ростовской земли. Ростов.
ИОРЯС	Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук (Академии наук СССР).
НПЛ	Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей.
РД	Русский дипломатий. М.
СКЦР	«Степенная книга царского родословия» по древнейшим спискам: тексты и комментарий. М.
СР	Средневековая Русь. М.
ТОДРЛ	Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (АН СССР).
ЧОИДР	Чтения в Обществе истории и древностей российских. М.
ЯПВ	Ярославский педагогический вестник. Ярославль.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

Статьи

Флоря Б. Н.

Крестьянские переходы в Северо-Восточной Руси в середине — второй половине XV века	7
---	---

Кулешов Вяч. С.

Золото и паволоки, серебро и комони: царская экономика государства Святослава Игоревича в сравнительном освещении	17
---	----

Майоров А. В.

Германский король Филипп Швабский в русских источниках	23
---	----

Келембет С. Н.

Тарусское княжество и его уделы	69
---------------------------------------	----

Городилин С. В.

Кульť св. Федора Ярославского: социальный и политический контексты возникновения и развития	125
--	-----

Печников М. В.

Иван III и новгородский розыск 1487–1490 гг. Ч. 1	181
---	-----

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.

Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси	241
--	-----

Рецензії*Юрасов М. К.*

Волощук М. «Русь» в Угорському королівстві (XI — друга
половина XIV ст.): суспільно-політична роль, майнові
стосунки, міграції. Івано-Франківськ: «Лілея-НВ», 2014 281

Список сокращений 293

Научное издание

СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ

Выпуск 13

Издательство «Индрик»

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other INDRIK publications may be ordered by

www.indrik.ru

or by tel./fax: +7 495 938-01-00

**Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5**

Формат 60×84 1/16. Печать офсетная.

18,5 п. л. Тираж 300 экз. Заказ 3214

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский печатный двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(499)270-73-59